

БОГДАНУ ХМЕЛЬНИЦЬКОМУ
ЄДИНА ПЕРЕМІЖНА
РОСІЯ

МАЛОРОССЫ VS УКРАЙНЦЫ

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МАЛОРОССЫ VS УКРАИНЦЫ

Украинский вопрос
в науке, государственной
и культурной политике
Российской империи и СССР

ОЧЕРКИ

МОСКВА
2018

УДК 323.1
ББК 66.5(2)
М19

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН*

Исследование и издание осуществлено по гранту РФФИ ОГН
«Исторический опыт
национальной и культурной политики Российской империи
и Советского Союза в отношении Украины и ее населения»
(проект № 16-01-00395а)

Редколлегия:

Е.Ю. Борисёнок,
доктор исторических наук
М.В. Лескинен,
доктор исторических наук

Рецензенты:

О.В. Петровская,
доктор исторических наук
М.А. Робинсон,
доктор исторических наук

М19 **Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР.** Очерки. Колл. монография. — М.: Институт славяноведения РАН, 2018. — 528 с.

ISBN 978-5-7576-0421-3

DOI 10.31168/0421-3

В очерках анализируются содержание и особенности государственной политики по регулированию этнополитических процессов на украинских землях, а также рассматривается реакция российского общества на социокультурные изменения в украинском этническом пространстве и интерпретации так называемого «украинского проекта».

УДК 323.1
ББК 66.5(2)

На обложке:

Памятник гетману Богдану Хмельницкому в Киеве, 1888
(скульптор М.О. Микешин, архитектор В.Н. Николаев). Почтовая открытка начала XX в.
Большой Герб Российской империи, утвержденный Александром II, 1882
(автор – Б.В. Кёне, художник – А.И. Шарлемань)

ISBN 978-5-7576-0421-3

DOI 10.31168/0421-3

© Коллектив авторов, 2018

© Институт славяноведения РАН, 2018

Содержание

Введение

- «Украинский вопрос» в системе исторических и политических координат: Российская империя и Советский Союз
(*Е.Ю. Борисёнок, М.В. Лескинен*) – 7

Очерк 1

- Малороссия и малороссыяне в Российской империи в XVIII в.: стратегии интеграции
(*С.С. Лукашова*) – 53

Очерк 2

- Возникновение научных представлений об общности русского народа: вопросы исторической топонимии и этнонимии (последняя треть XVIII — первая половина XIX в.)
(*М.В. Лескинен*) – 101

Очерк 3

- «Земля, текущая медом и молоком»: украинские земли Правобережья в представлениях региональных элит и политике имперских властей в первой половине XIX в.
(*О.А. Остапчук*) – 157

Очерк 4

- Историко-этнографические и лингвистические исследования XIX в. и их влияние на эволюцию представлений о «едином русском народе»: история племенных классификаций и научная аргументация
(*М.В. Лескинен*) – 205

Очерк 5

- Меж двух империй:
внешнеполитический аспект
украинского вопроса в контексте
российско-австрийских отношений
(*М.Э. Клопова*) – 255

Очерк 6

- Галицкие, угорские и буковинские русины
как объект внимания Российской православной
церкви в XIX — начале XX в.
(*М.Ю. Дронов*) – 311

Очерк 7

- Национальная политика большевиков
в отношении Украинской ССР
в 1920-е — 1930-е гг.
(*Е.Ю. Борисёнок*) – 345

Очерк 8

- Украинское население на территории
России / РСФСР в 1917–1933 гг.:
политика украинизации, родной язык,
национальная идентичность
(*К.С. Дроздов*) – 389

Очерк 9

- Проблемы взаимоотношений
между УССР и союзным центром:
от Н.С. Хрущева к Л.И. Брежневу
(1953–1972 гг.)
(*Е.Ю. Борисёнок*) – 437

Очерк 10

- Развитие украинского языка
и история его научного исследования
в советский период
(*Е.Е. Левкиевская*) – 483

Введение

«Украинский вопрос» в системе исторических и политических координат: Российская империя и Советский Союз

Украинские земли в составе Российской империи

22 октября 1721 г. царь Петр I Великий принял титул Императора Всероссийского. Западная граница новой европейской империи — Российской — неоднократно меняла свои очертания. Левобережное Поднепровье вошло в состав Русского государства раньше, в 1654 г., по решению Переяславской рады. В 1686 г. по «вечному миру» между Россией и Польшей вошла в состав России земля Войска Запорожского. Во второй половине XVIII в. после русско-турецких войн 1768–1774 и 1781–1791 гг. частью Империи стало Северное Причерноморье. В 1783 г. была присоединена территория бывшего Крымского ханства, с 1791 г. — южные земли в междуречье Днепра и Буга (так называемая Очаковская область). В 1772–1795 гг. в результате разделов Речи Посполитой земли Правобережной Украины были включены в пределы Российской империи. Другие части современной Украины (Восточная Галиция, Буковина и Угорская Русь) вошли в состав второй империи — участницы разделов польского государства — Австрийской (с 1867 г. — Австро-Венгрии). В XIX в. территория империи Романовых на западе продолжала изменяться: в 1812 г. по Бухарестскому договору была присоединена Бессарабия, в 1815 г. — польские земли, вновь разделенные по Венскому конгрессу.

В Российской империи бытовал ряд терминов для обозначения присоединенных земель. Термин «Украина», известный по крайней мере с XII в., первоначально означал «окраина, окраинная земля», но постепенно стал употребляться в значении «край» или «страна». Как указывает А.П. Пономарев, широкое распространение определение «Украина» получило в XVII в., продолжая функционировать наряду с другими названиями, в частности с наименованием «Малороссия»¹. Последнее употреблялось преимущественно в официальных документах и литературе, причем если в начале XVIII в. под «Малороссией» понимали «приграничную периферийную территорию с домодерной администрацией, нелинейным административно-территориальным делением и неустановившимся названием», то в первой половине XIX в. понятие «Малороссия» обозначало в административной практике территорию двух губерний — Черниговской и Полтавской. К середине века представление о территориальной основе Малороссии постепенно расплывается, и нередко «Малороссия» отождествляется с «Украиной»².

Существовали также другие историко-географические термины — как бытовавшие лишь в определенные исторические периоды, так и закрепившиеся в роли региональных. Согласно В.М. Кабузану³, Гетманщиной называлось историческое ядро украинских земель на левобережье Днепра, ставшее основой Малороссийского губернаторства, созданного в начале XIX в. Слободской Украиной (Слобожанщиной) именовалось административное образование на территории, заселяемой в результате колонизации под контролем русского правительства начиная с XVII в. Понятие «Новороссия» возникает во второй половине XVIII в., определяя область в Северном Причерноморье, и носит

¹ Начало украинской истории // Украинцы. М., 2000. С. 19.

² Галь Б.А. Геоконцепт «Малороссия» на ментальных картах XVIII — первой половины XIX в. // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе. М.; СПб., 2016. С. 8–28.

³ Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века — 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. М., 2006.

нормативно-административный характер. В конце XVIII–XIX в. в Российской империи в качестве официальной административной единицы существовал Западный край, к началу XX столетия состоящий из девяти губерний, три из которых (Волынскую, Подольскую и Киевскую) объединяли в Юго-Западный край.

Как указывает А.И. Миллер, «в Москве и Петербурге предков современных украинцев называли *малороссами* или *малороссиянами*, иногда *рускими* или *руссинами*»⁴. По всеобщей переписи 1897 г. удельный вес малорусов / украинцев в общем населении Империи (в программе переписи имелись вопросы о родном языке и вероисповедании опрашиваемых) составил 17,5 %. Абсолютное большинство их проживало в двух регионах коренного украинского массива (кроме Харьковской губернии) — Левобережной Украины (80,8 %) и Правобережной Украины (75,5 %). В Новороссии малорусы составили 42,9 %. Всего на этих землях было зарегистрировано более 81,1 % всех украинцев Российской империи⁵.

На включенных землях постепенно устанавливались общероссийские стандарты подданства и управления, что не исключало признания этнических и региональных различий. В 1830-х гг. в сознании элиты усилиями министра народного просвещения графа С.С. Уварова постепенно утверждалась идея общерусской нации, которая, как считает А.И. Миллер, «останется доминирующей в русской мысли вплоть до краха империи»⁶. Общерусской идентичности противостоял так называемый «украинский проект», его идеологи считали культурно-языковые различия Украины и России более значимыми, нежели черты сходства.

Украинская версия идентичности вызвала в российском обществе ожесточенные дискуссии о языке, литературе, национальном характере, этническом происхождении

⁴ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 37.

⁵ Там же. С. 260, 262.

⁶ Миллер А.И. Этноконфессиональный фактор в развитии Российской империи (конец XVIII — начало XX в.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. С. 105.

малороссов / украинцев. Усилия официального Петербурга были направлены на поддержание малороссийства как локальной формы общерусской идентичности, а украинское национальное движение рассматривалось как угроза единству имперского пространства.

Национальная политика и «национальные вопросы» Российской империи

Сегодня понятием «национальная политика» принято обозначать совокупность законодательных, административных и идеологических методов и средств государства, направленных на решение так называемых «национальных противоречий» в рамках внутренней политики. Слово сочетание «национальная политика» используют для определения линии взаимоотношений, поддержки и противодействия различных этнонациональных интересов в международной сфере⁷. Подчеркнем, что национальная политика в современном понимании подразумевает целенаправленную деятельность, осознанность реализуемых действий, комплекс отрефлексированных, продуманных и системных мер. В этом смысле применять к Российской империи XIX столетия данную дефиницию не совсем корректно по двум причинам. Первая — содержательная, ибо, по мнению ряда исследователей, национальная политика в своей окончательной и строгой форме выработана не была⁸ — имели место многообразие правовых, государ-

⁷ Общая и прикладная политология. М., 1992. С. 117; Словарь социолитических терминов. М., 2006. С. 141.

⁸ *Мейер М.М.* Национальный вопрос в реформационной и революционной концепциях российского государства первой четверти XIX в. // Из истории реформаторства в России. М., 1991. С. 64–67; *Канпелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 48; *Семенов Ю.И.* Предисловие // Национальная политика в императорской России / Сост. и ред. Ю.И. Семенов. Сборник документов. М., 1997. С. 12–16; *Миронов Б.Н.* Социальная история России: В 2-х т. СПб., 2000. Т. 1. С. 30–62; *Пирсон Р.* Привилегии, права и русификация // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 40; *Бахтуркина А.* «Национальный вопрос» в Российской империи в постсоветской историографии // Русский национализм: социальный и культурный контекст. М., 2008. С. 105–129.

ственных, управленческих форм, сложность и разнопорядковость связей народов и территориальных образований⁹. Российский историк В.В. Трепавлов подчеркивает: «В истории России на протяжении нескольких столетий заметны некоторые характерные особенности, выразившиеся сочетанием, с одной стороны, правительственной административной практики и, с другой — политики в отношении нерусских народов (“национальной политики”). Эти особенности были порождены рядом факторов, главным из которых, очевидно, является этатизм. То есть национальная политика была полностью подчинена интересам государства, осуществлялась в целях обеспечения государственной безопасности — как внутренней (сохранение стабильности и порядка), так и внешней. ... Сказывалось и такое объективное обстоятельство, как чрезвычайно быстрый по историческим меркам территориальный рост Российской державы»¹⁰. Этот территориальный рост формировал специфическую ситуацию, создающую условия для некоторой автономии вновь присоединяемых территорий. Так, например, инкорпорация в состав Империи в последней четверти XVIII в. земель, ранее входивших в состав Речи Посполитой и в значительной мере населенных родственными (по языку и религиозной принадлежности) этносами, фактически растянулась на несколько десятилетий, а российское общественное мнение оказалось перед необходимостью осознания своей собственной идентичности, столкнувшейся с подобным, но не тождественным. Этот процесс отразился, в частности, в языковых трансформациях, иллюстрирующих непростой процесс выработки терминов для обозначения присоединенных территорий, которые вплоть до 1830-х гг. в публицистике и

⁹ Ремнев А.В., Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX в.). Новая перспектива. М., 1997. С. 9.

¹⁰ Трепавлов В.В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX вв. // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 1. С. 61.

ряде официальных документов определялись как «бывшие польские провинции»¹¹.

Правящая бюрократия была вынуждена приспособляться к местным особенностям и специфике социальной структуры этих сообществ, чтобы удержать присоединенные народы и территории. Российское законодательство почти не знало ограничений по национальной принадлежности, действовали ограничения по конфессиональному признаку, и «официальных документов, провозглашавших принципы национальной политики в целом», составлено не было¹². Однако есть основания полагать, что «в этой кажущейся бессистемности и разновариантности окраинного управления и был залог успешности имперской политики, обеспечивающей долговечность существования огромного и многонационального» государства¹³. «В составе Российской державы на протяжении всего четырехвекового периода существовали территориальные подразделения с неодинаковым юридическим статусом... Именно в отношении к “неканоническим” подразделениям осуществлялось движение к стиранию административно-юридических различий», а при Николае II была сформулирована задача слияния окраин с основной территорией¹⁴. Однако задача эта была довольно трудно осуществима, во-первых, из-за размеров присоединенных территорий и численности населения, а во-вторых, ввиду сложностей административного характера — в силу существования собственных принципов общественно-культурного устройства, отличных от российских государственных традиций. В частности, специальных усилий по адаптации к общероссийским условиям

¹¹ О различных аспектах инкорпорации западных земель в тело империи см.: *Thaden E.C. Russia's Western Borderlands, 1710–1870. Princeton, 1984*; он же вводит термин «русификация».

¹² *Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб., 1998. С. 15, 16.*

¹³ *Ремнев А.В., Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России. С. 17.*

¹⁴ *Трепавлов В.В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX вв. С. 61.*

требовали образовательная и языковая сферы бывших польских территорий, тем более что к концу XVIII в. здесь была создана собственная образовательная среда, с которой российским властям приходилось не только считаться, но в течение нескольких десятилетий мириться с ее относительной автономностью в теле империи. Эта ситуация довольно хорошо описана в работах польских историков¹⁵.

Многие народы в составе Империи обладали собственными традициями государственного существования или самоуправления. Именно это, как доказывал В.С. Дякин, «сделало для власти особенно острой проблему выработки государственной идеологии» (особенно в сфере национальной политики) и актуализировало поиски «определенных способов скрепления всех составных частей государства в единое целое»¹⁶.

Другие исследователи также связывают национальную политику и идеологию. Они полагают, что начиная с 1860-х гг. можно говорить об оформлении идеи «единой и неделимой России», в соответствии с которой должно было происходить «сближение или слияние инородцев с русскими», причем формы такого сближения варьировались в зависимости от того, к восточным или западным народам применялась данная концепция: на восточных окраинах сближение виделось как слияние местных культур с русской, на западе страны — как «объединение разнородных элементов». Концепция «слияния» восходила к еще просвещенческой доктрине поглощения «отсталых» народов более развитыми, а с середины XIX столетия ее связывают с русификацией или обрусением¹⁷.

¹⁵ О специфике развития польской системы образования после разделов см., в частности: *Zasztowt L. Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich (od 1795 roku) // Historia i współczesność języka polskiego na Kresach Wschodnich. Warszawa, 1997. S. 203–298; Beauvois D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832. T. I–II. Lublin, 1991. T. II. Szkoły podstawowe i średnie.*

¹⁶ Дякин В.С. Национальный вопрос. С. 19.

¹⁷ Кэмпбэлл (Воробьева) Е.И. «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской политике самодержавия // *Пространство власти:*

Вторая причина, по которой термин «национальная политика» представляется не вполне адекватным, — многозначность прилагательного «национальный»¹⁸. Оно функционировало как в значении политико-правовом, тесно взаимосвязанном с комплексом смыслов «нация», так и в качестве обозначения этнического (племенного, расового, народного). Строго говоря, прилагательное «национальный» образовано от существительного «нация», однако как в XIX в., так и сегодня соотносится со словом «национальность», что также не способствует ясности в понимании терминологии, для которой важны семантические нюансы. Ведь в русском языке сосуществовали и в течение столетия изменяли свое смысловое наполнение заимствованные из европейских языков лексемы «нация», «национальность», «раса» при сохранении бытовавших ранее «народ», «племя», «поколения народа» и созданных лишь в начале XIX в. их русских эквивалентов, таких, как «тип» или «народность». Дополнительную сложность и семантическую многозначность создавало заимствование термина «нация» и/или «национальность» из разных языков (французского, немецкого, английского) в трудах различных общественных и научных деятелей. Таким образом одновременно переносились и традиции первичного словоупотребления, и коннотации, не всегда совпадавшие друг с другом; это приводило к параллельному сосуществованию нескольких «линий», вариантов словоупотребления. Однако сле-

---

исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 207; Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынороднивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири. 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. М., 2005. С. 199–200; Миллер А.И. Русификация или русификации? // Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 54–77.

¹⁸ См., в частности: Миллер А.И. Империя и нация в воображении русского национализма // Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. С. 147–170; Миллер А.И. История понятия «нация» в России // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. В 2-х т. М., 2012. Т. II. С. 34–41; Лескинен М.В. Национальное: наука и политика в Российской империи второй половины XIX в. // Вопросы национализма. 2013. № 3 (15). С. 190–217.

дует подчеркнуть, что трансформацию содержания данные концепты претерпевали и в других языках — вследствие конкретно-исторических процессов (своеобразным рубежом можно считать события, связанные с «весной народов») и эволюции терминов в политико-правовом поле¹⁹. Эволюцию же понятия «нация» в российском политическом лексиконе первой половины XIX в. А.И. Миллер запечатлел в краткой формуле: «от перевода к редактированию, цензуре и политической практике»²⁰.

Наиболее привлекательным для современных исследователей является анализ не самих теорий и доктрин (в том числе связанных с понятием «нация»), а результатов их реализации государством на разных уровнях (социальном, личностном и т. д.). Поэтому ученые обращаются к сравнительному исследованию империй, к реконструкции образов, представлений и стереотипов в этнонациональных культурных традициях²¹. В центре их внимания — тактика и стратегия имперской *власти*, в том числе *язык* бюрократии и права. Так, отмечается, что особую роль в

¹⁹ О соответствующих процессах во французском языке конца XVIII — начала XIX в. см.: *Ревякин А.В.* О понятийном аппарате французских идеологов в сфере национальной проблематики // *Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии.* М., 2001. С. 8–11; *Федосова Е.И.* Французская либеральная мысль первой половины XIX в. о нации и национальном вопросе // Там же. С. 12–21. В польском: *Zieliński A.* *Naród i narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815–1831.* Wrocław etc., 1969; *Kurczewska J.* *Naród w sociologii i ideologii polskiej.* Warszawa, 1979; *Nowak J.* *Naród i narodowość w polskiej myśli romantycznej* // *Naród — Tożsamość — Kultura. Między koniecznością a wyborem* / Pod red. W.J. Burszty, K. Jaskułowskiego, J. Nowak. Warszawa, 2005.

²⁰ *Миллер А.И.* Приобретая необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII — середина XIX в.) // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917).* М., 2010. С. 55.

²¹ Это различие может быть проиллюстрировано рассуждениями историка об изучении «инаковости» — см. *Долбилов М.* Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // *Образ врага.* М., 2005. С. 127–174. Данная концепция автора легла в основу принципиально нового и показавшего свою плодотворность способа рассмотрения истории имперской политики в отношении поляков во второй половине XIX в. См.: *Долбилов М.* *Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II.* М., 2010.

формировании этого *языка* играет полемический момент, рождающийся в столкновении с другими *языками* как традиционными соперниками русского (например, *язык* польской науки и политической мысли), так и с новыми *языками*, формирующимися в самом процессе полемики (в частности, украинским). Одним из первых на эту особенность столкновения и взаимодействия *языков* политики и культуры, используемых для описания украинских земель и украинского вопроса, обратил внимание С. Величенко²².

Кроме того, в современной историографии рассматриваются воззрения отдельных индивидов, что помогает воссоздать интеллектуальную историю русской и нерусской элит. Важно отметить не всегда учитываемую отечественными исследователями социальную двойственность этнических образов народов в России XIX — начала XX в., то есть различия в восприятии крестьянства и представителей образованных сословий. Напротив, зарубежные историки подчеркивают сословные вариации и обозначают методологические особенности их анализа²³.

В последнее десятилетие с развитием междисциплинарных исследований по имагологии взаимовосприятие, образы и стереотипы малорусов / украинцев — в России, а русской культуры и русских — в Малороссии и Украине изучаются подробно и плодотворно²⁴, в том числе автора-

²² Velychenko S. National History as Cultural Process. A Survey of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian and Ukrainian Historical Writing from the Earliest Times to 1914. Toronto, CIUS, 1992.

²³ Хиршхаузен У., фон. Сословие, регион, нация и государство: одновременность неодновременного в локальном пространстве Центральной Восточной Европы. Пример Риги 1860–1914 годов // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 472–501.

²⁴ Первыми совместными (российско-украинскими) научными коллективными сборниками, создававшимися отчасти в рамках прежних научных и идеологических парадигм, стали издания: Россия — Украина: история взаимоотношений / Отв. редакторы: А.И. Миллер, В.Ф. Репринцев, Б.Н. Флоря. М., 1997; Украина и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Фурмана. М., 1997. К принципиально новым по подходам и по содержанию следует отнести работы: Plokhy S. The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, Belarus. Cambridge, 2006. P. 299–353; Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс // «Понятия о России». Т. II. С. 392–443; Екельчик С. Человеческое тело и национальная

ми данного сборника²⁵. Сопоставление взаимных образов и стереотипов (например, малорусов и великорусов / украинцев и русских) необходимо проводить не только на двустороннем уровне, но учитывать общеидеологические или традиционные установки общества в целом. Рассмотреть их в сравнении с другими народами, в особенности с населявшими дореволюционную Россию, — например, со славянскими (поляками²⁶), значит в контексте разработки категорий этничности в Российской империи обнаружить новые грани межнационального противостояния или опыта «примирительной политики»²⁷.

Отчасти этот пробел заполнили работы (главным образом зарубежных ученых), реконструирующие идеологические и правовые нормы Российской империи, а также

мифология: некоторые мотивы украинского национального возрождения XIX века // Изобретение империи: языки и практики / Под ред. И. Герасимова, М. Могильнер, А. Семенова. М., 2011. С. 119–151; *Рябчук М.* Русский Робинзон и украинский Пятница: особенности «асимметричных отношений» // Там, внутри. Практики внутренней колонизации и культурной истории России / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С. 447–477; *Киселев В., Васильева Т.* «Странное политическое сонмище» или «народ, поющий и пляшущий»: конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII — начала XIX века // Там же. С. 478–517. Из научно-популярных книг последнего десятилетия следует упомянуть: *Каревин А.* Русь нерусская. Как рождалась «рідна мова». М., 2006; *Каревин А.* Исторические шахматы Украины. Б. м., 2015; *Беляков С.* Тень Мазепы. Украинская нация в эпоху Гоголя. М., 2016. В них в публицистической и небесспорной форме излагается аргументация модели отношений великорусов к малорусам как к «младшему», но родному брату. Академическую интерпретацию истории Украины предприняли недавно и профессиональные российские историки под эгидой Института всеобщей истории РАН — см.: История Украины. М., 2016.

²⁵ Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008; Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. Тем же авторским коллективом подготовлен сборник «Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе» (М.; СПб., 2016).

²⁶ Об этом см.: *Горизонтов Л.* «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М., 2004. С. 63.

²⁷ Термин, использованный в одной из недавних российских монографий о польском Январском восстании: *Воронин В.Е.* Польское восстание 1863 года. Опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008.

практику и формы репрезентации межэтнических отношений. Их авторы рассматривают особенности парадигмы нации и национального в российской власти и науке и процесс складывания лексикона русской и российской (имперской) идентичностей. Такой подход представляется весьма плодотворным, поскольку процесс формирования собственной идентичности, с одной стороны, и видение «иного» — с другой, неотделимы друг от друга. Сопоставление образов этнического «своего» и взглядов на «своего (то есть имперского) чужого» тесно связано со стремлением выработать единый эмоциональный образ пространства Родины / империи, общей картины ее прошлого, символики и визуального образа-типа человека, «представляющего» нацию. Впрочем, и здесь новые методы связаны с обновленным толкованием некоторых универсальных категорий — например, центр и периферия, регион, окраина и область²⁸.

Таким образом, национальной политикой в общем смысле можно именовать политику в отношении разнородных групп полиэтнического и поликонфессионального имперского организма. Она так или иначе ограничивалась представлениями об этносоциальных общностях, сопоставляемых с цивилизованными просвещенными народами, обладающими литературным языком и традициями государственности. В этом смысле она была именно национальной, а не этнонациональной и не этнокультурной, в то время как представление о различии наций и этносов при отсутствии точной дефиниции нации и понятия «этнос» отчетливо заметны в языке научного описания XIX в.

---

²⁸ Казань, Москва, Петербург: Российская империя под взглядом из разных углов. М., 1997; *Горизонтов Л.Е.* «Большая русская нация» в имперской и национальной стратегии самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*. М., 2001. С. 129–150; *Кэмпбэлл Е.И. (Воробьева)* «Единая и неделимая Россия»; *Барзилов С.И.* Российское историческое пространство в имперском и региональном измерении // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*. С. 10–23.

«Украинский вопрос» в контексте других «национальных вопросов»

Термин «национальный вопрос» и даже «инородческий вопрос» (второй исследователь Российской империи использовали чаще — вероятно, считая его более точным и удобным, нежели «национальная политика в отношении...»²⁹) применялся не ко всем этническим группам. Известны еврейский, польский, остзейский, финляндский, мусульманский — а также стоящие особняком украинский, славянский (во внешнеполитическом аспекте) инородческие вопросы. Каждый из них определяет специфическую сферу соотнесения с триединым русским народом и государствообразующим великорусским этносом. Некоторые совпадали с группой «инородческих» вопросов — однако это не относится к польскому и славянскому. Современные исследователи, изучающие историю «национальных вопросов», склоняются к выводу о том, что «до образования СССР в Российском государстве “национальный вопрос” не имел территориально-административного воплощения ... не было и никакого федерализма, тем более по этническому признаку. ... Одним из главных принципов имперской государственности была надэтничность, предполагавшая верность престолу вне зависимости от языка и вероисповедания»³⁰.

Отдельной и не решенной до сего дня проблемой является понимание некоторых из перечисленных «вопросов» в различных дискурсах на отдельных исторических этапах. Так, польский вопрос на протяжении столетия рассматривался в различных аспектах: во внешнеполитическом контексте — как проблема восстановления польского государства; как вопрос о «польском бунтующем элементе» Царства Польского в связи с событиями 1830–1831 гг.

²⁹ Бахтурина А. «Национальный вопрос» в Российской империи. С. 105–107.

³⁰ Трепавлов В.В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX вв. С. 62.

(то есть в значении «государственно-национальном»); или же как проблема социально-этнических и конфессиональных противоречий на западно-русских окраинах Империи в 1860-е гг.³¹ Разумеется, формулировка «польский вопрос» могла включать и совокупность всех причин «беспокойства» властей, как источник потенциальной нелояльности. Однако симптоматично, что даже в специальных исторических исследованиях, посвященных «польскому вопросу», ученые уклоняются от его точного определения³².

Несколько иначе обстояло дело со «славянским вопросом», определявшимся на разных этапах понимания «народности» и «национальности» в соотнесении с внешнеполитическим курсом Империи. Идея этноязыкового родства и основанная на ней концепция племенного (а в конечном итоге и конфессионального) единства обуславливали апелляцию к «славянскому вопросу» в риторических формулах солидарности, братства, защиты интересов угнетенных народов (по сути, национальных меньшинств). Панславистские проекты с этой точки зрения можно рассматривать как стремление «решить» вопрос путем довольно оригинального в правовом смысле извлечения этих народов из состава иноэтничных государств и «помещения» в единое пространство «славянской империи», в которой, как можно предположить, славяне окажутся частью доминирующей (якобы) этнической группы славян, однако лишь восточных, ибо польско-русские отношения замутняли эту идиллическую перспективу. Несмотря на то что «славянский вопрос» обладал ярко выраженным «внешнеполитическим уклоном»³³, его можно в определенных аспектах расценивать не как этнический в чистом виде, но как национально-государственный. Выработка курса в отношении русинов Галиции в начале XX в. проходила в условиях

³¹ Западные окраины Российской империи / Под. ред. М. Долбилова, А. Миллера. М., 2006.

³² Аржакова Л.М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX в. СПб., 2010. С. 9.

³³ См., например: Неклюдов В.С. Славянский вопрос. М., 1876.

актуализации малороссийской / украинской проблемы и обсуждения идеи «верности» общеславянскому происхождению.

Специфика трактовки малороссийского / украинского вопроса в имперский период заключалась в том, что такая трактовка напрямую зависела не столько от этнического происхождения того или иного идентифицирующегося субъекта или общности, сколько от их представлений об эволюции народа, о формах и критериях его преобразования в самостоятельную нацию. В эпоху Просвещения различия между группами восточных славян рассматривались как геополитическая специфика, обусловленная историей отдельных территорий. В XIX в. признаки своеобразия понимались как внешние (обусловленные климатом и этнографическими — не этническими — особенностями), то есть в определенной степени диктовались примордиалистскими взглядами. Только с середины столетия под влиянием западноевропейских теорий созревает (первоначально — в умах интеллектуальной элиты общества) убежденность в возможности сформировать в массах национальное сознание. При этом важно отметить, что одни и те же элементы культурно-исторического своеобразия или различий (в частности, между великорусами и малорусами) интерпретировались в зависимости от точки зрения ученого — либо как региональная «окраска», подчеркивающая лишь вариации в границах единой русской общности и понимавшаяся как залог крепости общерусской племенной устойчивости и эффективности модернизации пореформенного общества, либо как этническая специфика, что позволяло рассматривать малорусов и украинцев как два народа родственных, близких, но самостоятельных. С. Екельчик пишет: «Нет оснований говорить о полноценной украинской национальной идентичности в то время, но с 1850-х гг. в образованных кругах Правобережной Украины велись острые дискуссии о принадлежности украиноязычных крестьян к современной российской, польской или украинской нации с соответст-

вующими “высокими” культурами и литературными языками»³⁴.

Центральными в этой аргументации стали: вопрос о статусе малороссийского языка / наречия, проблема этногенеза восточнославянских племен и представления об иерархии народов и племен России.

Важнейшей особенностью истории соперничества и борьбы «русского» и «украинского» национальных проектов в Российской империи, столь подробно рассмотренных А.И. Миллером в его самой известной и наиболее авторитетной монографии³⁵, можно считать попытку связать начальный этап формирования украинофильских настроений и идей с «польским вопросом» — который сторонники «единого русского народа» именовали «польской интригой»³⁶. Эта концепция особенно актуализировалась в периоды после восстаний (в особенности Январского), под влиянием насаждавшейся «сверху» полонофобии³⁷, или же в связи с обсуждением псевдоновых концепций этногенеза восточных славян³⁸.

Трудно, таким образом, говорить о единстве мнений по вопросу о дефиниции как «национальности», так и «на-

³⁴ *Скельчик С.* Великий нарратив і його розриви: Україна в російських підручниках з історії та уявленні українських студентів (1830–1900-ті роки) // *Українофіли. Світ українських патріотів другої половини XIX століття.* Київ, 2010. С. 84.

³⁵ *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

³⁶ *Kappeler A.* Russland als Vielvolkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munchen, 1992. S. 179; *Шпорлюк Р.* Украина: от периферии империи к суверенному государству // *Украина и Россия: общество и государство.* С. 55–63.

³⁷ *Долбилов М.* Полонофобия и политика русификации; *Долбилов М.* Поляк в имперском политическом дискурсе // «Понятия о России». Т. II. С. 292–339.

³⁸ См., например, опубликованные в 1870-х — 1880-х гг. российские отклики на работы Фр. Духиньского (об этом: *Лескинен М.В.* Туранская теория Фр. Г. Духиньского и ее критика в контексте складывания концепции «великорусскости» в российской науке // *Славянский альманах.* 2016. № 1–2. С. 164–180; *Неменский О.Б.* Историческая концепция Франтишка Духиньского. Часть первая // *Вопросы национализма.* 2017. № 28. С. 49–65).

ционального вопроса» в российском научном дискурсе XIX в. Даже наблюдаемое в последние годы стремление заместить «национальный вопрос» наименованием «инородческого» свидетельствует о понятийном неразличении этнической и гражданской разновидностей национальных общностей³⁹.

Малорусы в имперской иерархии народов

Отказ от идеи слиянности и единства, отчетливо провозглашавшейся парадигмой имперской политики, вызывал беспокойство государства. Стремление реализовать интересы не только через отстаивание формальной (племенной) инаковости, но и посредством формулирования собственных целей и позиций уже в первое десятилетие XX в. приведет к радикальной смене курса. Однако в политической риторике и поддерживаемой ею историографии (разумеется, в той или иной мере отражавшей несхожие политические взгляды и идеалы ученых) борьба «национального меньшинства» за смену статуса не рассматривалась как неотъемлемое право общностей Империи. Одна из причин этого, на наш взгляд, лежала в иной плоскости — в вопросе о доминантной в этническом, но не в политическом отношении (в этом состоял парадокс) группе, то есть речь шла о русском народе в целом, и великорусах в частности.

Русские как восточнославянская общность численно составляли абсолютное большинство населения Империи, хотя называть их доминирующей группой в западноевропейском смысле нельзя, утверждает А.И. Миллер, и с этим

³⁹ Тенденцию связывать воедино национальное (гражданско-политическое) и этническое понимание сущности национальных вопросов красноречиво иллюстрирует определение (1915) Н.А. Рубакина: «... национальный вопрос есть вопрос о национальностях, точнее говоря, о взаимных отношениях разных национальностей и связанный с этими последними вопрос о расах и племенах. ... Основой национального вопроса служат отличия соматические, а также некоторые другие, связанные с ними, например — язык, нравы, темперамент» (*Рубакин Н.А. Среди книг. В 3-х т. СПб., 1915. Т. 3. Ч. 1. С. 101*).

следует согласиться. «Правящая династия дольше, чем в большинстве европейских государств, сопротивлялась “национализации”, господствующее положение в империи занимало полиэтническое дворянство, а русский крестьянин долгое время мог быть, и был в действительности, крепостным у нерусского, не православного — и даже нехристианского — дворянина. Нация “не правила” и не имела системы политического представительства»⁴⁰. Реализовавшийся в 1870-е — 1890-е гг. проект «создания» великоруса в качестве государствообразующего этноса, еще не будучи завершен, порождал несомненные сложности в трактовке отношений этносов внутри «триединого русского народа»⁴¹.

Известный австрийский ученый А. Каппелер предложил сложную схему иерархии народов Российской империи⁴². В этнической иерархии доминировали сословные категории. Положение определялось инкорпорированностью политических элит в общероссийскую систему и степенью их лояльности. Рассматривая начавшийся после разделов Речи Посполитой процесс объединения элит, исследователь заключает: «Характерно, что украинцы изначально располагались на двух разных ступенях этнической иерархии: украинцы казацкого Гетманата — на второй, а остальные украинцы, лишь в конце XVIII века попавшие под русское владычество, на последней. Высшие круги казачества в конце XVIII века добились кооптации в дворянство империи и тем самым теоретически создали предпосылки для восхождения на первую ступень пирамиды... Происходившая одновременно постепенная аккультурация казачьего дворянства привела, однако, к тому, что малороссы перестали восприниматься центром как самостоятельная этническая группа. Но, поскольку к равноправному теперь

⁴⁰ Миллер А.И. Империя и нации в воображении русского национализма. С. 152.

⁴¹ Об этом см.: Лескинен М.В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016. Гл. 4.

⁴² Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 125–144.

с русским малоросскому дворянству все чаще стали относиться как к русскому, все украинцы бывшего гетманства воспринимались как региональный вариант русских, что вообще лишило их собственного места в этнической иерархии»⁴³. И далее поясняет другие вероятные последствия: «Если бы их признали самостоятельной этнической группой, они скатились бы на нижнюю ступень, как крестьянский народ, покоренный чужой (русской) элитой. Этому способствовало то, что с разделами Польши большое число украинцев попало под русское господство, украинцев, прежде в большинстве своем находившихся в зависимости от польского дворянства и потому стоявших на последней ступени, занимаемой крестьянскими народами. Таким образом в XIX веке в глазах русских массы украинцев стали хохлами, прототипом нецивилизованного крестьянина. Они перестали быть прямым объектом царской политики и воспринимались как функция доминировавшей в регионе польской или, соответственно, русской либо русифицированной элиты»⁴⁴.

Если в первых двух системах с малорусами как православной и русской (восточнославянской) отраслью русского народа вопросов не возникало — они, будучи органической частью триединой общности, находились в центре, то намного более сложным оказывается процесс определения места «поколения» / «отрасли» русского племени (частями такового считали малорусов и белорусов) в третьей из предложенных А. Каппелером иерархий, выстраиваемой по культурным критериям. Именно она, по мнению исследователя, определяла соотношение конфессий, этносов и языков. Каппелер описывает ее через метафору системы концентрических кругов вокруг национального центра — русских как православных славян; на периферийных окружностях помещались наиболее «чуждые» в конфессиональном отношении

⁴³ Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений. С. 130.

⁴⁴ Там же.

народы (нехристианские инородцы), ближе к центру — православные неславяне. В этой классификации задействовано несколько критериев: юридическое разделение, вероисповедание, племенная принадлежность⁴⁵. Таким образом, как констатирует австрийский историк, «украинцы не вычленились и не ущемлялись ни по конфессиональным, ни по расовым соображениям. Это, однако, не означало, что украинский язык и культура и украинский этнос как общность снискали глубокое уважение, напротив, их самобытность не признавалась ... Граница между центральным кругом великороссов и вторым кругом прочих православных восточных славян в XIX веке была нечеткой»⁴⁶.

Проблема заключалась в том, что, несмотря на доминировавшую в имперской науке концепцию о триедином «русском» народе, значение и место каждой из трех частей в его составе были определены как неравные — внутри общности велико-, мало- и белорусов существовала очевидная иерархия. Определенное влияние на место в этой иерархии оказывала оценка отдельных групп в рамках названных этносов по степени их «русскости», или, в терминологии А. Каппелера, «близости к этническому ядру», что напрямую соотносилось с их конфессиональной принадлежностью. Явление, известное на пограничье, когда этническая (национальная) идентичность замещается религиозной, повлияло и на внешнее восприятие белорусов и украинцев-униатов как «нерусских». Специфической в этом отношении была судьба той части украинского (и белорусского) населения Западных губерний, которая к середине XIX в. сменила конфессиональную принадлежность. Для публицистов того времени массовость перехода униатов в православие на бывших польских землях служила подтверждением исконного стремления местных жителей к воссоединению с «русским» племенем; сегодня же этот факт является объектом

⁴⁵ Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 131–133.

⁴⁶ Там же. С. 134–135.

особого внимания исследователей и рассматривается как признак специфического культурно-исторического пути, повлиявшего на формирование представлений о собственной идентичности⁴⁷. Особо следует отметить наметившуюся в последнее время тенденцию к детальному учету региональной специфики различных частей украинских земель, что способствует внесению ряда существенных нюансов в рассмотрение «украинского» вопроса в целом⁴⁸.

Можно согласиться с некоторыми из смоделированных А. Каппелером общих принципов политических и исторических оснований иерархии. Однако в отношении роли таких «культурных» признаков, как язык, «цивилизованность» и «национальный характер», следует отметить, что эти критерии отнесения к иерархии применительно к концу XIX в. исследователь представляет не совсем верно. Их значение было уже вполне точно сформулировано — во всяком случае, в лингвистическом и (в меньшей степени) в этнографическом аспектах. Племена и языку для получения высокого места в иерархии необходимо было обладать рассмотренными выше приметами «полноты» и зрелости, а также играть совершенно определенную роль в государстве. В этом смысле вполне закономерным оказалось произошедшее во второй половине XIX в. столкновение имперских представлений о низком статусе малороссийского наречия и устремлений представителей украинофильского, а затем и собственно украинского движения, рассматривавших язык как один из главных атрибутов нации⁴⁹,

⁴⁷ Лось В. Уніатська церква на Правобережній Україні наприкінці XVIII — першій половині XIX ст.: організаційна структура та культурно-релігійний аспект. Київ, 2013; Radwan M. Carat wobec kościoła greckokatolickiego w zaborze rosyjskim (1796–1839). Lublin, 2001.

⁴⁸ Єршов В. Польська мемуаристична література Правобережної України доби романтизму. Житомир, 2010.

⁴⁹ Вопрос о связи языка и идентичности в западной историографии рассматривается в основном на примере Галиции как наиболее специфичного в этом отношении региона: Brock P. Ivan Vahylevych (1811–1866) and the Ukrainian National Identity // Nationbuilding and the Politics of Nationalism. Essays on Austrian Galicia. Cambridge, 1982. P. 111–149; Magocsi P.R. The Language Question as a Factor in the National Movement // Ibid. P. 220–238.

к его коммуникативной эмансипации. Это заставило власти сформировать особую языковую политику, предполагавшую, в частности, введение ряда ограничений и запретов на использование украинского языка в высоких функциях, чтобы не позволить ему достичь той самой «полноты» и зрелости, в частности, в сугубо лингвистическом плане⁵⁰.

Статус «главного» и нациеобразующего этноса был присвоен только великорусскому народу как основателю московской, а потом и имперской государственности. Стратегии и аргументы полемизирующих сторон дают основание предполагать, что противоречия по ряду научных вопросов (использовавшиеся потом в аргументации совсем иного рода) не всегда были вызваны исключительно политико-идеологическими (национальными) разногласиями, но зачастую диктовались сложностью решения научных задач, недостатком имевшихся сведений и несовершенством исследовательских методик.

На статус доминантной группы, титульной нации в Российской империи по логике данных тенденций должен был быть «назначен» великорусский народ, однако этого не произошло, во-первых, в силу незавершенности формирования его этнонационального самосознания, а во-вторых, по причине жесткой борьбы либералов против так называемого «великорусского шовинизма». В перспективе наступавшего XX века, с его соперничеством национализмов, борьба за права народов, декларировавших себя нациями, не признавалась таковой со стороны социально-политически доминирующей группы Империи. То, что деятели национального украинского движения расценивали как очевидную дискриминацию, рассматривалось властной элитой, независимо от индивидуальной этнической принадлежности, в категориях политической целесообразности, сохранения государственной целостности и «одноплеменного един-

---

⁵⁰ Об этом, в частности, применительно к регулированию сугубо формального на первый взгляд вопроса об использовании шрифта см. *Миллер А.И., Остапчук О.А.* Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике империй // *Славяноведение*. 2006. № 5. С. 25–48.

ства», то есть находилось за рамками этничности. При этом борьба за право на «особость» выражалась в сопротивлении национальных элит имперской власти, не имевшей опоры в титульной нации. То, что национальные (в том числе украинская) элиты воспринимали как русификационные меры, инспирированные русскими и направленные против украинцев как народа, во властных кругах далеко не всегда (во всяком случае, до 1890-х гг.) соотносилось с привычными для современного политического сознания категориями нации, иной культуры и т. п. Для властей предрешающих (в составе которых были и не великорусы) жесткие средства противодействия — в частности, украинскому языку как самостоятельному — зачастую были продиктованы не борьбой с «другим», с этнокультурным субъектом (который просто не рассматривался в этом качестве), а стремлением «привести к порядку» заблудших или соблазненных «внешней» (польской) пропагандой «своих». Необходимо учитывать и концепт «единого русского народа» — сложившиеся в сознании политической элиты и интеллектуалов представления о внутренней целостности, религиозном единстве, а также о незначительности этнокультурных или региональных различий русского (то есть великорусского, малорусского и белорусского) крестьянства⁵¹. На фоне идеи «единого русского народа» взгляды и тем более практика украинских интеллектуалов и деятелей культуры, опиравшихся на убежденность в собственном этнонациональном своеобразии, понимались как искажение, отступление от истинно «народного» (то есть «простонародного») духа. Столь важные нюансы сходства и различий нуждаются в фундаментальном и многоаспектном изучении.

Именно эти особенности во многом запрограммировали национальную политику Советского государства в XX в., основывавшуюся на закреплении этнического типа нацио-

⁵¹ Лескинен М.В. Полемика о нравственности русского народа: проблема документальности и научной достоверности этнографических описаний // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. М., 2018. С. 63–87.

нализма, господством коллективной этнорасовой идентичности над индивидуальной, с абсолютизацией культурно-биологических различий.

«Украинский вопрос» в период преобразования политического пространства полиэтничной империи

XX век принес большие изменения в понимание «национального вопроса» и практику национальной политики. В начале века, после революционных событий 1905–1907 гг., представителями формирующейся национальной элиты были сформулированы требования к официальной власти, существенно различающиеся в зависимости от уровня развития самосознания и политической составляющей национальных движений — от признания национальной специфики до требования автономии.

Несмотря на то что существование формирующейся украинской нации в начале века не нашло широкого признания в российском общественном мнении (некоторые исследователи, как, например, А.В. Марчуков, отмечают недостаточную силу и укорененность движения среди народных масс в дореволюционный период⁵²), официальные власти — и царское правительство, и позднее Временное правительство — вынуждены были реагировать на происходившие изменения. В этот период особую актуальность приобрел вопрос о коммуникативной эмансипации украинского языка. В Государственной думе в 1907–1914 гг. активно обсуждался вопрос о возможности применения украинского языка в различных областях: образовании, судопроизводстве, богослужении), причем идея допущения украинского языка имела среди депутатов как сторонников, так и противников⁵³. Однако на официальном уровне

⁵² Марчуков А.В. Украинское национальное движение: УССР. 1920-е — 1930-е годы: цели, методы, результаты. М., 2006. С. 546.

⁵³ Клопова М.Э. Нужен ли украинский язык в школе? Дискуссии в Государственной думе (1907–1914) // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 282–293.

продолжала поддерживаться идеология общерусского единства, а украинская идея воспринималась как чужеродная и антигосударственная. В определенной степени на позицию имперского центра оказывала влияние международная ситуация: накануне и в годы Первой мировой войны «лозунги освобождения малых народов и их самоопределения обе враждебные группировки великих держав сделали инструментом ослабления изнутри своих потенциальных противников — многонациональных Австро-Венгрии, Турции, России»⁵⁴.

В начале XX века, как отмечает И.В. Михутина, часть российских либералов также видела в украинском движении угрозу государственной целостности и была убеждена, что процесс слияния малороссов и великороссов в единый национальный организм завершился, хотя и усматривала между ними этнорегиональные различия. Но в целом в партийно-политической сфере России в отношении к «украинскому вопросу» наметились изменения: большинство либеральной оппозиции признавало этноязыковую самостоятельность малороссов и сделало принцип их культурно-национального самоопределения своим программным и практическим требованием, хотя многие и не разделяли украинского постулата национально-территориальной автономии. Социалисты-революционеры, отстаивавшие федеративный принцип будущего общественного и государственного устройства, поддерживали украинское движение⁵⁵.

Большевистская фракция российской социал-демократии отстаивала общедемократическое требование «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства», сформулированное еще на II съезде РСДРП в 1903 г. При этом принцип права наций на самоопределение большевики дополнили положением о самоопределении вплоть до государственного отделения, хотя и при-

⁵⁴ Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М., 2003. С. 249.

⁵⁵ Там же. С. 249–250.

зывали не смешивать вопрос о праве на самоопределение с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации, подчеркивая необходимость «тесного союза братских народов» во имя идеалов социалистической революции⁵⁶.

Безусловно, оценка роли национального фактора в революции остается дискуссионной в современной литературе. Тем не менее следует согласиться с мнением А. Каппелера, который подчеркивает: «Национальные движения взорвали Российскую империю хоть и не так, как империю Габсбургов, но все же представляли собой — по крайней мере, с начала XX века — дестабилизирующий потенциал, который в значительной мере способствовал системному кризису царизма»⁵⁷. Другие исследователи признают существование национальных движений и связанных с ними центробежных тенденций, имевших важное значение для судеб различных территорий бывшей Российской империи. Например, А.В. Шубин рассматривает революцию как «комплекс несколько потоков — демократическую политическую революцию, городскую “пролетарскую” социальную революцию, крестьянскую аграрную революцию, национально-политические революции “окраин”»⁵⁸.

В украинском национальном движении вплоть до Первой мировой войны доминировали сторонники автономии, причем диалог с российским имперским центром отнюдь не исключался. Сепаратистские тенденции стали набирать обороты лишь с процессом радикализации революции. Таким образом, украинское движение можно отнести к тем «восточноевропейским» движениям, которые, как подчеркивает Мирослав Грох, изначально не требовали собственного национального государства: «Тот факт, что большинство — не все — этих движений закончилось

---

⁵⁶ Борисёнок Е.Ю. «А что мы знаем о лице Украины?» Украинизация как модель государственной политики в 1918–1941 гг. М., 2017. С. 94–103.

⁵⁷ Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 406.

⁵⁸ Шубин А.В. Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1920 гг. в России и Украине. М., 2013. С. 41.

образованием национального государства, является не органичным исходом их усилий, а результатом воздействия внешнего фактора: распада всех трех мультиэтнических империй в конце Первой мировой войны. К началу войны большинство политиков даже и не мечтало о государственной независимости...»⁵⁹. Таким образом, в украинском национальном движении вопрос о суверенизации актуализировался под воздействием внешнего фактора — распада мультиэтничных империй⁶⁰.

Отмечая специфику межнациональных столкновений в стране в период революции, В.П. Булдаков делает вывод о том, что «окраинный национализм» набирал силу по мере «солдатизации» национальных движений, когда внутри страны происходило увеличение массы вооруженных маргиналов: именно солдатская масса с какого-то момента диктовала украинской Центральной Раде свои правила игры. В то же время окраинный национализм подогревался и аграрным вопросом, «придававшим крестьянскому движению шовинистические формы»⁶¹. Однако «только приход к власти большевиков подтолкнул местных националистов к шагам по национально-государственному отмежеванию от российской анархии»⁶².

Как подчеркивает Р. Марк, «лишь после того, как возможность разрешения украинского вопроса в форме широкой автономии в рамках федеративной, демократичной российской республики, на которую надеялись видные политики Центральной Рады и большинство населения, свелась на нет вследствие октябрьского переворота и претензий на полную власть со стороны Советов, провозглашение независимости

⁵⁹ Хрох М. Исторические предпосылки «национализма» в центрально- и восточноевропейских странах // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. Т. 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. М., 2010. С. 114.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 35.

⁶² Булдаков В.П. Феномен революционного национализма в России // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 215.

УНР сменило национальную парадигму. До этого отделение от России не было среди стремлений, которые поддерживали большинство представителей национального движения»⁶³.

В многочисленных исследованиях, посвященных революции в России, поднимается вопрос о степени зрелости в этот момент украинского движения. Известный специалист в области украинской истории О. Субтельный, чья книга⁶⁴ неоднократно переиздавалась на Украине, приходит к выводу, что с точки зрения внутренних факторов основная дилемма украинцев состояла в том, что «они были вынуждены начинать создание государства, еще не завершив формирование нации»⁶⁵. Впрочем, историк считает, что решающими были факторы внешние: «преобладающая сила поляков» на Западе, «большевистская Россия» — на Востоке⁶⁶. Несмотря на дискуссионность многих положений концепции канадского историка украинского происхождения, следует согласиться, что большевики стали одним из факторов (хотя, конечно, отнюдь не исключительно внешним), определивших будущее украинцев как нации.

Определенный противовес труду Субтельного составляет «История Украины» канадского историка с русинскими корнями П.-Р. Магочи, который предпринял попытку написать «историю страны, а не народа», поскольку «русские, поляки, евреи, карпаторусины, крымские татары, немцы, румыны, греки наряду с другими народами, проживающими на территории Украины, рассматриваются и понимаются как неотъемлемая часть украинской истории, а не просто противники этнических украинцев в их собственной вековой борьбе за национальное выживание»⁶⁷.

⁶³ Рудольф А. Марк. Революція і націотворення: Українська Народна Республіка 1917–1921 роки // Україна. Процеси націотворення / Упор. А. Капелер; пер. з нім. Київ, 2011. С. 297.

⁶⁴ Subtelny O. Ukraine: A History. Toronto, 1988.

⁶⁵ Субтельный О. Україна: історія. Київ, 1991. С. 329.

⁶⁶ Там же. С. 330.

⁶⁷ Magocsi P.R. The Shaping of A National Identity: Subcarpathian Rus', 1848–1948. London; Cambridge, 1978; Магочій П.-Р. Україна. Історія її земель та народів. Ужгород, 2012. С. V.

Национальный вопрос и выбор модели советского государства

При анализе советской национальной политики возникает проблема определения преемственности с линией большевистской партии до революции и в период революции, и сочетания этой преемственности и новаций. Как отмечают исследователи, «национальный вопрос относился в партии большевиков к числу часто обсуждаемых, но при этом не слишком ясных политических проблем»⁶⁸. Политика большевиков по национальному вопросу в период революции была во многом ситуативной, т. е. на ее выработку влияла текущая ситуация — как внутривнутриполитическая, так и внешнеполитическая.

В этом плане «Декларация прав народов России» нередко рассматривают как демонстративное отмежевание от имперской политики царской России и объявление о своей готовности строить отношения с народами на основе равноправия и взаимного уважения⁶⁹. В обстановке нарастающей радикализации национальных движений такая демонстрация была не лишена смысла. По заключению Д.А. Аманжоловой, «доктрина “целокупной России” носила великодержавный характер, и хотя это нельзя приравнивать к провозглашению курса на шовинизм и русский национализм, тем не менее лозунг единства и неделимости страны в ее прежних границах этнополитическими движениями и организациями воспринимался именно как возвращение к дореволюционной политике»⁷⁰.

В национальных движениях как накануне революции, так и в ходе ее, весьма популярна была идея федерации и автономии. Специалисты указывают также на сильные

⁶⁸ Рейман М., Литера Б., Свобода К., Коленовская Д. Рождение державы: История Советского Союза с 1917 по 1945 год. М., 2015. С. 299.

⁶⁹ Там же. С. 205.

⁷⁰ Аманжолова Д.А. Форматирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР: 1920–1930 гг. М., 2010. С. 19.

позиции идеи федерализма в украинских политических программах, причем «федералистское течение сохранило свои сильные воздействия вплоть до самого конца революции»⁷¹. Как пишет Я. Грицак, даже после провозглашения независимости в январе 1918 г. некоторые украинские лидеры критиковали этот шаг как ошибочный и вредный. Более того, отмечая попытки достичь соглашения с русскими (как «белыми», так и «красными») и польскими политическими элитами на условиях федерации, историк делает вывод: «Поэтому не будет преувеличением сказать, что образование Советского Союза было больше украинской, чем русской идеей»⁷².

Если, как замечает Т.Ю. Красовицкая, «в дооктябрьский период большевики призывали к созданию демократического централизованного государства с широкой областной автономией»⁷³, то позднее они вынуждены были обратиться к идее федерации, хотя, по мнению А.Н. Медушевского, к этой модели государственного устройства у создателей СССР было противоречивое отношение: «следуя классово-логике марксистского учения, они в целом негативно относились к федерализму, но оказались вынуждены принять его как тактическую уступку националистическим и сепаратистским устремлениям в регионах распавшейся империи, а также в перспективе продвижения «мировой революции» в колониальных странах. Вопрос о федерализме почти постоянно связывался с реконструкцией национальных отношений и получал поэтому инструментальный характер»⁷⁴. Впрочем, единого понимания,

⁷¹ Грицак Я. Українська революція, 1914–1923: нові інтерпретації // Україна модерна. Ч. 2–3. Львів, 1999. С. 254–269.

⁷² Там же. С. 268.

⁷³ Красовицкая Т.Ю. Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1922) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. С. 151.

⁷⁴ Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017. С. 263.

как должна строиться федерация, среди большевистского руководства не было, о чем свидетельствуют дискуссии в период выработки Конституции 1918 г. При определении конструкции будущего государства для нового руководства страны важно было понять, как соотнести идеи федерации, советизации и национализма⁷⁵. Выдвигались территориально-производственная, корпоративистская и национально-территориальная концепции, причем в итоге в ходе многочисленных дискуссий возобладал именно национальный принцип административно-территориального устройства. Следует признать, что вопрос о статусе и иерархии национальных образований был для большевиков непростым: среди них были сторонники как «автономизации», так и сторонники включения конфедеративных принципов в построение государства, понимаемого как мирового союза коммунистических государств. Впрочем, как замечает Т.Ю. Красовицкая: «Формально принимая ленинский подход к федеративному устройству, большевики реально проводили курс на создание унитарного государства и последовательное сворачивание прав республик до уровня автономий, как и планировал Сталин»⁷⁶. Конструирование Советского Союза в федеративной форме и централизаторские методы управления при сохранении единства партии дают исследователям основание для заключения о наличии противоречий между правовыми нормами и практикой политической системы.

Именно национально-территориальный принцип построения федерации стал основой для разрешения национального вопроса большевиками. Следствием этого стало утверждение этнонационального принципа как категории индивидуальной идентичности. Принцип этнической национальности («народности») был введен через кате-

⁷⁵ См. подробнее: *Медушевский А.Н.* Политическая история русской революции. С. 167–214.

⁷⁶ *Красовицкая Т.Ю.* Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. С. 185.

горизацию населения в переписи 1926 г.⁷⁷ Как считает В.А. Тишков, именно с этой переписи «была затверждена этнонациональность как всеобщий атрибут личности»⁷⁸. В первой всеобщей переписи населения 1897 г. содержался пункт о родном языке и вероисповедании, именно эти показания использовались для выводов об этническом составе населения Российской империи. К переписи 1926 г. был составлен Перечень и словарь народностей. В перечне народностей под вторым номером, вслед за русскими, значились украинцы⁷⁹.

Международные правовые нормы решения национального вопроса и советская политическая практика 1920-х гг.

В ходе Первой мировой войны и революции в России национальный вопрос вышел на новый уровень. Ярким проявлением изменившейся ситуации было активное оперирование в политико-правовом поле понятиями, относящимися к национальной сфере. В юридическую лексику прочно вошли термины «нация», «национальное меньшинство», «автономия», «федерация» и др. Особое звучание стал приобретать принцип «право наций на самоопределение». О самоопределении наций говорили еще на Берлинском конгрессе 1878 г. Более широкое распространение это понятие получило в начале XX века, и особенно в ходе войны, особенно после речи В. Вильсона перед американской Лигой насаждения мира 27 мая 1916 г. Тогда впервые прозвучали новые принципы международных отношений, в числе которых значилось право всякого народа «выбирать ту верховную власть, под которой он бу-

⁷⁷ Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 182.

⁷⁸ Там же. С. 183.

⁷⁹ См. Борисёнок Е.Ю. Из малороссов — в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 177–178.

дет жить»⁸⁰. В ходе мирных переговоров после окончания Первой мировой войны стало очевидно, что право наций на самоопределение не носит универсальный характер, допуская «исключения из него для определенных национальных групп населения, предлагая взамен предоставить им статус национальных меньшинств, защищаемых международным правом»⁸¹. Лига наций, институт международной защиты национальных меньшинств и Международная организация труда должны были, как подчеркивает российский исследователь Г.Ф. Матвеев, «обеспечить прочный мир во всем мире, а также создать условия для разрешения внутренних конфликтов в государствах, порождаемых различиями в национальной принадлежности или социальном статусе их граждан»⁸². Историк убедительно доказал, что «принятие принципа международной охраны прав меньшинств означало, что процесс становления новой нормы международного права — права наций на самоопределение — остановился на полпути, этим правом позволили воспользоваться только отдельным народам», что создало основу для обострения межнациональных отношений в Восточной Европе⁸³. В то же время выработка правовых норм в области национальных отношений сделала очевидной тенденцию к преобразованию восточноевропейского политического пространства по национальному признаку. Так, советская власть руководствовалась уже выработанной к тому времени юридической базой.

Заявив о праве наций на самоопределение, большевики применили национальный принцип построения госу-

⁸⁰ Матвеев Г.Ф. Из истории вопроса о праве наций на самоопределение в годы Первой мировой войны // *Studia Slavica et balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 178.

⁸¹ Матвеев Г.Ф. Институт защиты национальных меньшинств Лиги наций и его место в становлении международной нормы самоопределения наций // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2016. Т. 7. Вып. 5 (49) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001564-9-1> (дата обращения: 28.02.2018). DOI: 10.18254/S0001564-9-1.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

дарства, дабы достичь «свободного союза свободных наций». Была произведена кодификация правовых норм, касающихся национального аспекта государственной и общественной жизни. Прежде всего, национальный принцип государственного устройства обусловил создание системы национальных административно-территориальных образований. Причем речь шла не только о национальных и автономных республиках, но о целой пирамиде образований, распространившейся вплоть до мелких национально-территориальных единиц (национальных советов) с установлением иерархии статусов образований различного уровня. При этом, по замечанию американского историка Т. Мартина, «украинская система национального районирования предусматривала создание максимально возможного количества национальных советов, причем максимально возможной должна была быть и процентная доля входящего в каждый совет каждого национального меньшинства»⁸⁴.

В 1920-е годы на законодательном уровне был закреплен статус национальных языков (язык «коренной национальности» республики, язык национального меньшинства) и определяются сферы их функционирования. В правовых документах подробно определялся выбор языка в межэтническом общении в рамках национальных и территориальных образований: на каком языке (или языках) должно вестись делопроизводство, причем не только внутреннее, но и переписка между различными категориями территориальных единиц⁸⁵.

Безусловно, провозглашенные в конституциях и официальных документах советской власти права и свободы граждан и реальные действия властей нередко различались, а иногда и вступали в противоречие. В данном случае следует иметь в виду как неизбежную корректировку

---

⁸⁴ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М, 2011. С. 104.

⁸⁵ См. подробнее: Борисёнок Е.Ю. «Перевести делопроизводство на родной язык...» Избранные места из переписки в период активного проведения украинизации // Родина. 2014. № 1. С. 117–120.

политических решений в процессе реализации на низовом административном уровне, так и жесткие административные методы сталинского руководства, репрессивные действия против «инакомыслящих» и т. д. Однако очевидно, что в основе СССР как государственного, политического и социального организма лежали принципы, отличные от принятых в Российской империи.

Нациестроительство в Советском Союзе: украинский вариант

В обстановке революции и гражданской войны большевики не только не боролись с актуализировавшейся украинской этнической идентичностью, но и своей политикой создавали определенные условия для ее укрепления. При этом можно, вероятно, говорить не просто об этнокультурной украинской идентичности, но об этнонациональной, поскольку И.В. Сталин — главный специалист среди большевиков по национальному вопросу — с точки зрения современного исследователя, этнизировал нацию или национализировал этнос⁸⁶.

Советская государственная система интегрировала в себя этнонациональный фактор. При этом большевиками была выработана собственная теория нации: «Русские марксисты давно уже имеют свою теорию нации. По этой теории нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры. Как известно, эта теория получила в нашей партии общее признание»⁸⁷. При этом в процесс становления и развития

⁸⁶ См.: Чешко С.В. Распад Советского Союза. М., 2000. С. 196–217.

⁸⁷ Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм: Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим // Сталин И.В. Соч. В 18-ти т. М., Тверь, 1946–2006. Т. 11. М., 1949. С. 333.

нации И.В. Сталин связывал с определенной исторической эпохой — капитализмом, выделяя различные периоды в этническом развитии человечества. «С точки зрения научной, — утверждал Сталин, — можно было такую градацию установить: нация, как более целостное образование, это — понятие эпохи поднимающегося капитализма; национальность — переходная ступень от феодализма к капитализму. Затем, народности, не имеющие командующего класса, — этнографические группы»⁸⁸.

Большевистская политика была направлена на конструирование наций на основе этнических общностей, «приязанных» к определенной территории (союзные республики рассматривались как государственные образования определенной нации). Значение связи нации и территории было весьма велико. Так, Р. Кайзер отметил значение установления границ Украинской ССР, поскольку «территориализация» украинского государства способствовала росту национального самосознания украинцев⁸⁹. Признание права на существование национальной идентичности было подкреплено лозунгом фактического выравнивания наций — как хозяйственного (экономического), так и культурного.

Практическое воплощение позиция большевиков по национальному вопросу получила в политике общесоюзной политики коренизации партийного и государственного аппарата в национальных республиках, официальное начало которой было положено на XII съезде партии в 1923 г. При этом украинский вариант коренизации — украинизация — выделялась по своему размаху и объему. Современные историки признают: «на протяжении всего сталинского периода центральное место в эволюции советской национальной политики принадлежало Украине. Украинский

⁸⁸ Беседа Сталина с украинскими писателями 12 февраля 1929 г. Цит. по.: Шаповал Ю.І. Україна ХХ століття: Особи та події в контексті важкої історії. Київ, 2001. С. 113.

⁸⁹ Kaiser R.J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. New York, 1994.

вопрос стал играть ту же роль, которую в дореволюционной России играл вопрос польский»⁹⁰.

Советская национальная политика в целом и коренизация / украинизация нередко рассматриваются как тактический маневр власти для привлечения поддержки нерусского населения СССР. Об этом еще в 1929 г. заявил У.Р. Бэтселл⁹¹. Множество работ на эту тему было опубликовано в современной Украине, в том числе обобщающее коллективное исследование ученых Института истории Украины⁹². В современной украинской историографии доминирует оценка советской украинизации как реакции на активизацию национальных процессов в стране, как метод советизации духовной жизни, направленный на укрепление правительственных структур в национальных республиках и автономиях.

Между тем весьма продуктивным представляется взгляд на украинизацию как на политику регулирования характера полиэтничного региона. С этой точки зрения украинизация представляет собой «метод национального строительства, целенаправленный государственный курс по утверждению украинского характера социокультурного пространства той или иной территории путем специальной языковой, культурной и кадровой политики»⁹³. Советская украинизация достигла определенных результатов. Большевицское руководство объединило украинские земли в едином государственном пространстве, предприняло меры для развития социальной структуры украинской нации путем создания украинской советской элиты и увеличения численности украинцев в среде рабочих. Протекционистская кадровая и культурная политика приводила к расширению коммуникативной сферы украинского языка, развитию украинской литературы и искусства. При этом корректировка украинизации в условиях централизации

⁹⁰ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 41.

⁹¹ Batsell W.R. Soviet rule in Russia. New York, 1929.

⁹² Українізація 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003.

⁹³ Борисёнок Е.Ю. «А что мы знаем о лице Украины?». С. 6.

и унификации общественной жизни 1930-х гг., служившая цели интеграции советских республик, не означала полной ее отмены: принципы украинизации продолжали действовать в кадровой политике и коммуникативной сфере⁹⁴. Стоит отметить также, что политика украинизации велась и среди украинского населения в РСФСР, о чем существует монография К.С. Дроздова⁹⁵.

По мнению Т. Мартина, чья работа вызвала широкий резонанс в научных кругах, «новая революционная Россия первой из традиционных европейских многонациональных государств оказала сопротивление поднимающемуся национализму, ответив на него систематическим содействием развитию национального сознания этнических меньшинств и созданием для них многих характерных институциональных форм моноэтнического государства»⁹⁶. В связи с этим ученый предложил новый термин для обозначения Советского Союза как многонационального образования — империя «положительной деятельности», имея в виду, прежде всего, такие ее отличительные черты, как «систематическая поддержка внешних форм существования наций — территории, культуры, языка и элит»⁹⁷. При этом оригинальность советской политики заключалась в том, что «она поддерживала внешние формы национальных меньшинств в гораздо большей степени, чем национально-большинства»⁹⁸. Советская власть, по мнению Мартина, решительно отвергла модель моноэтнического государства, заменив его моделью с многочисленными национальными республиками. Большевики попытались объединить выдвигавшееся националистами требование собственной национальной территории, культуры, языка и элиты с требованием социалистов, ставивших своей целью создание

⁹⁴ Борисёнок Е.Ю. «А что мы знаем о лице Украины?». С. 604–619.

⁹⁵ Дроздов К.С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М.; СПб., 2016.

⁹⁶ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 10.

⁹⁷ Там же. С. 28.

⁹⁸ Там же.

экономически и политически единого государства. В этом смысле ученый называет большевиков «интернационалистическими националистами», или, точнее, «националистами положительной деятельности»⁹⁹.

В конечном итоге советская практика в национальном вопросе привела к политизации этнической принадлежности. В системе идентификационной стратегии советской власти (по классовой принадлежности, по национальной принадлежности, по гражданству) была зафиксирована национальность как юридическая категория в личных документах (паспорте, свидетельстве о рождении, военном билете). Иными словами, «национальность фиксировалась по принципу крови, а не культурно-языковой самоидентификации, и являлась неременным атрибутом официальных документов, определяющих позицию личности в социальной среде»¹⁰⁰.

В то же время усилия союзных властей были направлены и на создание идентичности иного порядка — общесоветской, призванной консолидировать население Страны Советов в единую общность. Единство многонациональной страны должны были обеспечивать формулы интернационализма и дружбы народов, закрепленные в системе новых культурных ценностей, внедряемых в сознание населения. Признавая разнообразие национальных культур, руководство страны стремилось придать им единое, социалистическое, содержание, обеспечивая таким образом единство и целостность общего культурного пространства. А. Инкелес даже сделал вывод, что жизненные условия украинца в советской системе и его реакция на эту систему в первую очередь определены не его национальностью, а статусом советского гражданина и принадлежностью к определенному классу¹⁰¹.

⁹⁹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 28.

¹⁰⁰ Эпштейн Д. Советский патриотизм: 1985–1991 // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. В 3-х т. М., 2010. Т. 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. С. 257.

¹⁰¹ Inkeles A., Bauer R.A. The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge; London, 1959.

Логичным завершением консолидационной стратегии союзных властей стал тезис о формировании советского народа как единой общности, официально зафиксированный в Конституции 1977 г. Впрочем, этот постулат не смог полностью заменить установленный в начальный период большевистского правления принцип идентификации населения по национальной принадлежности. Напротив, предпринятые еще в период коренизации 1920–1930-х годов усилия по нациестроительству имели долговременные последствия не только (и не столько) с культурной и языковой точки зрения, но с социальной. Деятельность советского руководства в области «социальной инженерии» по восполнению неполной социальной структуры формирующихся наций принесла свои плоды. В условиях проведенной большевиками «территориализации» нации и внедрения национального принципа в государственное устройство сформировавшаяся советская национальная элита объективно была заинтересована в расширении своих полномочий. Безусловно, действовала она в рамках советской системы, однако, когда эта система стала испытывать кризис и распадаться, национальная элита стала оппонентом союзного руководства, что и сказалось на судьбе Советского Союза.

* * *

Изучение динамики развития российско-украинских отношений — как в прошлом, так и на современном этапе невозможно без исследования влияния национальной политики государства на межэтнические и межнациональные отношения в Российской империи и Советском Союзе в целом. В то же время, несмотря на значительный объем научной литературы (особенно в последнее десятилетие), посвященной исторической интерпретации национальных вопросов в Российской империи и СССР, ее украинские аспекты в российской науке изучены недостаточно. Активное внимание современного украинского общества к данному кругу проблем и очевидная ангажированность определенных кругов в неизбежной для стадии формиро-

вания новой национальной идентичности вызывает необходимость реагирования на появившиеся политизированные концепции и предвзятые оценки.

После распада Советского Союза наблюдается оживление интереса к истории национального вопроса в Российской империи и Советском Союзе и связанной с ним проблемы взаимодействия «центра» с «окраинами». Начавшееся переосмысление истории народов СССР было обусловлено, с одной стороны, процессом создания национальных историй в независимых государствах, с другой — потребностью российских ученых осмыслить опыт прошлого, найти причины распада единого государства. Появилось множество концепций, объясняющих исторические особенности и внеисторические (константные) факторы развития таких государственных образований, как Российская империя и Советский Союз (одним из наиболее репрезентативных отражений спектра историографических и теоретических современных интерпретаций можно считать научно-периодическое издание «Ab Imperio»).

Сторонники концепции российского колониализма оценивают взаимоотношения с окраинами как отношения колонии и метрополии, их противники подчеркивают «цивилизационную» роль Российской империи как в отношении инородцев (т. е. неславянских народов), так и малорусов и белорусов. Дискуссионными можно считать и вопросы о статусе присоединяемых в разное время территорий, о взаимоотношении местных элит и центральной власти, о наличии или отсутствии в законодательстве ограничений по этнонациональному признаку, о культурной и языковой ассимиляции народов, о закономерностях в развитии полиэтничного государства и средствах укрепления государственности, о формировании властного и научного дискурсов, наконец, о влиянии национального вопроса на внутри- и внешнеполитические процессы.

В этой полемике украинская проблематика играет большую роль. Произшедшая после распада СССР так называемая «национализация» истории оказала немалое

влияние и на изучение проблемы влияния государственной национальной политики Российской империи и Советского Союза на русско-украинские отношения. В новейшей украинской историографии, ориентированной на пересмотр принятых в советский период положений, формирование новой концепции истории Украины происходило особенно интенсивно. «Выделение» национальной истории сопровождалось ее противопоставлением считавшемуся ранее общим этнокультурному пространству, что обусловило появление тенденции ее «дерусификации»: положительные трактовки советского периода сменились отрицательными, что в значительной степени затрудняет критическое осмысление спорных вопросов. Необходимо подчеркнуть, что многие исторические исследования — и украинские, и российские, — представляющие себя как научно-объективные (в особенности касающиеся истории XX в.), несвободны от идеологических клише и политической ангажированности. Это приводит к тому, что в украинских работах Россия предстает в образе главного (притом — векового) врага украинской государственности, душиателя украинской культуры, подчеркивается неизменная антиукраинская направленность государственной политики Российской империи и Советского Союза. В российских исследованиях отчетливо заметна, во-первых, замена объективного анализа оценочными суждениями и, во-вторых, выражено явное стремление в изучении национальной политики опираться на законодательные акты и нормативные документы, что приводит к искажению сложной картины многоуровневых социальных и межнациональных отношений.

В современной российской историографии, несмотря на активный интерес к анализу и интерпретации представлений государственной и интеллектуальной элиты об этнонациональной специфике разных частей имперского политического организма, украинские аспекты рассматриваются явно недостаточно. Процесс становления отечественной украинистики идет медленно и не отвечает потребностям ни российской науки, ни общества в целом. Несмотря на

появление ряда интересных работ, многие острые и актуальные вопросы оказываются на периферии исследовательских интересов. Не получила освещения проблема места украинского вопроса среди других «национальных вопросов» Российской империи / Советского Союза в контексте становления этнической идентичности и борьбы за национальное самоопределение. До сих пор мало внимания уделяется анализу механизма государственного воздействия на межэтнические и межнациональные отношения, политике регулирования социальной и культурной ситуации на украинских землях, реакции общественного мнения на проходившие там социокультурные процессы и их отражение в источниках различных жанров.

Нельзя не отметить влияние новых подходов на изучение национальной идентичности и мозаики идентичностей в рамках одного государственно-политического организма. Принято считать, что она «стала результатом синтеза нормативных самоопределений первоначально высокоавторитетных, влиятельных групп, их групповых проекций, идеологических заданий в отношении различных социальных институтов, политических обоснований, образов реальности»¹⁰². Относительно новым направлением в изучении этой проблемы является синтез двух традиций: с одной стороны, ориентированной на анализ способов выражения самосознания элит, а с другой — сфокусированной на формировании осознания принадлежности к определенному сообществу (региональному, этническому, политическому) «снизу». При таком подходе одновременно анализируются методы, при помощи которых элиты пытаются навязать язык социального и политического подчинения «народу», а с другой — способы, которыми «народ» реагирует на эти попытки¹⁰³.

¹⁰² Гудков Л. Комплекс «жертвы». Особенности массового восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М., 2004. С. 112.

¹⁰³ О развитии такого взгляда в исследованиях национализма см.: Porter B. Podzwonne dla badań nad nacjonalizmem / Tłum. J. Serwański // *Naród — Tożsamość — Kultura. Między koniecznością a wyborem* / Pod red. W.J. Burszty, K. Jaskułowskiego, J. Nowak. Warszawa, 2005. S. 87; там же глубокий аналитический обзор существующей литературы предмета.

В этом смысле замечание известного украинско-американского исследователя Гр. Грабовича о проблематичности самой формулировки «национальное сознание», сочетающего в себе измерение политического действия (в том числе символического) и целеполагания (например, идеологии), а также измерения (само)сознания (как предпосылки такого действия)¹⁰⁴, обретает особый смысл, если учесть, что политическое действие осуществляется «сверху» разными группами и индивидуумами (в нашем случае российскими / советскими властями, польской элитой и формирующейся украинской) и не всегда опирается на необходимые предпосылки «снизу».

В ряде работ, имеющих страноведческий характер, заметна тенденция отождествлять или не расценивать как значимые отличия *национального* и *этнического*, поскольку в данных исследованиях (главным образом исторических и литературоведческих) изучаются проблемы взаимного видения и восприятия народами друг друга. При этом происходит неизбежный в таких случаях перенос значений современной политической и ментальной карты на прошлое. Ведь Польша, Белоруссия или Украина в XIX веке были частью Империи, границы их были иными, население не воспринималось как этнически, конфессионально и социально однородное. Такое ретроспективное видение характерно для работ о «русском взгляде» на народы Империи. В связи с чем возникает вопрос: кого расценивать в качестве «этнических» и «политических» малорусов / украинцев применительно, допустим, к XIX в.

Безусловно, данная книга не предполагает исчерпывающего решения задач, стоящих перед современной украинистикой. Тем не менее авторы очерков предлагают обратить внимание на несколько блоков проблем.

¹⁰⁴ Грабович Гр. Формування української національної свідомості і питання польських впливів // Belarus, Lithuania, Poland, Ukraine. The Foundation of Historical and Cultural Traditions in East-Central Europe. International Conference, Rome, 28 April — 6 May 1990 / Ed. J. Kłoczowski, J. Pełeński, M. Radwan, J. Skarbek, S. Wyłęzek. Lublin–Rome, 1994. S. 20.

Очерк 1

Малороссия и малороссияне в Российской империи в XVIII в.: стратегии интеграции

При попытке оценить действия властей Российской империи первой половины — середины XVIII в. в области культуры велика вероятность представить разнородные и временами случайные события в качестве единой целенаправленной политики какой-либо политической или социальной группы, определяя, какие интересы были существенными для нее, а какие — нет. Опасной тенденцией может быть и модернизация событий XVIII в., обнаружение в них проявлений «империализма», «колониализма», «национализма» или же отсутствие «толерантности», «мультикультурализма» или «демократии» в современных значениях этих слов.

Рассматривая национальную культуру как некий набор ранжированных черт, свойственных малороссийской / украинской / казацкой и т. д. традиции в XVIII в., исследователь сталкивается не только с собственным субъективизмом, но и с проблемой множественности путей эволюции любого исторического явления.

Наконец, в XVIII в. большая часть культурных институтов (театры, музеи, библиотеки, памятники, система высшего образования и т. д.) находилась в начальной стадии становления. Реконструируя национально-культурную специфику Малороссии XVIII в., исследователи анализируют этнонимы и политонимы, политические идеи, историческую память, язык, литературу и религию, а также все, относящееся к политико-правовой сфере: правовую систе-

му, основанную на Литовском статуте, слияние военной и гражданской администрации в форме гетманата, сословное членение общества¹. Другие ученые акцентируют внимание на особенностях менталитета и «духа нации»: национальном самосознании, чувстве национального единства, «государственной культуре нации», «духе политических субъектов», проявлениях морального императива и пр.², направляя исследование в философско-культурологическое русло.

В настоящем очерке статье автор ставит перед собой задачу не только охарактеризовать основные направления национально-культурной политики Российской империи в Малороссии, но и описать существовавшие конкурировавшие между собой социальные группы, которые в разной мере сознавали, разделяли и ценили черты т. н. национальной культуры, в какой мере они подвергались воздействию со стороны органов центральной власти и как реагировали на это воздействие, а также оценить эффективность инструментов влияния политических институтов Российской империи.

Объектом нашего исследования будет политика имперских властей преимущественно в отношении земель гетманата, поскольку только они обладали политической автономией и могли претендовать на особое отношение в рамках многонационального Российского государства, а затем и империи.

---

¹ *Козут З.* Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної і модерної історії України. Київ, 2004. С. 80–101; *Богачева Л.В.* Культурные традиции как ресурс сохранения и поддержания национально-культурной самобытности: на материалах Малороссии второй половины XVII–XVIII вв.: Дис. ... канд. культурологии. М., 2006.

² *Липинський В.* Україна на переломі 1657–1659 рр. Відень, 1954. С. 39, 126, 187, 246.

Административно-территориальное и сословное устройство украинских земель в XVIII веке

В XVIII в. украинские земли не составляли единого целого. С середины XVII в. они были разделены по Днепру между Речью Посполитой и Россией, исключением являлся правобережный Киев с окрестностями, отошедший к России «Вечному миру» 1686 г. Большая часть земель Правобережья была включена в состав Российской империи только после второго раздела Речи Посполитой (1793).

Левобережье также характеризовалось отсутствием административного единства, причем его региональное членение отличалось крайней неустойчивостью. Земли «гетманского регимента», или Малороссии, включали такие города, как Новгород-Северский, Стародуб, Чернигов, Нежин, Батурин, Глухов, Гадяч, Сорочинцы, Козелец, Переяслав, Лубны, Прилуки и Погар. В течение всего XVIII в. гетманат неоднократно подвергается реформированию, однако его административные границы остаются ненарушенными вплоть до 1764 года, когда Полтавский полк был включен в состав не Малороссийской, а Новороссийской губернии.

Южные полупустые земли, граничащие с Крымским ханством, контролировались запорожскими казаками. Запорожье относительно поздно оказалось в составе Российской империи: формальное присоединение относится к 1733 г., а с 1750 г. Запорожская Сечь переходит в подчинение гетманской администрации³. Как поселение и административная единица Сечь была ликвидирована Екатериной II в 1775 г.

Слобожанщина, заселенная выходцами с северных и западных земель, складывалась вблизи Белгородской засечной черты и прирастала за счет Дикого Поля (погра-

³ Кондрико А.В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в середине XVII — конце XVIII вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 107.

ничной территории между Россией и Крымским ханством). Хотя эта территория и имела региональные особенности, сближавшие ее с гетманатом, но она относилась непосредственно к Российскому государству и в XVII в. находилась под управлением Разрядного, а не Малороссийского приказа. В Слободской Украине была создана полковая система, аналогичная малороссийской, включавшая пять полков: Сумской, Ахтырский, Харьковский, Изюмский и Острогожский, однако следует подчеркнуть, что эти полки подчинялись белгородскому воеводе, а не гетману.

Наконец, в 1752–1764 гг. между гетманатом и Запорожьем образуются Новая Сербия и Славяносербия, заселенные преимущественно выходцами из Сербии и Валахии, а также создается Новослободский казачий полк. В 1764 г. на этих территориях была учреждена Новороссийская губерния.

В начале XVIII в. сословная стратификация Малороссии включала духовенство, шляхту, казачество, жителей самоуправляемых городов, а также крестьян и обитателей частновладельческих поселений, подавляющее большинство которых было лично свободно.

Население Малороссии подчинялось власти гетмана, который совмещал функции военного и гражданского администратора. Весь гетманат был разделен в соответствии с воинским членением на полки (Стародубский, Черниговский, Нежинский, Прилуцкий, Киевский, Переяславский, Лубенский, Гадячский, Миргородский, Полтавский). Высшим органом власти считалась Генеральная рада, на которой присутствовали не только казаки, но и представители духовенства и городов. К XVIII в. созыв Генеральной рады практически прекратился, ее функции перешли к собираемой несколько раз в год Раде старшин и к постоянно действующей Раде генеральной старшины, состоявшей из 7 человек и выполнявшей функции совещательного и исполнительного органа при гетмане.

После восстания Б. Хмельницкого значительная часть шляхты была изгнана с территории Малороссии, а функ-

ции политической элиты перешли преимущественно к казацкой старшине. З. Когут показал, что уже к XVIII в. процесс самоорганизации в «Знатном военном товариществе» (укр. — Значном войсковом товаристве) завершился выделением трех иерархических уровней: бунчукового, войскового и значкового, из числа которых происходило замещение вакантных должностей генеральной (войсковой), полковой и сотенной старшины соответственно⁴. Молодость политической элиты Малороссии препятствовала ее признанию со стороны властей Российской империи. Так, в 1731 г. Сенат утверждал, что «в Малороссии дворян нет», и на этом основании запрещал поступление детей малороссийской старшины в Шляхетский кадетский морской корпус. Спустя два года был поднят вопрос об установлении соответствия между малороссийскими и великороссийскими чинами, но он был «отложен». Неслучайно в первой трети XVIII в. в Великороссию выезжали преимущественно духовные лица, а также лица, не рассчитывавшие на успешный карьерный рост: учителя, переводчики, типографы, художники.

Города с системой самоуправления, основанной на магдебургском праве, частично сохранили свои привилегии и в составе Российской империи, и в XVIII в. подчинялись непосредственно монарху в лице его представителя — киевского губернатора.

Все духовенство подчинялось власти митрополита Киевского, за исключением некоторых ставропигиальных монастырей, зависевших непосредственно от патриарха Московского, а с 1721 г. — Святейшего Синода. Однако начиная с середины XVII в. в Малороссии все сильнее проявлялся кризис власти. В церковной жизни он выражался в стремлении монастырей приобрести право ставропигии, а также в желании отдельных архиереев вывести свои диоцезы из состава митрополии и перевести их в прямое подчинение патриарху и Святейшему Синоду, но самым распространен-

⁴ Когут З. Коріння ідентичності. С. 47–48.

ным проявлением кризиса были многочисленные жалобы. Царь, патриарх, а затем и Синод регулярно получали из Малороссии доносы на начальство и просьбы вмешаться.

Аналогичная ситуация сложилась и в отношении светских органов власти: киевскому воеводе, Малороссийскому, Посольскому и Тайному приказам, а также их правопреемникам постоянно приходилось разбирать жалобы: духовных лиц — на казаков и города, отдельных горожан и целых городов — на злоупотребления казацкой старшины и духовных лиц; казачьей старшины — на интриги гетмана, а тот в ответ просил не обращать внимания на жалобщиков: «Господину генерал-губернатору киевскому и комендантам, по гарнизонам в Малой России будучим, да повелит Ваше Императорское Величество до судов и правления малороссийского не вступаться и указов никаких от себя до старшины малороссийской не засылать — всепокорнейше просим»⁵.

Сутяжничество было отличительной чертой правовой системы Речи Посполитой, и Малороссия унаследовала ее в полном объеме, но в отсутствие в России развитой судебной системы весь поток кляуз обрушился на исполнительную власть. Именно необходимость постоянно вмешиваться в дела автономной Малороссии была одним из, по меньшей мере, поводов для сокращения размеров этой самой автономии⁶. Объем потока жалоб прямо не зависел от способа управления Малороссией, однако на протяжении XVIII в. наблюдается его постепенное снижение.

Как показало дело гетмана И. Мазепы, не все доносы были ложными, таким образом, наведение порядка в управлении Малороссией и установление действенного контроля над ее политической элитой вошли в список приоритетных задач России. С 1709 года в гетманской ставке

---

⁵ *Скоропадский И.* Пункты во всемилостивейшее самого Императорского Величества рассмотрение и решение, 1722 г. См.: *Маркевич Н.А.* История Малой России. В 5-ти т. М., 1842–1843. Т. 3. М., 1843 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/200434-istoriya-maloi-rossii-3.html> (дата обращения: 11.01.2018).

⁶ Подробному анализу процесса сокращения прав автономии в российско-украинских договорах посвящена диссертация: *Баранова О.В.* Российско-украинские договоры в XVII–XVIII вв. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2002.

появились постоянные резиденты, «государевы министры», следившие за благонадежностью старшины и осуществлявшие регулярный обмен посланиями между Глуховым и Санкт-Петербургом. Я.А. Лазарев показал, что, вопреки широко распространенному мнению, в первой четверти XVIII в. эти чиновники не обладали полномочиями исполнительной власти и не имели заметного влияния на расстановку сил в гетманате. По Наказу, подписанному канцлером Г.И. Головкиным 18 июля 1709 г., резидент должен был «обще с господином гетманом» следить за проявлением изменнических настроений со стороны возможных агентов гетмана Мазепы и Запорожской Сечи, но «в деятельности резидентов заметную роль играла не слежка за деятельностью гетмана и казацкой элиты, а выстраивание неформальных отношений с ними, в том числе доведение их личных интересов до высших кругов Российского государства. Также резидент являлся посредником в лоббировании интересов сильных “великороссийских” персон. Написанные резидентами аналитические обзоры особенностей местной политики не воплощались в какие-либо серьезные политические решения»⁷.

С 1717 г. Петр I начал выстраивать единообразную систему функционирования государственных органов в Российской империи и заменять устаревшую систему приказов коллегиями. Начало этому процессу было положено еще в 1708 г. и стало, как утверждают некоторые историки⁸, одной из причин перехода гетмана Мазепы на сторону Карла XII. Аналогично другим российским губерниям, 18 декабря 1708 г. учреждалась Киевская губерния, в которую была включена не только Малороссия, но и Слободская Украина⁹. В обязанности губернатора, кроме того,

⁷ Бантыш-Каменский Д.Н. Источники малороссийской истории. Ч. II. М., 1859. С. 228–230.

⁸ Тацрова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. М., 2011.

⁹ Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет // Логос. 2005. № 1 (46). С. 65–101. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/46/03.pdf> (дата обращения: 24.04.2018).

входило управление российскими воинскими подразделениями, размещенными в крепостях шести малороссийских городов (Киева, Нежина, Переяслава, Чернигова, Полтавы — городов на магдебургском праве — и Переволочны), обеспечение охраны государственной границы, розыск и поимка крестьян, бежавших из Великороссии, а также контроль за раскольничьими слободами в Черниговском и Стародубском полках. Над Войском Запорожским и «пополитыми» губернатор власти не имел. Как убедительно показал Я.А. Лазарев¹⁰, функции губернатора ничем не отличались от обязанностей воевод конца XVII в., и они не предполагали каких-либо возможностей для осуществления культурных преобразований.

25 мая 1719 г. был подписан новый указ о введении гражданского административного деления, единого для всей страны. Следует подчеркнуть, что проведение административных реформ в Малороссии не форсировалось. Малороссийская коллегия была создана одной из последних, в 1722 году, только после смерти гетмана Ивана Скоропадского, и отличалась от других коллегий. Она подчинялась Сенату и состояла из 8 русских офицеров и была призвана сократить поток жалоб в центральные органы власти. С этой целью в ее ведение были переданы наиболее болезненные направления внутривластной деятельности: право апелляционного суда по решениям всех казацких судов, в т. ч. Генерального, а также ратушных судов; право контроля за сбором натуральных и денежных налогов; право рассмотрения дел о злоупотреблениях казацкой старшины и сборщиков налогов. Учреждение Малороссийской коллегии было продиктовано стремлением и упорядочить функционирование высших органов власти, и расширить возможности контроля, поскольку гетману¹¹

¹⁰ См.: Лазарев Я.А. «Великороссийская» администрация на Гетманской Украине в 1700–1727 гг.: эволюция институтов и их статуса. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012.

¹¹ Наказным гетманом стал Павел Полуботок, но его избрание не было подтверждено Петербургом. После его ареста и смерти в 1724 г. избрание гетмана не проводилось, однако и должность гетмана не отменялась.

и генеральной старшине было запрещено издавать любые важные указы без визы коллегии. Кроме того, коллегия должна была следить, чтобы все императорские и сенатские указы регистрировались в Генеральной канцелярии, а указы гетмана подписывались именно им, а не от его имени. Комиссия должна была действовать на основе «договорных пунктов Б. Хмельницкого и других гетманов», то есть в соответствии с уже сложившейся системой отношений. Таким образом, комиссия не могла приносить ничего нового и служила лишь исполнителем воли императора.

12 мая 1727 г., с целью повышения популярности молодого Петра II, правительство А.Д. Меншикова разрешило избрать гетмана «ко удовольствию тамошнего народа ... во всем по содержанию пунктов, на которых сей народ в подданство Российской империи вступил», а затем распустило коллегия и восстановило объемы власти киевского воеводы и императорского резидента. Как отметила О.В. Баранова, это не изменило общую атмосферу российско-украинских отношений: «Правление Петра I стало переломным моментом в позиции российского руководства относительно украинской автономии, этапом, когда договорный принцип отношений сторон уступил место “указному”»¹².

Назначение гетманом Даниила Апостола вывело борьбу за власть среди представителей казацкой старшины на новый уровень, поскольку теперь малороссийская элита ориентировалась на российские политические идеалы и иной уровень благосостояния. За 7 лет правления гетмана междоусобицы, развал системы управления и стремление старшины к личному обогащению настолько подорвали боеспособность казацкого войска, что это прямо угрожало безопасности империи¹³. После смерти Даниила Апостола правительство Анны Иоанновны вновь попыталось

¹² Баранова О.В. Российско-украинские договоры в XVII–XVIII вв. С. 220.

¹³ Белашов В.И. Правление «Гетманского уряда» в левобережной Украине (1734–1750 гг.) // История и археология. 2015. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://history.snauka.ru/2015/08/2336> (дата обращения: 24.04.2017).

установить действенный контроль над гетманатом. С этой целью было создано Гетманское правительство, которое формально должно было действовать до назначения нового гетмана, однако явочным порядком откладывалось на неопределенный срок. Для того чтобы снизить уровень недовольства малороссийской политической элиты, в правительство были включены три представителя конкурирующих старшинских группировок — генеральный судья М. Забела, генеральный есаул Ф. Лысенко и генеральный подскарбий А. Маркевич — и трое великороссов: резидент (называвшийся теперь правителем), представитель командования российскими войсками и гражданский администратор, отвечавший за сбор налогов и выдачу жалованья. Клановая борьба внутри политической элиты, недовольство казацких низов старшиной и взвешенная политика центральных властей привели к тому, что «временное» Гетманское правительство успешно просуществовало 16 лет и было отменено только под давлением «малороссийской партии» при дворе императрицы Елизаветы Петровны¹⁴.

Императрицу Елизавету можно обвинить в излишнем покровительстве семье Разумовских, но она никогда не принимала скоропалительных и опрометчивых решений. Гетманом был назначен человек, полностью зависевший и от Санкт-Петербурга, и от традиций местной политической элиты, не претендовавший на самостоятельную роль и вместе с тем обладавший достаточной властью, чтобы сдерживать амбиции старшины. Со своей стороны, с наделением графским титулом Разумовских в 1744 году казацкая старшина получила фактическое признание своего сословного статуса.

Еще при Петре I выходцы из Малороссии представляли собой влиятельную группу в высшем духовенстве. Вместе с тем они не составляли единой политической силы и

---

¹⁴ *Белашов В.И.* Правление «Гетманского уряда» в левобережной Украине (1734–1750 гг.) // *История и археология.* 2015. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://history.snauka.ru/2015/08/2336> (дата обращения: 24.04.2017).

примыкали ко всем великороссийским партиям, участвовавшим в дворцовых переворотах. Причину этого следует видеть в разобщенности старшинских родов, боровшихся за власть в Малороссии. При дворе Елизаветы Петровны образовалось несколько центров малороссийского влияния, лидеры которых, как духовные, так и светские, активно покровительствовали другим выходцам из Малороссии, но конкурировали между собой.

Неурегулированность сословного статуса малороссийской старшины затрудняла процесс включения Малороссии в систему экономических и политических связей Российской империи. Характерно, что на этот процесс не влияла смена императоров: он был начат в последние годы царствования Елизаветы Петровны; Петр III 18 января 1762 г. потребовал «всему малороссийскому шляхетству прислать в герольдию списки с точными доказательствами о их шляхетстве и показанием полученных тем шляхетством от польских королей и от российских государей грамот», а завершен он был уже при Екатерине II. Казацкие полковники были приравнены по чину к подполковникам российской армии или к надворным советникам VII класса. Сравнительно невысокие чины поощряли представителей малороссийской старшины к продолжению службы в Великороссии, где их возможности ничем не ограничивались, примерами могут служить князь А.А. Безбородко, граф П.В. Завадовский, семьи Лизогубов, Кандыб, Марковичей. Милорадовичей и др.

В 1764 г. произошло окончательное упразднение должности гетмана. Екатерина II в неофициальном порядке писала: «Малая Россия, Лифляндия и Финляндия суть провинции, которые правятся конфирмованными им привилегиями, и нарушить оные отрешением всех вдруг весьма непристойно б было; однако ж, и называть их чужеземными и обходиться с ними на таковом же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностью, глупость. Сии провинции, также Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они

обрусели и перестали бы глядеть, как волки в лесу. К тому приступ весьма легкий, если разумные люди избраны будут в тех провинциях; когда же в Малороссии гетмана не будет, то должно стараться, чтоб и имя гетмана исчезло, не токмо б персона какая была произведена»¹⁵. Введение в Малороссии правления второй Малороссийской коллегии из 4 малороссов и 4 великороссов было смягчено активным вмешательством в системы администрирования и судопроизводства генерал-губернатора П.А. Румянцева. Выросший в Малороссии, Румянцев по отношению к местной элите вел себя благожелательно и дипломатично и завязал дружеские отношения с представителями старшины, не прервавшиеся и после прекращения его полномочий; некоторые из его протеже смогли закрепиться при дворе в Петербурге¹⁶. В 1782 г. в Малороссии были введены общероссийские принципы управления, а в 1785 г. распространено действие Жалованной грамоты дворянству, полностью уравнивавшее положение дворянства.

Обращает на себя внимание практическое отсутствие инструментов воздействия центральных властей на малороссийскую администрацию. Кроме указов императора, Сената и Синода, акторами общегосударственной политики можно считать генерал-губернатора и резидента, однако компетенции первого сводились преимущественно к обеспечению целостности границы и управлению российскими гарнизонами, а возможности второго были ограничены существующей правовой традицией.

Например, в именном указе от 31 января 1734 г., данном резиденту князю А.И. Шаховскому, императрица Ан-

¹⁵ Сборник императорского Русского исторического общества (далее — РИО). Т. VII. СПб., 1871. С. 348 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.runivers.ru/bookreader/book482339/#page/386/mode/1up> (дата обращения: 24.04.2017).

¹⁶ *Ohloblin O. Ukrainian Autonomists of the 1780's and 1790's and Count PA. Rumyantsev-Zadunaysky // The Annals of Ukrainian Academy of the Arts and Sciences in the U.S. (New York), 1958. Vol. 6. № 3–4 (21–22). [Электронный ресурс]. URL: http://chtyvo.org.ua/authors/Ohloblyn_Oleksandr/Ukrainian_Autonomists_of_the_1780s_and_1790s_and_Count_PA_Rumyantsev-Zadunaysky_anhl/ (дата обращения: 24.04.2017).*

на Иоанновна требовала, чтобы он «секретно ... трудился малороссиян от браков с жителями Смоленщины и с поляками и с другими зарубежными жителями отводить, а побуждать их и искусным образом приводить их в свойство с великороссийскими»¹⁷. Этот указ рассматривается в украинской историографии как пример русификаторской политики, которую тайно и явно вело правительство, вмешиваясь в частную жизнь своих подданных. Вместе с тем, если оценивать конкретность и реализуемость поставленной задачи, то становится понятно, что никаких средств для ее достижения у резидента не имелось, и изменений в брачной стратегии малороссийской старшины этот указ вызвать не мог *a priori*, не говоря о других юридических последствиях¹⁸.

Правовая и политическая система

Договорная природа отношений гетманата в Российском государством, нарушение условий Переяславского и остальных договоров, «стародавних прав» гетманата — наиболее популярные темы для исследователей политической истории Малороссии XVII–XVIII вв.¹⁹ Безусловно, постепенное сокращение политической автономии региона было выгодно Москве, а затем и Санкт-Петербургу, однако

¹⁷ Именной указ А.И. Шаховскому о принятии секретно искусных мер к побуждению малороссийского народа вступать в свойство с великороссийским народом, а не с смолянами, поляками и другими зарубежными жителями // РИО. Т. 108. СПб., 1900. С. 86. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.runivers.ru/bookreader/book484381/#page/86/mode/1up> (дата обращения: 24.04.2017).

¹⁸ Толкуя указ чрезвычайно расширительно, историки допускают откровенные подтасовки фактов: «В силу действия этого указа из Генерального суда был исключен белорусский шляхтич Пассек» (*Белашов В.И.* Правление «Гетманского уряда» в левобережной Украине).

¹⁹ *Горобець В.* «Волимо царя східного...». Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ, 2007; *Струкевич О.К.* Політико-культурні орієнтації еліти України-Гетьманщини (інтегральний погляд на питання). Київ, 2002; *Козут З.* Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760–1830. Київ, 1996; *Лазарев А.Я.* «Великороссийская» администрация на Гетманской Украине; *Баранова О.В.* Российско-украинские договоры в XVII–XVIII вв.

исследователи обратили внимание на специфику правовой практики Малороссии: в генеральной канцелярии Войска Запорожского отсутствовали важнейшие документы, определявшие базовые принципы взаимоотношений региона и государства.

Так, за 5 лет исчез малороссийский экземпляр Переяславского соглашения 1654 г. Современные украинские и российские историки не сошлись во мнении, что послужило причиной его отсутствия, но на Генеральной раде, которая состоялась после возвращения послов С. Богдановича-Зарудного и П. Тетери, договор не был оглашен. Неизвестно ни одной копии текста, который был подписан в Москве, и реакция гетмана Ю.Б. Хмельницкого и его полковников на пункты договора 1659 г. свидетельствует о том, что они даже не были знакомы с основным документом, определявшим условия вхождения Малороссии в состав России²⁰.

Кроме того, хотя обязанность соблюдения «давних прав и вольностей всего Войска Запорожского и казацкого сословия» записывалась во все договоры с российской властью, полного списка этих самых вольностей не существовало. Малороссийская правовая система включала в себя нормы Литовского статута, Магдебургского, Хелминского, Саксонского и обычного права, а также отдельные установления российского законодательства. Все эти нормы создавались в разных странах в течение столетий, усваивались малороссийской правовой системой на протяжении двух веков, и нередко противоречили друг другу, и были написаны на разных языках. Отсутствие единого кодекса прав и обязанностей было выгодно практически всем сословиям в Малороссии, потому что оставляло небольшую надежду на успех любой тяжбы, но не российской стороне, поскольку затрудняло как апелляционное судопроизводство, так и работу центральных органов власти.

²⁰ Подробно проблема отсутствия текста соглашения 1654 г. см.: Баранова О.В. Российско-украинские договоры в XVII-XVIII вв. С. 132–143.

Первый указ с требованием перевода на русский язык малороссийских правовых актов был издан в 1728 г.²¹, но возможностей для созыва кодификационной комиссии тогда не нашлось. Поскольку власть гетмана и старшины базировалась именно на этих неопределенных правах и привилегиях, государство спустя шесть лет собрало группу представителей всех сословий²², и к 1743 году была составлена компиляция под заглавием «Права, по которым судится малороссийский народ»²³. Она не была признана империей в качестве нормативного документа, однако использовалась в повседневной судебной практике гетманата и имела широкое хождение в рукописных списках.

Политические воззрения казацкой старшины нашли свое выражение в так называемом казацком летописании, в которое включается целый пласт хроник, летописей, исторических и публицистических сочинений представителей политической элиты Левобережья на протяжении всего XVIII и первой половины XIX в. Хроники Самуила Велички, Григория Грабянки, неизвестного автора, называемого «Самовидцем» (очевидцем) и «Летописец» семьи Дворецких были написаны в конце XVII — начале XVIII в.²⁴

²¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. VIII. № 5324.

²² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. IX. № 6540, 6611, 6614, 6837, 6888.

²³ «Права, по которым судится малороссийский народ, Высочайшим всепрестейшия, державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисавет Петровны, Самодержицы Всероссийския, Её императорского священнейшего Величества повелением, из трех книг, а именно: Статута Литовского, Зерцала Саксонского и приложенных при том двух прав, такжеже из книги Порядка, по переводе из полского и латинского языков на российский диалект в едину книгу сведенные, в граде Глухове, лета от рождества Христова 1743 года». Опубликовано А.Ф. Кистяковским в Киеве в 1879 г.

²⁴ Величко С. Летопись событий в Юго-западной России в XVII веке. Киев, 1848–1864. В 4-х т.; Грабянка Г. Действия презельной и от начала поляков кравашой небывалой брани Богдана Хмельницкого гетмана запорожского с Поляки за найяснейших королей польских Владислава, а потом и Казимира, в року 1648 отправоватися начатой и за 10 лет по смерти Хмельницкого неоконченной, с розных летописцов и из диариуша, на той войне писанного... року 1710. Киев, 1854; Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878; Мыцик Ю.А. «Летописец» Дворецких — памятник украинского летописания XVIII в. // Летописи и хроники. М., 1984. С. 219–234.

В 1730-е — 1750-е гг. была составлена «Краткая история Малороссии», «Опис про Малу Россию» Г. Покаса, хроника генерального обозного Я.Е. Лизогубова и Черниговская летопись²⁵. В 1760-е — 1780-е гг. появились «Краткое описание о козацком малороссийском народе» П. Симоновского, «Краткое историческое описание» И.И. Квитко²⁶. К этим сочинениям примыкают летопись В.Г. Рубана, «Собрание историческое» С.В. Лукомского и анонимное «Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных действ и случаев описание...»²⁷, составленные немного позднее. Завершает этот ряд «История русов или Малой России» начала XIX в., авторство которой приписывается архиепископу Георгию Конисскому²⁸. Перечисленные произведения пользовались большой популярностью и распространялись в многочисленных рукописных списках. Анализ казацкого летописания середины XVIII в. позволяет получить важ-

²⁵ Краткое описание Малороссии // Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878. С. 209–321; Покас Г. Опис про Малу Росию // Горбань М. Нариси з історії української історіографії. Харків, 1923. Ч. 1; Летопись или описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялось в Украине малороссийской обеих строн Днепра и кто именно когда гетманом был козацким (Лизогубовская летопись) // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданных временною комиссиею для разбора древних актов, состоящею при киевском, подольском и вольнском генерал-губернаторе. Киев, 1888. С. 1–70; Летописец в русских и полских що ся деяло строгах и якого року (Черниговская летопись) // Южнорусские летописи, собранные и изданные Н. Белозерским. Т. 1. Киев, 1856.

²⁶ Симоновский П. Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах, собранное из разных историй иностранных, немецкой — Бишенга, латинской — Безольди, французской — Шевалье и рукописей русских. М., 1847; [Квитка И.И.] Краткое историческое описание о Малой России до 1765 г. с дополнением о Запорожских Козаках. М., 1848.

²⁷ Рубан В.Г. Короткое описание Малыя России. СПб., 1777; Лукомский С.В. Собрание историческое // Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878. С. 321–374; Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных действ и случаев описание // Южнорусские летописи, собранные и изданные Н. Белозерским. Т. 1. С. 45–106.

²⁸ Конисский Г. История русов или Малой России. М., 1846. Это произведение, внешне сохраняющее форму казацких хроник, наполнено принципиально иным содержанием и принадлежит уже к другой культурной традиции, эпохе Просвещения.

ную информацию о процессах, происходивших в элите малороссийского общества того времени. Источники предоставляют возможность оценить уровень оппозиционности авторов политике российского правительства и разработанности концепции развития собственного народа.

Идеальные взаимоотношения общества с государством описываются в летописях как минимальное вмешательство или формальный патронат, которым пользовались казаки в Речи Посполитой до конца XVI в.: «Поляки же ни до них самих (казаков. — *С. Л.*), ни до их земель, кои им от королей наданы были, ни какова дела не имели, и в правление их никогда не мешались»²⁹. Подобное положение дел якобы было зафиксировано и в договоре Богдана Хмельницкого и царя Алексея Михайловича (как уже отмечалось выше, подлинный текст договора был в Малороссии неизвестен). Главным считалось сохранение института гетманства, не конкретизируемых «старинных прав и привилегий» казацкой старшины, а также особое положение казацкого войска. Соблюдение, хотя бы частичное, этих условий для авторов казацких летописей — залог правильного направления развития малороссийского народа.

Примечательно, что подобные высказывания казацких летописцев XVIII в. полностью совпадают с программой, выдвинутой сторонниками гетмана И. Мазепы: формальный патронат другого государства (Швеции), реальное самоуправление, свободные выборы гетмана при полном соблюдении старинных прав и привилегий старшины. Современная ситуация летописцами не оценивается, в текстах звучат скорбные ноты о гибели Украины, причины которой видятся в истощении украинского народа непосильными поборами и (снова) в ликвидации особого статуса казацкой старшины в Российской империи.

Авторы казацких летописей были, безусловно, верующими православными и сторонниками самодержавной

²⁹ *Симоновский П.* Краткое описание о козацком малороссийском народе. С. 9.

власти. Образ Богдана Хмельницкого в малороссийской политической идеологии был так важен именно потому, что он был единственным национальным «великим правителем». После смерти Б. Хмельницкого функция «отца и защитника народа» переходит к российским монархам. Во второй половине XVIII в. российские цари и императоры описываются в категориях, присущих любому «просвещенному» монарху, даже в тех случаях, когда их поступки объективно шли вразрез с национальными интересами Украины. То же можно сказать и о характеристиках российских сановников, действовавших на территории гетманата или имевших возможность влиять на малороссийские дела. Представителей малороссийской знати составители казацких летописей наделяют более традиционными чертами³⁰. Вплоть до начала XIX в. вообще отсутствуют какие-либо сравнения и аналогии с иностранными государствами: примеры «правильных» форм правления, государственного устройства, внутренней и внешней политики и т. п. Необходимо особо подчеркнуть, что представители малороссийской элиты были знакомы с западноевропейской политической публицистикой; но воспроизводили, тем не менее, российские образцы.

Рассматривая проблемы, связанные с проявлением антироссийских настроений в среде казацких старшин, следует оговориться, что летописи XVIII в. не могут представить полную и разностороннюю картину. Их авторы занимали достаточно высокое положение в обществе, и явные проявления недовольства или увлечение идеями политического сепаратизма грозили обернуться для них серьезными последствиями.

Оппозиционность казацкой старшины не выходила за рамки очень осторожной критики отдельных действий российских властей, в сетованиях на «несчастную судьбу» ма-

---

³⁰ Данное утверждение одинаково верно и в том случае, когда политик вызывал и уважение (например, кн. Б.П. Шереметьев и гетман П. Полуботок — в летописи Симоновского), и ненависть (кн. А.Д. Меньшиков, гетман И. Самойлович — в Лизогубовской летописи).

лороссийского народа, «немилосердие» властей и волю Божию, демонстративной лаконичности или детализации в описаниях исторических событий (например, подробное перечисление «обид», нанесенных царским правительством Войску Запорожскому и всему малороссийскому народу).

Характерно, что летописи практически не затрагивали современных событий и не содержали оценок окончательной ликвидации особого положения Малороссии в составе Российской империи или позитивных последствий растущей экономической и политической интеграции, стабилизации внутривнутриполитической жизни, ликвидации военной угрозы с запада и с юга. Обращение к событиям времен «казацкой вольницы» для авторов середины XVIII в. стало возможностью обсудить вариант государственного и общественного устройства, отличный от современной им России. Большинство представителей малороссийской политической элиты как внутри Российской империи, так и за ее пределами оказалось в идейном тупике и склонялось к глубоко консервативным взглядам. Собственно, интерес к прошлому Малороссии начал доминировать именно в тот исторический период, когда надежды на ее блестящее будущее угасли.

Со своей стороны, российские власти никак не реагировали на широкое хождение рукописных списков казацких хроник или «Прав, по которым судится российский народ». За «изменническими настроениями» гетманов и старшины внимательно следили и резиденты, и коменданты российских гарнизонов, и представители конкурирующих родов, но пока оппозиционность не вела к явному политическому или военному противостоянию с империей, малороссийская знать не подвергалась репрессиям.

Миграционная политика как способ регуляции интенсивности культурного обмена

Культурный обмен между гетманатом и Великороссией в XVIII в. можно рассматривать как двусторонний, хотя

и с разной степенью интенсивности. Для первой половины века со стороны малороссийских властей характерны проявления политики самоизоляции, в середине века большинство южан осознало новые возможности, связанные с интеграцией в структуры Российской империи и перестало воспринимать приехавших / вернувшихся с севера враждебно. Конец века ознаменовался сменой политических ориентиров: средоточие власти окончательно переместилось в Санкт-Петербург, а Малороссия стала восприниматься как окраина и провинция.

В качестве проводников великорусского культурного влияния можно рассматривать немногочисленных дворян, проходивших службу или приобретающих земли в Малороссии. К сожалению, специальных работ, посвященных истории гарнизонов в малороссийских городах, нет, в историческом обороте имеются только жалобы населения на злоупотребления со стороны военных, однако подобные инциденты были нередки не только в Малороссии.

Великороссы начали приобретать земли после Полтавской битвы. Так, в 1709 г. часть земель, принадлежавших И. Мазепе, была передана А.Д. Меншикову, через год и казаки, жившие на этих землях, переведены князю в «послушание» и с исключением из войсковой службы. После ссылки Меншикова земли были отобраны в казну и управлялись киевским резидентом, а после восстановления власти гетмана они были переданы К. Разумовскому. Крупными землевладельцами в Малороссии были П.П. Шафиров, И.Б. Вейсбах, граф Х.А. Миних, Г. фон Бирон. Поскольку владение ранговыми поместьями было связано с несением службы в Войске Запорожском, приобретение земель великороссами сокращало войсковой земельный фонд, и это вызывало недовольство малороссийской старшины. В 1730 г., «чтоб оттого малороссиянам не было учинено озлобления», Сенат издал постановление, запрещающее россиянам покупать земли и требовавшее возратить уже купленные во владение полков. Широкого применения этот указ не получил, а практика императорских пожалований мало-

российских земель, по разным причинам приписанным к казенным, продолжалась в течение всего XVIII в.

Великороссы рассматривались малороссийской старшиной как прямые конкуренты, поэтому мигранты воспринимались скорее враждебно. Неслучайно практически без последствий был оставлен указ от 27 февраля 1723 г. «Об объявлении малороссиянинам, что в малороссийские полки назначаются полковники из русских»³¹. Исключениями можно считать тех сановных великороссов, которые использовали свое семейное или служебное положение для того, чтобы лоббировать малороссийские интересы в центральных органах власти, — например, зять гетмана Скоропадского нежинский полковник граф П.П. Толстой.

В контексте культурной политики может быть рассмотрена и практика приглашений отдельных категорий интеллектуальной элиты для службы на территории Великороссии. Малороссы сыграли значительную роль в культурных трансформациях России в XVIII в. Важнейшими из векторов «украинского влияния» следует считать, во-первых, рекрутацию духовенства (монахов, игуменов и архимандритов Киевской митрополии — по императорским указам, распоряжениям Святейшего Синода и личным просьбам архиереев), которые призывались в великорусские монастыри и учебные заведения, а также для службы на флоте. Менее многочисленной, но более влиятельной в культурном отношении была группа преподавателей академий и школьных учителей, которые присутствовали практически во всех учебных заведениях Российской империи XVIII в. Третьей когортой можно считать светских переводчиков и делопроизводителей, которые приглашались как в государственные учреждения (Синод, Сенат, Коллегию иностранных дел, а также в дипломатические миссии), так и на службу к влиятельным частным лицам; со второй половины века студенты старших курсов Киево-Могилян-

³¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. СПб., 1830. Т. VII. № 4173.

ской академии выезжали для продолжения учебы на медицинский факультет Московского университета и в другие учебные заведения.

Часть мигрантов переселялась в Великороссию в ответ на прямое приглашение, например, от Синода в адрес ректора Киево-Могилянской академии, которое могло содержать просьбу прислать пять годных кандидатов из числа студентов класса богословия или преподавателей из Киева для занятия должностей преподавателей Славяно-Латинской академии в Москве. Или же поступал запрос от Сената в адрес главы Киевской митрополии с просьбой прислать десять монахов для служения на флоте. Необходимо подчеркнуть, что данные приглашения являлись именно просьбой, поскольку неоднократно в них отказывали «за отсутствием годных кандидатов», «за старостью», «за недостатком преподавателей» в самой академии и пр. Отказать могли не только должностные лица Киевской митрополии, но и сами кандидаты «за слабым здоровьем». Особенно часто случались отказы в случае рекрутации в состав духовных миссий на Дальний Восток, для службы в сибирских епархиях или на флоте, особенно в начале XVIII в.

В 1730-е гг. число таких отказов постепенно сходит на нет, выезд уже не воспринимался как ссылка, а как избавление от конкуренции. Карьера в великоросских епархиях осознается как привлекательная, даже в случае определения в опасные заграничные миссии — после возвращения в центральные губернии рядового монаха или иерея ждало повышение по службе. Значительно увеличивается и число выехавших по приглашению частных лиц, в первую очередь, членов императорской семьи и придворных. Кроме студентов и выпускников Киево-Могилянской академии (будущие секретари и учителя) спросом пользовались мальчишки-певчие. Именно так оказался в Санкт-Петербурге А.Г. Разумовский³².

³² Во второй трети XVIII в. значительно возрастает и эмиграция рядовых казаков, горожан и крестьян на юг и юго-восток. Это было связано как со снижением уровня военной угрозы со стороны Османской империи и

Малороссы-архиереи или настоятели монастырей стремились взять с собой, или приглашали сразу после приезда, некоторое количество земляков (администраторов, казначеев, библиотекарей, чтецов, певчих и т. д.), которым они могли доверять и которые обеспечивали привычное окружение. С перемещением патрона на новое место его приближенные иногда теряли свое привилегированное положение, но если новый архиерей / настоятель также был выходцем из Малороссии, оно даже укреплялось. Если должность получал враждебно настроенный великоросс, он мог изгнать клеветников своего предшественника, и они или искали новое место, или возвращались на родину. Даже приблизительная численность этой эмиграции неизвестна, судьба переселенца зависела от многих обстоятельств.

Масштабы обратной миграции были значительно меньше. До середины XVIII в. великороссы и уроженцы Киевской митрополии, служившие за ее пределами, не получали украинско-белорусских или смешанных по этническому составу епархий (т. е. Киевскую, Переяславскую, Черниговскую, Могилевскую, Луцкую, Белгородскую, Смоленскую) и не назначались настоятелями малороссийских монастырей. Это неписаное правило, практически не имевшее исключений в этот период, означало фактическую изоляцию киевского духовенства от ответного воздействия со стороны Великороссии. При изучении мотивации каждого из епископов-малороссов отчетливо заметно настойчивое желание получить именно украинско-белорусский диоцез, однако совокупность представителей высшей церковной элиты блокировала подобные действия. Кроме того, в тех единичных случаях, когда такое назначение происходило, оно вызывало протесты со стороны паствы (наиболее острая реакция последовала на назначение Варлаама Вонатовича на киевскую кафедру после 18 лет пребывания в Великороссии).

Крымского ханства и последовавшего хозяйственного освоения земель Новороссии, северного Причерноморья, акватории нижнего Дона и нижней Волги, так и с усилением эксплуатации в границах гетманата.

Выехавшие получали возможность вернуться на родину только после завершения карьеры. С приближением старости, в случае болезни или при неудачной конъюнктуре мигранты просили власти отпустить их «на покой» в один из киевских монастырей. Если Синод не мог предложить кандидату нового места, такое прошение обычно удовлетворялось. Иногда по прошествии нескольких лет обстоятельства менялись и следовал новый виток великорусской карьеры.

В качестве примера можно привести судьбу Венедикта Голецкого, который в 1739 г. окончил богословский факультет Киево-Могилянской академии и получил место в Киево-Софийском соборе. Спустя неполный год епископ Савва (Шпаковский) пригласил его в Архангельск на должность экзаменатора кандидатов на священнические должности. Голецкий был принят «любовно и честно», и ему была обещана должность архимандрита Свято-Троицкого Антониево-Сийского монастыря. Однако спустя всего три месяца епископ Савва был переведен в Коломну, а на Архангелогородскую кафедру был назначен великоросс Варсонофий (Щеньков), который недолюбливал «черкашенинов». В результате конфликта Голецкий, вопреки прямому указанию Синода, был вынужден покинуть монастырь, так и не став его настоятелем, а в мае 1742 г. уже просил об увольнении и назначении нового места. Синод рекомендовал его на должность профессора пиитики (поэзии) в московскую Славяно-Латинскую академию, но, в конце концов, Голецкий вернулся в Киев³³.

Выезд потомков шляхетских и старшинских семей, как уже упоминалось выше, был затруднен из-за неурегулированного сословного статуса, в первой половине века это

³³ См.: Лукашова С.С. Языковая среда в Киево-Могилянской академии в XVIII в. // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 241–258. По поводу судьбы малороссов, выехавших в Тобольск к епископу Филофею (Лещинскому) см.: Фефелова О.А. Деятельность выпускников Киевской Академии в Сибири в XVIII в. // Россия в XXI веке и глобальные проблемы современности. Ломоносовские чтения / Под общ. ред. Л.Н. Пашковой. М., 2006. С. 501–505.

были единичные случаи, связанные со служебной необходимостью (представительство при дворе, Сенате) или статусом заложника. Практика такого рода использовалась как гарантия сохранения лояльности на восточнославянских землях и до Переяславской Рады. В качестве заложников могли выступать представители казацкой старшины, их жены, сыновья и другие родственники. Так Юрий Хмельницкий стал заложником в Бахчисарае в 1648 г., в том же году лисянский полковник Максим Кривонос и наказной чигиринский полковник Михаил Крыса были переданы полякам накануне битвы при Желтых Водах. Во время Полтавской битвы члены старшинских семей гарантировали верность малороссийских полков Петру I. В первой половине XVIII в. при заграничных экспедициях или при угрозе нападения извне (мазепинцев или татар) жен представителей полковой и генеральной старшины сажали под «домашний арест» и для их «освобождения» требовалось разрешение киевского генерал-губернатора.

Кроме заложников «по случаю», в Российской империи практиковалось взятие сыновей знатных старшинских родов в Санкт-Петербург. Сын миргородского полковника Даниила Апостола, ушедшего вместе с гетманом Мазепой в Молдавию, Петр Апостол был взят в Санкт-Петербург и жил в доме князя А.Д. Меншикова, причем получил там дополнительное образование³⁴. Домой он смог вер-

³⁴ Неизвестна дата рождения П.Д. Апостола, поэтому есть разные версии, в каком возрасте он попал в Петербург. В справочнике «Киево-Могилянська академія в іменах XVII–XVIII ст: енциклопедичне видання» (Київ, 2001. С. 42) утверждается, что он получил образование в Киеве, А.Л. Лазаревский (*Лазаревський А.Л.* Дневник Петра Даниловича Апостола (май 1725 г. — май 1727 г.) // Киевская старина. 1895. Т. 50. № 7/8. Отд. 2. С. 100–155) писал, что Петр Апостол обучался вместе с сыном А.Д. Меншикова Александром (1714 г. р.). Исходя из того, что Д.П. Апостол женился в 1677 году, а Петр знал польский язык и латынь и в 1721 году был отцом, по меньшей мере, одного ребенка, скорее всего, он действительно родился в конце XVII в. и обучался в Киево-Могилянской академии. Вместе с тем хорошее знание математики и фортификации указывает на какой-то иной источник знаний, поскольку Академия давала общегуманитарное образование. Возможно, вместе с сыном Меншикова обучался младший брат Петра, Павел.

нуться, только когда в Петербург приехал его отец (и был арестован по делу челобитного посольства П. Полуботка). Екатерина I освободила из Петропавловской крепости представителей старшины (Д. Апостола, Я. Лизогуба, Р. Корицкого, В. Жураковского, М. Милорадовича и др.), но запретила им выезжать из Санкт-Петербурга. Когда Д. Апостол был назначен гетманом, ему на замену выехал младший сын, Павел Апостол, а Петр Апостол, уже в чине лубенского полковника, должен был три года жить в Москве. Поскольку семья доказала свою лояльность, правило выделять заложника с нее было снято, и в 1730 г. Петр Апостол вернулся на родину.

Пребывание в качестве заложника не означало жизнь в лишениях и страданиях. Безусловно, неполноправный статус осознавался, но не воспринимался как плен или оскорбление. В 1670-е — 1680-е гг. для сыновей гетмана И. Самойловича, попеременно живших в Москве, был на казенные средства (600 рублей) куплен двор «с каменным и з деревянным строением». Дети приехали не одни: их сопровождали батурицкий игумен Исаакий, учитель Павел Ясликовский и слуга Иосип Куцкович³⁵. Ежемесячно сыну гетмана выдавалось около 50 рублей в месяц на текущие расходы, еще 30 рублей тратилось на содержание двора. В списке необходимых гетманским сыновьям вещей упоминаются бархат, атлас, сукно, книги и иконы; из еды — перец, шафран, гвоздика, сахар и кардамон³⁶. Когда дочь гетмана Прасковья вышла замуж за князя В.П. Шереметева, необходимость в заложниках отпала, и младший сын Яков Самойлович был отпущен домой, а двор был подарен гетману в качестве официальной резиденции³⁷.

³⁵ *Кривошея В.* Генеалогія українського козацтва: Нариси історії козацьких полків. Київ, 2002. С. 208.

³⁶ *Алмазов А.С.* Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012. С. 191–193.

³⁷ *Кочегаров К.А.* Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 годах. М., 2012. С. 38–39.

Василий Жураковский так же, как и Д. Апостол, был арестован по делу П. Полуботка и после освобождения несколько лет жил под надзором полиции. Когда этот надзор был снят, бывший генеральный есаул не уехал на родину, а остался в Москве, где и пребывал до самой смерти. Петр Апостол, будучи заложником, женился на смоленской дворянке, обзавелся детьми и служил в качестве секретаря у кн. А.Д. Меншикова, выполняя конфиденциальные поручения³⁸.

Наконец, последняя социальная группа малороссов, пребывавшая длительное время на территории Великороссии, — казаки, принимавшие участие в строительстве укреплений Киево-Печерской лавры в 1706–1707 годах, в Петербурге и на Ладожском канале в 1721–1723 годах. В украинской историографии распространено мнение, что эти земляные работы были чуть ли не проявлением «планомерного геноцида в отношении украинцев». Согласно современным исследованиям, число погибших на строительных работах было не столь велико³⁹, казаки трудились там наравне с российскими драгунами и крестьянами, а значительное число откомандированных представителей старшины вообще не появлялись на стройке⁴⁰. В любом случае рекрутация казаков на строительство носила эпизодический характер и не может рассматриваться как проявление репрессивной политики в отношении народа Малороссии.

³⁸ Козут З. Коріння ідентичності. С. 413.

³⁹ Важнейшими факторами смертности было «моровое поветрие» — эпидемия, случившаяся в 1721 году, а также повальное пьянство — следствие большого числа трактиров, поставленных в зоне строительства. Возвращение изодранных, нищих казаков воспринималось их семьями как свидетельство непосильного рабского труда (См.: Лукашова С.С. Канальные работы Петра I в зеркале российско-украинских отношений начала XVIII в. // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008. С. 37–52).

⁴⁰ Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град святого Петра. СПб., 1999. С. 78–81; Лукашова С.С. Канальные работы Петра I в зеркале российско-украинских отношений начала XVIII в.; Андреева Е.А. Петербург — «город на костях»? // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 29–40.

Языковая политика: русский язык в Малороссии, малороссийский в России

В современном общественном сознании отношение властей Российской империи к украинскому языку является достаточно политизированной темой, в прессе, интернет-публикациях и научно-популярных изданиях постоянно перечисляются репрессивные меры российского правительства. В числе карательных мер рассматриваются: указ Петра II о переводе постановлений и распоряжений гетманской канцелярии с «простой мовы» на русский язык (1729 г.); указ, запрещающий использование «простой мовы» в стенах Киево-Могилянской академии (1753 г.), а также целая серия указов Петра I, а затем и Святейшего Синода, которые были направлены против изданий книг на «простой мове» или с малоруссизмами. При этом не проводятся параллели с Западной Европой, в которой в XVIII в. происходили сходные процессы вытеснения региональных языков и диалектов на периферию общественной жизни⁴¹.

Сложность в оценке языковой ситуации в Малороссии состоит в том, что в XVIII в. на ее территории постоянно использовались три письменных языка: церковнославянский, «проста мова» (синонимы: староукраинский, западнорусский письменный язык, канцелярский язык восточных славян, руська мова, рутенская мова, русинский язык, *rusènc kalba, język ruski*) и (велико)русский. Церковнославянский был языком богослужения, кроме того, на нем были написаны все книги, относящиеся к культурному наследию восточнославянских народов, и в этом смысле он служил маркером принадлежности к просвещенному сословию и сугубо православной образованности. «Проста мова» была

⁴¹ См., например: *Клоков В.Т.* Современный взгляд на развитие французской языковой политики. Часть II // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-vzglyad-na-razvitiie-frantsuzskoy-yazykovoy-politiki-chast-ii> (дата обращения: 31.05.2018).

языком делопроизводства и выполняла функции литературного языка, активно развивавшегося с XVI в. В ходе постепенного сокращения автономии Малороссии в составе империи «проста мова» неизбежно вытеснялась в бытовую сферу, в XVIII в. она уже не могла соперничать с русским языком даже в границах гетманата⁴².

В начале XVIII в. Киево-Могилянская академия была единственным высшим учебным заведением в России. Московская Славяно-Латинская академия не составляла ей конкуренции ни по численности учеников, ни по количеству преподаваемых дисциплин. Как уже говорилось выше, в условиях острого дефицита квалифицированных кадров любой, даже не окончивший полный курс обучения, выпускник воспринимался как желанный кандидат для пополнения вакансий Посольского приказа, Сената и Синода.

Современная украинская официальная историография настаивает, что Киево-Могилянская академия являлась центром формирования национального самосознания и украинской культуры, и «украинский язык» был включен в программу обучения еще в конце XVII в. Не затрагивая вопрос о том, насколько «проста мова» является синонимом украинского языка, следует признать, что даже в условиях отсутствия специальных курсов по этому предмету⁴³ академическое образование способствовало ее развитию. Во-первых, в академию принимались только дети, уже умевшие читать и писать, естественно, в большинстве своем на «простой мове», во-вторых, она активно использовалась на младших курсах в процессе обучения другим языкам. На-

⁴² М. Мозер утверждает, что после 1765 г. на Левобережной Украине практически отсутствуют официальные документы, составленные на украинском языке, см.: *Мозер М. Причинки до історії української мови*. Харків, 2008. С. 302. Следует отметить, что Мозер ограничивает время существования «простой мовы» XVII веком, а язык XVIII в. уже называет украинским, хотя не показывает ни различия между этими языками, ни процесс трансформации.

⁴³ Утверждение З.И. Хижняк о том, что «просту мову» изучали в Киево-Могилянской академии по церковнославянской грамматике Мелетия Смотрицкого, следует считать явной ошибкой, см.: *Хижняк З.И. Киево-Могилянская академия*. Киев, 1988. С. 78.

конец, в ходе обучения поэзии⁴⁴ и риторике студенты учились писать произведения «среднего стиля» (элегии, драмы, сатиры, эклоги, дружеские сочинения) на «простой мове», или ее смеси с церковнославянским, и низкого (комедии, интермедии, песни, басни) — на разговорном языке.

Студенты обучались составлению художественных прозаических и стихотворных текстов и деловой документации, а также правилам ведения переписки. Кроме того, учащиеся совершенствовали свои навыки, принимая участие в школьных спектаклях (открытых для широкой публики) и зарабатывая деньги на существование самодеятельными театрализованными представлениями, репетиторством, выполнением обязанностей церковнослужителей и т. д.⁴⁵ Таким образом, они обучались не языку как таковому, а всем видам деятельности на этом языке.

Изучение собственно русского (великорусского) варианта языка также не предусматривалось. Хотя Феофан Прокопович требовал вводить великорусские образцы в учебный план курса поэзии⁴⁶, однако русский язык был введен в учебный план на постоянной основе только с 1765 г. Удельный вес русских поэтических образцов среди произведений латинских, польских и малороссийских авторов зависел от личных предпочтений действующего профессора пиитики, но в течение XVIII в. он неуклонно возрастал. Переломным периодом в истории обучения русскому языку в Киево-Могилянской академии стало правление императрицы Елизаветы Петровны, которая в 1744 г. лично посетила Киев и продемонстрировала студентам блестящие перспективы великорусской карьеры. Другим значимым фактом стало

⁴⁴ В учебнике по пиитике Георгия (Конисского) 1740 г. был введен целый раздел, посвященный малороссийской поэзии, см.: *Хижняк З.И.* Киево-Могилянская академия. С. 88–89.

⁴⁵ *Дзюба Е.М.* Українці в культурному житті Росії XVIII ст.: причини міграції // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 178.

⁴⁶ *Лужный Р.* «Поэтика» Феофана Прокоповича и теория поэзии в Киево-Могилянской академии (первая половина XVIII в.). [Электронный ресурс]. URL: http://www.pushkinskiydom.ru/Portals/3/PDF/XVIII/07_tom_XVIII/Luzhniy/Luzhniy.pdf (дата обращения: 29.05.2018).

творчество М.В. Ломоносова, в частности издание им «Риторики» и «Российской грамматики»⁴⁷, в которых соответствующие учебные курсы излагались на русском языке, а также сборников стихов⁴⁸, ставших образцами для обучения основам русской поэтики.

В административном отношении Киево-Могилянская академия подчинялась киевскому архиерею, а с 1721 г. — и Святейшему Синоду. В программу образования Синод практически не вмешивался, и система преподавания языков не стала исключением. Таким образом, на протяжении первой половины XVIII в. правительственные органы Российской империи не только не возражали против изучения польского языка, который не был востребован в условиях империи, но и не требовали изучения современного им великорусского языка. Только в 1765 г. последовало распоряжение о сближении программы обучения в Академии с университетскими, в частности, предполагавшее введение преподавания русского языка по правилам Санкт-Петербургской академии наук. Насколько этот курс служил инструментом русификации, может свидетельствовать распоряжение киевского митрополита Самуила (Миславского) 1784 г. о том, чтобы преподаватели следили за соблюдением чистоты «выговора» и «правописания» великорусской речи⁴⁹. И в конце XVIII в. эта проблема продолжала оставаться актуальной.

Если в первой четверти XVIII в. подобную невзыскательность со стороны государства можно отнести на счет неразберихи, вызванной бурной преобразовательной деятельностью Петра I, то благожелательное отношение ко всему малороссийскому в середине века было обусловлено личными предпочтениями императрицы Елизаветы Петровны.

⁴⁷ Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. СПб., 1748; Ломоносов М.В. Риторика. СПб., 1748; Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб., 1755.

⁴⁸ Ломоносов М.В. Собрание разных сочинений в стихах и прозе. СПб., 1751, 1757–1759 и др.

⁴⁹ Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського. Ф. 301. Оп. 751л. № 35. Арк. 131–133.

Ограничения в употреблении «простой мовы» касались лишь книгоиздательской деятельности⁵⁰. Так, указы предписывали, чтобы в книгах, печатаемых на церковнославянском языке и предназначенных для продажи в том числе и в Великороссии, соблюдались «орфография, сиречь правописание и правоверие великороссийское правильное»; чтобы «никакой розни и особого речения не было», а «малороссийские примрачные (непонятные, темные по смыслу. — С. Л.) речения» следовало заменять «обыкновенными». Некоторые историки в этих ограничениях видят дискриминационные меры в отношении украинского языка. Противоположной точки зрения придерживается, например, А. Даниленко, утверждающий, что в отличие от Правобережья, «проста мова» на Левобережье не подвергалась давлению со стороны государственной власти⁵¹. Следует подчеркнуть, что меры по ограничению использования языка вводил Синод, в составе которого большинство составляли выходцы из Малороссии, а контроль над соблюдением единства орфографии также был возложен на выпускника Киево-Могилянской академии архимандрита Гавриила (Бужинского).

Запрет издания книг на «простой мове» обусловлен в большей мере не русификаторской политикой властей, а теорией литературных жанров того времени. В Киево-Могилянской академии была принята западноевропейская концепция разделения жанров на высокий, средний и низкий, каждый из которых традиционно соотносился с разными языками⁵². «Проста мова» не могла использоваться для произведений высокого стиля (богословские трактаты,

⁵⁰ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. VI. С. 244, № 3653.

⁵¹ *Danylenko A.* The formation of new standard Ukrainian. From the history of an undeclared contest between Right- and Left-Bank Ukrainian in the 18th c. // *Die Welt der Slaven*. В. 53 (1). S. 42–115.

⁵² Эту теорию за время обучения воспринял и М.В. Ломоносов, позднее изложив ее в работе: *Ломоносов М.В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. В 11-ти тт. М.; Л., 1983. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 589–590.

проповеди, богослужебная литература), именно поэтому малоруссизмы тщательно вычищались из книг церковной печати, изданных в Киеве и Чернигове. Кроме того, любое отклонение от канонического текста в православной догматике воспринималось очень болезненно, правительство не было готово к повторению внутрицерковного конфликта, аналогичного старообрядческому, из-за «не во всем с великороссийскими сходных» книг.

Наконец, потенциал великорусского книжного рынка того времени был значительно выше, однако, чтобы читатель российской глубинки мог понять печатный текст, требовалось, чтобы этот текст был напечатан без использования полонизмов или малоруссизмов. Само число регулярно издававшихся постановлений Синода на эту тему показывает, что проблема оставалась неразрешенной на протяжении всего XVIII в.

Запрет на использование устного «малороссийского наречия» касался бытового общения студентов и преподавателей Киево-Могилянской академии во внеучебное время и был наложен киевским митрополитом Рафаилом (Заборовским) 7 октября 1734 г., но не в пользу русского языка, а для того, чтобы вынудить студентов успешнее изучать латынь. Таким образом, придворные круги Российской империи, Сенат и Синод не стремились ни русифицировать молодых представителей интеллектуальной элиты гетманата, ни облегчить им начало карьеры в Великороссии.

Переселяясь в великорусские земли, выпускники Киево-Могилянской академии сразу же обнаруживали, что их разговорный язык и книжная «проста мова» очень отличаются от языков, на которых общается, ведет переписку и частично деловую документацию местное население, и знания церковнославянского языка оказывалось недостаточно.

Свидетельства этого можно увидеть, например, в отзывах на квалификационные работы будущих переводчиков Коллегии иностранных дел. В таких отзывах регулярно указывалось, что в знании иностранного (польского или

немецкого) языка кандидат «изряден», но его русский письменный язык нуждается в дальнейшем совершенствовании. Например, в отношении экзаменуемого Г. Полетики В. К. Тредиаковский отмечал, что «российский язык его есть по большей части в переводе диалект малороссийский»⁵³. Таким образом, даже желавшие выехать выпускники академии были не вполне готовы к осуществлению карьеры в Великороссии.

Аналогичная ситуация складывалась в отношении выпускников высшего, богословского, факультета. Тексты проповедей архиереев подлежали обязательному изданию, и издательские корректуры у недавно назначенных архиереев-малороссов пестрели замечаниями справщиков Печатного двора, отмечавших отступления от великорусской языковой практики⁵⁴. Характерно, что корректоры часть замечаний устраняли сами, но исправления малоруссизмов всегда согласовывались с автором.

Часть духовных лиц в течение нескольких лет службы в Великороссии перенимала привычки своего окружения, так П.И. Житецкий указывает, что в проповедях ростовского епископа Дмитрия (Туптало) малорусские обороты исчезли только спустя 9 лет после хиротонии⁵⁵.

Языковая ассимиляция происходила с разной степенью успешности, например, диакон Стефан Васильевич Савицкий, окончивший академию в 1738 г., уже через год после переезда в Санкт-Петербург писал проповеди как великоросс, но некоторые иереи продолжали настаивать на использовании именно малорусских вариантов. Например, еп. Симеон (Годорский) считался знатоком языков, в Киеве преподавал

⁵³ Цит. по: Дзюба Е.Н. Переводческая деятельность воспитанников Киевской академии (XVIII в.) // Культура и общественные связи Украины со странами Европы. Киев, Одесса, 1990. С. 66.

⁵⁴ Kislova E.I. Ukrainian pronunciation of the 18th-century Russian clergy // Beitrage der Europaischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) Т. 17. 2014. P 84–91. [Электронный ресурс]. URL: http://ekislova.ru/wp-content/uploads/2009/07/P17_kislova_Eng.pdf (дата обращения: 24.09.2017).

⁵⁵ Житецкий П.И. К истории литературной русской речи в XVIII веке // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1903. Т. 8. Кн. 2. С. 15–16.

немецкий и иврит, а также читал курсы по поэтике и богословию на латыни. Однако и после двух лет пребывания при дворе он требовал от справщиков Печатного двора оставить малоруссизмы в печатном тексте его проповедей⁵⁶.

Выговор Симона Тодорского также вызывал насмешки у его недоброжелателей, в частности великого князя Петра Федоровича, однако епископ, чувствуя поддержку со стороны императрицы Елизаветы Петровны, не считал нужным его менять и без малейшего стеснения произносил публичные речи, в том числе и во время церемонии бракосочетания наследника престола⁵⁷.

Именно «высочайшая поддержка» ввела в моду малороссийский выговор при дворе. Другим каналом языкового влияния следует признать церковную среду. Хотя речь новопоставленных иереев не всегда была понятна пастве, число мигрантов было достаточно велико, и они занимали привилегированное положение. А.П. Сумароков свидетельствовал: «Знатнейшие наши духовные были ко стыду нашему только одни Малороссиянцы, почти до времен владеющей нами самодержицы (то есть Екатерины II. — С. Л.): от чего все духовные слепо следуя их неправильному и провинциальному наречию вместо во веки и протч. говорили во вики и так далее...»⁵⁸.

Еще одним каналом распространения малороссийского влияния была система образования. Киево-Могилянская академия готовила профессорско-преподавательский состав для других училищ и школ, ее выпускники работали практически во всех образовательных учреждениях России XVIII в. По воспоминаниям учеников казанской школы, учителя говорили с отчетливым малороссийским акцентом и требовали, чтобы ученики повторяли их выговор. Таким образом, можно констатировать, что внутри отдельных со-

⁵⁶ *Kislova E.I.* Ukrainian pronunciation of the 18th-century Russian clergy.

⁵⁷ Записки императрицы Екатерины. М., 1989. С. 48–49.

⁵⁸ *Сумароков А.П.* О правописании. [Электронный ресурс]. URL: http://www.azlib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0280oldorfo.shtml (дата обращения: 21.09.2017).

циальных групп в Великороссии «малороссийский» язык имел относительно широкое распространение.

М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» утверждал, что существуют три «главных российских диалекта: ... московский, северный и украинский»⁵⁹, преимущество признавал за московским и не внес в свой учебник ни звуковые, ни лексические, ни морфологические особенности «украинского диалекта». Ломоносов ни разу, видимо с оглядкой на «высочайшую поддержку», не назвал неправильными или ошибочными нормы «украинского диалекта», однако настаивал на том, что говорить и писать следует «чисто Российским языком».

Хотя малороссийский акцент и провоцировал проявления бытового национализма, особенно в российской глубинке, масштабы этой проблемы не вызывали тревоги у духовных и светских властей Российской империи. Отрефлексируемые современниками языковые различия между великороссами и малороссами относились преимущественно к сфере устного языка. С развитием отечественного языкознания и разработкой норм литературного русского языка государство предприняло меры по корректировке образовательной программы в Киево-Могилянской академии и по соблюдению «языковой чистоты», но эти меры относятся уже к истории XIX века.

Имперская церковь глазами малороссийских архиереев

Культурная политика на институциональном уровне не могла обойти своим вниманием церковь. С 1684 г. Киевская митрополия вошла в состав Московского патриархата, но уже с середины XVII в. можно констатировать неуклонное нарастание влияния «киевлян» на Русскую православную церковь. Некоторые исследователи считают, что именно желание сблизить обрядовую и богослужебную

⁵⁹ Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Сочинения. В 8-ми тт. Т. 4. СПб., 1898. С. 52.

практику Москвы и Киева привело патриарха Никона к необходимости осуществления церковной реформы⁶⁰.

Численность и роль выходцев из Киевской митрополии в XVIII в. были обрисованы в фундаментальной монографии К.В. Харламповича «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» (Киев, 1914), однако в их взаимодействии с великороссами осталось много нерешенных вопросов. Во-первых, обширные хронологические рамки не позволили автору сосредоточиться на специфике более мелких исторических периодов, хотя очевидно, что имелись существенные различия в степени взаимопроникновения культур в периоды правления Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Во-вторых, как видно и из названия работы, Харлампович исследовал именно малороссийское влияние на Русскую православную церковь, но не обратный процесс.

Эти же недостатки можно отнести и к большинству современных исследований по истории Русской православной церкви в XVIII в., отечественных и зарубежных. Редкое исключение представляют собой исследования В.М. Живова, рассматривающие преобразования Петра I в контексте церковной политики царя Алексея Михайловича и деятельности патриархов Никона, Иоакима и Адриана. На основании материала исследователю удалось аргументированно опровергнуть устоявшийся стереотип о том, что стремление Петра I заполнять вакантные церковные должности выходцами из Киевской митрополии было продиктовано высоким уровнем образованности малороссийского духовенства или близостью последнего к европейской культуре⁶¹, но, прежде всего, отсутствием у него проч-

⁶⁰ Алмазов А.С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). С. 169, 170.

⁶¹ Ср.: «Особые надежды возлагались на тех, кто обучался в западноевропейских образовательных учреждениях» (Харшин М., Мордвинцев В. Російське самодержавство та Київська митрополія кафедра, або як Українська православна церква позбулася автокефалії. Київ, 1999. С. 201); «Украинское духовенство стало культурным мостком между

ных социальных связей в великорусских епархиях. Этот социальный вакуум делал из малороссийских игуменов и архиереев послушных исполнителей воли императора⁶².

Проблемой является отношение центральных светских и духовных властей по отношению к Киевской митрополии и киевскому православию⁶³ в целом. В дореволюционной русской историографии не признавалась специфика киевского православия, ее самоценность по отношению к великорусским обычаям и нормам, а существование различий и даже антагонизма между малороссийским и великороссийским духовенством отрицалось или переводилось на уровень исторических анекдотов. Это привело к тому, что оценки деятельности центральной власти колебались от «устранения недочетов» до «унификации» и были, безусловно, позитивными⁶⁴.

Украинская национальная историография также последовательно говорит о «русификации» и «денационали-

---

Московской Русью и Западною Европой, по которому эпоха “просвещенного абсолютизма” распространилась и на отсталую Московию» (Євсева Т.М. Роль церковної еліти у формуванні політичної самосвідомості українців XVII–XVIII століть // Український історичний журнал. 1999. № 2. С. 102).

⁶² Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследование и материалы. М., 2004. С. 43, 45, 125.

⁶³ Говоря о «киевском православии», имеются в виду особенности богослужения, паралитургических практик, административного управления и церковной жизни в целом, сложившиеся в Киевской митрополии и отличавшиеся от традиций великорусских епархий. Автор предпочитает не пользоваться термином «украинская национальная церковь», во-первых, поскольку духовенство себя не называло «украинцами», а «малороссами», а во-вторых, понятие «национальная церковь» включает в себя осознание ее членами, в первую очередь духовенством, внутреннего единства и своей «инакости» по отношению к другим представителям той же конфессии. Разделяло ли духовенство XVIII в. подобные представления, еще предстоит выяснить.

⁶⁴ Титлинов Б.В. Правительство Анны Иоанновны в его отношении к делам православной Церкви. Вильно, 1905; Веделянин П. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны относительно православного духовенства // Православное обозрение. 1865. № 5–7; Климов М. Постановление по делам православного духовенства и Церкви в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1902; Беликов В. Отношение государственной власти к Церкви и духовенству в царствование Екатерины II // Чтения в Обществе любителей древней письменности. 1874–1875 и др.

зации»: «Постепенное, но неуклонное отсекаание живых национально-церковных особенностей православной церкви на Украине и превращение ее в унифицированное территориальное подразделение правительствующей Русской православной церкви»⁶⁵. Таким образом, взаимоотношения между «киевским православием» и Россией последовательно описываются в рамках оппозиции гонители — гонимые: самодержавно-синодальные власти — Киевская митрополия. Вместе с тем никак не комментируется тот факт, что спустя очень непродолжительное время после выезда за пределы гетманата «гонимые» становятся той самой «центральной церковной властью» и превращаются в русификаторов и «гонителей украинского православия».

Характеризуя церковную политику Петра I, следует подчеркнуть, что он стремился к полному обновлению епископата, но если раньше только кафедры Киевской митрополии и примыкавшая к ним Смоленская заполнялись местными уроженцами, то теперь малороссы назначались и в великорусские диоцезы⁶⁶. Решающее значение придавалось соответствию мировоззрения кандидата духу церковных реформ Петра I, от чего и зависела будущая карьера архиерея или игумена, вне зависимости от его происхождения.

Вместе с тем нельзя сказать, что Петр осуществлял «малороссизацию» Русской православной церкви. Более половины «киевлян» — номинантов на великорусские епархии имели опыт настоятельства или насельничества в русских монастырях. В дальнейшем эта тенденция будет неуклонно нарастать, и число епископов, не прошедших процесс адаптации к великорусским принципам и традициям церковной жизни, сократится до нуля.

⁶⁵ Історія православної церкви в Україні. Збірка наукових праць / Відп. ред. П. Яроцький. Київ, 1997. С. 158–159; Українська церква між сходом і заходом / Відп. ред. А. Колодний. Київ, 1996. С. 110 і др.

⁶⁶ Лукашова С.С. Малороссийские архиереи русской православной церкви в 1700–1771 годах // Русские об Украине и украинцах. Очерки. СПб., 2012. С. 69–121.

В период дворцовых переворотов не произошло радикальных изменений церковной политики по сравнению со временем Петра I. Созданная им модель имперской церкви оказалась достаточно жизнеспособной и готовой к развитию даже в условиях частой смены власти и отсутствия единства во взглядах на государственные приоритеты. Эволюция новой модели церкви проявилась в ее бюрократизации, установлении баланса между внутрицерковными группировками, великорусского и малорусского духовенства в них, а также в сближении церковной политики в отношении малороссийских и великорусских епархий при сохранении привилегированного статуса Киевской митрополии в числе диоцезов Русской православной церкви.

Несмотря на то, что три четверти архиерейских назначений Елизаветы Петровны относилось к выходцам из Киевской митрополии, ее церковную политику нельзя считать ни *про*-малороссийской, ни *анти*-великорусской. Императрица минимизировала свое воздействие на процесс церковных назначений, что и привело к упрочению положения, а затем и доминированию одной внутрицерковной группы, консолидация которой способствовала установлению ее моноэтничности. Однако в конце жизни Елизавета компенсировала возникший дисбаланс, восстановив примерное равенство малороссийских и великорусских архиереев.

Экономическая и социальная интеграция в империю, оказывавшая ощутимое воздействие на общественное сознание населения Малороссии с 1720-х гг., привела к повышению притягательности великорусской карьеры для киевского духовенства и способствовала формированию общегосударственного, общеимперского самосознания, которое начинает постепенно вытеснять региональную и этнокультурную идентичность. Вместе с тем этническая компонента не была окончательно нивелирована и отчетливо осознавалась как самими малороссийскими архиереями, так и великорусскими светскими и духовными властями. Например, в случае обострения отношений выходцы из Киевской митрополии повсеместно обзывались «черкаса-

ми», «обливанцами» или «ляшенками» (от «лях» — поляк), ср.: «...в Синоде все дураки, поляки»⁶⁷.

Екатерина II реализовала тенденции, намеченные в предшествующий период и завершила формирование внутренней структуры имперской церкви. Необходимо особо подчеркнуть, что осуществленная в 1764 г. реформа церкви и разделение всех диоцезов и монастырей на классы (от первого до третьего) не затронули заграничную Могилевскую епархию и малороссийские, т. е. Киевскую, Переяславльскую, Черниговскую. В них реформа не проводилась (и, с точки зрения епископата, они оказались в привилегированном положении⁶⁸). Фактически это было последним признанием де-факто особого статуса киевского православия в составе Русской православной церкви, однако никаких официальных разъяснений, чем эти епархии отличаются от других, сделано не было. Все епархии со смешанным населением были приравнены к чисто великорусским, и все они были отнесены к низшему, третьему, классу.

Имеющаяся статистика опровергает предположение о резкой смене кадровой церковной политики Екатерины II по сравнению с предшествующим периодом, особенно с последними годами царствования Елизаветы Петровны, или о принципиальном предпочтении ею великороссов перед малороссами. Императрица не занималась и вытеснением малороссийских архиереев на периферию церковной власти путем их перевода из влиятельных на провинциальные епархии, однако она отменила действовавший ранее режим максимального благопритствования, что было бо-

⁶⁷ Харлампович В.К. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. С. 472. Наименование духовных лиц, тем более архиереев, «черкасами» звучало оскорбительно, поскольку в российском делопроизводстве XVII — начала XVIII в. так называли представителей казачьего сословия.

⁶⁸ Секуляризация, естественно, не могла быть проведена на землях Могилевской епархии, входивших в состав Речи Посполитой. Реформирование малороссийских епархий началось в 1786 г. Вопрос о том, насколько реформа была в действительности выгодна духовенству, остается за рамками данной работы.

лезненно воспринято выходцами из Киевской митрополии. В третьей четверти XVIII в. была завершена подготовка к полной интеграции малороссийских кафедр в состав Русской православной церкви.

На протяжении XVIII в. архиереи-малороссы представляли собой многочисленную и влиятельную силу: их число составляло около 60 % списочного состава епископата, они постоянно занимали большинство мест в высших церковных органах власти, в первую очередь в Святейшем Синоде. Сближению мало- и великороссов способствовала политика отбора и подготовки кандидатов на замещение вакантных кафедр, которая включала в себя успешную адаптацию в великорусских монастырях, постепенное снижение возраста кандидата, а также формирование стандартного набора требований, предъявляемых к будущим архиереям вне зависимости от их происхождения.

Вхождение Киевской митрополии в Русскую православную церковь произошло в результате длительного ненасильственного процесса, включавшего в себя обсуждение и нивелирование расхождений в обрядности и богословии, демонстрацию преимуществ великорусской карьеры и предоставление режима максимального благоприятствования малороссийскому духовенству.

Светские власти признавали особый статус территорий, входивших в состав Киевской митрополии и населенных малороссами, и не стремились ускорить их интеграцию. Первоначально эта интеграция протекала несимметрично и означала безвозвратный выезд наиболее активной части духовенства за пределы митрополии. Со временем, в условиях интенсификации экономических и культурных взаимодействий между регионами, политика самоизоляции Киевской митрополии смягчается. В этих условиях богослужebные, языковые и пр. особенности киевского православия стали расцениваться сначала выехавшими в Великороссию, а затем и самими жителями Малороссии как создающие препятствия успешной карьере.

Представители малороссийского духовенства исключительно редко говорили о различиях между двумя московской и киевской моделями православия⁶⁹, практически единственным исключением являются документы, выработанные на киевском соборе 1685 г. и переданные затем патриарху московскому Иоакиму⁷⁰. В первом списке из 8 пунктов заявлено о необходимости соблюдения особых «вольностей, судов и прав» киевской кафедры, но целиком он сводится к сохранению фактической автокефальности, и только один пункт может быть отнесен и к иному пониманию экклесиологии (сохранение принципа свободной выборности Киевского митрополита).

Во втором списке из 17 пунктов⁷¹ три могут свидетельствовать об особой организации церковной жизни: более низкий уровень церковной дисциплины⁷² и неподсудность духовных лиц светскому суду⁷³, а один пункт может быть расценен как несколько иные эсхатологические представления⁷⁴. Последние три пункта свидетельствуют о расхождении в обрядовой практике с русским православием: острое неприятие, как у духовенства, так и у простых верующих, вызывали церковные службы и пение «по-московски», книги московской печати, а также обязанность крестить детей только погружением, к чему священники настолько непривычны, что даже по неосторожности топят младенцев⁷⁵. Таким образом, большая часть специфики

⁶⁹ Лукашова С.С. Киевское православие и Русская православная церковь в XVIII в. // Текст славянской культуры. К юбилею Л.А. Софроновой. Сборник статей. М., 2011. С. 460–474.

⁷⁰ Письмо Арсения, митрополита Белгородского к патриарху Иоакиму от 8.08.1685 г. // Архив Юго-западной России. Ч. 1. Т. 5. Киев, 1872. С. 59–61.

⁷¹ Нарушения старинных принципов управления епархией, которые были допущены после перехода Белгородского диоцеза под юрисдикцию Московского патриарха.

⁷² Осуждение введенных запретов на служение духовенства без отпускной грамоты и на произвольное увольнение приходским священников своего викария (Там же. Пп. 8, 11).

⁷³ Там же. П. 10.

⁷⁴ Осуждение штрафа пользу митрополита с родственников умерших внезапной смертью. Там же. П. 7.

⁷⁵ Там же. Пп. 15–17.

киевского православия сводилась к административно-правовой, а не к богословской сфере жизни церкви.

В XVIII в. малороссийское духовенство уже не озвучивало расхождения между киевским и московским православием и не демонстрировало особой приверженности именно киевской модели, напротив, именно оно было инициатором мер по интеграции Киевской митрополии в общероссийское пространство и унификации церковной жизни: архиепископ Феофан (Прокопович) в «Духовном регламенте» требовал перепроверить содержание малороссийских акафистов на соответствие православному вероучению, митрополит Самуил (Миславский) — читать проповеди в церквях «голосом, свойственным российскому наречию» и т. д.

Восемнадцатый век в истории Русской православной церкви — это период превращения церкви национальной, церкви русских, в церковь российскую. Преодолению русского этноцентризма и представлений об этнической исключительности способствовали выходцы из Малороссии, которые формировали образ и структуру этой новой имперской церкви.

* * *

Оценивая политику Российской империи в отношении Малороссии, следует учитывать, что, с одной стороны, империя в целом обладала огромным потенциалом, несопоставимым с ресурсами одного региона, с другой — политические, экономические и культурные реформы XVIII века в России проходили в направлении вестернизации.

Российской империи было выгодно постепенное сокращение автономии Малороссии. Вместе с тем на функционирование административного аппарата оказывало влияние как борьба группировок казацкой старшины за власть, так и несовершенство политической и правовой систем гетманата, которые провоцировали нестабильность работы органов исполнительной и судебной власти, а зачастую и прямо требовали вмешательства Санкт-Петербурга.

Центральные власти империи не форсировали интеграционные процессы и допускали возвращение правовых институтов в целях сохранения общественного порядка, Поскольку уровень образованности в гетманате был выше, чем в центральных областях России, не говоря о глубинке или новоприсоединенных территориях, малороссийская культура на протяжении XVIII в. оказывала существенное влияние на Русскую православную церковь и связанные с ней области духовной жизни — иконопись, архитектуру, музыку, а через нее и на сферу образования, литературу, общественно-политическую мысль. В них Малороссия была не объектом великороссийской государственной политики, но выступала как равноправный партнер.

Вместе с тем воздействие было амбивалентным, и выходцы из Малороссии, вошедшие в имперскую элиту, способствовали дальнейшей интеграции гетманата в состав империи. Зачастую представители центральных и региональных властей были носителями одной и той же культурной традиции, а различия в их взглядах были обусловлены разным объемом власти.

До тех пор, пока существовал разрыв в культурном уровне малороссийской и великорусской интеллектуальной элиты, центральные власти демонстрировали толерантность в отношении региональной специфики, в первую очередь, использования «украинского диалекта», а также в реакции на автономистские политические настроения. Со временем в России сформировалась новая элита, напрямую обращавшаяся к западноевропейским научным и культурным достижениям. Роль Малороссии как посредника и культуртрегера сократилась, и к XIX в. она постепенно превратилась в одну из окраин империи.

Неурегулированность сословного статуса малороссийской старшины затрудняла процесс включения Малороссии в систему экономических и политических связей Российской империи.

Культурный обмен между гетманатом и Великороссией в XVIII в. можно рассматривать как двусторонний, хотя

и с разной степенью интенсивности. Для первой половины века со стороны малороссийских властей характерны проявления политики самоизоляции, в середине века большинство южан осознало новые возможности, связанные с интеграцией в структуры Российской империи, и перестало воспринимать приехавших / вернувшихся с севера враждебно. Конец века ознаменовался сменой политических ориентиров: средоточие власти окончательно переместилось в Санкт-Петербург, а Малороссия стала восприниматься как окраина и провинция.

Очерк 2

Возникновение научных представлений об общности русского народа: вопросы исторической топонимии и этнонимии (последняя треть XVIII — первая половина XIX в.)

Концепция «триединого русского народа» изучается в течение нескольких столетий. Историография ее происхождения и формирования проходила разные стадии, всегда находясь в центре полемики — о политике и об идеологии, о государственных историях и о границах этничности, о специфике «русского пути», о русофобии, о сути разногласий между славянофилами и западниками. Попадая в центр не только научных, но и общественных обсуждений, эта концепция обростала несколькими «слоями» разнородных и зачастую совершенно не связанных между собой трактовок и заключений. Обращаясь к истории концептуализации понятия «триединого народа» в XIX в., мы ограничиваем исследование только научным дискурсом.

Следует подчеркнуть, что первое упоминание представлений о единстве трех «русских племен» (позже получивших наименование восточнославянских этносов) восходит к более раннему периоду. Эволюция их трактовки отражена в чрезвычайно богатой историографии на различных европейских языках, но находится вне сферы нашего рассмотрения. В конце XVIII — начале XIX в. данный вопрос явно не представлялся остроактуальным для исторических исследований, так как в центре внимания нахо-

дилась проблема более масштабная — этногенез руссов / славяно-руссов в связи с началом государственности, что было обусловлено необходимостью осмысления прошлого Российской империи с точки зрения ее историко-политического и этнокультурного наследия и преемственности. Начальным этапом нового периода обращения интеллектуалов и политиков к происхождению «народа русского» и этногенетическим его связям и взаимодействиям можно считать последнюю треть XVIII в. Именно к этому времени относятся полемика вокруг идей норманизма, обсуждение истоков русской государственности в связи с политическим наследием Киевской Руси и попытки установить непрерывную преемственность с Рюриковой, новгородской, линией правления. Важным стимулом стали и разделы Речи Посполитой, которые, включив в состав Российской империи «исконно русские земли», нуждались в мощной исторической аргументации. Это стало одним из побудительных мотивов обращения к территориально-политической истории Великой, Малой и Белой Руси (России) — с точки зрения прошлого русского народа и своеобразия его составных частей. Таким образом, в центре рассуждений о трех «племенах» русского народа всегда находились два аспекта: пространственный и этнографический (включающий антропологический, лингвистический и этнокультурный критерии).

Трактовка этничности и установление этнической принадлежности в XVIII–XIX вв. не совпадают с современными методами научной идентификации, и в каждом случае само определение следует расценивать как индивидуальную точку зрения автора. Изучение эволюции топонимов трех восточнославянских народов возможно осуществить только в поле междисциплинарного исследования — т. е. обращаясь к методам этнолингвистики, истории этнографии, языка, этнопсихологии и др. Интерпретация этнических номинаций в период складывания национального самосознания и национальной идеологии — всегда процесс субъективно-оценочный и манипулятивный. «Зафиксированные в письменных памятниках имена

народов, — как точно подчеркивает современный этнолог С.В. Соколовский, — один из самых сильных аргументов в пользу “надвременного” характера этничности, ее неустрашимости из картины мира любых исторических эпох ... Соотнесение имени с телом, пребывающим в мире, позволяет ... совершать операции со своими объектами исследования — этносами... Этноним маскирует более существенную нетождественность соотносимых с ним в разные исторические эпохи референтов»¹. И в этом смысле нет и не может быть «верного» или «ошибочного» понимания этнонимов, есть только смена интерпретационных стратегий. Определение этнической принадлежности — как собственной, так и описываемого объекта — в имперский период происходило во многом произвольно, в опоре на имевшийся арсенал знаний и ожиданий, а самоопределение этнической группы не учитывалось (за исключением самоназвания и его объяснения / перевода).

Разбор этнонимии в контексте истории языка и научного тезауруса предпринимается сегодня в рамках того научного направления, которое оперирует методами современной лингвистики, — это, в частности, так называемая «история понятий»². Особенно результативными представляются попытки воссоздать имперский политический лексикон через эволюцию значений его ключевых концептов³. Так, в сборнике «Понятия о России» была опубликована одна из важнейших с точки зрения методики реконструкции этнонимов «малоросс» / «украинец» и топонимов «Малороссия» / «Украина» коллективная статья «Малоросс»⁴.

¹ Соколовский С.В. Этничность как память. Парадигмы этнологического знания // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М., 1994. Вып. 1. С. 13–14.

² Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XIX вв. СПб., 2006.

³ Например, в: Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М., 2010; реконструкции понятия «Малороссия» как концепта: Галь Б. Геоконцепт «Малоросія» на ментальных мапах XVIII — первой половины XIX ст. // Ейдос. 2013. № 7. С. 93–109.

⁴ Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. В 2-х т. М., 2012. Т. II. С. 392–443.

Следует подчеркнуть, что авторы рассматривают данный этноним именно в системном разборе исторической семантики *понятий* имперского периода русской культуры. Поэтому во введении к статье подчеркивается необходимость разделять содержание этого ряда наименований в соответствии с границами различных дискурсов. Исследователи избрали для анализа «внутренний» дискурс («в той среде, которая идентифицирует и репрезентирует себя с помощью понятия *малоросс*») и несколько «внешних» («о *малороссах* извне»): великорусский (высказывания тех, которые «идентифицировали себя как великорусов»), украинский и польский⁵. Такое методологически корректное разграничение полей, основанное на этнической самоидентификации (когда критерием выступает этнокультурное самоопределение или отношение к украинскому проекту — то есть не языковой дискурс), на первый взгляд убедительно.

Применительно к истории XIX в. мы сталкиваемся со сложной проблемой понимания этнической идентификации. Во-первых, индивидуальное самоопределение и саморепрезентация опираются на идентификационную иерархию различных уровней или типов, которые актуализируются ситуативно. Во-вторых, в полиэтнической Империи этническая идентичность человека может по-разному трактоваться или меняться в течение жизни⁶. Наконец, в-третьих, если

⁵ Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. Т. II. С. 392.

⁶ Современный исследователь П.С. Куприянов, рассматривая описания народов в текстах путешествий начала XIX в., убедительно показал, что «универсальной, разделяемой всеми концепции этноса» не существовало, но наиболее распространенными оказались две модели — условно обозначаемые им как «этническая» и «географическая», отличающиеся различной трактовкой понятия «народ». Первая определяла его как племенную общность, вторая — как территориальную, и, следовательно, «методы» их обнаружения кардинально различались. «Географическая модель» репрезентации этноса явно превалировала в европейских научных народоописаниях и более ранней эпохи — конца XVIII в., поскольку именно пространственный критерий обуславливал предмет и методы описания (Куприянов П.С. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 34–35). Применительно к нашему предмету исследования это означает, что в Великороссии и Малороссии было естественно «обнаруживать» великороссов

даже брать в качестве критерия только внешнюю идентификацию (например, определить признаковое или иное поле великорусской и малорусской принадлежности) либо, наоборот, только индивидуальную, её часто почти невозможно верифицировать с высокой степенью точности.

В нормативных дефинициях второй половины XX в. наименование великороссы / великорусы в современном языке, в том числе в научном тезаурусе исторической и этнографической дисциплин, принято объяснять как устаревшее название русских, бытовавшее в литературном языке и официальном дискурсе XIX — начала XX в.⁷ Согласно такому пониманию, этноним «русские», начиная с XX в., не столько синоним «великорусов», сколько простая лексическая замена (в том же ключе часто описывается

и малороссов как различающиеся определенным набором особенностей племена, или «отрасли» русского народа.

⁷ Как «название русских» в XIX — начале XX в. или «устаревшее» название русских или «великорусы (великороссы) — то же, что русские», — объясняется в толковых словарях русского языка (Великорусы // Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2004. С. 89; Великорусы // Словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М., 1999. Великорусы // *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Под общей ред. Л.И. Скворцова. М., 2005. С. 71), в энциклопедиях (Великорусы // Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. 3-е изд. М., 1969–1978. Т. 4. М., 1971. С. 455; Великорусы // Советская историческая энциклопедия. В 16-ти т. М., 1963–1976. Т. 3. М., 1963. С. 256; Великорусы // Российский энциклопедический словарь. В 2-х кн. М., 2001. Кн. 1. С. 240). В советской этнографической литературе понятие «великорусы» не разъяснялось специально, т. е. как этноним, но использовалось в качестве синонима, будучи помещенным в скобки: «русский (великорусский) этнос» или русские (великорусы). См. например: *Токарев С.А.* Восточно-славянские народы (русские, украинцы, белорусы) // *Токарев С.А.* Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958. С. 15–103. В энциклопедии «Народы России» понятие «великорусы» никак не объясняется и используется только в очерке о диалектах (Русские // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 270–307), а в первом издании тома о русских из серии «Народы мира», подготовленном Институтом этнографии РАН, также применено «по умолчанию» как синоним: русские (великорусы) / русские (великорусские) — см.: Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 1999. Нет определений понятий «русские» и «великорусы» в обобщающем труде о русском этносе под ред. В.А. Тишкова и И.В. Власовой (Русские. История и этнография. М., 2008). Это также свидетельствует о том, что для подавляющего числа советских и российских авторов данные категории воспринимаются как очевидные и не требующие специальных разъяснений.

изменение названия «малорусы» на «украинцы»); в зависимости от идеологической трактовки утверждается, что замена эта либо зафиксировала этап процесса национальной самоидентификации, либо явилась результатом «естественной» трансформации понятия, в том числе в узкоязыковой сфере, а вовсе не обязательно в области этнонационального сознания. В словарных статьях и в этнографических очерках о русских указывается также, что «русскими» в XIX в. называли восточных славян («русских, украинцев, белорусов» или «великорусов, малорусов и белорусов») в совокупности⁸. В какой мере применение термина «этноним» корректно для названия, изначально созданного и использовавшегося исключительно в книжном языке? Можно ли говорить о ряде понятий «великорусы», «малорусы» и «белорусы» как этнонимическом? Ведь в период их активного бытования в XIX в. (в отсутствие термина «этнос») в представлениях одной части интеллектуальной элиты все они соотносились лишь с одним племенем (в значении «этнос») — «русскими», именуясь его «отраслями», «ветвями», «оттенками», «поколениями» и т. д., тогда как другая часть рассматривала их как три самостоятельные «народности» (в разных значениях слова) общего происхождения и одной языковой группы.

В Российской империи с конца XVIII в., и особенно интенсивно — начиная с 1820-х гг., после Отечественной войны 1812 г., шел процесс формирования новых представлений о русской идентичности / русскости⁹ в двух аспектах: как русской этничности / народности (ограничиваемой, однако, социальными низами общества) и как русской нации / национальности. Причем во втором случае наблюдалось стремление если не нивелировать резкие социальные, религиозные, этнокультурные, исторические, цивилизационные и иные различия внутри государства,

⁸ Тишков В.А. О русских (Введение к новому изданию коллективного труда «Русские» в серии «Народы и культуры») // Вестник российской нации. 2014. № 6. С. 30–46.

⁹ Здесь и далее слово «русскость» пишется без кавычек.

то, по крайней мере, сформулировать гипотезу, объясняющую и легитимирующую принцип сосуществования геополитических исторических единиц, «земель», окраин с разнородным населением под единым скипетром и под цементирующим влиянием государствообразующего ядра, которым «назначались» то русские в целом, то исключительно великорусы.

Многозначность в языке XIX–XX вв. слов «русский народ» и «русские племена» затрудняет обращение к данному проблемному полю. В первой четверти XIX в. само определение «русский» не только относилось к языку и триединому народу-этносу, но использовалось также для именованя всех подданных Российской империи. В литературном языке эпохи русскими могли называть жителей только центральных регионов России, соотносимых с землями Московского государства, — то есть великорусов. В научном же лексиконе определение «русский» чаще всего применялось именно при определении «народа» — как совокупное название великорусов, малорусов и белорусов. Так, один из исследователей категории «русский» (на примере контент-анализа текстов Д.И. Иловайского и сопряженных грамматических форм) констатирует: «Определить то, о какой общности (этнической или гражданской) идет речь, можно только из контекста предложения ... Очень часто “русские” — это подданные российского императора, население Руси / Российской империи, многоэтничной и многоконфессиональной по своей сущности... Категория “русский” ... обладает скорее надэтническим “содержанием”. Об этом свидетельствует анализ сопряженности категории со словами-понятиями в рамках словосочетаний: русскость ассоциируется, прежде всего, с государственно-политической и экономической, территориальной и культурной сферами общественной жизни»¹⁰. Одновременно в тех же текстах проявляется и этнический аспект содержания слова

¹⁰ Матвеев А.В. Русская идентичность в дореволюционном учебнике по истории Д.И. Иловайского // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 69.

«русский» — при использовании терминов «русский народ», «русское племя», «русская народность» или «русская нация», притом без предлагаемых дефиниций или комментариев по поводу этих единиц этнонациональной таксономии¹¹. Та же самая проблема встает в ходе семантической реконструкции содержания и при анализе использования в этногеографическом дискурсе XIX в. названий *Великая Россия / Великороссия, великороссийский / великорусский, великороссиянин / великоросс / великорус* и соответственно — *Малая Россия, Белая Россия / Малороссия, Белоруссия, малороссийский, малорусский, белорусский*, и, наконец, *малоросс / малорус, украинец, белорус*. Трактовка их происхождения имеет длительную историю и эволюцию. На начальном этапе, когда складывались представления о границах регионов в целом — Великой, Малой, Белой, Черной, Червонной Руси (России), — данное наименование использовалось в качестве термина, обозначающего население этих областей. На протяжении XVIII–XIX вв. оно подвергалось уточнению, его содержание варьировалось и дифференцировалось, будучи связано, во-первых, с формированием концепта русскости как выражения национального облика и характера русского народа (в его крестьянской, «простонародной», и внесловной — «имперской» ипостасях), а во-вторых, с поисками этнокультурного своеобразия каждого из трех «племен» («отраслей», «поколений») восточнославянского населения России. Согласно заключениям этнографов, термин «русский» в крестьянской среде долгое время носил «характер не столько этнический, сколько конфессиональный и был почти синонимом слова “православный”», с образованием Русского централизованного государства «этноним “русский” указывал и на этническую принадлежность основной массы населения страны»¹².

¹¹ Матвеев А.В. Русская идентичность в дореволюционном учебнике по истории Д.И. Иловайского // Этнографическое обозрение. С. 69–70.

¹² Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. 2-е изд. М., 2007. С. 488–491.

В конце XVIII — первой половине XIX в. исследователей гораздо больше занимал вопрос о землях, входивших в состав Великой, Малой, Белой, Червонной и Черной России. А в процессе формирования российской этнографической науки, начиная с середины XIX столетия, определился круг значений этнонимов и представлений, связанных с конкретными характеристиками этнокультурных общностей в составе «единого русского народа».

Изучая этнонимию восточнославянских народов, мы сталкиваемся со специфической лексикой — это топоэтнонимы или этнонимы «с топографическим значением основы». Они, как утверждают лингвисты, редко являются самоназваниями¹³ и потому либо могут навсегда остаться экзонимами (как произошло с наименованием «великороссь», «великорусь»), либо постепенно преобразуются в эндонимы (как случилось с определением «украинць»). Именно эта типологическая особенность данной этнонимии приводит к тому, что, изучая наименования народа, мы не можем игнорировать представления (существенно различавшиеся на разных исторических этапах) как о географическом, так и о ментальном пространстве Великой / Малой Руси // Великой / Малой России // Великороссии / Малороссии / Украины и Беларуси. Причем в случае с этим рядом лингвонимов мы анализируем имена, имеющие не только внешнее (данное извне), но и книжное происхождение, поскольку все три изначально были плодом труда интеллектуальной элиты, что неоднократно отмечалось в научной литературе (начиная с Н.И. Надеждина и до сего дня). Соответственно, изучая имена одной из «отраслей» русского народа в XVIII–XIX вв., мы в действительности реконструируем прежде всего представления этой элиты как о географическом, так и о ментальном пространстве Великой Руси / Великороссии и о ее жителях.

Вопрос о происхождении названий «Русь», «Руссия», «Россия» и произведенных от него этнонимов «россияне», «русские» неоднократно становился объектом внимания

¹³ Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы. М., 1970. С. 22.

исследователей-гуманитариев разных дисциплинарных специализаций. Можно констатировать, что, несмотря на обозримое множество версий, все же достигнуто некоторое согласование позиций (без учета политико-идеологических спекуляций последних лет, связанных с реинкарнацией концепции «Украины-Руси»). В энциклопедиях и словарях обычно указываются все появлявшиеся в истории вариации этимологии — как историко-географические, так и генеалогические, этнографические и многие другие. Нет смысла останавливаться на них специально. Более спорной остается трактовка появления и использования топонимов «Великая», «Малая», «Белая», «Черная и Красная» Русь / Россия и их привязка к карте. Очевидно, что они являются видовыми в отношении более крупной единицы — Руси / России и их полное исследование затруднено несколькими обстоятельствами: эволюцией как самих понятий, так и их объяснений, а также разницей трактовок в синхронии (этнокультурные традиции, исторические национальные школы и т. п.) и в диахронии (на разных этапах развития географических и этнографических знаний). Исследователи, обращавшиеся к вопросу использования данных понятий, достигли, однако, определенных успехов в реконструкции совокупности ряда лингвонимов, связанных с этими хорографическими единицами.

В советской историографии проблема этимологии данного ряда названий волновала исследователей меньше, поскольку они были сконцентрированы скорее на истории формирования единого централизованного государства. Историки и лингвисты занимались в основном вопросами происхождения и формирования трех восточнославянских братских народов-этносов и трех родственных языков (русского, украинского и белорусского)¹⁴. Впрочем, обращение

---

¹⁴ *Державин Н.С.* Происхождение русского народа (великорусского, украинского, белорусского). Л., 1944; *Насонов А.Я.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951; *Тихомиров М.Н.* О происхождении названия «Россия» // Вопросы истории. 1953. № 11. С. 93–96; *Мавродин В.* Образование единого русского государства. Л., 1951; Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958; *Крестова Л.В.* Отражение формирования русской нации в русской литературе и публицистике первой

к данной проблеме видим в статье М.Н. Тихомирова и в книге Н.С. Державина¹⁵.

Отдельную, и, пожалуй, самую многочисленную, историографическую группу составляют современные исторические исследования, посвященные формированию понятия «Русь» / «Россия»¹⁶. Спектр представленных мнений широк, а некоторые заключения прямо противоречат друг другу, так как авторы прибегают к несходным видам источников или, в обобщающих работах, проводят анализ в рамках разных историографических традиций толкований и трактовок.

У истоков концепции «триединого русского народа»: россияне и русскость в научных трудах XVIII в.

В эпоху Просвещения тесная взаимосвязь человеческих сообществ с землей — «местообитанием» — стала важным критерием для определения своеобразия народа, заняв следующее по значимости место после языка. Иначе говоря, племя / народ «закреплялись» за определенной территорией, что, однако, очень затрудняло решение вопроса о родстве (языковом и племенном) и этногенезе. Современная исследовательница Е.Н. Вишленкова убеждена, что «в просвещенческом дискурсе обозначения “росс”, ... “великоросс”, “россиянин” не были этнонимами, а знаками подданства»¹⁷.

Наиболее последовательные попытки обнаружить и описать научными методами особенности русскости — в ее

половины XVIII в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 53–296; *Генсьорський А.І. Термін «Русь» (та похідні) в Древній Русі і в період формування східнослов'янських народностей і націй // Дослідження і матеріали з української мови. Київ, 1962. Т. V. С. 16–30; Брайчевский М. Происхождение Руси. Киев, 1968; Филлин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, и др.*

¹⁵ Тихомиров М.Н. О происхождении названия «Россия»; Державин Н.С. Происхождение русского народа. С. 102–104; 119–128.

¹⁶ Освещение современной историографии по этой теме см.: Лескинен М.В. Великоросс / великорус. Очерки конструирования этничности. Век XIX. М., 2016. С. 24–38.

¹⁷ Вишленкова Е.Н. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 314.

национально-государственном и этнографическом «воплощениях» — исследователи относят именно к XVIII в. К эпохе Просвещения восходит и осмысление образованной частью общества истории русского языка, проблемы соотношения антропологического, языкового и самобытно-культурного факторов формирующейся национальной общности и идентичности. Выработка и интерпретация понятий, связанных с этим процессом, осуществлялись на протяжении всего столетия, особенно интенсивно — в период правления Екатерины II. Тогдашних ученых, собирателей этнографических сведений, больше интересовали населявшие Империю нерусские племена и народы — их описанием были заняты многочисленные научные экспедиции. Разработка содержания терминов «Русь», «Россия» и «русский», «российский» в трудах историков XVIII в. имела не столько исторический, сколько идеологический характер. Она также служила важным аргументом в полемике между двумя концепциями происхождения русского племени (и, как следствие, российской государственности) — полиэтнической и моноэтнической¹⁸, одним из аспектов которой было обсуждение так называемой «норманской теории». Дискуссия между Г.Ф. Миллером и М.В. Ломоносовым о происхождении этнонимов «русь» и «русские» привела к разработке концепции появления «славяно-россов» на землях Московского государства — ядра будущей Империи — и оказала определяющее влияние на исторические и лингвистические изыскания XIX столетия, посвященные формированию русского этноса. Эти теории не ставили под сомнение преемственную связь «славяно-россов» с древними племенами, населявшими Европейскую Россию в период «начальной истории», однако до 1830-х гг. обсуждение велось без привлечения сведений о состоянии современных русских в этническом отношении. В конце XVIII в., по мне-

¹⁸ *Погосян Е.* Русь и Россия в исторических сочинениях 1730–1780 гг. // *Россия / Russia*. Вып. 3 (11). Культурные практики в идеологической перспективе. М., 1999. С. 7–19; *Трубачев О.Н.* Русский — российский. История, динамика, идеология двух атрибутов нации // *Трубачев О.Н.* В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 2005. С. 225–236.

нию Е.А. Вишленковой, «концепт “русский” увязывался не с этнической группой, а с гетерогенным по своему происхождению крестьянством и мещанством центральных и северных губерний России. Для экспедиционных путешественников “русские”, в соответствии с доминирующими взглядами, — это остатки древних славянских и варяжских племен, разрозненные на огромной территории»¹⁹. Попытки определения русскости (как русской культурной специфичности и российской национально-государственной репрезентации) становятся особенностью этого периода истории науки. Русскость стремятся обнаружить в различных аспектах: от национально-идеологического и исторического до этнокультурного и психологического²⁰.

М.В. Ломоносов пользовался терминами «руссь», «россь», «россияне», но все земли, связанные с государственностью, начиная с древнерусского периода, предпочитал именовать Россией: «Подлинная Россия, которая в старину простиралась на запад от Днепра»²¹. Его больше занимал вопрос об этническом происхождении современных россиян («народа российского»), нежели проблемы исторической географии. Отождествление Ломоносовым древних племен роксоланов с современными «россиянами» стало одним из пунктов его полемики с Г.Ф. Миллером. Хоронимика Руси не слишком занимала Ломоносова. Термины «Малая Россия», «Украина», «малороссияне», «Великая Россия», «великороссийский», а также «Белая Россия», «белорусцы»²² Ломоносов употреблял главным образом при описании присоединившихся к государству («великороссийское ве-

¹⁹ Вишленкова Е.А. Визуальная антропология империи, или «увидеть русского дано не каждому». С. 39.

²⁰ Погосян Е. Русь и Россия; Трубочев О.Н. Русский — российский; Каменский А.Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы. Препринт. М., 2007. С. 31–41; Мартин А. Изображение «русскости» в конце XVIII — начале XIX в. // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 119–134.

²¹ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского» // *Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. В 10-ти т. М.; Л., 1950–1959. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 49.*

²² Там же. С. 36, 49.

ликое княжение» Василия Ивановича или «великороссийская держава» для обозначения более позднего периода, «великороссийские государи» и др.) областей и их населения²³ и чрезвычайно редко прибегал к производным от них регионам / этнонимам. «Российскими» именуется Ломоносов войска (в которых сражаются «россияне»), власть и т. д.²⁴. Он утверждает также, что первым государем, начавшим «писаться Царем и самодержцем Всероссийским», был именно Василий Иванович в «последние лета» своего царствования, после чего за государством закрепилось имя «Царства Всероссийского»²⁵. Упоминает Ломоносов и о Федоре Алексеевиче, утвердившем «приведение Киева и Малыя России под великороссийскую державу», которое происходило при его отце Алексее Михайловиче²⁶. «Белую Россию» Ломоносов помещал неподалеку от южных берегов Балтийского моря и «круга реки Руссы, где ныне старая Пруссия, Курляндия...»²⁷, да и самих пруссов представлял потомками «поруссов». Сами топонимы «Белая» и «Чермная Русь» он считал косвенным доказательством того, что корень «росс» или «русс» не может вести происхождение «от чухонцев», а следовательно, все три элемента «Руси» (Чермная, Белая и Варяжская) существовали еще до прихода варягов. Жителей Малороссии / Украины Ломоносов также именуется россиянами²⁸.

Можно утверждать, что воспринятое В.Н. Татищевым от иностранных авторов отождествление Белой России с Московским государством породило некоторые противоречия в интерпретации состава земель, входивших в Великую, Ма-

²³ Ломоносов М.В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Т. 6. С. 174, 207.

²⁴ Например: Ломоносов М.В. Краткой российской летописец с родословием. СПб., 1760. С. 27–35.

²⁵ Там же. С. 29.

²⁶ Ломоносов М.В. Древняя российская история. С. 337.

²⁷ Ломоносов М.В. Краткой российской летописец. С. 6.

²⁸ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию. С. 36.

лую и Белую Русь (Россию). Это нашло отражение в географических лексиконах и энциклопедиях второй половины XVIII в. В них выделение этих трех регионов осуществлялось в контексте пространственного членения Российской империи. В «Лексиконе» Ф. Полунина «Россией» именуется как вся страна-империя, состоящая из Европейской и Азиатской частей, так и «Россия или Русия, по-старинному Русь» в узком смысле, которая и «состоит» из «Великой, Малой, Белой, Чермной или Червонной»²⁹. Статья здесь написана Г.Ф. Миллером, который опирался на текст В.Н. Татищева из его «Лексикона». Так, Миллер повторяет утверждение Татищева, что данное разделение основано на «обычаях и наречиях народных», но указывает, что такое различие принято верховной властью, хотя состав земель и городов, входящих в их пределы, различался на разных исторических этапах³⁰. Иначе говоря, речь идет об этнических различиях и языковой неоднородности «отраслей» народа — эти признаки превалируют над геополитическими факторами. Миллер не сомневался, что «наименования» этих историко-географических областей возникают лишь в период формирования новых центров государственности уже после Киевского периода русской истории³¹. Исключением он считает Червенские города, известные со времен князя Владимира (и взявшие тогда себе имя) — по которым была названа Чермная, или Червонная, Россия (везде в тексте автор именуется регионы «Россией», а не «Русью»). Появление наименований «Великой, Белой и Малой» «Россий»

²⁹ Россия или Руссия // *Полунин Ф.А. Географический лексикон Российского государства, или Словарь, описующий ... по азбучному порядку..., из достопамятных известий собранный ... Федором Полуниным ... и с предисловием ... Герарда Фридриха Миллера. М., 1773. С. 276.*

³⁰ Там же.

³¹ В частности, об этом он упоминает и в своей интерпретации названия «Малая Россия». Ее земли он определяет как бывшие «в старые времена» в великом княжении Российской империи, признавая Малую Россию именем, которым обозначали ее поляки, именно от них оно и распространилось позже в Великой России (*Миллер Г.Ф. О малороссийском народе и запорожцах // Миллер Г.Ф. Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах. М., 1847. С. 2.*)

немецкий ученый возводит к XIV в., когда часть земель Киевского государства «по обеим сторонам Днепра» вошла в состав Польши (Червонная Россия) и Литвы (Малая Россия, завоеванная при Гедимине). Причины наименования он напрямую связывает с размерами областей («сии имена сами доказывают, что одна так названа в рассуждении другой»³²). Границей между Великой и Малой Россиями Миллер считал реки Сейм и Десну, которые, впрочем, иногда и «переступали». Аналогичным образом рассматривается происхождение топонима «Белая Россия», известной, согласно его утверждению, не ранее правления Гедимина.

Между прочим, ученый не сомневался в том, что «все оные страны, что мы ныне Литвою называем, включались под общим званием России», и российская власть тогда простиралась от Днепра до Немана (Мемеля). Такое положение было утрачено с вторжением татаро-монголов с востока и литовских правителей Гедимина и его сына Ольгерда — с запада. Именно к этому времени возводится появление названия «Белая Россия», происхождение которого расценивается как «неизвестное»³³ — автор приводит изложенные Татищевым три версии (от «белых снегов», от «белых одежд» и от «белых царей»). Полностью воспроизводит Миллер и раннее представление о территориальном составе Великой и Белой России: к первой относятся северные княжества, ко второй — северо-восточные и западные³⁴. Иначе говоря, содержание статьи Татищева о России совпадает со статьей в «Лексиконе» Полунина. Кроме того, статья Татищева / Миллера «Россия или Руссия» без изменений вошла в переработанное и дополненное Л.М. Максимовичем издание «Нового и полного словаря Российской империи» (1788–1789)³⁵. Единственным отли-

³² Россия или Руссия // *Полунин Ф.А. Географический лексикон*. С. 277.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 279–280.

³⁵ Россия или Руссия, по старинному Русь // *Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон, описующий азбучным порядком, географически, топографически, гидрографически, политически, хронологически, генеалогически и ге-*

чем стал включенный в это издание перечень племен Российской империи, в котором фигурируют «славянские народы» (в составе россиан и поляков)³⁶. И в Географическом словаре (1801–1809)³⁷, и в «Картинах России» (1807) А.М. Щекатова³⁸ приведены те же самые тексты, лишь немного отредактированные.

В «Краткой географии» (1767) Х.А. Чеботарева утверждалось, что «с давних времен принадлежали к Европейской России земли, составляющие три главные ее части: Великую, Малую и Белую Россию»³⁹. В его же «Описании» (1776) Российской империи содержится подробный перечень земель каждого из регионов⁴⁰. Автор не разделял точку зрения Татищева и Миллера относительно Белой

ралдически, наместничества, области и уезды; города, крепости, редуты, форпосты, остроги, ясашные зимовья, станицы, местечки, села, погосты, ямы и слободы; соборы, церкви и монастыри; рудные и другие заводы и фабрики; реки, озера и моря; острова и горы; прежние и новые иностранные поселения как природных российских, так и других народов, и прочие достопамятные места обширной Империи Российской в нынешнем ее состоянии, в царствование императрицы Екатерины Великия новоустроенном; с объяснением и тех мест, которые в прежние войны и прошедшую Турецкую; а некоторые прежде того и от Персии храбростию российской или обладаемы были, или и ныне находятся еще во владении; также и тех, которые в преславное настоящее царствование с Белоруссиею и с полуостровом Крымом к России присоединены; из достопамятных и достоверных древних и новых источников собранный. В 6-ти ч. М., 1788–1789. Ч. IV. М., 1788. С. 172–189.

³⁶ Там же. С. 188.

³⁷ Россия // *Щекатов А., Максимович Л.* Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически все губернии, города и уезды и т.д. В 7-ми ч. М., 1801–1809. Ч. 1. М., 1801. Стлб. 78–83.

³⁸ [*Щекатов А.М.*] Картина России, изображающая историю и географию хронологически, генеалогически и статистически, с включением обозрения по духовной, военной и гражданской ее частям, как в первобытном ее состоянии, так и в царствование государя императора Александра I. М., 1807. С. 7–14.

³⁹ *Чеботарев Х.А.* Краткая география Российской империи // Календарь или Месяцеслов географический на 1767 г. СПб., 1767. С. 95.

⁴⁰ *Чеботарев Х.А.* Географическое методическое описание Российской империи, с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще, для наставления обучающегося при Императорском Московском Университете юношества из лучших новейших и достоверных писателей. М., 1776. Гл. III.

России как пространства, соотносимого с пределами Московского государства. Великая Россия (*Rossia Magna*) в историческом значении понимается им весьма широко, она разделяется на северную и южную части, к первой относятся 15 провинций (Псковская, Великолуцкая, Новгородская, Белозерская, Каргопольская, Старая Российская Карелия, Российская Лапландия, Двинская или Архангелогородская, Югорская, Печорская, Пермская, Устюжская, Галицкая и Вологодская, а также Вятская). Таким образом, эта часть Великой России обнимает все земли Российского государства от морей до Тверского региона, а Новгородская земля и зависимые от нее племена видятся древнейшей частью Великой России. К южной части Чеботарев относил области собственно северо-восточной Руси: Ярославское, Тверское, Ростовское, Суздальское и Владимирское княжества, Нижегородскую и Воронежскую (с землей донских казаков) провинции, а также Великое княжество Московское (с Можайском, Коломною, Тулой, Орлом, Калугой, Переславлем и др.). Московское княжество рассматривается как центральная часть не только Великой России, но и всего государства. По этой причине Белой Россией (*Rossia Alba*) остается лишь Смоленское княжество. Малая, в свою очередь (*Rossia parva g. Minor*, Украина, *Ukraina*), «лежит к югу меж Малой Татарию, Польшей и Великой Россией»⁴¹ и состоит из Новгород-Северского, Черниговского, Киевского княжеств, провинции Белгородской, а также включает Новую Сербию и земли запорожских казаков⁴².

В анонимном (авторство приписывают кругу А.Н. Радищева) «Новейшем повествовательном землеописании» (1795)⁴³, конфискованном по распоряжению Екатерины II,

⁴¹ Чеботарев Х.А. Краткая география. С. 102.

⁴² Чеботарев Х.А. Географическое методическое описание. С. 95–104.

⁴³ Повествовательное землеописание. Ч. II // Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света, с присовокуплением самого древнего учения о сфере, также и начального для малолетних детей учения о землеописании. Российская империя описана статистически, как никогда еще не бывало. В 5-ти ч. СПб., 1795 (в каждой части отдельная пагинация).

содержится два вида разделения Европейской России: а) хорошо известное — на Европейскую и Азиатскую части; б) на «существенную» и «приобретенную» — «т. е. завоеванную или присоединенную Россию»⁴⁴. «Существенная» — основная часть России, в свою очередь, состоит из Великой, Малой, Белой и Красной Росий. Авторы утверждают, что имена трех земель (кроме Великой России) получены от поляков, под господством которых они находились несколько веков. В первой части, представляющей собой набор сведений для учащихся, перечень «знатнейших городов Великой России» дает возможность обозначить ее пределы: в нее включены, в частности, Новгород, Псков, Архангельск, Тверь, Тула, Владимир, Калуга, Вологда, Ярославль, Рязань, Тамбов, Москва, Орел и Курск, в то время как из крупнейших городов Белой России упомянуты лишь Смоленск, Полоцк и Могилев, а из Малой России («называется также Украиною») — Киев, Чернигов, Новгород-Северский и Полтава⁴⁵. При этом Минск, Язяслав, Брацлав и Каменец-Подольский отнесены к «Красной России»⁴⁶. Выделяется еще и «Новая Россия» (Екатеринослав, Херсон, Азов). Таким образом, земли Великой России в сравнении с предыдущими версиями толкуются расширительно, а земли Белой, напротив, ограничены лишь присоединенными после разделов Речи Посполитой губерниями. Очевидны и причины: отнесение связано с границами Российского государства в XVII в.

Следует отметить, что из этнонимов, обозначающих этнический состав населения этих земель, в труде использован лишь термин «малороссиань» — в обширном фрагменте о происхождении и особенностях казачества («не все малороссиане называются козаками»⁴⁷). Авторы излагают

⁴⁴ Повествовательное землеописание. Ч. II // Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света, с присовокуплением самого древнего учения о сфере, также и начального для малолетних детей учения о землеописании. Российская империя описана статистически, как никогда еще не бывало. С. 27.

⁴⁵ Там же. Ч. I // Там же. С. 6.

⁴⁶ Там же. С. 7–8.

⁴⁷ Там же. Ч. II // Там же. С. 123.

довольно сложную и несколько запутанную картину исторического формирования племенного состава Российской империи. Из «древних жителей» упомянуты «древние славене» наряду с «древними руссами», готами, германцами и т. д.⁴⁸ «В старину» Россия называлась по-другому: Русь, Руссия, а современное наименование обрела якобы в конце царствования Ивана II (то есть Ивана Красного, сына Ивана Калиты) по инициативе митрополита Макария (данный фрагмент также заимствован у Татищева)⁴⁹. Смешение русов со славянами («славенами») относят к древним временам, в результате чего сформировался единый народ, от которого, в свою очередь, произошел древний русский народ, перечисление ветвей которого позволяет установить, что под ними подразумевались финно-угорские племена⁵⁰. Казаки определены в «Землеописании» как «россияны, потомство другого колена воинственных славен»⁵¹. Упоминается и лингвистическая номенклатура: язык российский назван очищенным и обогащенным славянским, «и оным говорят все россиань», а славенский язык был известен на Руси еще до Рюрика, хотя и не был общеупотребительным⁵². Таким образом, руссы являют собой пример народа, забывшего собственный язык и перенявшего язык победителей⁵³.

Можно было бы предположить, что в конце столетия татищевская трактовка Московской Руси как Белой оказалась постепенно вытеснена из наиболее важных географических описаний и учебников конца XVIII в. Однако неожиданно она вновь встречается в рассказе о событиях политической истории XVI в. — в «Истории» Н.М. Карамзина. Описывая

---

⁴⁸ Повествовательное землеописание. Ч. II // Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света, с присовокуплением самого древнего учения о сфере, также и начального для малолетних детей учения о землеописании. Российская империя описана статистически, как никогда еще не бывало. С. 99.

⁴⁹ Там же. С. 100.

⁵⁰ Там же. С. 101.

⁵¹ Там же. С. 108.

⁵² Там же. С. 129.

⁵³ Там же. С. 130.

заслуги в расширении и укреплении единого государственного государства, историк анализирует новый титул русского царя Ивана III. В этом титуле, по его мнению, государь именовал Московскую Русь Белою — «т. е. великою или древнею»⁵⁴.

Нельзя обойти вниманием одно из наиболее полных в XVIII в. этнографических описаний русских, представленное в важнейшем народоведческом труде И.Г. Георги. Для этого обратимся к изданию 1799 г. на русском языке — именно в этом варианте публикуются все четыре части сочинения, причем в четвертую введен новый текст анонимного автора о «владычествующих россианах», содержащий более подробный, чем ранее, фрагмент этнографического описания русских. В этой части, написанной, как доказал С.А. Токарев, М.И. Антоновским, в перечне этносов фигурировали «россианы», но при этом их связь с геополитической номенклатурой никак не фиксировалась. В другом, носившем еще не научно-этнографический характер и явно продолжавшем традиции народоописаний прежних веков, сочинении «Позорище странных и смешных обрядов»⁵⁵ (1797) представлены свадебные обряды народов Земного шара. Из обитающих в Российской империи народов описано восемнадцать, включают список «малороссияне» и «великороссияне»⁵⁶. В очерке упомянуты «древние великороссияне» (их свадебные и брачные обычаи XVI–XVII вв.) и современные («ныне во многих великороссийских местах»), при этом для выделения повсеместно распространенных обычаев используется прилагательное «российские» («деревни» или «места России»). Было бы некорректным полагать, что в данной книге малороссияне и великороссияне выступают как народы в этническом смысле, — скорее, они репрезентируют региональные племенные вариации.

⁵⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12-ти т. М., 1989–1998. Т. VI. М., 1998. Гл. 7.

⁵⁵ Позорище странных и смешных обрядов при бракосочетаниях разных чужеземных и в России обитающих народов и притом нечто для холостых и женатых. СПб., 1797.

⁵⁶ Великороссияне // Там же. С. 239–250.

Велико- и малороссияне ||

В 1820-х — 1850-х гг. характерные для предшествующего века понятия «великороссияне» / «малороссияне» продолжали активно использоваться в качестве синонимичной пары к определениям «северноруссы» / «южноруссы». Однако первые, в отличие от вторых, не функционировали как этнонимы, поскольку еще некоторое время не включались в качестве номенклатурной единицы в список славянских народов Российской империи. Он, как уже говорилось, «составлялся» по языкам, отчего все носители языка русского именовались «россиянами». Среди известных нам статистических и географических описаний 1830-х гг. «великороссияне» и «малороссияне» в качестве отдельных племенных отраслей, а не наименований жителей или наречий впервые зафиксированы в статистическом обзоре Н.А. Иванова и Ф.В. Булгарина (1837). В перечне племен, населяющих Российскую империю, к славянским отнесены великороссияне и малороссияне (по отдельности), поляки с литвой объединены; указаны немногочисленные проживающие в России сербы, болгары и «прочие славяне», а также казаки, разделяемые по регионам проживания (шесть групп)⁵⁷.

Как в статье Н.И. Надеждина о Великой России в Энциклопедии 1837 г.⁵⁸, так и в трудах М.П. Погодина 1840-х — 1850-х гг.⁵⁹ использовались исключительно понятие «великороссияне» (а не «великороссы» или «великоруссы») и образованное от него прилагательное «великороссийский». Надеждин в статье для «Лексикона» специально

⁵⁷ Иванов Н.А., Булгарин Ф.В. Россия в историческом, географическом и литературном отношении. Ручная книга для русских всех сословий Ф. Булгарина. В 6-ти ч. СПб., 1837. Ч. 1: Статистики часть первая, содержащая в себе: введение, I. Основные силы государства. С. 299.

⁵⁸ Н.И. [Надеждин Н.И.] Великая Россия // Энциклопедический лексикон / Под ред. Н.И. Греча и О.И. Сенковского. Изд. А.А. Плюшара. В 17-ти т. (не окончено). СПб., 1834–1841. Т. IX. СПб., 1837. С. 261–276.

⁵⁹ В частности: Погодин М.П. Записки о древнем языке русском // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. 1856. Т. V. Вып. 2. Стлб. 70–92.

останавливался на вопросе об образовании этнонима «великороссияне» от топонима «Великая Россия». Рассматривая словосочетание «Великая Россия» как искусственное образование, он заявлял: «До сих пор не пишется *Великая Русь, великоруссы, великорусский*, но “Великая Россия”, “великороссияне”, “великороссийский”»⁶⁰. Однако это утверждение не совсем верно. Так, в изданном в том же году сочинении О.М. Бодянского⁶¹ для обозначения великороссиян использован ряд синонимичных лексем, в том числе и «великоруссы»: северный русс⁶², североруссы⁶³, великоросиянин⁶⁴, русские⁶⁵, великоруссы⁶⁶; их песни именуются — русскими⁶⁷, северорусскими⁶⁸, великорусскими⁶⁹. Такое же обилие синонимичных определений наличествует в книге А.В. Терещенко 1848 года. В переписке Погодина и Максимовича конца 1840-х — начала 1850-х гг. по поводу малороссийского языка / наречия также встречаются наименования «великороссияне» (в паре с «малороссиянами») и прилагательные «великороссийский» / «малороссийский» для обозначения наречий и характера двух родственных племен.

Если исходить из предположения о том, что появление «парных» наименований происходило одновременно, реализуясь прежде всего в жанре сравнительных народоописаний «оттенков» русской народности, то можно допустить, что понятия-этнонимы «великороссияне» / «малороссияне» — как и «великоруссы» / «южноруссы» (а чуть позже «великоруссы» / «малоруссы») бытовали в этнографическом

⁶⁰ Н.Н. [Надеждин Н.И.] Великая Россия. С. 263.

⁶¹ Бодянский О.М. О народной поэзии славянских племен. М., 1837.

⁶² Там же. С. 114.

⁶³ Там же. С. 118, 119, 121.

⁶⁴ Там же. С. 120.

⁶⁵ Там же. С. 118, 119, 152.

⁶⁶ Там же. С. 139.

⁶⁷ Там же. С. 114.

⁶⁸ Там же. С. 115.

⁶⁹ Там же. С. 118, 149.

и публицистическом лексиконе параллельно. Несмотря на аргументированное заключение о том, что понятия малороссы / украинцы / южнороссы в начале XIX в. употреблялись все так же «бессистемно» и «как синонимы» в трактовке XVIII в., то есть, не имея значения этнонимов, применялись для различения населения Малороссии и жителей «Великороссии»⁷⁰. Точный ответ дадут лингвистические словари — в частности, соответствующие тома уже спроектированного и находящегося на стадии подготовки «Словаря русского языка XIX века».

Возвращаясь к этническим номинациям «отраслей», или «оттенков», русского народа, напомним, что на рубеже XVIII–XIX вв. «юг» Российской империи определился: им стала «русская Аркадия», как именовали Малороссию. В путешествиях первых десятилетий XIX в. (В. Измаилов, П. Шаликов) она именовалась «полуденной Россией» и «поэтическим Югом»⁷¹. «Севером» в этом случае оказывался Петербург с окрестностями — такое же отождествление было закреплено в европейских травелогах — за Россией в целом⁷² (апогей данной концептуализации — негативизм и ирония А. де Кюстина в отношении «северных» русских⁷³). Важно также заметить, что подобная категоризация «россиян» в широком смысле — в противопоставлении европейцам — была воспринята деятелями русской культуры после Отечественной войны 1812 г. и особенно укрепилась в 1820-е гг. «Русские как северяне» на этом новом этапе формирования национального самосознания

⁷⁰ Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс. С. 400.

⁷¹ Левкиевская Е. Стереотип украинца в русском сознании // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008. С. 157; Александровский И.С. Украинский вопрос на страницах периодических изданий второй четверти XIX в. // Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 131–152.

⁷² Мильчина В. Сентиментальный национализм и многообразная русификация (Круглый стол «Национализм в имперской России: идеологические модели и дискурсивные практики», 2002 г.) // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 533–545.

⁷³ Там же.

выступали как обладатели мужества и стойкости, чем и объяснялась их победа над изнеженными не только климатом, но и комфортом цивилизации европейцами.

Не удалось установить с точностью, когда совершился перенос определения «северный» со всех жителей Империи на то племенное ответвление, которое позже станет именоваться «великороссиянами». Более правдоподобной кажется версия, что это происходит параллельно процессу различения «оттенков» русской народности в 1820-х — 1830-х гг., в ходе разработки концепции народности⁷⁴, а также в связи с детализацией структуры великорусского наречия по говорам в соответствии с регионами. Наименования локальных инвариантов осуществлялись также по принципу отношения к ядру / центру (севернорусские и южнорусские говоры).

Поэтому в первой половине столетия описания «отраслей» русского народа постоянно апеллировали к привычной европейской дихотомии; следует отметить, что это не был исключительный случай — такое же географо-символическое ориентирование использовалось в изображении всех племен и народов. Однако в «русском случае» соотношение с севером и югом закрепилось в наименовании. Начиная с 1820-х гг. (хотя отдельные примеры встречались и несколько ранее) малороссияне (малороссы) именовались *южнороссами* / *южноруссами* и противопоставлялись *северноруссам*, или *северным россам*, то есть *великороссиянам* / *великороссам*. Частотными производными выступали также «севернорусский» / «южнорусский». Различия этих двух «отраслей» рассматривались в соответствии с предписанными и потому ожидаемыми от северных и южных обитателей стереотипными характеристиками. В частности, исследования восточнославянского фольклора 1820-х — 1830-х гг. привели ученых к выводу о том, что именно вследствие народных темпераментов «южнорусская» народная поэзия представляет совершенную противо-

⁷⁴ Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. Гл. 2.

положность поэзии «северно-русской»⁷⁵. Аналогичным образом в рассуждениях о русских (общерусских) наречиях, о различиях между великороссийским и малороссийским его вариантами чаще всего использовалась именно эта дихотомия — *севернорусское / малорусское*⁷⁶. В сочинении Ю. Венелина 1847 г. восточнославянские этнические группы назывались русскими *северянами* и *южанами*, хотя автор использовал также этнонимы *украинцы*, *малороссы*, *украинский русак*⁷⁷.

В опубликованной в том же году программной научной статье Н.И. Надеждина, одного из основоположников отечественной этнографии, велико- и малороссы весьма предсказуемо именовались «*восточнорусским* (великороссийским) и *западнорусским* (т. е. *малороссийским*) племенами»⁷⁸ и «квалифицировались» как «два оттенка народности общерусской»⁷⁹. При этом северное (великорусское) могло рассматриваться как восточное по отношению к белорусскому: «Давни, но не исконны черты, отделяющие одно от другого наречия северное и южное — великорусское и малорусское; не столь уже давни черты, разрознившие на севере наречия восточное — собственно великорусское и западное — белорусское...»⁸⁰.

⁷⁵ См.: Максимович М.А. О малороссийских народных песнях. Предисловие // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х т. Киев, 1876–1880. Т. 2. Киев, 1877. С. 443–444; Бодянский О.М. О народной поэзии славянских племен. С. 122–123.

⁷⁶ Важным для интерпретации является трактовка каждого из авторов пары понятий язык / наречие — либо как синонима, либо в качестве родовой и видовой единиц лингвистической таксономии. В данном очерке мы не имеем возможности подробно рассматривать сами номинации, концентрируя внимание только на определениях. Подр. о языке и наречии: Лескинен М.В. Великорос / великорус. Гл. 3.

⁷⁷ Венелин Ю. О споре между южанами и северянами насчет их россизма // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1847. Год 3-й. № 4. С. 1–16.

⁷⁸ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического Общества. СПб., 1847. Кн. 2. С. 101.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий (1849). СПб., 1887. С. 34.

Различия в характере «южного и северного народонаселения Руси», вызванные природой страны, фиксировались в статьях К.Д. Кавелина конца 1840-х гг.⁸¹, в «Истории России» (1851)⁸² С.М. Соловьева, а позже и в лекциях В.О. Ключевского. «Рубежной» в использовании этнонимов *южнорусы* / *южнороссы* / *южные руссы* можно считать статью Н.И. Костомарова «Две русские народности» (1861), в которой он использовал этнонимы *малороссияне*, *малороссы* и *южнороссы* как синонимы, а также их дериваты, однако в количественном отношении в тексте абсолютно преобладают *южнорусы*⁸³. Обращаясь к вопросу об их происхождении, Костомаров пишет, что «выдуманное в последнее время название *южноруссов* остается пока книжным, если не навсегда останется таким, потому что, даже по своему сложному виду, как-то неусвоительно для обыденной народной речи...»⁸⁴. Костомаров полагал, что южноруссы постепенно переняли насмешливое прозвище «хохлов», данное им великороссами, и оно стало самоназванием⁸⁵. Точка зрения Костомарова о «книжном» происхождении термина *южнорусы*, как и его трактовка этнонима «хохол» как простонародного эндонима (которая не может восприниматься «всерьез») стали общепринятыми, вошли в российский этнографический дискурс и позже неоднократно воспроизводилась в научной литературе. В программной для русской этнографии статье в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона ее автор

⁸¹ Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 171–255.

⁸² Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. В 18-ти кн. М., 1988–1995. Т. 1. М., 1988. С. 73.

⁸³ Костомаров Н.И. Две русские народности // Исторические монографии и исследования Н. Костомарова. В 16-ти т. СПб., 1872–1885. Т. 1. СПб., 1872. С. 53–108. «Великороссийский» характер — 1 раз; Великороссия — 11 раз, великороссияне — 2 раза, великорус / великоруссы — 32 раза, великорусский (народ, племя, народность, человек наречие, свойство, стихия и др. — 48 раз (ср.: этноним «южнорусс» и его производные — 102 раза).

⁸⁴ Там же. С. 233.

⁸⁵ Там же.

Д.Н. Анучин выдвигал предположение о том, что этноним «южноруссы» возникает позже топонимических этнонимов, в качестве альтернативы определениям «малороссияне» и «малоруссы» в творчестве малороссийских деятелей и имеет патриотически-идеологическую мотивацию. Он писал: «Название “южноруссы”, введенное, впрочем, несколько ранее Костомарова, писателями малороссийского происхождения, имело, очевидно, целью, устранив понятие о “малости” или “великости”, ввести более определенные обозначения, основанные на различии географического распространения. К этому присоединилось еще представление, развитое Максимовичем, Костомаровым и другими, что теперешние малоруссы составляют прямых потомков, и по крови, и по языку, древних южнорусских славянских племен...»⁸⁶.

Интересно, что Анучин «возлагал ответственность» за распространение этнонима *малорусы* (использовавшегося, подчеркнем еще раз, начиная с 1840-х гг.) именно на Костомарова: «Эти ... обозначения (малоруссы / великоруссы. — М. Л.) стали употребляться сравнительно недавно, с пятидесятых и шестидесятых годов, отчасти ... по примеру Костомарова, который пользовался наименованиями то “северно-” и “южно-руссы”, то “велико-” и “мало-руссы”»⁸⁷.

Однако в народоописательной и географическо-статистической литературе первой половины XIX в. в качестве нормативного этнонима выступало все же другое наименование, восходившее еще к словоупотреблению XVIII в. Заметим, что именованье племен «русского народа» «малороссиянами» и «великороссиянами» (не «малорусами» и «великорусами») абсолютно преобладало. В описаниях Малороссии и языка ее жителей явно доминировал этноним «малороссияне» и прилагательное «малороссийский» — только в такой форме использовалось в «Малороссийской грамматике» (1818) А.П. Павловского⁸⁸, в «Письмах

⁸⁶ Великоруссы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. Va (п/т. 10). СПб., 1892. С. 828–843 (автор — Д. Анучин). С. 829.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Павловский А. Грамматика малороссийского наречия. СПб., 1818.

из Малороссии» (1816) А.И. Левшина⁸⁹ и в «Живописном путешествии» (1830) П.П. Свиньина⁹⁰, в этнографических описаниях подавляющего большинства великороссийских и малороссийских губерний в издававшемся в 1840-х — 1850-х гг. Военно-статистическом обозрении Российской Империи⁹¹, а также в учебниках И. Павловского⁹² А. Ободовского⁹³, Я. Кузнецова⁹⁴ (у Павловского — в нескольких вариантах, в Военно-статистическом обозрении — исключительно в этой форме). Такое же определение двух «русских народов» встречается в детской географической игре К. Грибанова⁹⁵.

Но допустим, следуя предлагаемой коллегами-историками дискурсивной дифференциации, в трудах исследователей, отождествлявших себя с малороссийской или украинской (во всяком случае, не с великороссийской)

---

⁸⁹ Левшин А.И. Письма из Малороссии. Харьков, 1816.

⁹⁰ Свиньин П.П. Из живописного путешествия по России. Полтава // Отечественные записки. 1830. Ч. 42 (№ 120). С. 1–45. Позже вошла в книгу: Картины России и быт разноплеменных ее народов. Из путешествий П.П. Свиньина. СПб., 1839.

⁹¹ Военно-статистическое обозрение Российской Империи, издаваемое по Высочайшему повелению при Первом Отделении Департамента Генерального Штаба. В 18-ти т. СПб., 1837–1854. Описание малороссийских губерний содержится в томе 12, но описания малороссиян — также в томе 10 (Юго-западные губернии), и частично — в томе 13 (Средние черноземные губернии); «собственно великороссийские» губернии представлены в томе 6.

⁹² Павловский И. География Российской империи. В 2-х ч. Дерпт, 1843. Ч. 1. С. 189, 190 и др.; Павловский И. Руководство к географии Российской империи. СПб., 1858. С. 56, 57–59.

⁹³ Российская империя // Ободовский А. Краткая всеобщая география. СПб., 1852. С. 74.

⁹⁴ Кузнецов Я. Учебный курс географии Российской империи. СПб., 1855. С. 65–73.

⁹⁵ Первое издание вышло под названием: География России. Собрание карт. СПб., 1830, второе издание: Альбом географических карт России, расположенных на 80-ти листках по бассейнам морей или замечательный и поучительный детский гран-пасьянс, составленный К. Грибановым. СПб., 1857. Были и следующие переиздания — 1859 г. и др. Подробнее см.: Афанасьев О.Е. Географические игральные карты Константина Грибанова XIX в. и их учебно-просветительская роль в распространении знаний о родной стране // Псковский регионологический журнал. 2010. № 9. С. 125–135.

народностью, или в научных текстах малороссийских патриотов-украинофилов этнонимический ряд будет другим. Проверим. М.А. Максимович в 1827 г. издал «Малороссийские песни», и в предисловии к этому тексту ни разу не использовал понятия «украинец» и «украинский»⁹⁶. Второе издание песен выходит в свет в 1834 г. под названием «Украинские народные песни», но и здесь для автора наиболее частотным этнонимом остается «малороссиянин». Малороссиянин, а не малоросс создал малороссийские или украинские или южнорусские песни, а наименование «украинец» не использовано ни разу⁹⁷. В предисловии и комментариях П.А. Лукашевича к текстам дум и песен (1836) встречаются только этноним «малороссияне» и прилагательные «малороссийский» и «украинский», но отчетливо преобладает первое определение⁹⁸. В «Старине малороссийской, запорожской и донской» (1846) Н.М. Сементовского встречается пара «малороссиянин» — «малороссийский»⁹⁹. В авторском тексте «Записок о Южной Руси» (1856) П.П. Кулиша фигурируют «северный и южный русский народ», «малороссияне», «малороссийская этнография», «малороссийский или южнорусский народ» или племя, «малороссийские думы», «южнорусская речь» и «малороссийский язык» и ни разу не использованы этнонимы «малорус» и «украинец»¹⁰⁰. В этнографической работе (1860) Н. Маркевича обнаруживаем исключительно этнонимы «малороссиянин», «малороссиянка» и прилагательное «малороссийский»¹⁰¹.

Однако есть и исключения из этой тенденции. Так, в предисловии к сборнику запорожских песен и дум, собран-

⁹⁶ Максимович М.А. О малороссийских народных песнях. Предисловие // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х т. Т. 2. С. 439–451.

⁹⁷ Максимович М.А. [Предисловие к «Украинским народным песням»] // Там же. С. 452–455.

⁹⁸ Лукашевич П.А. Малороссийские и червонорусские народные думы и песни. СПб., 1836.

⁹⁹ Сементовский Н.М. Старина малороссийская, запорожская и донская. СПб., 1846.

¹⁰⁰ Кулиш П.П. Записки о Южной Руси. В 2-х т. СПб., 1856.

¹⁰¹ Маркевич Н. Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860.

ных И.И. Срезневским и изданных в 1833 г., обнаруживаем определение «запорожско-украинское» наречие и язык, а также этноним «украинцы»¹⁰². Правда, довольно трудно установить без анализа индивидуального словоупотребления Срезневского в этот период жизни, выделяет ли он Украину как отдельный регион Малороссии.

В этнографической статье М.А. Максимовича 1856 года издания ни разу не встречается прилагательное «малороссийский», лишь однажды — «южнорусский», а доминируют этноним «украинец» и определение «украинский», даже в тех разделах, где речь идет об обычаях и песнях¹⁰³. В то же время в сочинениях о языке / наречии Максимович употребляет прилагательное «малороссийский» и этноним «малорусь»¹⁰⁴.

Итак, несмотря на параллельное бытование нескольких этнонимов для обозначения представителей малороссийского племени следует констатировать, что в этногеографическом дискурсе первой половины столетия наиболее частотными оказываются этнонимы: а) *южнорусы* и его варианты (*южнороссы*, *южные русы* и др.) и прилагательные (*южнорусский*, *южноросский*) и б) *малороссияне* (и его дериваты). Этноним *украинец* и определение *украинский* также встречаются в этом комплексе источников, но значительно и явно уступают по частотности первым двум, а по содержанию им тождественны. При этом многие авторы прямо указывают на то, что *южноруссы*, *малороссы* и *украинцы* — одно и то же племя. Эта констатация отрефлексирована: они либо дают специальный комментарий, либо помещают этнонимы в скобки, либо используют союз «или». Например, в работе О.М. Бодянского активно используется целый ряд этнонимов в качестве синонимов:

¹⁰² Срезневский И.И. Предисловие // Срезневский И.И. Запорожская старина. Песни и думы о лицах и событиях до Богдана Хмельницкого. Т. 1. Харьков, 1833.

¹⁰³ Максимович М.А. Дни и месяцы русского селянина // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х т. Т. 2. С. 463–524.

¹⁰⁴ Максимович М.А. Начатки русской филологии // Там же. Киев, 1877. Т. 3. С. 25–155.

южные россы, южнорусские славяне, малороссияне, украинцы, малорусы, а также прилагательные южнорусские, украинские, малорусские (песни)¹⁰⁵, но автор указывает: «...поэзия же южных руссов (украинцев, малороссиян)...»¹⁰⁶. В географическом очерке в журнале «Основа» неоднократно подчеркивалось (и в названии, и в тексте), что «южно-руссы», «украинцы» и «малороссы» — разные наименования одного племени¹⁰⁷. Впрочем, следует признать, что в некоторых работах этнонимический ряд применяется настолько бессистемно и без преобладания какого-либо из наименований, что без специальных лингвистических методов невозможно установить ни предпочтения авторов, ни соотношения этих названий с определенным контекстом.

Аналогичным образом структурировал свою рецензию (1847) на публикацию «Описания Украинь» Г. де Боплана и Ю.И. Венелин¹⁰⁸, который разделяет «русский народ» на две основные ветви — северную и южную (хотя упоминает еще одну восточно-русскую группу — болгар), или на «северян» и «южан»¹⁰⁹, «северных и южных россиян»¹¹⁰; критерием различения являются «уклонения в языке». При этом Венелин использовал ряд синонимичных понятий для обозначения южных руссов (*украинцы, малороссы, украинский русак, хохол*), для других «россов» он применял только слово «москвитянин» и определения, связывающие их с регионом Руси Северо-Западной — но «дорюриковой» (слово самого автора; мы не приводим также указываемые им многочисленные «народные» наименования). Венелин, однако, утверждал, что общим, «собственным» названием

¹⁰⁵ Бодянский О.М. О народной поэзии славянских племен. С. 122, 136 и далее.

¹⁰⁶ Там же. С. 114.

¹⁰⁷ См.: Краткое географическое обозрение края, населенного южнорусским (украинским или малороссийским) народом // Основа. 1861. № 5, 7, 11–12.

¹⁰⁸ Венелин Ю. О споре между южанами и северянами насчет их россизма.

¹⁰⁹ Там же. С. 2–3.

¹¹⁰ Там же.

северян и южан является «Росс», а названием страны — «Русь»: «Северяне называют себя прилагательным, производимым от *Русь ... русьскими*, но пишутся *русские*, ибо последнее с делает лишним *ь*; южане, напротив, еще ближе и естественнее, не прилагательным, но *материальным ...* от *Русь (русин), русинами*, т. е. сынами Руси... Но, впрочем, все равно: *русин* ли, *русак*, *русский* ли, *россиянин* или коренное *росс* ли»¹¹¹. «Но зато и южане, — продолжает автор, — в свою очередь, не допускают северян участвовать в россизме; как ни называй себя он русским, все-таки он не русин, а москаль, липован и кацап. По мнению южан, настоящая Русь простирается только до тех пределов, до коих живут южане, а все прочее — Московщина. В том же самом мнении и какой-либо карпато-росс, живущий на берегах Тисы; его Часослов или Миняя киевской печати напоминают ему Русь, но не Москву, хотя и московская печать у него не редкость»¹¹². Сам Венелин стоит на стороне приверженцев «малороссийской» версии. Он пишет: «В этом споре сих двух русских братьев о наследстве участвовала судьей вся Европа и отчасти Азия; единодушно решено всеми народами в пользу южан. И действительно, по понятию всех народов, Русь от Карпатов простиралась только по Глухов и Витебск, а то все прочее было Московщина. Напрасно Грозный и Величавый Алексей именовались царями всея Великия, и Малыя, и Белья России; все еще в актах Европы Русью именовалась только Галиция, Подолье и Волынь. Этому имени не осмелились отнимать у южан и самые лютые враги их. История гонений свидетельствует, сколь дорого стбило им это имя»¹¹³. При этом Венелин вообще не использовал этноним «великорус», настаивая, как видим, на том, что «россизм» не признают за «москалями» не только южноруссы, но, в сущности, и сами

¹¹¹ Венелин Ю. О споре между южанами и северянами насчет их россизма. С. 3–4.

¹¹² Там же. С. 5.

¹¹³ Там же.

«москали», не считающие малороссов «своими». Конечно, следует учитывать, что такое оригинальное для 1830-х гг. мнение не было в полной мере типичным по причине происхождения автора, который приехал в Россию только в 1823 г., однако в контексте этнонимии данные высказывания как раз показательны.

Интересна завуалированная репрезентация вариаций «единого народа русского» в книге (1848) А.В. Терещенко, представлявшей, в сущности, апологизацию идеи общерусской «народности». Несмотря на то что у автора нет деления на северный / южный «оттенки», намек на это все же прочитывается. Терещенко «дает подсказку»: жители разных областей (частей) России именуется у него по регионам — например, по характеристике в «жителях Юго-Западной части» мы можем с высокой долей уверенности «опознать» малороссиян; обитатели же северо-восточной части России ассоциируются с великороссиянами¹¹⁴. При этом в книге в некоторых случаях прямо используются определения «великороссияне» и «малороссияне»¹¹⁵, в частности, Терещенко включал в состав славянских племен Империи «русских, малороссиян, казаков ... и поляков»¹¹⁶. Впрочем, нет полной уверенности, что подразумевались именно этнонимы, а не регионимы, этнонимическое значение явственно лишь в процитированном словосочетании.

Автор указывал на то, что «между малороссиянами и русскими нет никакого различия: один дух и одно благородное желание управляет ими. Если мы видим различие нравов, то это не есть противодействие народности»¹¹⁷. Контекстуальный анализ дает основание в этом усомниться; самого автора, по-видимому, не очень заботило корректное словоупотребление, поскольку у него в одном синонимическом ряду стоят малороссияне, жители юго-западной части

¹¹⁴ Терещенко А. Быт русского народа. В 7-ми ч. СПб., 1848. Ч. 1. С. 156–158.

¹¹⁵ Там же. С. 79.

¹¹⁶ Там же. С. 136–137.

¹¹⁷ Там же. С. 140.

России и русские. Однако исторический и этнографический фрагменты сочинения Терещенко позволяют с большей или меньшей степенью уверенности говорить о том, что для автора «русский народ» эквивалентен скорее «великороссиянам», а не всем восточнославянским племенам, как было принято в научном лексиконе той эпохи.

Авторы описаний русского народа и его региональных разновидностей, как и в дефинициях регионов Великая и Малая Россия, часто прибегали к формуле «собственно», «собственный» — то есть «русский в узком смысле». Терещенко также использовал данное определение: «собственно русские»¹¹⁸ — это великороссияне. Тот же прием применен автором вышедшего в 1865 г. популярного словаря: «Великороссияне или собственно русские ... казаки донские и произошедшие от них кавказские, астраханские, оренбургские, уральские и сибирские, принадлежащие к русскому племени — и отдельно малороссияне и белорусь»¹¹⁹. Встречаются также более лаконичные и конкретные отождествления русских и великороссиян — правда, в книге, предназначенной иностранным читателям (1862), говорится: «Русские... обитатели губерний Великороссии»¹²⁰.

Отчетливо проявившаяся у А.В. Терещенко тенденция к синонимизации наименований «русские» и «великороссияне», как уже отмечалось, была характерна и для историков 1840-х — 1850-х гг. В частности, в заглавиях трудов И.М. Снегирева и И.П. Сахарова 1830-х — 1840-х гг. присутствует слово «русский», однако содержание показывает, что речь идет о великорусах и их предках — в отличие, кстати, от расширительного использования данного прилагательного в историко-этнографических сочинениях 1860-х — 1880-х гг., — например, И.Е. Забелина, М.М. За-

¹¹⁸ Терещенко А. Быт русского народа. Ч. 1. С. 7.

¹¹⁹ Карманное политико-статистическое землеописание Российской империи для всех, с 81 литографированною картою, гербами губерний и областей, почтовыми и железными дорогами, водяными сообщениями, составлено А. Романовским. СПб., 1865. С. 5.

¹²⁰ Паули Ф.Х. Народы России / Пер. Е.К. Радугина. М., 2010. С. 17.

былина, Н.И. Костомарова¹²¹. Такое же отождествление часто встречалось в этногеографических текстах, но не в основных (номенклатурных или классификационных) «сюжетах», а при характеристике своеобразных свойств или черт великорусского племени. Впрочем, данный вопрос требует лексикологического анализа индивидуального словоупотребления конкретных авторов и его трансформации на протяжении десятилетий, поэтому ограничимся лишь констатацией данной особенности для текстов, возникших до 1860-х гг.¹²² В письмах М.А. Максимовича к М.П. Погодину

¹²¹ *Снегирев И.М.* Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. В 4-х кн. М., 1831–1834; *Снегирев И.М.* Русские престопадные праздники и суевежные обряды. В 4-х вып. М., 1837–1839; *Снегирев И.М.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1848; *Снегирев И.М.* О лубочных картинках русского народа. М., 1844; *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. М., 1836–1837; *Сахаров И.П.* Русские народные сказки. СПб., 1841; *Сахаров И.П.* Записки русских людей. СПб., 1841; *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. В 2-х т. СПб., 1879; *Забьлин М.М.* Его обычаи, обряды, предания, суеверия, поэзия. СПб., 1880; *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3-х т. СПб., 1873–1888. А также: *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. В 4-х т. СПб., 1890–1892.

¹²² Этноним «русские» в значении «великорусы» начинает использоваться в источниках данного жанра, демонстрируя тенденцию к замещению последнего начиная с 1890-х гг. После событий 1905–1906 гг. она приобретает отчетливые формы и предсказуемую тенденцию к трансформации этнонима «великорусы» в «русские». См., например, уточнение «русские или великоруссы» (Великоруссы // *Тимковский Д.* Наша страна. Картины природы и быта народов России. Географический сборник для чтения в семье и школе. 2-е изд. М., 1912. С. 148). Аналогичные изменения происходят в это же время с этнонимом «украинец», вытесняющим определение «малорус» начиная с 1890-х гг. См. подр.: *Капеллер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // *Россия — Украина: история взаимоотношений.* М., 1997. С. 125–144. С. 136–144; *Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И.* Малороссы; *Лескинен М.В.* «Южноруссы», «малороссияне», «малоруссы», «украинцы»: трансформация этнонима в российском этногеографическом дискурсе XIX в. // *Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе.* М.; СПб, 2016. С. 77–102. Однако этот процесс носит принципиально иной характер: в 1820-е — 1860-е мы имели дело с переходным этапом концептуализации «великорускости» из «общерусскости» как региональной, «отраслевой» группы, на рубеже XIX–XX вв. осуществляется только замена самого наименования, и все, что прежде относилось к «великороссиянам», «великорусам» и т. п., остается без изменений, иной становится лишь номинация («русские»).

о малороссийском языке конца 1840-х гг.¹²³ использованы определения «южнорусское» (в значении «малороссийское») и «севернорусское» («великороссийское»)¹²⁴.

Трудно выявить определенную тенденцию смены номинаций для определения «великороссияне» в творчестве Н.И. Надеждина. В своей важнейшей (цитировавшейся выше) статье о Великой России он использовал определения «великороссияне», «великороссийский народ»¹²⁵; в его этнографическом очерке появляется определение «ветвь обширного славянорусского (или русского. — М. Л.) племени»¹²⁶, таким образом, под «славянорусскими» понимаются три восточнославянские группы. Однако при этом слово «русский» выступает и как синоним «великорусского»¹²⁷. А десятью годами позже в программной статье 1847 г. «Об этнографическом изучении народности русской» Надеждин вполне предсказуемо именуется велико- и малороссов с точки зрения наиболее частотных названий «отраслей» русского народа через оппозиции северные / южные и западные / восточные «*восточнорусским (великороссийским) и югозападнорусским* — т. е. *малороссийским* племенами»¹²⁸. Они же названы «северо-восточными и юго-западными россами» и «квалифицируются» как «два оттенка народности общерусской» — «восточно-русской (великороссийской) и западнорусской (тут исключительно малороссийской)»¹²⁹. «Северо-восточным руссом» Надеждин именуется представителя северной отрасли русских¹³⁰, противопоставленной «юго-западному» ее «облику» (белорусам). «Западно-рус-

¹²³ Максимович М.А. Филологические письма к М.П. Погодину // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. С. 180–272.

¹²⁴ Там же. С. 190.

¹²⁵ Н.И. [Надеждин Н.И.] Великая Россия. С. 263, 265, 267, 268, 269 и далее. При этом автор использует наименования «малороссы», «малороссияне», «ХОХЛЫ».

¹²⁶ Там же. С. 265.

¹²⁷ Там же. С. 270.

¹²⁸ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской. С. 101.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. С. 80.

ским оттенком» названа белорусская народность. Прилагательное «великороссийская» Надеждин связывает и с существительными «старина», «особность». Таким образом, употребляя слово «великороссияне» («мы, великороссияне»), он, тем не менее, использует (как и Ю.И. Венелин) целый ряд соположенных наименований. Упоминая важный, с его точки зрения, вопрос о том, что «различия, существующие между оттенками великороссийским и малороссийским в пределах России, служат для некоторых поводом к утверждению: будто их нельзя считать оттенками одного основного типа; будто это *не один* русский народ, а *две* отдельные народности (выделено Надеждиным. — *М. Л.*), каждая с равным самобытным значением в общей великой семье славянской»¹³¹, Надеждин уклоняется от конкретного решения, ссылаясь на необходимость дальнейшего изучения проблемы. Вряд ли можно на этом основании однозначно заключить, что данные наименования «отраслей» являются именно этнонимами, призванными подчеркнуть этническую специфику, а не этниконами, — ведь Надеждин не соотносил свои рассуждения с народной самоидентификацией, хотя фиксировал кардинальные различия в быте, культуре, обычаях данных групп. При этом он определенно утверждает, что язык (важнейший критерий этничности того времени) этих отраслей — общерусский; поэтому можно предполагать, что мы имеем дело не с этнонимом в чистом виде, а с наименованием племенной ветви. С другой стороны, реконструированные нами значения понятия «народность» в языке науки 1840-х — 1870-х гг., когда народность толковалась как этничность, не позволяют полностью отвергать и другой вариант трактовки, непосредственно относящийся к этнонимии.

«Восточное поколение, или великороссияне» и «юго-западное, или малороссияне, и северо-западное», то есть белорусы, представлены в учебнике географии 1843 г.¹³²;

¹³¹ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской. С. 102.

¹³² Павловский И. География Российской империи. Ч. 1. С. 193.

слова «россияне» и «великороссияне» (судя по контексту употребления) выступают в качестве синонимов¹³³. Когда речь заходит о региональных отличиях «русских» групп, проявляются определенные закономерности в распределении свойств в категориях север, запад / юг, восток. Данная оппозиция не только оказалась главенствующей в описаниях двух восточнославянских «отраслей» русского народа, но также структурно и методологически определила способы репрезентации и форму изложения: исключительно в сравнении и с опорой на врожденные, сформированные климатом качества.

В этногеографических описаниях понятие «великороссы» бытовало до 1850-х гг. как менее частотное — в отличие от явно преобладавшего «великороссияне». Не исключено, что такое употребление данного понятия было много шире, не ограничиваясь сугубо специальными текстами данного жанра. Так, анализ этнонимов в языке А.С. Пушкина обнаруживает слова «великороссиянин», «россиянин», «русак», «русский» при отсутствии слов «великорус / великоросс»¹³⁴. «Великороссы» появляются в конце 1840-х гг. и вначале функционируют как синоним к определениям «великороссиянин» и «северный росс», «северорус». Во второй половине столетия наименования «южно-русъ» и «северно-русъ» хотя и сохраняются, но постепенно перемещаются на периферию научной лексики, используются все реже. Однако в сравнительных характеристиках малорусов и великорусов они намного более частотны даже в конце XIX — начале XX в.

Зафиксированные в этнонимии отличия русских «южан» от «северян» встречаем в статьях К.Д. Кавелина конца 1840-х гг.¹³⁵; в авторском тексте «Записок о Южной Руси» (1856) П.П. Кулиша фигурируют «северный» и «юж-

¹³³ Павловский И. География Российской империи. Ч. 1. С. 191–193.

¹³⁴ Словарь языка А.С. Пушкина. В 4-х т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. М., 2000. Т. 1. С. 225; Ковалев Г.Ф. Этнонимикон А.С. Пушкина // Ковалев Г.Ф. Этнос и имя. Воронеж, 2003. С. 77, 83.

¹³⁵ Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории.

ный» русские народы¹³⁶. В трудах и лекциях В.О. Ключевского 1870-х — 1890-х гг. указывались различия в характерах двух групп или в их этнокультурной специфике («народностями»), ориентированные по частям света¹³⁷, — и в этом случае вновь актуализировались наименования с определениями «южный» («юго-западный») и «северный» («северо-восточный»). Историк С.М. Соловьеву на начальном этапе создания «Истории России» тоже были присущи подобные представления. В начале первого тома (1851) он указывал на важное различие в характере «южного и северного народонаселения Руси», вызванное природой страны¹³⁸.

«Племена русские» и их территориальные ареалы в классификациях первой трети XIX в.

Появившиеся в XVII в. «книжные» топонимы «Малая, Великая и Белая Русь» начиная с XVIII столетия рассматривались в новом качестве — как этнотерриториальные ареалы. С развитием этнографии они переосмыслились как историческое и этнографическое пространства великорусов, малорусов и белорусов. Поэтому области великорусских, малорусских (юго-западных) и белорусских (северо-западных или западных) губерний представляли собой не просто административные единицы пространства Империи; их границы очерчивали пределы обитания русского народа, государствообразующего этноса и русскости. Задачи такого масштаба стояли перед всеми европейскими нациями, но «российские трудности были более основательными: большая часть “священной” земли Русской состояла из окраин»¹³⁹.

¹³⁶ Кулиш П.П. Записки о Южной Руси. В 2-х т. СПб., 1856.

¹³⁷ Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть первая. Лекция XVII. С. 310–313.

¹³⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Соч. В 18-ти кн. Кн. I. Т. 1. С. 73.

¹³⁹ Слѣзкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. М., 2005. С. 147.

В сочинениях первой четверти XIX в., описывающих славянское население Империи, упоминания восточнославянских этнонимов по отдельности чрезвычайно редки. Это обусловлено тем, что географы и народоописатели того времени опирались на стандарты репрезентации предшествовавшего века. Уже говорилось о постоянном воспроизведении в словарях и «Описаниях» точки зрения Татищева и целых фрагментов его сочинений, вошедших в крупнейшие издания первых десятилетий XIX в. Это в полной мере касается и «списков» народов — то есть этнического состава подданных Российской империи. В них продолжала воспроизводиться классификация, где славяне были представлены россиянами (россиане), а с разделами Речи Посполитой — еще и поляками. Так, в «Землеописании» (1807) Е.Ф. Зябловского в перечне «поколений» (наиболее крупных племенных групп, а не этносов) Российской империи, выделяемых по антропологическому («сходство лиц» — в издании 1807 г. и «сродство лиц, нравов и обычаев» — в издании 1810 г.¹⁴⁰) и языковому («сродство языка») критерию указано два славянских племени: россияне и поляки¹⁴¹, то есть под «россиянами» подразумеваются все три восточнославянские «ветви», которые, однако, в этом тексте порознь не упомянуты. В обновленном и более подробном многотомном издании 1810 г. в список славянских народов попадают, помимо «россиан», еще и казаки, различающиеся по регионам заселения¹⁴². Россиянами именуется эта группа и в географической игре для детей (1824) И.Г. Гурьянова¹⁴³.

¹⁴⁰ Зябловский Е.Ф. Землеописание Российской империи для всех состояний. В 6-ти ч. СПб., 1810. Ч. 1. С. 4.

¹⁴¹ Зябловский Е.Ф. Новейшее землеописание Российской империи. В 2-х т. СПб., 1807. Т. 1. С. 91.

¹⁴² Зябловский Е.Ф. Землеописание Российской империи. С. 5.

¹⁴³ Новейшая географико-историческая игра, или первый курс географии и истории для детей обоого пола. От 7 до 13 лет, заключающий в себе описание всех пяти частей света, с политическим разделением оных на государства (по Венскому конгрессу), с разделением последних по областям, и с изъяснением как положения государств, так и знатнейших гор, рек, заливов, городов столичных и так чем-либо примечательных, а вместе с сим приобщается краткая история каждого государства, древ-

Одним из первых исследователей, зафиксировавших область дефиниций терминов и бытование в научной литературе, стал Н.И. Надеждин. В работах 1840-х — 1850-х гг., посвященных этногеографической номенклатуре Российской империи, он подробно рассмотрел происхождение понятия «Великая Россия». Надеждин не был оригинален в своих построениях — он следовал за теми отечественными географами конца XVIII в., которые отождествляли Великую Россию с северо-восточными областями Европейской России с Владимирско-Московским центром. Но заслугой Надеждина стали максимально полное освещение всех наиболее важных публикаций и анализ состояния исследований по данному вопросу к концу 1830-х гг. Кроме того, он первым четко разделил историческое, географическое и этнографическое значения термина.

В энциклопедической статье 1837 г. о Великой России Надеждин обозначил «узкое» (ядро) и «широкое» (ареалы) понимание данного региона, наименование которого он считал возможным использовать для обозначения не только историко-географической области России, но и в качестве административно-структурной единицы¹⁴⁴. Надеждин соглашался с предшественниками в том, что термин появился относительно недавно, «не ранее половины XVI в.»¹⁴⁵. Первое упоминание топонима «всей Великия России» он, как и предыдущие исследователи, относит к тексту «Апостола» (1556) и чину венчания на престол царя Федора Иоанновича. Надеждин обращает внимание на то, что, несмотря на упоминание в этих источниках, термин не использовался ни в каких иных письменных актах и документах XVI в. и был заимствован из византийских источников, обозначающих различие между Малой и Великой Русью (Руссией, позже Россией) по аналогии с Малой и

ние имена как оных, так и гор, рек и городов; число жителей, гербы, ордена, царствующие государи и главнейшие достопримечательности как естественные, так и искусственные, а равно и древности, в государствах находящиеся. М., 1824. С. 59.

¹⁴⁴ Н.И. [Надеждин Н.И.] Великая Россия. С. 261–276.

¹⁴⁵ Там же. С. 261.

Великой Грецией как землями метрополии и колонии. Он настаивает на «искусственном», то есть «ученом», происхождении понятия, созданного духовенством, которое вначале не придавало ему значения политонима, а использовало в качестве риторической формулы прославления Российского государства и правителя¹⁴⁶. Надеждин указывает, что наименование «Россия» / «Росия» пришло на смену «Руси» и «Русии» именно по инициативе «книжников» не ранее XVI в. Первое употребление словосочетания «Великая Россия» как политонима («в частном политическом смысле», как определяет Надеждин) связывается с Богданом Хмельницким (донесение гетмана 1654 г. о присяге войска Запорожского на верность Алексею Михайловичу), который использовал его для отличения от Малой Руси / Малой России (так именовалась «юго-западная часть земли русской»).

Определение *Малая Русь* / *Малая Россия* автор статьи соотносит с наименованием земель Галицкого королевства и первое его употребление находит в тексте грамоты Юрия Галицкого 1335 г., считая при этом, что оно использовано для отграничения королевства от другой, территориально преобладающей, — то есть Великой — части русских земель. Поэтому автор особенно подчеркивает, что понятие «Великая Россия» «не имеет ходу в народе, а остается ... книжным»¹⁴⁷. В качестве аргумента Надеждин указывает на традиции словоупотребления: «... до сих пор не говорится и не пишется “Великая Русь”, “великоруссы” и “великорусский”, но “Великая Россия”, “великороссияне”, “великороссийский”»¹⁴⁸.

Границы Великой России Надеждин определял и описательно, видя в ней «важнейшую часть, сердце Российской империи»¹⁴⁹. «Географическое значение» понятия он, как и предшественники, связывал с политической исто-

¹⁴⁶ Н.Н. [Надеждин Н.И.] Великая Россия. С. 262.

¹⁴⁷ Там же. С. 263.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. С. 261.

рией — с владениями, унаследованными царем Алексеем Михайловичем под именем Московского государства. Однако это не означало, что автор отождествлял Московское государство XVII в. с Великой Россией. Анализируя этапы расширения Великой России в процессе присоединения к ней новых земель, Надеждин последовательно рассмотрел изменения пределов региона в истории. По его мнению, «первая» Великая Россия объединяла земли Московского государства «до междуцарствия» («к западу простираясь до Копорья, Великих Лук и Чернигова, к югу до Путивля, Раздоров и Астрахани. Нарва, Динабург, Витебск, Могилев, Ромен, Полтава, Азов — были соседние зарубежные города»¹⁵⁰). При царе Алексее Михайловиче она включила в себя земли обоих берегов Верхнего Днепра, всю Десну, до Вилии и Южного Буга.

Наиболее серьезное противоречие позиции Надеждина — различие «Великой России» и современных «великороссийских губерний». Совершая этот не совсем корректный с исторической точки зрения перенос, Надеждин описывал его так: «...должно отнести к составу ее кроме Сибири все губернии нынешней Российской империи, расположенные по водам Северной Двины, Волги и Дона, включительно с бассейнами Ильменя, Ладоги и Онеги, которые все действительно называются “великороссийскими”»¹⁵¹. С другой стороны, он указывал, что в состав этих губерний не входят регионы, принадлежавшие пространству Великой России на раннем этапе истории: так, Надеждин исключает Кавказскую область и Земли (Области) Войска Донского. Народ, по его словам, отождествляет территории Великой России с понятием «Россия».

При этом Надеждин замечал, что подобное определение границ Великой России «совершенно произвольно» и далеко не отражает точного исторического и географического наполнения понятия. Он подчеркивал, что географи-

¹⁵⁰ Н.Н. [Надеждин Н.И.] Великая Россия. С. 263.

¹⁵¹ Там же.

ческие границы Великороссии также не подлежат точной фиксации, поскольку отдельные территории располагаются в азиатской части, да и природное разнообразие не дает возможности ограничить пространство Великой России природно-ландшафтными зонами.

Второе определение ученый осуществляет через соотношение с административным делением Российской империи, которое претерпевало изменения. По петровскому «гражданскому разделению» северные области Империи со столицей Санкт-Петербургом и новгородскими землями включались в состав «Великороссийской генерал-губернии» (в то время как Белорусской генерал-губернией — в соответствии с бытовавшими вплоть до середины XVIII в. представлениями о тождественности Белой и Московской Руси — именовались центральные регионы вокруг Москвы и Смоленск)¹⁵². Надеждин считал более корректным ограничить великороссийские губернии границами Московского княжества 1462 г. (то есть до восшествия на престол Ивана III) — такое пространство, по мнению Надеждина, следует определить как *узкий состав* или *центр* великорусской области¹⁵³. В этом смысле можно говорить о *ядре* Великой России, поскольку уже в конце правления Василия III (1533) под его властью объединились земли Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, увеличив государство почти вдвое.

В этом перечне важно отметить соединение двух исторических областей — Северо-Западной (Новгород и Псков) и Северо-Восточной Руси (земли, входившие в состав Владимиро-Суздальского княжества). Наиболее важным критерием включения в Великороссию оставалась политическая значимость данных территорий: там протекали

¹⁵² Татищев В.Н. Руссия, или, как ныне зовут, Россия // Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 116–119. Интересно, что Надеждин выступил автором вводной статьи и комментатором данного текста при его первой в XIX в. публикации (Журнал Министерства внутренних дел. 1839. № 6. С. 331–406).

¹⁵³ Н.Н. [Надеждин Н.И.] Великая Россия. С. 264.

процессы государствообразования и консолидации различных земель на разных исторических этапах. При этом Н.И. Надеждин даже не упоминает о татищевской версии Белой Руси как Северо-Восточной Руси; для него представляется бесспорным тезис о том, что Московская Русь — это и есть Великая Россия. Кроме того, в надеждинском перечне упомянуты более далекие (от исторического центра Северо-Восточной Руси) губернии, представляющие собой концентрическую окружность вокруг исторического ядра-центра. Таких губерний тоже десять: Санкт-Петербургская, Олонецкая, Вологодская, Вятская, Нижегородская, Тамбовская, Воронежская, Курская, Орловская и Смоленская. Критерием выделения «первичного» и «вторичного» кругов является, как видим, историко-политический фактор — этапы вхождения в единый государственный организм новых территорий Европейской России до раннеимперского периода включительно. Таким образом, можно констатировать, что наиболее релевантными для Надеждина стали политико-исторические критерии. Иначе говоря, великороссийские земли находились в центре процессов государствообразования в Европейской России.

Наиболее сложный вопрос — о том, какие губернии Российской империи первой четверти XIX в. представляются «великороссийскими» в точном, административном, смысле, — Надеждин оставил без ответа, поскольку, повторим, не придавал ему значения, считая его «совершенно произвольным»¹⁵⁴. Между тем неразрешенность данного вопроса создает определенные трудности: ведь административное губернское деление в конце XVIII — начале XIX в. постоянно менялось. При Екатерине были созданы (1775–1785) 40 наместничеств (позже переименованных в губернии) и две области¹⁵⁵. Именно тогда выделились единицы разделения имперского пространства, которые затем были соотнесены с номинациями 25 губерний: Московской,

¹⁵⁴ Н.И. [Надеждин Н.И.] Великая Россия. С. 263.

¹⁵⁵ Арсеньев К. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 27–58.

Смоленской, Тверской, Псковской, Новгородской, Калужской, Ярославской, Тульской, Рязанской, Владимирской, Костромской, Орловской, Курской, Нижегородской, Тамбовской, Воронежской, Вологодской, Пензенской, Вятской, Казанской, Симбирской, Астраханской, Саратовской, Олонецкой, Архангельской¹⁵⁶.

Столь значительное количество неточных и описательных определений у Надеждина объясняется, на наш взгляд, тем, что гораздо более важным, нежели географическое, ученый полагал «этнографическое значение» региона — в том смысле, что именно население этой территории сформировало особую разновидность самостоятельной великорусской «отрасли» русского народа, которая, в свою очередь, сыграла главную роль в создании и укреплении царства, а потом Империи — не просто жизнеспособной, но постоянно колонизирующей новые территории и народы. Именно это обстоятельство дало Надеждину основание утверждать, что «Российское государство, Российская империя обросло вокруг одного средоточия, одного основного ядра, где география имеет чисто русскую физиономию, где должна быть коренная русская земля. Ядро это находится в Европейской России»¹⁵⁷. Определяя его «пределы», Надеждин указывает: «Европейская Россия с трех сторон ограничена естественными рубежами: северным океаном, уральским поясом, киргиз-кайсацкими степями, морем Каспийским, хребтом Кавказским и Черным морем ... Но с четвертой, западной, ее отрезывает от остальной Европы черта условная, исключая трехглавой оконечности Балтийского моря...»¹⁵⁸. Как видим, речь идет не о *великороссийском*, а о *русском* ядре, но если можно строить гипотезы о том, какие именно территории Надеждин в него

¹⁵⁶ Подробнее об этапах вхождения разных регионов в Московское, Российское государства, а затем — в Империю: *Арсеньев К.* Статистические очерки России. СПб., 1848. Об «Учреждении о губерниях»: Там же. С. 111–116.

¹⁵⁷ *Надеждин Н.И.* Опыт исторической географии русского мира. Статья первая // Библиотека для чтения. 1837. Т. XXII. Отдел 3. С. 39.

¹⁵⁸ Там же.

включал, то не вызывает сомнений, что Великая Россия (в узком смысле) так или иначе с ним отождествляется. Метафоры «ядро» и «сердцевина» или «корень» и «зерно» оказались весьма устойчивыми и для определения данного ареала и населяющего его «славяно-русского» племени не только в публицистических и философских сочинениях второй половины столетия, но и в многочисленных проектах географо-экономического районирования, разработавшихся во второй половине века¹⁵⁹ (русский историк Л.Е. Горизонтов классифицировал их как «генетические»¹⁶⁰). Принцип выделения двух окружностей / «кругов» вокруг главного великорусского ядра, обоснованный Надеждиным, также получил развитие¹⁶¹.

Л.Е. Горизонтов полагает бесспорным, что начиная с первой трети XIX в. «внутренняя Россия» мыслилась как часть Великороссии, хотя и подчеркивает, что ее территория трактовалась «весьма расширительно»¹⁶². Он же одним из первых обратил внимание на то, как использовались и объяснялись эти категории в художественной литературе и публицистике. Здесь уместно вслед за Горизонтовым обратиться к тексту травелога (1834) В.В. Пассека¹⁶³, вышедшего чуть раньше программной статьи Надеждина, и рассмотреть его детальнее. Прибегая к метафорам «крово-

¹⁵⁹ Россия. Экономический отдел. Деление России на районы по естественным и экономическим признакам // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. В 82-х т. (86 п/т) / Под ред. Е.И. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. XXVIII (п/т 56). СПб., 1899. С. 227–230; Никитин Н.П. Исторический обзор развития отечественной экономической географии // Отечественные экономико-географы XVIII–XX вв. М., 1957. С. 5–9.

¹⁶⁰ Горизонтов Л.Е. Внутренняя Россия на ментальных картах имперского пространства // Культура и пространство. Славянский мир. М., 2004. С. 206.

¹⁶¹ Н.Я. Данилевский, размышляя о направлениях и формах колонизации русскими окраин Империи, указывал, что эти потоки «образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый, нераздельный круг ее» (Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 5-е изд. СПб., 1895. С. 532).

¹⁶² Горизонтов Л.Е. Внутренняя Россия. С. 202–203.

¹⁶³ [Пассек В.В.] Мечтанья // [Пассек В.В.] Путевые записки Вадима. М., 1834.

обращение» и «сердце» государства, Пассек выделяет три центра («узла», «средоточия»), каждый из которых «заклучался в определенной местности и характеристике известного племени и разливал на всю жизнь целого государства свой отличительный свет и свои оттенки!»¹⁶⁴. Первый «узел народности» Пассек помещал в Новгороде, который отличался от соседних славянских племен политическим устройством, домашним бытом и «наречием языка». Пассек рассматривает ранние пределы Новгородской земли в границах Двинской и Печорской областей и добавляет в широкий ареал также современные, тяготеющие, на его взгляд, к Новгородскому центру, губернии, некогда бывшие колониями Новгорода: Санкт-Петербургскую, Вологодскую, Олонецкую, Архангельскую, Пермскую, Вятскую¹⁶⁵. Славянское население данных регионов именуется у Пассека жителями «Новгородского севера».

Вторым — по хронологии — центром «политической деятельности и народности» является Киев с «окружностью», включающей Северскую область, часть Подолии, Волынь и «нынешнюю Украину». Этот «узел» соотносится с «местообитанием» русских «южных племен»¹⁶⁶, актуализируя оппозицию север / юг.

В третий — «московский» — узел «все занесено с юга, и все преобразовалось дыханием народности в мысль о смерти уделизма, о началах единой державия»¹⁶⁷. К этому узлу В.В. Пассек относит 10 губерний: Московскую, Владимирскую, Тверскую, Костромскую, Ярославскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Орловскую и «даже Курскую»¹⁶⁸.

Остальные области «не сделались узлом», они располагаются на окружности. Эти пограничные с узловыми земли таковы: Нижегородская, Казанская и все ниже-

¹⁶⁴ [Пассек В.В.] Мечтанья // [Пассек В.В.] Путевые записки Вадима. М., 1834. С. 168.

¹⁶⁵ Там же. С. 168–169.

¹⁶⁶ Там же. С. 170.

¹⁶⁷ Там же. С. 170–171.

¹⁶⁸ Там же. С. 171–172.

волжские («низовые»), Крым, Остзейские губернии — в Европейской части России, а также Сибирь, Кавказ и губернии, присоединенные от Польши и Швеции. Эти «страны» Пассек предлагает исследовать этнографически, по племенам (финскому, татарскому и германскому). Далее он подробно рассматривает каждую из трех «окружностей», обнаруживая в них «узлы» — то есть историко-политические центры другого уровня, а в них — свои «средоточия»¹⁶⁹.

Впрочем, большинство авторов никак не комментировали этнографический или языковой принципы в качестве критерия причисления региона / губернии к великороссийскому пространству. В «Карманной книге географии» (1835), являвшейся переводом немецкого издания, все пространство Империи распределено лишь на восемь групп, выделяющихся главным образом (за исключением двух региональных) по этническому признаку: великороссийские, новороссийские, малороссийские, белорусские, польские, литовские, остзейские или немецкие и сибирские. Велико-российские губернии — самые многочисленные, это к ним относят 28 губерний: все центральные, северные и волжские. Полный их перечень: обе столичные, Смоленская, Псковская, Новгородская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Владимирская, Тверская, Калужская, Рязанская, Вятская, Пермская, Оренбургская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Астраханская, Пензенская. Тамбовская, Воронежская, Курская, Орловская и Тульская¹⁷⁰. В статистическом очерке России (1837) Н.И. Иванова при участии Ф.В. Булгарина состав великороссийских губерний столь же широк, их насчитывается 27, так как Санкт-Петербургская губерния в перечень не входит¹⁷¹.

¹⁶⁹ [Пассек В.В.] Мечтанья // [Пассек В.В.] Путевые записки Вадима. М., 1834. С. 172–173.

¹⁷⁰ Россия // Карманная книга географии. С 21 раскрашенной ланкартой / Пер. с нем. докт. фил. Пастор Зедегольм. М., 1835. С. 216–223.

¹⁷¹ Иванов Н.И., Булгарин Ф.В. Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Ч. 1. С. 46–47.

В конце 1840-х гг. формируется новая тенденция — наблюдается стремление напрямую связать пространство Великой России с великороссийскими губерниями. В учебнике отечественной географии (1843) И. Павловский помещает подробное объяснение данного топонима. Он именуется «средоточием» Великой России Москву, относя сам термин к середине XVI в., к титулатуре Ивана Грозного, и подчеркивает его топонимический, а не политический характер («вместо “Русь” ... стали писать “Русія” и “Россия”») ¹⁷². Название «Великая Россия» в политическом смысле, по мнению Павловского, утвердилось лишь с момента присоединения «юго-западной части земель русских или Малороссии», а потом и «Западной Руси или Белороссии» к Российской державе в середине XVII в., для отграничения «восточной части России или великороссийского государства» от западной (Малороссии и Белороссии) и «таким образом утвердилось в политическом смысле, причем, не обозначая точных границ Великой России, оно и поныне употребляется официально»; однако жителей великороссийских губерний автор именуется «большей частью русскими» ¹⁷³.

К первой четверти XIX столетия обозначились три тенденции объяснения происхождения и ареала топонима «Великая Русь» / «Великая Россия», границы которых стремились определить в первую очередь через этнополитические категории, установив соотношение с геополитическими единицами или областями, сложившимися в истории до и сразу после образования государства Рюрика. Одна тенденция отождествляла Великую Русь с Новгородской, подчеркивая таким образом лишь опосредованное наследование Российской империей политических тради-

¹⁷² Павловский И. География Российской империи. Ч. 2. С. 7. Аналогичная эволюция политонима: Русь (с 862 г.), Русия (с 1578 г.), Россия (с 1606 г.), Руссия (с 1634 г.), Россия (с 1725 г.) — представлена в: Материалы из русской истории, статистики и географии. М., 1846. С. 3. Наименование «Великая Русь» связывается также с именем Ивана Грозного, стремившегося отличать эти территории «от Южной Руссии, которая с 1383 или 1478 г. называется Малороссиею» (Там же. С. 4).

¹⁷³ Там же.

ций Великой Руси, поскольку Владимиро-Суздальская / Московская Русь соотносилась с Белой Русью. Вторая значительно удревняла данное наименование, населяя земли Руси финскими племенами, смешавшимися с мигрировавшими славянами еще до создания первой государственности. Наконец, были авторы, которых гораздо более занимали проблема племенного родства и главный для определения происхождения вопрос — о языке (именно этот критерий этнической идентификации доминировал в ту эпоху). В данном контексте — с точки зрения эволюции представлений о Великой России / Великороссии, великороссийском / великорусском наречии и великорусе как «отрасли» триединого народа русского — наиболее важными видятся следующие конкурирующие гипотезы: о раннем племенном смешении финно-угорских и славянских племен («россо-славяне» или «словено-россы»), с одной стороны, и о безусловном славянском преобладании в крови и языке «россиян» — с другой. В характеристике нрава / характера жителей России не наблюдается никаких региональных различий — напротив, подчеркивается их «одинаковость» в языке и общественных проявлениях (варьирующаяся только по сословиям). Те свойства, которые им приписываются, соотносятся в некоторой мере с описаниями качеств северных и отчасти славянских народов.

* * *

Таким образом, можно утверждать, что в народоописательной и географическо-статистической литературе 1820-х — 1840-х гг. в качестве нормативного этнонима выступало восходившее к словоупотреблению XVIII в. наименование *великороссиянин / великороссияне*, противопоставленное паре *малороссиянин / малороссияне*¹⁷⁴. Наименование «русский народ» в 1820-х — 1840-х гг. часто применялось в двух значениях. С одной стороны, оно определяло русских как подданных русского государя и

¹⁷⁴ Подробнее аргументация приведена в: *Лескинен М.В.* «Южноруссы», «малороссияне», «малоруссы», «украинцы».

относилось к трем восточнославянским племенам в совокупности; с другой — употреблялось в контексте этнографо-исторических описаний русского быта и образа жизни допетровского времени (главным образом XVI–XVII вв.), то есть для обозначения донациональной русскости Российского царства. В этом втором смысле прилагательное «русский» оказывалось тождественно определению «великорусский» — когда авторам необходимо было подчеркнуть этнокультурную специфику культуры в землях великорусского этапа государственности.

Начиная с 1850-х — 1860-х гг. словоупотребление подвергалось трансформации; безусловно доминирующим этнонимом становится *великоросс* / *великорус* — так же, как *малороссиянина* сменяет *малоросс* / *малорус* (в XIX в. все подобные наименования писались с двумя «с»). Характерна, например, в текстах Н.И. Надеждина замена лексемы *малороссийский* на *малорусский* через 10 лет после его статьи «Великая Россия»: в наименованиях языка Надеждин употребляет прилагательное «великороссийский», однако здесь же, в рассуждениях о языках и наречиях, использует определения «малорусский» и «белорусский»¹⁷⁵. Впрочем, в той же работе встречаем видоизмененную пару понятий: *великороссияне* / *малороссы*¹⁷⁶.

Следует еще раз подчеркнуть, что после Надеждина ни один исследователь не высказал сомнения в «книжности» и в этом смысле «искусственности» (то есть сконструированности) рассмотренных лингвонимов топонимического происхождения от понятий *Великая* или *Малая Русь* / *Россия*. Как в хрестоматийной статье (1892) Д.Н. Анучина в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона¹⁷⁷, так и в работах А.И. Соболевского начала XX в. подчеркивалось, что употребительное взаимное наименование великорусами и малорусами друг друга — «хохль» и «кацапъ» / «москали».

¹⁷⁵ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской. С. 70.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Великоруссы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. СПб., 1892. Т. Va (п/т. 10).

Между тем в обыденной речи чаще всего (как указывалось в научной литературе) использовалось все же название «русский». А.И. Соболевский писал: «Русский народ нигде не называет себя великорусами, малоруссами или белорусами; эти этнографические названия принадлежат науке и употребляются только образованными людьми»¹⁷⁸. В этом смысле совершенно понятно, почему в «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля в ряду понятий с корнем «велик-» отсутствуют наименования *великоросс* / *великорус* и производные от них (один из зарубежных исследователей, реконструировавший содержание определенных *российский* / *русский* / *великорусский* в языке XIX в., квалифицировал данный факт как «curious»¹⁷⁹). В лексику живой русской / великорусской *речи* эти понятия так и не были введены ни в качестве эндонимов, ни в ином значении, продолжая функционировать и видоизменяться в нормативных текстах / литературном языке — то есть в иных дискурсах.

---

¹⁷⁸ Соболевский А.И. Русский народ как этнографическое целое. Харьков, 1907. С. 11.

¹⁷⁹ Kamusella T. The change of the name of the Russian Language in Russia from *Rossiiski* to *Russkii* // Acta Slavica Iaponica. 2012. Vol. XXXII. P. 83.

Очерк 3

**«Земля,
текущая медом и молоком»:
украинские земли Правобережья
в представлениях региональных элит
и политике имперских властей
в первой половине XIX в.**

Эмансипация определенного (этно)национального сообщества, в частности, в глазах других сообществ, в современных исследованиях национализма рассматривается как сложный динамический процесс, не всегда имеющий четко заданный вектор, в котором идентификация и самоидентификация происходят под влиянием целого ряда внешних и внутренних факторов¹. Исследователи полагают, что «идея нации включает в себя комплекс представлений о том, что такое нации, каковы критерии принадлежности к ним, чем определяется идентичность данной конкретной нации, что этой идентичности угрожает и что нужно для ее благополучия. В сумме эти представления задают некую систему координат, определяющих, кто есть мы, составляющие нацию, чем мы отличаемся от других и каковы наши перспективы. Формирование и последующая трансформация такой идеи представляют собой динамичный процесс, в ходе которого, как правило, соперничают между собой несколько альтернативных проектов»².

---

¹ Одним из первых предложил такой подход к анализу идентичности Ф. Барт: *Barth F. Ethnic Groups and Boundaries*. Boston, 1969.

² Малинова О.Ю. Традиционалистская и прогрессистская модели национальной идентичности в общественно-политических дискуссиях 1830-х — 1840-х гг. в России // Консерватизм в России и мире. В 3 ч. Ч. 1. Воронеж, 2004. С. 28.

Историко-географическая номенклатура как маркер «своего» пространства

Особенно сложные формы процесс (само)идентификации может приобретать в этнически неоднородных и/или пограничных регионах, каковым в начале-середине XIX в., несомненно, являлось украинское Правобережье. Факт участия в зарождающихся националистических дискурсах акторов разного происхождения и уровня отразился, в частности, в своеобразной полемике по поводу географической терминологии. Украинские земли, окончательно вошедшие в состав Российской империи по второму разделу Речи Посполитой в 1793 г., вместе с белорусско-литовской ее частью, в имперском дискурсе довольно долго именовались «бывшими польскими». Именно так определялись присоединенные территории в официальной документации после разделов, причем не только эпохи Екатерины II, но и Павла I: так, указом от 12 декабря 1796 г. предписывалось создать из «бывшей польской Украины, Волыни и Подолья» две губернии — Волынскую и Подольскую³. Лишь к середине XIX в. в официальной сфере за ними закрепляется обозначение «Западные губернии» (включавшее также белорусско-литовскую часть польского наследства) или более узкое «Юго-Западный край» для собственно украинских земель. Однако в российской публицистике вплоть до второй половины XIX в. сосуществуют разные их обозначения, например, описательные конструкции «бывшие польские губернии» или «южные хлеборобные области империи» (как в популярном гимназическом учебнике «Краткие очерки русской истории: курс старшего возраста» Д.И. Иловайского⁴), или традиционные

³ Державний архів Вінницької області (далее — ДАВО). Ф. 906. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 3–4 зв.; см. подробно об административных преобразованиях того времени: *Петренко О.* Історія адміністративно-територіального устрою Вінниччини від найдавніших часів до сучасності: Науково-довідкове видання. Вінниця, 2008. С. 17.

⁴ Цит. по: *Єкельчик С.* Великий наратив і його розриви: Україна в російських підручниках з історії та уявленні українських студентів (1830–1900-ті ро-

регионимы «Волынь» и «Подолія», но вместе с тем появляется и определение «Заднепровская Украина»⁵.

При сопоставлении географических терминов очевидной становится преемственная связь русской терминологии с польской историко-географической номенклатурой. В официальных документах и географических описаниях до разделов, а также в воспоминаниях выходцев из украинских земель Речи Посполитой (представителей традиционной для этих регионов польской или полонизированной шляхты и местной интеллигенции), в литературе и публицистике после 1795 г. эти территории определяются, как правило, при помощи региональных терминов, среди которых доминируют Волынь, Подолье и Украина. Подчеркнем, что последний, хотя и используется как обязательный член триады, но является чаще всего именно регионимом, а не термином, определяющим все украинские земли, в полном соответствии с польской традицией⁶. Заметим, что этот последний термин если и принимался имперской логикой XIX в., то с определенными оговорками (напр., в аксаковской версии Заднепровской Украины), и в обобщенном смысле гораздо чаще заменялся Малороссией, изначально использовавшейся для обозначения левобережных земель⁷.

ки) // Українофіли. Світ українських патріотів другої половини XIX століття. Київ, 2010. С. 75–105.

⁵ Аксаков И.С. По поводу притязаний поляков на Литву, Белоруссию, Волынь и Подолию. Москва, 6-го октября 1862 г. // Сочинения И.С. Аксакова 1860–1886: Т. [1] –7. М., 1886–1887. С. 16–38.

⁶ Об аналогичной польской практике употребления термина Украина в раннее новое время см.: Яковенко Н. Вибір імені versus вибір шляху (назви української території між кінцем XVI — кінцем XVII ст.) // Міжкультурний діалог. Т. 1. Ідентичність. Київ, 2009. С. 83.

⁷ Как отмечает П. Бушкович в своем анализе украинско-русских связей в XIX в., убежденность в том, что Малороссия (Левобережье) и есть вся Украина, была настолько всеобщей, что никто даже не удосужился объяснить это: см.: *Bushkovitch P. The Ukraine in Russian Culture. 1790–1860. The Evidence of the Journals // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Band 39. 1991. Heft 3: Franz Steiner Verlag, Stuttgart. S. 343.* Исследователь объясняет это как негласное признание факта польского влияния на Правобережье, а также традиционно более тесными связями России с Малороссией.

Лишь к концу XIX в. закрепляется чрезвычайно важный для польского (в том числе современного) дискурса об Украине термин «кресь», который объединяет все бывшие восточные территории Речи Посполитой до разделов⁸. Появление определения «кресь» в польской литературе связывают с 1840-ми гг., с именем В. Поля и его поэмой «Могорт»; затем на протяжении XIX в. происходит концептуализация термина: будучи первоначально тесно связанным с идеей защиты пограничья, понимаемого в историко-пространственном и культурно-цивилизационном смыслах, обозначение «кресь» (позже с заглавной «**К**ресь», как и другие географические названия) приобретает важные оценочные коннотации, устанавливающие связь с польским национальным мифом и концепцией культурно-исторического единства (и будущего воссоединения) этих земель с Речью Посполитой в ее границах до разделов⁹.

Остается еще один актер — собственно украинский, фактически отсутствующий (и безмолвствующий) в публичном пространстве до середины XIX в. Именно в украинском нарративе позже закрепляется термин, использованный нами в заглавии очерка, — Правобережье, иначе — Правобережная Украина, отражающий собственно украинскую топографо-географическую перспективу: расположение региона по отношению к Днепру¹⁰.

Сама по себе отмеченная терминологическая многоголосоца прекрасно иллюстрирует явление, определенное А.И. Миллером как «наложение идеальных отечеств»¹¹:

⁸ Об этом см., в частности: *Kieniewicz S. Kresy. Przemiany terminologiczne w perspektywie dziejowej // Przegląd Wschodni. 1991. R. 1. Z. 1. S. 3–13.*

⁹ Подробно разбирает динамику семантики термина на многочисленных примерах из литературных и публицистических произведений XIX в. в своей научно-популярной монографии Я. Кольбушевский: *Kolbuszewski J. Kresy. Wrocław, 1998. S. 6, 18, 23, 35, 56, 93 и др.*

¹⁰ Об этом см., в частности: *Єршов В. Польська мемуаристична література Правобережної України доби романтизму. Житомир: Полісся, 2010. С. 78–82.*

¹¹ О польском, русском и украинском «проектах наций» на территории западных губерний Российской империи см.: *Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая по-*

«Различные проекты наций могут находиться в конфликте друг с другом, в частности претендовать на одни и те же территорию и население. Порой это представляет собой соперничество по поводу определенного пространства пограничья, где речь идет о том, какому воображаемому сообществу это пространство будет принадлежать. (Примером может служить конфликт русского и польского образов “идеальных Отецеств”.) Столкновение может носить и тотальный характер в том смысле, что один образ идеального Отечества включает всю территорию и население другого, отрицая альтернативный проект как таковой. (Здесь примером может служить конфликт русского и украинского национализмов.)»¹². В этом смысле динамика развития историко-географической номенклатуры, как русской, так и польской, а позже и украинской, хорошо показывает, как относительно нейтральные регионимы Волынь и Подолье¹³, указывающие лишь на этнографическую специфику, сменяются идеологически более ёмкими обозначениями, связанными с идеей «своей» территории и ориентированными в каждом из случаев на собственную метрополию (соответственно Петербург, Варшаву или — позже — Киев), что и создает их противонаправленную векторность: ср. русский *Юго-Западный край*, польские *восточные кресы* и собственно украинское *Правобережье*¹⁴.

ловина XIX в.). СПб., 2000. С. 12, 36–37; ср. понятие «воображаемое сообщество»: Anderson B. *Imagined Communities*. London, 1991. Такой подход к национализмам на территории Российской империи последовательно реализован и в других работах А.И. Миллера: *Миллер А.И. Национализм и империя*. М., 2005; см. также: *Западные окраины Российской империи* / Под ред. А. Миллера, М. Долбилова. М., 2006.

¹² *Миллер А.И.* Формирование наций у восточных славян в XIX в. — проблема альтернативности и сравнительно-исторического контекста. [Электронный ресурс]. Режим доступа — свободный. URL: mion.sgu.ru/empires/articles/index.html.

¹³ Ср. показательную для нашей темы декларацию из «Манифеста поляков в Бельгии 1836 г.»: «Украинец, кашуб, русин, велико- и малопольянин, литвин, подолянин, жмудин, мазур, волынянин и любой сын древней Речи Посполитой, является Поляком, и лишь в этом названии единство наше является»: цит. по: *Kolbuszewski J. Kresy*. S. 44; здесь и далее перевод с польского и украинского наш. — *О. Осм.*

¹⁴ Одним из первых на несопадение векторов анализа исторического прошлого в польской, русской и украинской традиции показал в своей работе

«Одновременность неодновременного» на Правобережье: полилингвизм и конфликт самоидентификации местных элит

Взаимная конкуренция националистических дискурсов, их пересечение, в том числе в сфере концептов, используемых как инструменты идентификации, в первую очередь затрагивает представления об историческом прошлом нации и ключевых моментах «национальной памяти»¹⁵ и очевидным образом влияет на ментальные очертания «своей» этнической территории, но также — что для нас особенно важно — тесно связано с языковым (само)сознанием. Особый интерес в этом отношении представляет языковое поведение как отдельных индивидуумов, так и (этно)социальных групп в ситуации полилингвизма в тот исторический момент, когда формирование сразу нескольких «проектов наций» и связанных с ними альтернативных проектов языкового развития — создает множественность идентичностей и вариативность языковых стратегий¹⁶.

Совмещение разных типов идентичности — локальной и / или региональной, этнической и / или национальной, а также наднациональной — признается не только характерной чертой начальной стадии развития националис-

---

С. Величенко: *Velychenko S. National History as Cultural Process. A survey of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian and Ukrainian Historical Writing form the Earliest Times to 1914.* Toronto, CIUS, 1992.

¹⁵ Об этом на примере русского национального сознания см: *Реннер А.* Изобретающее воспоминание: русский этнос в российской национальной памяти // *Российская империя в зарубежной историографии.* М., 2005. С. 440.

¹⁶ К этой проблеме мы уже обращались в более ранних работах, которые содержат основные идеи, развиваемые в настоящей статье: *Остапчук О.А.* Язык и идентичность в ситуации полилингвизма: Правобережная Украина в первой половине XIX в. // *Белоруссия и Украина. История и культура.* Ежегодник 2004. М., 2005. С. 227–253. *Остапчук О.А.* Этностереотипизация как инструмент моделирования национальной идентичности (на примере агитационных текстов на украинском языке эпохи польских восстаний 1830 и 1863 гг.) // *Механизмы формирования и способы проявления этнокультурной идентичности: Украина, Белоруссия, Польша.* М., 2011.

тических дискурсов¹⁷, но и одним из универсальных психологических оснований механизма социальной (само)идентификации. Любая коллективная или социальная, в том числе этнокультурная, идентичность опирается на возможность мыслить в категориях «мы», а поскольку социально-политический ландшафт состоит, как правило, из множества сообществ «мы» разного уровня, самоидентификация «я» происходит в столкновении с ними по принципу включения или исключения из конкретного сообщества¹⁸. При диахронном анализе процесса (само)идентификации особенно продуктивной оказывается аналитическая категория «одновременность неодновременного», впервые использованная в 1937 г. Э. Блохом, описавшим конкуренцию различных моделей развития этнонациональных сообществ в многонациональном пространстве, которые он оценивает как «современные» (национальные) и «устаревшие» (т. е. традиционные, этнокультурные). Немецкая исследовательница У. фон Хиршхаузен весьма успешно применила эту категорию к анализу этнонациональной ситуации в Риге в XIX в., показав, что формирование идентичностей у разных этнических групп (немцев, латышей и русских) в этом городе было обусловлено целым комплексом социально-политических и культурных факторов. В данном случае «одновременность неодновременного» позволила показать также разные уровни социокультурного развития отдельных групп и сложную комбинацию современных и традиционных элементов в идентификации каждой из них¹⁹.

¹⁷ Так характеризует начальную стадию современного национализма, в частности, Э. Хобсбаум в своей классической работе см.: *Hobsbawm E. Nations and Nationalism Since 1780: Programme, myth, reality.* Cambridge, 1990.

¹⁸ *Conover P.J., Hicks B.E. The Psychology of Overlapping Identities: Ethnic, Citizen, Nation and Beyond // National Identities and Ethnic Minorities in Eastern Europe. Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies.* Warsaw, 1995 / Ed. by Ray Taras. P 11–48.

¹⁹ *Хиршхаузен У., фон.* Сословие, регион, нация и государство: одновременность неодновременного в локальном пространстве Центральной Восточной Европы. Пример Риги 1860–1914 годов // *Российская империя в зарубежной историографии.* М., 2005. С. 472–501.

В этом смысле «одновременность неодновременного» на украинском Правобережье в начале и даже середине XIX в. проявляется не просто в столкновении разных концепций модерной (национальной и наднациональной) идентичности, разрабатываемых «сверху» имперской российской элитой и региональной польской, и противостоящей им «снизу» традиционной (этнографической) идентичности украинского населения, по преимуществу крестьянского. Одновременно в каждой из названных идеологий присутствуют и традиционные, и современные инструменты идентификации. Так, признается, что «массовизация» русского общества в конце XIX в. сопровождалась утверждением не столько национальной, сколько имперской идеологии, «воспроизводившей представления полу-патерналистской, полу-модернизаторской централизованной бюрократии о свойствах русских как доминирующей этноконфессиональной группы. Кристаллизация этнонациональной идентичности могла осуществляться только на основе солидарности с властью и лишь в теряющих свою силу границах привилегированных сословий»²⁰. Однако при этом важным элементом утверждения русского управления на землях, присоединенных к Империи в конце XVIII в., и обоснования законности ее притязаний на «издревле русские» владения²¹ — необходимость которого ощущалась как в 1830-е, так и в 1860-е гг. — являлась апелляция к традиционной конфессиональной («православной») и этноязыковой («русской») общности, объединяемой в первую очередь именно религиозным фактором²².

²⁰ Гудков Л. Комплекс «жертвы». Особенности массового восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // Гудков Л. Негативная идентичность: статьи 1997–2002 гг. М., 2004. С. 116.

²¹ «Волынь, Подолия, Белоруссия издревле принадлежали к Русским владениям», как писал М.П. Погодин в одной из своих ранних статей 1831 г. (Исторические размышления об отношении Польши к России (писано в 1831 году, и было напечатано в Телескопе) // Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний М.П. Погодина. 1831–1867. Москва, 1867. С. 13). Здесь и далее названия произведений авторов XIX в. приводятся в современной орфографии. — *О. Осн.*

²² В этом смысле наш тезис противоречит утверждению И. Булкиной, которая считает, что в придании Киеву «русского» характера большую роль

Неудивительно, что в русском публицистическом дискурсе, сохранявшем свою полемическую антипольскую заостренность в течение всего XIX в., именно тождественность религиозной обрядовости становилась основой этнокультурного отождествления населения присоединенных земель с «русскими» в совершенно традиционалистском духе: «Поляки не должны забывать, что при разделении Польши, Россия взяла у нее не польские провинции населенные польским народом, но свои древние русские области с русским народом, с русским языком и русскою верою»²³. Заметим, что порядок перечисления примет «русскости» местного населения не должен вводить нас в заблуждение; он воспроизводится в работах различных авторов, но положение религии (веры), как кажется, указывает на ее место как последнего — и потому важнейшего и решающего (в сознании российских деятелей) аргумента: «Разве Белоруссия, Волынь, Подолия есть Польша? Это было временное новое завоевание, и если мы захотим отказаться от нового своего завоевания, то есть от самой Польши, то разве может кто-нибудь, с здравым человеческим смыслом спрашивать у нас в придачу часть России, с русскими жителями, с русским языком, с русскою верою?»²⁴. Этому обнаруживаются и довольно пространные и весьма эмоциональные обоснования: «Народ ее (Западной Руси) сохранил все русские обычаи, и даже религия, несмотря на все угнетения и усилия, была в большинстве случаев, особенно в Юго-Западном крае, православною. Ничто, ни презрение и ненависть польских панов и шляхты, ни горячая проповедь ксендзов в защиту католицизма, ни притеснения и угрозы, — ничто не заставило западно-русский на-

---

играла намеренная секуляризация культурного пространства: см. Булкина И. Борьба за «русскую» Малороссию при Николае I // «Идеологическая география» Российской империи: пространство, границы, обитатели: Колл. монография. Тарту, 2012. С. 71–90.

²³ Последнее пятидесятилетие Польши, с 1764 по 1814 год (краткий исторический очерк). Соч. И. Кулжинского. Киев, 1863. С. 13.

²⁴ Письмо о Польше. 1854 // Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний М.П. Погодина. С. 41.

род сделаться отступником от родной своей веры, ничто не принудило его изменить своей народности: он мужественно перенес все невзгоды и, к чести и славе своей, остался верным своей церкви и народности»²⁵.

Заметим, что украинский крестьянин также осознавал себя прежде всего частью сословной и конфессиональной общности, опирающейся на традиционную культуру (традиции, обрядность, верования, фольклор), но также и на языковое употребление. Однако замечание известного украинско-канадского исследователя С. Екельчика о том, что стремление российской официальной идеологии «огрaдить сельское население, русское и по большей части православное, от угнетения польско-католическим дворянством» сталкивалось с языковыми привычками крестьян на Правобережье, «которые упорно пользовались украинским языком»²⁶, требует некоторого уточнения. Народный диалект (в данном случае подольско-волынський), использовавшийся в повседневном общении, в низовом языковом сознании далеко не сразу обретает функцию маркера, отграничивающего «свое» этноязыковое пространство от «других» (польского, еврейского, русского). Действительно, подобную роль выполнял язык в интермедиях XVII–XVIII вв., где за каждым персонажем — представителем определенной этносоциальной группы — была закреплена своя «языковая маска»²⁷. Однако для языкового сознания XIX в. это был лишь элемент обыденного поликультурного опыта, общения на рынке, в шляхетской усадьбе

²⁵ «Отторженная возвратих». Падение Польши и воссоединение Западно-Русского края. Сочинение А.П. Липранди (А. Воынец). СПб., 1893. С. 5. В этом смысле показателен также псевдоним автора, подчеркивающий его связь с регионом, судьбу которого он обсуждает.

²⁶ Цитата из уже упоминавшегося учебника Д.И. Иловайского, подробнее см.: Екельчик С. Великий наратив і його розриви: Україна в російських підручниках з історії та уявленні українських студентів (1830–1900-ті роки). С. 84.

²⁷ О лингвистической специфике интермедий см., в частности: Передрієнко В. Староукраїнські тексти другої половини XVI–XVIII ст. як об'єкт лінгвістичного аналізу // *Ucrainica I. Současna ukrajinstika. Problemy jazyka, literatury a kultury*. Olomouc, 2004. С. 49–56.

и т.п. В то же время одним из важных компонентов традиционной (само)идентификации украинских крестьян на Правобережье (и не только) было внимание к языку не повседневности, а религии, и здесь закрепление за церковнославянским языком — общим для всех православных — сакральной функции приобретало особое значение, тем более что речь идет о культурном пограничье, где противопоставленность «латинникам» всегда была крайне актуальной. Убежденность в особой роли языка религии, способного объединять народы, транслировалась и собственно украинскими славянофилами, как например, автором романтической поэмы «Богдан» Е.П. Гребёнкой, которая датируется 1843 годом, написана по-русски (в отличие от его знаменитых басен) и содержит весьма красноречивый пассаж: «И вижу я, там царство без границ / Надвинулось на многие моря, И запад и восток, и юг и север — В одно слились, везде язык славянский, Везде святая праведная вера. И правит им великий царь... И царство то чудесное — Россия»²⁸. Специфическую иерархию языков в коммуникации на украинских землях отмечали и такие публицисты, как известный защитник официального «русского» характера присоединенных земель И. Кулжинский (не чуждый, впрочем, украинского языка, о чем свидетельствует сама форма его памфлетов). Так, аргументируя абсурдность притязаний украинского языка на проникновение в сферу высокого и сакрального, И. Кулжинский в своем памфлете «О зарождающейся так называемой украинской литературе» приводит рассказ о проповеди молодого попа, который в той части речи, которая была обращена к крестьянам, говорил на украинском языке и вызвал, по словам автора, недовольство слушателей, ибо «он посмеялся над ними: в церкви заговорил до них такой мовою, как они в шинке ла-

²⁸ Заметим, эти слова автор вкладывает именно в уста Б. Хмельницкого, а не его оппонента — священника. Цит. по: *Комаров А.И.* Украинский язык, фольклор и литература в русском обществе начала XIX века // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук. 1939. Вып. 4. С. 152.

ются меж собой»²⁹. В этом смысле усилия российских властей по защите православных действительно опирались на определенную базу, что и показала крайне неустойчивая конфессиональная ситуация на Правобережье в конце XVIII — начале XIX в., когда приходы несколько раз в течение трех десятилетий, в том числе по просьбе самих прихожан, меняли свою конфессиональную принадлежность, переходя из унии в православие и обратно³⁰.

Украина как «утраченный рай» в концепции польского романтизма

В свою очередь, специфика польской идентичности в бывших восточных областях Речи Посполитой состояла в том, что она строилась во многом именно как традиционная и региональная по своей сути, а учитывая прочные позиции поляков в административной и культурно-образовательной сферах в Западном крае даже после разделов³¹, на первый план выдвигалась сословно-политическая идентификация³², сопряженная с причастностью к политическим

²⁹ Памфлет вышел отдельным изданием в 1863 г., но отражает вполне распространенные взгляды на украинский язык и в более ранний период. О нем, в частности, см.: *Комаров А.И.* Украинский язык, фольклор и литература. С. 153.

³⁰ На неоднозначность этого процесса и его разнонаправленность обращается внимание в: *Хітлач Б.* Церковна унія в містах і містечках Поділля у XVIII — першій половині XIX ст. // *Міста і містечка Поділля від доби Середньовіччя до початку XX століття.* Матеріали наукової конференції 24–25 вересня 2015 р. Вінниця, 2016. С. 170–181. Процес ліквідації уніатської церкви детально освітається в монографії: *Лось В.* Уніатська церва на Правобережній Україні наприкінці XVIII — першій половині XIX ст. Організаційна структура та культурно-релігійний аспект. Київ, 2013.

³¹ О системе образования в этот период см.: *Zasztowt L.* Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich (od 1795 roku) // *Historia i współczesność języka polskiego na Kresach wschodnich.* Warszawa, 1997. S. 203–298; *Beauvois D.* Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832. T. II. Szkoły podstawowe i średnie. Lublin, 1991; эта проблема разбирается также в русском и украинском переводах книг *Д. Бовуа: Бовуа Д.* Російська влада і польська шляхта в Україні 1793–1830 / Пер. з фр. З. Борисюк. Львів, 2007; *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Пер. с фр. М. Крисань. М., 2011.

³² Ср. аналогичный характер идентичности у остзейских немцев: *Хиршхаузен У., фон.* Сословие, регион, нація. С. 472–473.

институтам, тем более что они продолжали сосуществовать с имперскими (например, в судебной сфере) по крайней мере в течение первых десятилетий XIX в. Важную роль в польском региональном сознании играла связь с территорией, описываемой нередко в категориях «утраченного рая», как земли «текущей медом и молоком»³³, весьма значимым было также осознание культурной общности, которая строилась как на общих традициях политической и сословной культуры, так и с учетом культуры народной, «открываемой» заново в эпоху Романтизма. Важно подчеркнуть, что для польского (как, впрочем, и для русского) культурного круга той эпохи отношение к украинскому фольклору и языку диктовалось не характеристиками по линии *свое / чужое*, а положением на шкале *народное (т. е. истинное, природное) / принадлежащее к высокой культуре*. Так, например, для Ю. Словацкого — одного из ведущих польских романтиков, который прямо называл себя «волынцем»³⁴, «это была народная культура его края, в котором он вырос, то есть *родная* культура, которую, по убеждению романтиков, он призван был превратить в высокую культуру, культуру национальную. Это значит, что культурно-географическое понятие Украины в сознании поэта было связано с понятием отчизны, малой родины, но никогда не было чем-то экзотическим и уж тем более

³³ Впрочем, с этим мифом сочеталось также осознание этнически неоднородного и потенциально конфликтного характера данной территории: «Добавить можно также: истекающая кровью, ведь за обладание этими золотonosными нивами сражались между собой народы, выдирая по очереди друг у друга этот притягательный трофей. Следы владычества разных народов здесь прекрасно можно прочувствовать в названиях местностей: наряду с чисто местными, как, напр., Кудринцы, Слобода, Тростянец или Перепеличье, довольно густо рассеяны поселения с польскими названиями, как: Курники, Волица, Роскошь, Плебановка. Обнаруживаются здесь и названия татарские, или турецкие»: *Janowski A. Podole. Odczyty krajoznawcze. III. Polskie Towarzystwo Krajoznawcze. Warszawa, 1908. S. 5.*

³⁴ По его собственным воспоминаниям, в 1834 г. в Женеве на замечание некой дамы: «Видно, что Вы с Волины — волынец, по-волынски танцуете мазурку», поэт ответил: «И то правда, что мы, волынцы, — хлопцы хоть куда» (*Słowacki J. Korespondencja. T. 1. Wrocław, 1962. S. 266–267*).

чужим»³⁵. Аналогично ни заметный налет экзотизации в произведениях о Малороссии, опубликованных в начале XIX в. в российских столичных и провинциальных (харьковских и киевских) изданиях, ни призыв О. Сомова к романтическим поэтам обратиться к Украине как к источнику поэтического вдохновения³⁶, ни сравнения ее со «славяно-русскою Италией», что, по мнению Н.И. Надеждина, делало «знакомство с ее языком и литературой по ногим важным причинам для североруссов теперь совершенно необходимо»³⁷, не означали, что украинский фольклор (или язык) является чем-то чуждым для русской литературы и культуры или отдельным от нее. Напротив, по верному замечанию исследователя начала XX в. А.И. Комарова, смысл публикации фольклорных сборников и литературных произведений на «малороссийском наречии» состоял в стремлении «доказать общие корни народности русского и украинца, а также то, что украинец более сохранил ее в неприкосновенности»³⁸. Аналогичную роль в культурном сознании играли записи украинского фольклора польскими этнографами, а использование фольклорных фрагментов в литературном творчестве призвано было подчеркнуть связь героев-поляков со «своей» малой родиной³⁹.

³⁵ *Makowski St. Juliusz Słowacki: Narodziny poety «szkoły ukraińskiej» // Україна і Польща доби романтизму: образ сусіда. Матеріали міжнародної конференції, присвяченої 190-річчю з дня народження Юліуша Словацького. Кременець, 8–11 вересня 1999 року. Кременець, 2000. С. 40.*

³⁶ Его манифест «О романтической поэзии» датируется 1820-м гг., подробнее см.: *Комаров А.И. Украинский язык, фольклор и литература. С. 143.*

³⁷ *Надеждин Н.И. Телескоп. 1834. Ч. 21. С. 146 (цит. по: Комаров А.И. Украинский язык, фольклор и литература. С. 151).*

³⁸ Там же. С. 143.

³⁹ Подробный анализ деятельности польских собирателей фольклора и украинских фольклорных мотивов в польской литературе эпохи романтизма см.: *Кирчів Р. Український фольклор в польській літературі. Київ, 1971. Примером использования фольклора в литературных текстах могут служить фрагменты народных песен в романах Михала Чайковского, см.: Czajkowski M. Owruczanin. Powieść historyczna z 1812 roku // Czajkowski M. Pisma. Lipsk, 1863. 4–6. Biblioteka pisarzy polskich. T. XVI. S. 291–298.*

«Изобретение» Украины в польской и русской литературе и открывание народного языка в начале XIX в.

Принятое в теории национализма выделение «политического» и «этнического» национализма⁴⁰ непосредственно связано с отношением его идеологов к языку как к инструменту и критерию идентификации. В украинском случае собственно национальный дискурс, по общепринятому мнению, формируется как выражено этнический и начинается с попыток коммуникативной эмансипации народного языка, начавшейся на Левобережье в 1820-е гг., в том числе благодаря стихотворным опытам поэтов-романтиков. Введение народного крестьянского языка (оцениваемого как «низкий») в сферу «высоких» коммуникативных функций, первой из которых становится литература, является лишь частным проявлением этой общей тенденции и стоит в одном ряду с собиранием фольклора, интересом к истории и пр. С. Екельчик на разнообразных примерах показывает, как элементы традиционного народного быта используются «украинофилами» для конструирования украинской «высокой культуры» в XIX в., объединившей казацкие символы с крестьянскими обычаями и традициями в единый национальный миф⁴¹, что позволило сформировать корпус текстов, рассматриваемых сегодня как прецедентные, хотя они могли и не рассматриваться как таковые при их создании.

Романтизм стал своеобразным «изобретением» Украины, происходившим фактически одновременно в каждой из

⁴⁰ Применительно к Польше эту теорию развил А. Валицкий в: *Walicki A. Philosophy and Romantic Nationalism: The Case of Poland*. Oxford, 1992. P. 66–69; о чертах этнического национализма см.: *Smith A. The Ethnic Origins of nations*. Oxford, 1986; *Сміт Е. Культурні основи націй: ієрархія, заповіт і республіка*. Київ, 2010. С. 37.

⁴¹ Подр. см.: *Yekelchuk S. The Body and the National Myth: Motifs from the Ukrainian National Revival in the Nineteenth Century* // *Australian Slavonic and East European Studies*. 1993. Vol. 7. N 2. P. 31–59; украинский перевод: *Екельчик С. Тіло і національний міт: до картини українського національного відродження XIX століття // Українофіли. Світ українських патріотів другої половини XIX століття*. С. 19–49.

трех национальных парадигм (русской, польской и украинской), и предполагал, среди прочего «открывание» не только народных традиций и фольклора, но и народного языка. Романтическая идеализация сущности языка естественным образом приводила к стремлению зафиксировать его в письменной и/или литературной форме. Русский дворянин А. Павловский в своей «Грамматике малороссийского наречия» (1818) создал важный научный прецедент, составив фонетический и грамматический реестр единиц языка с элементами лексикографического описания и включив примеры текстов⁴² на «наречии», которое сам он считал вымирающим, но сохраняющим исконные «народные» черты. Примечателен географический охват этого явления: фактически одновременно появляются попытки фиксации народной речи в различных регионах Украины. В этом смысле «Русалка Дністрова» (1837) (изданная в Вене усилиями галицких культурных деятелей Я. Головацкого, И. Вагилевича и М. Шашкевича) была столь же знаковым событием, как и появление первых стихотворных произведений на Левобережной Украине и переводов с польского и русского языков на украинский⁴³. Создание текстов, которые позже станут «образцовыми» для нового украинского стандарта и прецедентными для украинской культуры в целом, активизируется к 1840-м гг. — именно этим годом, в частности, датируется появление «Кобзаря» Т. Шевченко. Это повлияло в том числе на изменение читательских вкусов и расширение круга читателей в этот период. Так, известный этнограф и писатель А.С. Афанасьев (публиковавшийся под псевдонимом Чужбинский) отмечал, что именно в 1840-е гг. «среди женской части поме-

⁴² Шевченко Л.І. Динаміка розвитку стилів української літературної мови: інтелектуалізація як функція // Шевченко Л.І. Інтелектуальна еволюція української літературної мови. Теорія аналізу. Київ, 2001. С. 311–320.

⁴³ Кстати, одним из первых переводчиков А.С. Пушкина на украинский язык был упомянутый выше Е. Гребенка, а стихотворений А. Мицкевича — Г. Квитка-Основьяненко. Подробно разбирает этот процесс в своем исследовании А.И. Комаров: Комаров А.И. Украинский язык, фольклор и литература. С. 125–158.

щиков началось стремление к национальной литературе: они наперерыв читали «Кобзаря» Шевченка... В то время кроме «Энеиды» Котляревского, которой девицам читать не давали, на украинском языке были уже повести Квитки, Полтава и Приказки Гребенки, имелись везде рукописные сочинения Гулака-Артемовского; но все это читалось как-то вяло высшим кругом. Появление «Кобзаря» мигом разбудило апатию и вызвало любовь к родному слову, изгнанному из употребления не только в обществе высшего сословия, но и в разговоре с крестьянами»⁴⁴. Изменить статус «родного слова» призваны были и первые (рукописные) словари и грамматики (П. Белецкий-Носенко «Про мову малоруську», 1838), в том числе западноукраинские⁴⁵, а также словарные опыты (в том числе Я. Головацкого и И. Вагилевича), что знаменовало начало процесса кодификации. Заметим, что именно этот аргумент — отсутствие грамматических правил и литературной обработки — был использован в 1815 г. редактором-издателем «Вестника Европы» М.Т. Каченовским в качестве аргумента, не позволяющего признать украинский язык самостоятельным, как это призывал сделать профессор Краковского университета Й. Бандтке, перевод статьи которого «Замечания о языках богемском, польском и нынешнем российском» был помещен в журнале⁴⁶.

Место украинского языка в национальных проектах XIX в.

В украинском случае соревнование национальных проектов в XIX в. (имперского проекта большой русской нации, ретроспективного по своей сути польского проекта политической нации и собственно украинского проекта «народной» нации — *Volksnation*) воплотилось в сфере языковой идео-

⁴⁴ *Афанасьев-Чужбинский А.С.* Воспоминания о Т.Г. Шевченко. СПб., 1861. С. 7 (цит. по: *Филипович П.* Соціальне обличчя українського читача 30–40 рр. XIX ст. // *Життя і революція.* 1930. Кн. 4. С. 145).

⁴⁵ О галицких грамматиках см. подр.: *Мацюк Г.* Прескриптивне мовознавство в Галичині (перша половина XIX ст.). Львів, 2001.

⁴⁶ *Вестник Европы.* 1815. Ч. 1. XXXIV. № 21, 22. С. 123; об этом см. также: *Комаров А.И.* Украинский язык, фольклор и литература. С. 130.

логии прежде всего как конкуренция различных моделей построения литературного языка. Этот процесс отмечается в разных сферах языкового строительства; особенно острые формы приобрела дискуссия в сфере правописания. Вопрос о том, будет ли украинское письмо фонетическим, а значит, потребует ли оно введения специфических букв и их сочетаний для характерных украинских звуков, или этимологическим, использующим по традиции буквы русского алфавита, был решен лишь к концу XIX столетия; свою роль в затягивании этой дискуссии сыграла и конкуренция кириллического и латинского шрифтов⁴⁷. Известный украинский языковед П.Е. Гриценко выделяет на начальной стадии формирования украинского литературного языка пять его моделей, ориентированных на различные региональные говоры: кроме центральной среднеподнепровской, оказавшейся наиболее авторитетной и значимой, это галицийская, буковинская, закарпатская и русинская⁴⁸.

Наши исследования показывают, что украинское Правобережье в начале — середине XIX в. вполне может рассматриваться как еще одна — шестая (с учетом пяти выделенных П.Е. Гриценко) — культурно-языковая зона, обладающая своей ярко выраженной спецификой в отношении всех составляющих языковой идеологии. Как показывает наш материал, здесь, как и на других украинских землях, шла выработка наддиалектного койне, велась текстовая кодификация нового литературного стандарта и предпринимались усилия для его коммуникативной эмансипации. Местное своеобразие состояло в том, что первые произведения на украинском языке на Правобережной Украине были созданы двуязычными писателями — выходцами из поль-

⁴⁷ Об этом подробнее см.: *Миллер А.И., Остапчук О.А.* Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике империй // *Славяноведение*. 2006. № 5. С. 25–48.

⁴⁸ *Гриценко П.Е.* Некоторые замечания о диалектной основе украинского литературного языка // *Philologia slavica: к 70-летию академика Н.И. Толстого*. М., 1993. С. 284–294; таким образом, в этой работе известный украинский диалектолог подвергает сомнению неоспоримость традиционно тезиса о полтавско-киевских диалектах как базе современного украинского языка.

ской или полонизированной местной шляхты, представителями так называемой «украинской школы» в польской романтической поэзии (А. Мальчевский, С. Гоцинский, Б. Залесский, М. Гославский и др.) или — что в данном случае лучше отражает суть явления — польской школы в украинской литературе⁴⁹. Однако — что особенно важно — роль украинской тематики в польском романтизме не ограничивалась литературными произведениями «украинской школы», проявившись в широкой гамме беллетристических, этнографических и исторических трудов, что обеспечило ей особый резонанс в процессе формирования новых параметров коллективного сознания⁵⁰.

Такое своеобразное отношение к языку объясняется тем, что польский национальный проект в начале — середине XIX в. предполагал совершенно иную, чем в этническом национализме, иерархию структурных компонентов идентичности, включая культурные. «Язык — при признании его важности в иерархии признаков нации — не был и не мог быть единственным критерием принадлежности к ней, поскольку, как по мнению обычного поляка, так и представителя интеллектуальной элиты, членом национального сообщества был также украинец, владеющий украинским языком, или литвин — литовским»⁵¹. В среде

⁴⁹ В междисциплинарных исследованиях последних десятилетий наметилась тенденция к трактовке литературы украинско-польского культурного пограничья в наднациональных категориях, что позволяет избежать ее приписывания только к одной из культур / литератур. В рамках такого подхода отмечается контактно-типологическая общность произведений разных жанров, основанная на близости мировосприятия и стилистики, а также языка, насыщенного региональными чертами и следами интерференции. См. об этом, в частности: *Єршов В.* Польська мемуаристична література Правобережної України доби романтизму. Житомир, 2010. С. 130–133.

⁵⁰ Об этих и других важных аспектах развития украинской идентичности в связи с польской см.: *Грабович Гр.* Формування української національної свідомості і питання польських впливів // Belarus, Lithuania, Poland, Ukraine. The Foundation of Historical and Cultural Traditions in East-Central Europe. International Conference, Rome, 28 April — 6 May 1990 / Ed. J. Kłoczowski, J. Pełeński, M. Radwan, J. Skarbek, S. Wylężek. Lublin–Rome, 1994. С. 19–31.

⁵¹ *Nowak J.* Naród i narodowość w polskiej myśli romantycznej // Naród — Tożsamość — Kultura. Między koniecznością a wyborem / Pod red. W.J. Burszty, K. Jaskułowskiego, J. Nowak. Warszawa, 2005. С. 210.

польских мыслителей эпохи романтизма идентификация исключительно на базе единства этнического языка не получила широкой поддержки, предпочтение было отдано идее *Natione Polonus*, т. е. территориально-исторической общности, заведомо полиэтнической (а значит, и многоязычной), опирающейся на единство культурно-исторических традиций и системы ценностей, прежде всего политических. В этом исследователи усматривают попытки соединения старых концепций политической нации эпохи Просвещения с характерным для Романтизма признанием ценности культурной общности. Вот как иронически излагает суть польской национальной идеологии того времени И.С. Аксаков в своем известном политическом памфлете: «Если им [полякам. — *О. Осм.*] указываешь на массу простого народа, резко отличающуюся от польского — языком и верою, то они говорят, что народ — это *bydło*, скот, что сила не в нем, а в шляхте, что народность состоит не в языке и вере народных масс, а в культуре и так сказать в политическом вероисповедании, в политической национальности образованных классов»⁵². При этом особую значимость приобретает осознание и чувство привязанности к общей национальной территории, в которую по умолчанию включаются утраченные в результате разделов земли⁵³. Правобережная шляхта фактически до конца XIX в. считала себя интегральной частью польской нации⁵⁴, свидетельством этого является, в частности, активная вовлеченность ее представителей в польское восстание 1830–1831 гг.⁵⁵, а затем и 1863 г.

В то же время существенной составляющей идентичности «кресовой» шляхты было осознание своей региональной обособленности. Для местных поэтов факт рождения на украинских землях означал одновременно самоидентификацию с украинскими землями как с малой родиной и

⁵² Аксаков И.С. По поводу притязаний поляков. С. 38.

⁵³ Nowak J. *Naród i narodowość*. S. 211.

⁵⁴ См. подробнее: Thaden E.C. *Russia's Western Borderlands, 1710–1870*. Princeton NJ, 1984. P. 33, 79.

⁵⁵ О выходах с «кресов»: Leslie R.F. *Polish Politics and the Revolution of November 1830*. University of London, 1956 (reprint ed. Westport, Conn, 1969). P. 114–118.

с Польшей — как с большим отечеством⁵⁶. Романтическая идеализация совместного прошлого, оцениваемого в категориях «утраченного рая», доминирует как в литературных⁵⁷, так и в исторических произведениях того времени, развивавших идеи мессианизма и цивилизаторской роли поляков на украинских землях⁵⁸. Показателен в этом отношении фрагмент из статьи романтика С. Гоцинского, посвященной другому поэту этого направления и земляку Б. Залескому: «Части Польши, называемой Украиной, принадлежит особая миссия в общей миссии всего народа, которая до сих пор не была ясно понята и изложена; она обладает собственными духовными чертами, свойственными ей и ее истории, которые особо выделяют ее среди всех прочих частей и ставят выше всех, короче говоря, там очевидно почил дух свободы польского народа»⁵⁹.

Языковая политика и административная практика Российской империи в Юго-Западном крае

Сохранению специфической ситуации в культурно-языковой сфере способствовал тот факт, что присоединение Правобережья к Российской империи в первые десятилетия XIX в. не вызвало изменений в структуре коммуникации, а русификация носила скорее декларативный характер⁶⁰.

⁵⁶ «Польшу считал Падура своей отчизной, Украину же, являвшуюся составной частью Польши, своей малой родиной, своей родной матерью» (цит. по: О зусію і пismach Тумка Padurry // Руśма Тумка Padurry. Wydanie posmertne z awtohrافیw. Lwiw, 1874. S. XVI.)

⁵⁷ *Грабович Г. Грані міфічного: образ України в польському й українському романтизмі // Грабович Г. До історії української літератури. Дослідження, есе, полеміка. Гарвардська серія. Вип. 1. Київ, 1997. С. 177, 180, 188.*

⁵⁸ О представителях «республиканской школы» в польской историографии см.: *Velychenko S. National History as Cultural Process. P 19–26.*

⁵⁹ *Poezye Bohdana Zaleskiego przez Seweryna Goszczyńskiego // Demokrata Polski. 1842. R. IV, Cz. IV, marzec–kwiecień.*

⁶⁰ Термин «административная русификация» использован впервые американским русистом Э. Таденом: *Thaden E.C. Russia's Western Borderlands. P 124; ср. характеристику языковой ситуации на литовско-белорусских землях в: Сяльверстова С. Паміж Польшчай і Расіяй: Моўная сітуацыя ў Беларусі ў канцы XVIII–XIX ст. // Беларусіка–6. С. 123–132.*

Первые русские типографии на украинских землях обеспечивали только служебные нужды присутственных мест⁶¹. Своеобразная административно-культурная автономия западных губерний в царствование Павла I, а затем и Александра I, позволила сохранить за выходцами из местной шляхты ключевые позиции в органах самоуправления, судопроизводства и т. д.⁶². В судах польский и русский языки использовались фактически параллельно⁶³, а делопроизводство западных губерний оставалось по преимуществу польскоязычным. Вот как характеризует ситуацию в западных губерниях польский политический и общественный деятель того времени К. Козьмян: «Сохранены права, институты, национальные традиции, обычаи: поляки в российском сенате, в некоторых местах губернаторы, в судах в городах высшие и нижние чины поляки»⁶⁴. Это закрепляло высокий статус польского языка в языковом сознании, более того, его знание было синонимом социального успеха, а для прибывающих на Правобережье из других регионов (в том числе Малороссии) — условием успешной языковой и культурной адаптации. Так, известно, что для усиления миссионерской деятельности в Волынской и Подольской епархиях в начале XIX в. специально подбирались священники со знанием польского языка⁶⁵.

⁶¹ Они специализировались лишь на издании официальных документов, бланков паспортов, пропусков, объявлений и т.п., как государственная типография в Каменце-Подольском (1798 г.), в Киеве (1799 г.), данные из.: *Исаевич Я.* Українське книговидання. Львів, 2002. С. 293.

⁶² О специфике инкорпорации западных губерний в имперскую систему см.: *Thaden E.C.* Russia's Western Borderlands. P. 35, 53, 68, 78, 124. Ср. замечания П.Н. Батюшкова о продолжении политики «ополячивания» в этот период: От издателя // *Петров Н.И.* Подолия. Историческое описание. СПб, 1891. С. XV. О сосуществовании польской и русской судебных систем на Правобережье в первые десятилетия после разделов см.: *Петренко О.* Вінницькі мури на рубежі XVIII—XIX століть // Вінницькі мури. Погляд крізь віки. Матеріали міжнародної наукової конференції «Єзуїтський комплекс у Вінниці крізь призму століть» 9–10 вересня 2010 р. Вінниця, 2011. С. 133–139 (додатки: 139–172).

⁶³ См. решение общего собрания правящего Сената от 1806 г. об использовании польского языка в магистратах, местных судах, а в Главных судах параллельно польского и русского языков: *Свербигуз В.* Старосвітське панство. Варшава, 1999. С. 129.

⁶⁴ *Koźmian K.* Pamiętniki. T. 1. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1972. S. 272.

⁶⁵ *Лось В.* Уніатська церква на Правобережній Україні. Київ, 2013. С. 75.

Особую роль в поддержании высокого коммуникативного статуса польского языка играла система образования на Правобережье, которая и после разделов оставалась по преимуществу польской и польскоязычной, равно как польским было руководство Виленского учебного округа в начальный период его существования⁶⁶. Примечателен в этом смысле лозунг, приписываемый куратору Виленского округа и видному польскому политическому деятелю Т. Чацкому: «Już nie masz Polski, zachowajmy język». Похожую фразу приводит в своих памфлетах И. Кулжинский, упоминая о том, сколь рьяно взялся Т. Чацкий за сбор пожертвований для открываемых им учебных заведений: «Чацкий, держа в руках книгу, приготовленную для записывания пожертвований на задуманный им кременецкий лицей, явился во дворянское собрание, произнес экзальтированную речь, которою воспламенил своих земляков, и хотя думал маскироваться распространением просвещения вообще, но невольно проговорился, что все это предпринимается им “dla ocalenia droższego dziedzictwa — mowy rodaków” — для сохранения родового наследства, — языка своих единоплеменников»⁶⁷. Языком преподавания в школах всех уровней, начиная с приходских и заканчивая гимназиями (Волинская гимназия в Кременце была создана в 1805 г.⁶⁸, Подольская в Виннице — в 1814 г., обе на базе так называемых академических школ) и Виленским университетом, остается польский, обучение ведется по польским программам времен Эдука-

⁶⁶ О системе образования в Западных губерниях в этот период см. сноску 31, а также *Thaden E.C. Russia's Western Borderlands*. P. 68–71; *Петров Н.И.* Подолия. С. 228–232.

⁶⁷ Это происходило на дворянском собрании в Виннице: *Кулжинский И.* Воспоминания о Волини // Волинський музей: історія і сучасність: Матеріали IV Всеукр. наук.-практ. конф., присвяч. 80-річчю Волин. краєзн. музею та 60-річчю Колодяжнен. літ.-мемор. музею Лесі Українки. Луцьк, 2009. С. 457–458.

⁶⁸ Деятельности легендарной Волинской гимназии, получившей статус лицея благодаря стараниям Т. Чацкого и часто называемой в воспоминаниях современников «Волинскими Афинами», посвящена обширная библиография, см. напр.: *Danilewiczowa M.* Życie naukowe dawnego Liceum Krzemienieckiego // *Pierścień z Herkulanum i płaszcz pokutnicy. Szkice literackie*. Londyn 1960. S. 111–171 (pierwodruk w t. XXII *Nauki Polskiej*, 1937); *Składowski J.* Krzemieniec — Ateny Wołyńskie. Warszawa, 2006.

ционной комиссии с использованием учебной литературы преимущественно на польском языке⁶⁹. Впрочем, в учебных заведениях Виленского учебного округа, в том числе в гимназиях, русский язык становится одним из учебных предметов, организуются русские классы. Хорошо иллюстрирует ситуацию в образовании инаугурационная речь М. Мацеёвского — директора только что созданной Подольской гимназии в Виннице, произнесенная им на торжестве по случаю ее открытия, прошедшего в главном городском храме — доминиканском соборе при стечении большого количества горожан 27 сентября 1814 г.⁷⁰ Написанная по-польски⁷¹, речь содержит среди прочего призыв к родителям будущих гимназистов: «Весьма желательно было бы, чтобы молодежь поступала в эти классы, будучи обученной чтению и письму на *родном* (польском. — *O. Ost.*) языке, ... обязанностью домашних учителей будет, чтобы они, прежде чем привести ученика в школу, преподали ему эти науки»⁷². Особое место было уделено в речи директора гимназии русскому языку (упомянутому, впрочем, вторым после латыни, изучение которой объявляется первейшей обязанностью учеников гимназии): «Второй язык, который юношу в этих классах увлечь должен, это русский язык, ибо он, будучи языком управляющего сегодня нашим краем правительства, необ-

⁶⁹ О преобладании польских изданий в школьных библиотеках на примере библиотеки Кременецкого лицея см.: Булатова С. Книжне зібрання Яблонівських у бібліотеці Кременецького ліцею // Наукові записки НАНУ. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 2. Київ, 2001.

⁷⁰ О роли академических торжеств и мероприятий в культурном пространстве городов Правобережья на примере Винницы см.: Прищеп О. Середні навчальні заклади у формуванні освітньо-культурного середовища міських поселень Подільської губернії (перша третина XIX ст.) // Міста і містечка Поділля від доби Середньовіччя до початку XX століття. Матеріали наукової конференції 24–25 вересня 2015 р. Вінниця, 2016. С. 236.

⁷¹ Показательно в этом смысле, что и при открытии русской гимназии в Киеве в 1812 г., преобладали речи на польском языке (три против одной русской), как, ссылаясь на воспоминания современников, отмечает И. Булкина: Булкина И. Борьба за «русскую» Малороссию. С. 75.

⁷² Mowa o istotném postanowieniu Szkoły uczonej Gimnazjum nazywającej się I o stosunkach iéy z jnnými Szkołami mianá na Uroczystém otwarciu Gimnazyum Podolskiego dnia 27 Września 1814. Roku przez J.X. Michała Maciejowskiégo dyrektora tegoż Gimnazyum w Winnicy. W Krzemieńcu roku 1815. S. 1.

ходим при каждой нужде и в каждом сословии, а поскольку он весьма схож и родственен языку местного крестьянина и жителя городов, посему нужен нам прежде всего»⁷³: таким образом, русский язык характеризуется как необходимый, но «чужой», пусть и родственный распространенному в крае украинскому (языку крестьян).

Иерархия языков в языковом сознании представителей региональной элиты

Уже университетский Устав 1804 г. требует перевода образования на русский язык, это требование повторяется в Уставе 1825 г., но для его исполнения не было ни ресурсов, ни желания. Согласно штатному расписанию, например, в Подольской гимназии в 1814 г. учитель польской грамматики и риторики относился к категории «старших» учителей, а учитель русского языка — «младших» с почти вдвое меньшим жалованьем и классами, организованными из гимназистов разных лет⁷⁴. Официальный ранг учителя сочетался с совершенно определенным имиджем учителя в сознании гимназистов. Так, один из них, учившийся в Виннице в 1814–1819 гг. Фр. Ковальский и оставивший воспоминания (по-польски), прямо называет себя «украинцем» и отмечает, что «родная» (т. е. польская) история, риторика и литература преподавались в Виннице на уровне, не уступающем лицу в Кременце, и особо выделяет учителя польского языка⁷⁵. Его

⁷³ Mowa o istotném postanowieniu Szkoły uczonej Gimnazjum nazywającej się I o stosunkach iéy z jinnými Szkołami mianá na Uroczystém otwarciu Gimnazyum Podolskiego dnia 27 Września 1814. Roku przez J.X. Michała Maciejowskiego dyrektora tegoż Gimnazyum w Winnicy. W Krzemieńcu roku 1815. S. 2.

⁷⁴ Об этом см.: Колесник В. Польська і російська гімназії в Мурах в першій половині XIX ст. // Вінницькі мури. Погляд крізь віки. Матеріали міжнародної наукової конференції «Єзуїтський комплекс у Вінниці крізь призму століть» 9–10 вересня 2010 р. Вінниця, 2011. С. 178.

⁷⁵ Ковальський Фр. Спогади. Уривки // Вінниця у спогадах. Т. 1. XIX — початок XX ст. Кіровоград, 2013. С. 27–28. Текст воспроизводится по: Wspomnienia (1819–1823). Pamiętnik Franciszka Kowalskiego. Kijów, 1912. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность ст. науч. сотруднику Винницкого областного музея, к. ист. наук В. Колесник за предоставление доступа к этому крайне важному сборнику источников по истории Подолья.

мнение об учителе Я. Стычинском подтверждают и другие его соученики, в частности, известный впоследствии литератор и издатель А. Гроза, который писал, что тот, «увлекаясь исключительно наукой, прививал ученикам охоту и любовь к польскому языку, литературе, поощрял их, чтобы они во время каникул записывали местные присказки и легенды, собирали старые польские книги, где бы они их ни встретили и нашли и привозили их список; имел внушительное собрание старых польских книг... Способных он поощрял к писанию, велел приносить ему опыты»⁷⁶.

Одновременно в дневниковых записях обнаруживаем многочисленные свидетельства нежелания изучать русский язык⁷⁷. Негативное отношение к учителю русского языка было одним из элементов распространенных настроений среди шляхты, жившей на бывших польских землях. Так, уже упоминавшийся А. Гроза приводит в своих воспоминаниях рассказ о посещении гимназии кн. А.Е. Чарторыйским, который в беседе с учителем математики Я. Милатовским и ее префектом, осведомившись о настроениях в гимназии и отношении к «москалям» и услышав в ответ, что студенты стараются избегать контактов с офицерами, дабы не разжигать ненависти, якобы парировал: «Cultivez cette haine, cultivez» (фр. Растите эту ненависть, растите)»⁷⁸.

Впрочем, здесь нельзя исключить субъективности впечатлений, связанных с происхождением и кругом общения автора воспоминаний. Весьма показательны в этом отношении мемуары И. Постоловского, выходца из мещан и одного из немногих православных среди учеников гимназии (в 1819–1830 гг.), который как раз поддерживал связи с русскими офицерами. В отличие от многих своих соучеников, воспоминания он написал по-русски (пред-

⁷⁶ Гроза А. [Спогади про Подільську гімназію, переказані Геленіюшем]. Уривок // Вінниця у спогадах. С. 67. Воспроизводится по: *Heleniusz. Wspomnienia lat minionych*. Kraków, 1976. Т. II. Grozowie. S. 307–320.

⁷⁷ Jełowicki A. *Moje wspomnienia*. Warszawa, 1970. S. 19.

⁷⁸ Гроза А. Уривок. С. 66.

положительно уже в конце XIX в., первая их публикация датируется 1879 годом), хотя и вставляет в них польские цитаты, как, например, стихотворение из газеты «Dziennik Wileński». Польский язык для него, вероятнее всего, не был родным, этим могут объясняться определенные сложности в обучении, неудивительно, что он дал крайне нелицеприятную характеристику тому самому учителю польского языка и латыни Я. Стычинскому, которого он называет «экс-иезуитом» (что, скорее всего, не было правдой) и обвиняет в применении телесных наказаний и насаждении атмосферы страха⁷⁹.

«Сделать из польских детей россиян»: языковая политика в сфере образования после 1831 г.

Ситуация в учебных заведениях Западных губерний кардинально меняется только после подавления восстания 1830–1831 гг. и фактического уничтожения польской системы образования, что стало одной из ответных репрессивных мер правительства⁸⁰. Обсуждались даже планы по переводу всех училищ на левый берег Днепра «для искоренения духа полонизма»⁸¹, или — как писал современник этих событий Ф. Равита-Гавроньский, участник следующего польского восстания 1863 г., от педагогов требовали лишь, чтобы «из польских детей они как можно быстрее сделали россиян, верных подданных царя»⁸². Польские учебные заведения были закрыты, учителя уволены, а на их месте были организованы русские школы и гимназии.

⁷⁹ *Постоловський Й.* Воспоминания ученика гимназии (1815–1830) // Вінниця у спогадах. С. 21. Печатается по: [Й. Постоловський]. Воспоминания ученика гимназии (1815–1830) // Омикрон. Винницькі Мури як источник просвещения в крає. Вінниця, 1913.

⁸⁰ *Пилипчук О.Я., Коновець О.Ф., Ярецько Л.П.* Історія науки та освіти в Україні. Київ, 1998. С. 33–35.

⁸¹ *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства Народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 214.

⁸² *Rawita-Gawroński Fr.* Rok 1863 na Rusi. 2. Ukraina, Wołyń, Podole. Lwów, 1903. S. 5.

Тот факт, что в создании Киевского университета св. Владимира большую роль сыграли преподаватели расформированного Волынского лицея, получил крайне неоднозначные оценки как со стороны поляков, считающих это полным крахом самой идеи образования, так и русских⁸³. При этом в Винницкой русской гимназии, согласно штатному расписанию 1835 г., учителей русского языка значилось уже двое (вместо одного), и они были причислены к «старшей» категории, учителя же польского языка не было вовсе⁸⁴. Впрочем, по воспоминаниям гимназистов, учившихся в Виннице уже после формального закрытия польской гимназии, как, например, З. Котюжинского, который посещал гимназию в 1839–1841 гг., «от гимназистов требовали даже определенных форм в высказываниях, поэтому они брали частные уроки польского языка»⁸⁵.

Любопытные детали добавляет к образу Винницкой гимназии после ее реорганизации в своих воспоминаниях М.К. Чалый, прибывший в город в 1844 г. для занятия должности учителя русской словесности. Обрисованная им картина выглядит довольно неприглядно и свидетельствует, в частности, о крайне низком уровне преподавания русского языка: «Преподавание Персидским (которого он называет кровным малороссом. — *О. Ост.*) грамматики русской и славянской бедным ученикам его приходилось так же солоно, как и шарпанына: он знал лишь один не-

⁸³ Так, И. Булкина приводит показательную цитату из письма Н.В. Гоголя В.В. Тарновскому от 7.08.1834: «Ну, какой сволочи набрали в ваш киевский университет! ... Новый университет! тут бы нужно стараться, пользуясь этою выгодою, набрать новых профессоров, а вместо этого набрали старой плесени из глупого кременецкого лицея» (цит. по: «Известная фамилья»: польский патриот граф Тадеуш Чацкий // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова*. Тарту, 2011. С. 254. Сноска 2). [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/Stud_Russica_XII/Bulkina.pdf, режим доступа — свободный.

⁸⁴ Колесник В. Польська і російська гімназії в Мурах в першій половині XIXст. // *Вінницькі мури. Погляд крізь віки*. Матеріали міжнародної наукової конференції «Єзуїтський комплекс у Вінниці крізь призму століть» 9–10 вересня 2010 р. Вінниця, 2011. С. 181.

⁸⁵ *Котюжинський З. Спогади. Уривок* // *Вінниця у спогадах*. С. 77. Воспроизводится по: *Pamiętniki Zygmunta Kotiuzynskiego*. Kraków, 1911. S. 3–4.

мудреный опыт «от сих пор и до сих»: дети должны были зубрить разную дребедень, не пропуская ни йоты, затверживая не только все исключения из правил по грамматике Греча, но и все 24 «отмены» из руководства Востокова и заучивая наизусть весь словарь на букву ять»⁸⁶. Довольно красноречивыми выглядят и приводимые им портреты сослуживцев (по большей части выходцев из Юго-Западного края или Малороссии, в этом смысле политика формирования преподавательского состава мало изменилась, только теперь выбирались выходцы из православной или униатской части населения) и характеристика языкового употребления. Так, представляя учителя французского языка Граса, он так описывает его речь, ставшую, очевидно, результатом спонтанного усвоения языковых привычек жителей Правобережья: «Живя <...> постоянно в западных губерниях у польских панов в качестве гувернера, усвоил себе такое странное наречие, что как заговорит, так и не разберешь, на каком диалекте он объясняется: тут были слова польские, малорусские, французские и даже еврейские, но только не русские»⁸⁷. Не менее красноречиво характеризует языковую ситуацию в Виннице того времени тот факт, что воспоминания самого М.К. Чалого, уроженца Новгород-Северского и выпускника Киевского университета, изначально изобилующие украинизмами и наполненные цитатами из Котляревского, при передаче впечатлений от общения с местным дворянством наполняются пространными польскими цитатами⁸⁸.

⁸⁶ Чалый М. Воспоминания. Уривок // Вінниця у спогадах. С. 93. Воспроизводится по: Воспоминания М.К. Чалого. Вып. 1–2. Киев, 1890, 1895.

⁸⁷ Там же. С. 94.

⁸⁸ Так, он передает со слов пана Клюковського случай, когда его «доброцей» выпал из «нейтычанки» и больно ушибся «aż do tych czas kargi bola, a wszystko to, powiem panam, przez osła, przez to paskudne stwożenie» (орфография сохранена) (Там же. С. 99). Кроме полонизмов, функционирующих здесь как экзотизмы (доброцей — *dobrodziej*), в цитате отмечаются и характерные регионализмы (типа нейтычанка — повозка), так и орфографические и грамматические ошибки, свидетельствующие о его недостаточном владении польским языком, с которым он, видимо, был больше знаком «со слуха».

«Панский» и «мужицкий» языки в культурно-языковом ландшафте Правобережья

Социальная структура населения Правобережья обусловила тот факт, что украинский язык в первой трети XIX в. присутствовал только в сфере повседневного общения и использовался, как правило, представителями низших сословий в ситуациях, заведомо неофициальных (например, на рынке)⁸⁹. В культурной коммуникации безусловно преобладал польский язык, именно в этом смысле следует трактовать цитату А.И. Аксакова, который с горечью отмечал (уже в 1860-е гг.): «Все высшие классы, обладающие поземельной собственностью, образованием, средствами духовными и материальными, принадлежит польской народности, не столько по происхождению (они большей частью русские туземцы), сколько по духу, нравам, жизни, религиозным и политическим верованиям. Представителями местной русской народности являются только: простой народ и православное духовенство»⁹⁰.

На момент присоединения к империи украинское население составляло здесь подавляющее большинство (3006,0 тыс. человек из 3421,9 тыс. человек — 87,9 %) ⁹¹, обладая при этом самым низким социальным статусом. Украинская деревня, польская усадьба и польско-еврейско-украинское местечко ⁹² — таким оставался образ региона в течение всего рассматриваемого периода, что оказывало непосредственное влияние на ситуацию в сфере устного

⁸⁹ О социальной стратификации многоязычного сообщества см.: *Trudgill P. Sociolinguistics. An introduction to language and society. 4th ed. London, 2000. P. 23–42*; *Карлинский А.Е. Социально-экономическая структура общества и двуязычие // Языковые ситуации и взаимодействие языков. Киев, 1989. С. 8.*

⁹⁰ *Аксаков И.С. Племя малорусское или южно-русское // Сочинения И.С. Аксакова 1860–1886: Т. [1–7]. М., 1886–1887. С. 39.*

⁹¹ Поляков было 266,2 тыс., евреев — 123,5 тыс., русских — 3,9 тыс., статистику относительно количества населения см.: *Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. М., 1992. С. 123.*

⁹² *Janeczek A. Osadnictwo pogranicza polsko-ruskiego. Województwo belskie od schyłku XIV do początku XVII w. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1991. S. 303.*

общения. Сведения, дошедшие до нас в топографических описаниях городов и городских поселений создают детализированную, но и еще более пеструю картину. Так, в Топографическом и камеральном описании Подольской губернии 1800 г., чаще всего встречаются такие характеристики социального состава населения: шляхетство, имеющее поселение, шляхта, мещане христианской веры, подданные, духовенство греческого (католического, латинского) исповедания, евреи; упоминаются также купцы христиане, при дворе служители, духовенство униатского исповедания, немцы, цыгане, пилипоны, казенные крестьяне, греческого исповедания старого обряду мещане и купцы⁹³.

Для живших на Правобережье представителей шляхты разнообразие окружающего их культурно-языкового ландшафта явно не было чем-то необычным, но и не замечать его неоднородности они не могли. Как отмечает биограф поэта-романтика Ю. Словацкого, окружающий язык в усадьбе делили, как и во всей Польше, «на “панский” и “мужицкий”, “разговорный” и “салонный” (при этом в салоне явно охотнее говорили по-французски). Народный украинский язык не рассматривался ни в Кременце, ни в подольской усадьбе Михальских как что-то “чужое”. Словацкому не нужно было его учить, как, например, он изучал французский или английский. Ровно так же прислуга в шляхетской усадьбе не учила польский язык. Оба языка в равной мере использовались в коммуникации обеими группами. Свидетельства этого обнаруживаем, в частности, у самого поэта, например, в “Серебряном сне Саломей”: бабушка Груцинских говорит «мужицким» языком — таким же, как и козак Семенко, дворецкий же говорит по-польски, и все прекрасно понимают друг друга. Молодой Словацкий, таким образом, был знаком с украинским языком в местной версии, это был язык волынский, подольский, язык его малой родины»⁹⁴. Вот как

⁹³ Лезун Ю. Міста і містечка Східного Поділля у «Камеральному і топографічному описі Подільської губернії» 1800 року // Міста і містечка Поділля від доби Середньовіччя до початку ХХ століття. Матеріали наукової конференції 24–25 вересня 2015 р. Вінниця, 2016. С. 101.

⁹⁴ Makowski St. Juliusz Słowacki. S. 40.

вспоминает о своем языковом опыте общения с местными крестьянами другой поэт пограничья, С. Гоцинский: «На каникулах я больше развлекался, чем работал; помогал отцу, ведя записки по хозяйству. Я жил с народом, особенно с дворовыми казачками и девками, как живет дитя, учась всему, что слышит, и все хочет слышать и видеть»⁹⁵.

Тот факт, что украинский язык существует в этот период как язык крестьянский⁹⁶, оценивался польскими поэтами не в категориях статуса или коммуникативной значимости, а, в полном соответствии с романтической идеологией, как средоточие «духа» народа и носитель его нравственности: их «украинизм» исходил из того «принципа, что поэзия должна черпать свои соки из легенд и песен народа, среди которого поэт родился и вырос»⁹⁷. Как писал в своем письме один из ведущих поэтов «украинской школы» Ю.Б. Залеский, обращаясь к С. Гоцинскому: «Никогда не предаю я ни Бога, ни народа. Из его торбана я вырос, живую песнь его усвоил и с ней служить мне Польше и с ней мне жить и умирать»⁹⁸. Можно усомниться в том, что в действительности все выглядело столь идиллически, как это описано в процитированном выше фрагменте: речь ни в коей мере не шла о равноправных коммуникативных статусах или одинаковом владении (украинским) языком представителями шляхты и крестьянства; столь же далеки от идиллических были отношения между помещиками-поляками и их крепостными крестьянами-украинцами⁹⁹.

⁹⁵ Goszczyński S. Podróż mojego życia: urywki wspomnień i zapiski do pamiętnika. 1801 / Wyd. St. Pigoń. Wilno, 1924. S. 17.

⁹⁶ О влиянии этого факта на национальное самосознание см.: Pelech O. The State and the Ukrainian Triumvirate in the Ukrainian Triumvirate in the Russian Empire, 1831–1847 // Ukrainian Past, Ukrainian Present. Selected Papers for the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies. Harrogate, 1990. New York, 1993. P. 11–12.

⁹⁷ Цитата касается Ю.Б. Залеского: *Tretiak J. Bohdan Zaleski do upadu powstania listopadowego 1802–1831: Życie i poezya. Karta z dziejów romantyzmu polskiego*. S. 100.

⁹⁸ *Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego* / Wyd. D. Zaleski. T. 1–2. Lwów, 1900–1901. T. 2. Lwów, 1901. S. 6.

⁹⁹ Так, Б. Гудь в своей монографии приводит шокирующую статистику: к началу 1850-х гг. на монаршьё имя было подано 10000 крестьянских

Весьма показательна в этом смысле отношение выходцев с Правобережья к «родному» языку, знание которого считалось одной из добродетелей патриота: «Те, кто выучил языки, но оставили свой родной, подобны резервуарам для сбора воды, лишённые отводного канала ... Как кровь в природном организме человека является источником физической, так и родной язык в моральном хозяйстве народа является источником духовной его жизни»¹⁰⁰. Эта декларация приобретала особый смысл в условиях засилья французского языка в «салонах»: так, в воспоминаниях о юности романтического поэта А. Мальчевского, обучавшего в Волынской гимназии «Кременец был подобен французскому городу: о нуждах общества, о любви к родной земле говорили лишь по-французски... В таком окружении будущий поэт не мог выучиться польскому, невольно он даже думал по-французски, поэтому потом ему было так трудно заставить себя правильно выражаться родным языком»¹⁰¹.

При этом термин «родной язык» явно использовался как минимум в нескольких смыслах: так, в воспоминаниях религиозного католического деятеля З. Фелинского усилия помещицы Ксаверии Грохольской из винницкого предместья по организации воскресной школы выглядели следующим образом: «Катехизм начинался с ежедневной 15-минутной молитвы, которую дети громко повторяли, а заканчивался изложением важнейших истин веры и обязанностей христианина, что делала сама Ксаверия, стоя на холме, окруженная уже не только детьми, но и многочисленной толпой взрослых крестьян, которые с большим желанием слушали доступное и преподносимое их *родным*

жалоб на помещиков-поляков, часть из которых содержала данные о жестоком обращении с крепостными. См.: Гудь Б. Українсько-польські конфлікти новітньої доби: етносоціальний аспект. Харків, 2001. С. 114. Сноска 33. Неслучайно этот период изобиловал также крестьянскими восстаниями, среди которых наиболее известным является восстание под предводительством У. Кармалюка (1819–1833): Там же. С. 122–123.

¹⁰⁰ Pamiętnik nie bardzo stary (wyciąg z notat Władysława N.) przez Aleksandra Grozę (wyd. poprawne). Wilno, 1858. S. 57.

¹⁰¹ Dr Antoni J. (Rolle Antoni). Rodzina Malczewskich // Sylwetki i szkice historyczne i literackie. Serya IX. Kraków, 1893. S. 201–202.

(выделение наше. — *О. Ост.*) языком толкование христианской науки»¹⁰². Особый интерес вызывают непосредственно следующие за этим замечания о том, что «успешным и уже поднаторевшим в чтении детям доставались книжки для молитв или какие-то поучительные рассказы»¹⁰³. Учитывая, что речь идет о 1830-х гг., сложно предположить, что эти книги, раздаваемые местной помещицей, были изданы по-украински. Наше предположение подтверждает воспоминание З. Фелинского о деятельности Кс. Грохольской после 1832 г.: «После ликвидации Кременецкого лицея и перевода Винницкой гимназии в Немиров, учителя, которые не могли или не хотели преподавать по-русски, остались на месте, кормясь частными уроками, которые они давали молодежи, желающей закончить обучение на *родном языке*»¹⁰⁴, — здесь речь явно идет о польском языке.

Иерархия языковых кодов в сознании их пользователей

Вопрос о степени дифференциации польского и украинского языков в сознании польской шляхты на Правобережье в целом и поэтов «украинской школь» в частности остается открытым. Известно, что одно из первых в славистике утверждений о самостоятельности украинского языка принадлежит польскому ученому Е.С. Бандтке¹⁰⁵ — публикация его статьи на эту тему вызвала полемику в российской прессе, о которой мы уже упоминали. Как отдельный славянский язык рассматривал украинский язык и известный собиратель фольклора Адам Чарноцкий (издававший свои труды под именем Зориан Доленга-Ходаковский)¹⁰⁶, однако

¹⁰² Грохольська К. Спогади. Уривки // Вінниця у спогадах. С. 116.

¹⁰³ Там же. С. 116.

¹⁰⁴ Там же. С. 124.

¹⁰⁵ «Малороссийское наречие не наречием не великорусского языка, а языка славянского, как и сам великорусский язык, а также польский, чешский и любой другой славянский» (*Bandtkie J.S. Dzieje narodu polskiego. Wrocław, 1835. T. I. S. 17*).

¹⁰⁶ Brock P. Ivan Vahylevych (1811–1866) and the Ukrainian National Identity // Nationbuilding and the Politics of Nationalism. P. 115.

практические выводы из этих утверждений следовали не всегда. Осознание Украины как неотъемлемой части Польши¹⁰⁷ сочеталось с наличием в языковом сознании представлений о близости, родственности украинского и польского языков, что нередко вело к восприятию украинского как польского диалекта.

В свою очередь, для крестьян — носителей местных подольско-волынских говоров знание польского языка было, скорее всего пассивным и основывалось прежде всего на понимании¹⁰⁸, являясь необходимым условием участия во внешней коммуникации (например, при разбирательстве дела в суде, при общении с управляющим и т.д.). Подавляющее большинство крестьян не имели доступа даже к начальному образованию: в приходских школах, в том числе униатских, преобладали католики¹⁰⁹ — а именно школа являлась основным средством языковой полонизации, поэтому знание языка приобреталось преимущественно через польские проповеди в униатском храме, контакты с представителями высших и средних социальных слоев, а в ряде регионов также с польскоязычным населением соседних деревень. Следует особо отметить, что языковая полонизация крестьянства на Правобережье не стала мас-

¹⁰⁷ Характерно в этом отношении написанное в жанре путевых заметок произведение А. Пшездецкого, где Украина предстает как безусловная часть Польши, «nasz kraj»: *Przeddziecki A. Podole, Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów przez Alexandra Przeddzieckiego*. Т. 1–2. Wilno, 1841.

¹⁰⁸ Такой билингвизм исследователи относят к смешанному типу, среднему между искусственным и естественным, в силу специфики освоения языка: О типах двуязычия см.: *Карлинский А.Е.* Социально-экономическая структура. С. 9.

¹⁰⁹ Об этом, в частности, применительно к василианской школе в Шаргород-е см.: *Лисий А.* Василиани в Шаргороді. С. 183. В школах среднего звена ситуация была несколько лучше, но статистика также выглядит весьма красноречиво: в уездном училище в Каменце-Подольском, например, соотношение учащихся было таким: 229 католиков и всего 12 православных, в Немирове из 296 учеников — 236 католиков, 38 православных, 10 униатов, 12 протестантов, в Меджибоже из 293 учеников — 261 католик, 25 православных, 4 униата, 2 протестанта, 1 иудей, в Баре из 500 учеников — 436 католиков, 46 православных, 16 униатов, 2 протестанта: Отчет попечителя Виленского учебного округа за 1806 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. 1805–1807. СПб., 1898. Т. 3: Учебные заведения в западных губерниях.

совым явлением и не приводила к смене языка¹¹⁰, как это было, например, на белорусско-литовских землях¹¹¹.

По свидетельству современников и наблюдениям историков, языком ежедневного общения на Правобережье в высших и средних социальных слоях в начале XIX в. являлся польский, причем даже в тех семьях, для которых мы можем предполагать наличие украинского языка как родного. Это важное свидетельство его коммуникативной значимости и престижа, что подтверждают индивидуальные биографии писателей — выходцев с правобережных земель¹¹². Начальное образование они получали, как правило, в местных школах при (василианских) монастырях, а позже в средних учебных заведениях, в которых основным языком обучения также был польский. Так, в разное время уманскую василианскую школу посещали Ю.Б. Залеский, С. Гощинский, М. Грабовский, А. и С. Гроза, Я. Креховецкий, а также (несколько позже) Виктор Григорович¹¹³, в винницкой гимназии в 1814–1815 гг. учились С. Гощинский и Т. Падурра¹¹⁴, в бердичевской частной школе — М. Чайковский¹¹⁵. Продолжение образования также ассоциировалось с польским кругом культуры, в который включались Волынский лицей (братья А. и С. Гроза, С. Го-

¹¹⁰ О «смене языка» как проявлении процесса языковой ассимиляции см.: Brenzinger M. Language Contact and Language Displacement // The Handbook of Sociolinguistics. P. 282–283.

¹¹¹ О полонизации литовскоязычного населения и польско-белорусских контактах см.: Czekmonas W. O etapach socjolingwistycznej historii Wileńszczyzny i rozwoju polskiej świadomości narodowej na Litwie // Belarus, Lithuania, Poland, Ukraine. The foundations of historical and cultural traditions in East Central Europe. International Conference, Rome 28 April — 6 May 1990. Lublin — Rome, 1994. S. 457–463.

¹¹² См., в частности: O życiu i pismach Tymka Padurry; Malczewski Antoni. 1793–1826: Antoni Malczewski, jego żywot i pisma / Wyd. A. Bielowski. Lwów, 1843; Tretiak J. Bohdan Zaleski; Goszczyński S. Zamek Kaniowski. Powieść / Oprac. J. Tretiak. Kraków, 1914.

¹¹³ Кузнецъ Т.В. До історії освіти на Уманщині (XVIII — початок XIX ст.). Київ, 2000. С. 11.

¹¹⁴ O życiu i pismach Tymka Padurry. S. V.

¹¹⁵ Skowronek J. Michał Czajkowski — patrioty pogranicza biografia tragiczna // Losy Polaków w XIX–XX w. Studia ofiarowane prof. S. Kieniewiczowi w 80-tą rocznicę Jego urodzin. Warszawa, 1987. S. 549–575.

щинский, Т. Падурра), Виленский университет (А. Гроза), Варшавский университет и лицей (М. Грабовский, вольные слушатели — С. Гощинский, Ю.Б. Залеский, М. Чайковский). Только после фактической ликвидации польской системы образования происходит переориентация на русские университеты, в частности Харьковский (В. Григорович). Впрочем, это привело также к общему падению уровня образования и снижению интереса к нему, переориентации представителей шляхты на частные пансионы и домашнее обучение: «Зажиточная шляхетская молодежь, особенно вскоре после закрытия польских школ, не имея тяги к научной карьере, искала скорее салонного образования в частных пансионах, устроенных для зажиточных <...> Многие из шляхетской молодежи черпали немного света от часто весьма недалеких странствующих учителей»¹¹⁶.

Модели языкового поведения как результат индивидуального коммуникативного опыта

Место и характер обучения, круг общения, тип профессиональной деятельности, степень включенности в общую имперскую систему и, наконец, выбор места проживания влияли на дальнейшую стратегию языкового поведения: так, желание получить доступ к образованию или карьерные соображения могли приводить к смене модели общения, вынесенной из дома, тогда как стремление сохранить связь с малой родиной способствовало развитию усвоенной в детстве системы коммуникации. Для тех, кто продолжал жить на Украине и сохранял связь с локальным сообществом (как А. Гроза, Т. Падурра), естественным было сохранение полонцентричной модели языкового поведения, вынесенной из семьи и закрепленной в годы учебы. Для тех, кто, как В. Григорович (который, кстати сказать, был существенно моложе всех вышеперечисленных авторов), получил русское образование и, работая в университетах Дерпта, Казани, Москвы, Одессы, оказался включенным в имперское куль-

¹¹⁶ Rawita-Gawroński Fr. Rok 1863. S. 4.

турное пространство, не менее естественной становится смена предпочтительного языка общения с польского на русский. Своего рода компромиссный тип языкового поведения демонстрирует М. Грабовский. Польский язык, очевидно, остается для него первым языком, о чем свидетельствует, в частности, преобладание польскоязычных произведений в его творческом наследии и переписке, в то же время жизнь в Петербурге и активное участие в общероссийском культурном процессе постепенно приводят к увеличению доли русского языка также в индивидуальном употреблении. Похожий пример польско-русского билингвизма с конкуренцией польского и русского языков в литературно-критической деятельности находим в случае М. Чайковского¹¹⁷.

Открытым остается вопрос о степени владения польской и польскоязычной шляхтой на Правобережье украинским языком и характере его использования. Довольно сложно судить, насколько распространенной в рассматриваемый период была практика употребления украинского языка в ситуации непринужденного общения в шляхетской среде, поскольку мы имеем только косвенные свидетельства в ряде биографий¹¹⁸. О пассивном знании украинского языка свидетельствуют, в частности, высказывания самих авторов — выходцев с Правобережья: характерен в этом отношении фрагмент из заявления Б. Залеского, поданного в Комиссию по делам вероисповеданий и просвещения (*Komisja Wyznań i Oświecenia*), с просьбой направить его в заграничное путешествие, дабы в дальнейшем занять кафедру славянской филологии (славянских наречий) в Варшавском университете, которая пустовала после отставки Б. Линде: «Имея возможность в юности познакомиться со славянскими диалектами, а именно церковнославянским, *малорусским* (выделено нами. — *О. Ост.*) и русским, впоследствии я основательно

¹¹⁷ *Czajkowski M. Pisma*. Lipsk, 1868; *Czajkowski M. Pamiętniki Sadyka Paszy*. Lwów, 1898.

¹¹⁸ «Его все хорошо знали, ибо часто напевал он украинские мелодии и обычно говорил с друзьями на украинском наречии. К этому наречию имел он особую тягу с самого детства: излюбленной его забавой было слушать древние легенды на языке русинов и “стоны украинской лиры”» (*O życiu i pismach Tymka Padurry*. S. V–VI).

пополнил их знание. В свободное от занятий время, как и в течение года после окончания оных, я пытался следить за старыми и новыми изданиями на славянских диалектах, особенно же старался в думах, обычаях и обрядах малорусского народа искать дух древности, характера и языка»¹¹⁹.

О пассивном знании украинского языка свидетельствуют многочисленные украинизмы в произведениях польских писателей — выходцев с Правобережья¹²⁰, впрочем, вкрапления украинской речи разной длины в текстах представителей «украинской школы» в польской литературе маркируют, как правило, появление персонажа-украинца¹²¹. Аналогичное явление наблюдалось и в русской литературе того времени, так, например, публикация анекдотов из малороссийской жизни авторства Г. Квитки (Основьяненко) включала украинскую речь только в репликах персонажей¹²². Билингвизм как литературный феномен является одной из характерных черт украинского литературного процесса в первой половине XIX в. На Левобережье (в «Малороссии») это явление принимает формы русско-украинского билингвизма с ролевым распределением языков в зависимости от темы, жанра и стиля. При этом русский язык используется, как правило, в прозе и служит одним из средств дифференциации культурного дискурса по уровням: высокий — низкий, патетический — иронический¹²³.

¹¹⁹ Цит. по: *Tretiak J. Bohdan Zaleski do upadku powstania listopadowego*. S. 111.

¹²⁰ Об украинских элементах в языке польских романтиков см.: *Jurkowski M. Ukrainizmy w języku J. Słowackiego // Z dziejów stosunków literackich polsko-ukraińskich*, 1974. S. 105–135; *Besta T. Z badań nad wschodniosłowiańskimi wpływami językowymi w polszczyźnie romantyków // Łódzkie Towarzystwo Językowe. Rozprawy Komisji Językowej*. T. 17. Łódź, 197. S. 199–243.

¹²¹ Такой «инкрустационный» способ языковой стилизации как один из пространственных стилистических приемов в XIX в. анализирует в своей монографии М. Стрыхарска-Бжежина: *Strycharska-Brzezina M. Kozak ukraiński. Studium językowe*. Kraków, 2006. S. 345–350.

¹²² Об этом упоминается, в частности, в: *Комаров А.И. Украинский язык, фольклор и литература*. С. 132.

¹²³ О русско-украинском литературном билингвизме см.: *Грабович Г. Українсько-російські літературні взаємини в XIX ст.: постановка проблеми // Грабович Г. До історії української літератури*. С. 205, 206, 209, 215, 226; *Mokry Wł. Ukraina i Ukraińcy w kulturze i literaturze rosyjskiej od połowy XVII do początku XX wieku (Zarys problematyki) // Belarus, Lithuania, Poland, Ukraine*. S. 268–282.

На Правобережье единственный пример литературного украинско-русского билингвизма, аналогичного тому, с которым мы сталкиваемся в произведениях левобережных авторов, — это 70-строфная поэма «Варшава» Василия Ростовецкого, написанная в подражание «Энеиде»¹²⁴. Языковое оформление поэмы типично для большинства произведений того периода: основной текст написан по-украински, с заметным влиянием диалектной речи, но все примечания, заглавие и т.п. написаны по-русски, создавая своеобразную семиотическую рамку. Откровенно антипольский характер произведения¹²⁵ свидетельствует о том, что, несмотря на пассивное владение польским языком (в тексте обнаруживается довольно много полонизмов, в том числе синтаксических и фразеологических), выбор украинско-русской модели билингвизма для автора имел принципиальное идеологическое значение.

Воспринятый в определенных кругах «кресовой» шляхты высокий тип культурной (само)идентификации в форме козакофильства¹²⁶ постепенно приводит к переходу от «диглоссного» типа билингвизма с четким ролевым распределением языков к прямому введению украинского языка в литературное творчество. Специфическая национальная и социокультурная ориентация литераторов — выходцев с бывших польских «кресов», пишущих на украинском языке, непосредственно влияла как на литературную, так и на собственно языковую форму их произведений. Стихи (реже проза), откровенно подражающие народному фольклору,

¹²⁴ Наиболее известное издание: Котляревщина: Українські пропілеї (ред., вступні статті і примітки І. Айзенштока). Харків, 1928. С. 143–166; о других изданиях, а также полный авторский текст, сверенный с автографом из архива Волынского краеведческого музея, см.: *Пушкар Н.Ю.* Василь Ростоveckий та його поема «Варшава» // *Роде наш красний. Волинь у долях краян і людських документах.* Луцьк, 1996. Т. II. С. 8–48.

¹²⁵ См. фрагмент поэмы: «При Зимовиті права віра // В сей край до русинів прийшла. // Чи розказать же для приміра, // що тут вона собі знайшла? // Завсіди ви її давили, // А русинів товкли та били // І мали ледве не за псів; // Вони вам тоже не давались, // Так, як могли, оборонялись, // Щоб езуїт їх не поїв» (Там же. С. 22).

¹²⁶ Об этом см., в частности: *Grabowicz G.G.* *Ukraina // Słownik literatury polskiej XIX wieku.* Wrocław–Warszawa–Kraków, 1991. S. 979.

записывались чаще всего латиницей, они опирались на хорошо знакомые авторам подольско-волынские говоры, а язык произведений оказывался максимально открытым для заимствований из польского языка¹²⁷. Примечательно, что некоторые из стихотворений, принадлежащих перу польских авторов, стали по-настоящему народными песнями, пройдя процесс так называемой «фольклоризации» через утрату авторской принадлежности: так, например, произошло с песней «Гандзя» Д. Бонковского и песней о Кармалюке Я. Комарницкого. Одним из первых, кто продемонстрировал возможности параллельного типа билингвизма, в рамках которого польскоязычные (прозаические) тексты конкурируют с украиноязычными (стихотворными) произведениями, стал Т. Падурра. Перечень польских авторов, писавших одновременно и по-польски, и по-украински, мог бы быть более внушительным¹²⁸, однако свидетельства о наличии украинских произведений в творческом наследии польских авторов не всегда вызывают доверие. Так, биографы поэтов украинской школы упоминают о наличии произведений, «писанных на украинско-русском» диалекте, однако при этом отмечают, как, например, в случае с Ю.Б. Залеским, низкую их эстетическую ценность и несовершенство формы¹²⁹.

Соотношение польского и украинского языков в произведениях правобережного поэта Т. Падурры являет явную аналогию с двуязычным творчеством писателей Левобере-

¹²⁷ Собственно языковые аспекты текстовой кодификации в произведениях одного из представителей билингвального польско-украинского сообщества на Правобережье см.: *Останчук О.О.* Післямова до «азбучної війни»: кириличне видання творів Тимка Падури // Українська мова. 2009. № 2. С. 26–49.

¹²⁸ «Еще в первой половине XIX в. некоторые польские писатели творили также на украинском языке» (*Jakóbiec M.* *Ukraińska literatura // Słownik literatury polskiej XIX wieku.* S. 983.)

¹²⁹ «О стихах, написанных на украинском языке и собранных в посмертном издании под общим заглавием „Украинское“ — трудно сказать что-либо, кроме того, что они слишком слабы, и кроме того, представляют собой незаконченные фрагменты, обрывающиеся часто после одной строфы» (*Zdziarski S.* *Bohdan Zaleski. Studium biograficzno-literackie.* Wydanie wznowione. Lwów, 1904. S. 383.)

жья: основной текст написан по-украински, комментарии и пояснения — по-польски, предпочтительный выбор польского языка характерен для произведений крупных форм (например, прозаических очерков на исторические темы) и частной переписки. Другую модель польско-украинского литературного билингвизма иллюстрируют исторические повести М. Чайковского, активно вводящего в текст украинские песни в польском переводе, в комментариях же содержится оригинальный текст и толкование использованных в произведении украинских слов и выражений. Таким образом, первый пример (Т. Падурра) представляет собой воплощение литературной практики ситуативного билингвизма с тенденцией к выравниванию статусов языков, второй случай (М. Чайковский) отражает конкуренцию языков в условиях диглоссии с рецептивным типом знакомства со вторым из них, используемым только как средство создания локального колорита. Обе функциональные разновидности польско-украинского билингвизма у «крестьянских» поэтов находят свое соответствие в произведениях писателей, выходцев из Малороссии, реализующих модель русского-украинского билингвизма¹³⁰.

В то же время становится возможным использование украинского и польского языка параллельно, без дополнительной стилистической нагрузки в рамках одного произведения¹³¹. Это в значительной мере снимает противоречие польского и украинского языков как разноуровневых форм выражения в литературном творчестве. Такое сближение становится возможным, в частности, благодаря выбору правобережными авторами латиницы для передачи украинской речи, как при записи фольклорных текстов, так и при соз-

---

¹³⁰ «Украинская ориентация “украинской школы” была польским эквивалентом малороссийского регионализма в русской литературе. Несмотря на то, что некоторые представители школы писали по-украински, они декларировали польский национализм, подобно тому как малороссы в большинстве своем демонстрировали лояльность по отношению к Российской империи» (Brock P. Ivan Vahylevych.) См. также: *Mokry Wł. Ukraina i Ukraincy w kulturze i literaturze rosyjskiej*. S. 268–282.

¹³¹ См., например, стихотворение Т. Падурры «Romanowi Sanguszce na Nowy rok 1828» (*Pyśma Tymka Padurry*. S. 217–218.)

дании оригинальных произведений на украинском языке. Безусловно, для авторов с польским языком как основным использование латиницы с опорой на польскую графику для передачи украинской речи являлось одним из средств включения правобережных земель в общее с Польшей культурно-языковое пространство. Одновременно латинская графика накладывала гораздо меньше ограничений на передачу черт разговорного языка¹³², чем кириллица, о чем свидетельствует, в частности, сопоставительный анализ параллельного кириллического и латинского текста из хозяйственного справочника Ленкевича «Книжиця для господарства» (1788)¹³³. В этом смысле латинский алфавит способствовал закреплению на Правобережье нового типа литературного стандарта, базирующегося на народном разговорном (диалектном) языке.

Переход к активному употреблению украинского языка становится возможным только в специфических социополитических условиях. Такие благоприятные условия возникли в 1830 г. в ходе подготовки Ноябрьского восстания. Среди агитационных документов этого периода явно преобладают польскоязычные тексты¹³⁴, однако практические соображения при специфической структуре национальной идентичности сделали возможным появление прокламаций на местных языках: украинском, а также литовском¹³⁵ и (позже) белорусском. Поскольку главной целевой аудиторией агитации было крестьянство, языковая форма воззваний была максимально приближена к народно-разговорному языку: в

¹³² О более ярком отражении черт живой разговорной речи в текстах украинских народных, записанных латиницей, см.: *Мадлівецька Н.П.* Фонетична система української мови XVII–XVIII ст. (за текстами пісень, записаних латиницею). Автореферат ... к. ф. н. Київ, 2000. С. 2.

¹³³ Ср.: *одно — едно, ohnia — огня, tyzcki — тички, derewianou — древяной* (Исаевич Я. Українське книговидання. С. 584.)

¹³⁴ См.: *Zawisza A.* Odezwa do kozaków (1833) // *Spółczesność polskie i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku* = Польское общество и попытки возобновления вооруженной борьбы в 1833 году. Ossolineum 1984. S. 230–231.

¹³⁵ См. воззвание «*Milej Brolej*» // *Королюк В., Марахов Г.* и др. Восстание 1863 г. Материалы и документы. Москва — Вроцлав — Киев, 1963. С. 539.

текстах обнаруживаются характерные черты подольско-волынских говоров. Немаловажен и тот факт, что в начале и даже в середине XIX в. эти прокламации принадлежат к весьма немногочисленным примерам литературных текстов с Правобережья, написанных на народном украинском языке¹³⁶. При этом ряд орфографических особенностей воззваний указывает на знакомство их авторов с практикой передачи украинской речи графическими средствами латиницы, распространенной на Правобережье в данный период¹³⁷.

Таким образом, тенденция к смене (под внешним давлением) основного языка с польского на русский, наблюдаемая в первой трети XIX в., не отменяет ни сохранения за польским языком культурного престижа, ни наличия польско-украинского декларативного билингвизма в качестве своеобразных способов противодействия официальной языковой политике. В ситуации полилингвизма нередко выбор языка и модели языкового поведения начинает выполнять фатическую функцию маркера принадлежности к определенному локальному сообществу, отличному от других подобных социокультурных групп, в том числе в языковом отношении¹³⁸. Так, культивация «кресовых» черт в произведениях писателей — выходцев с Правобережья не в последнюю очередь связана с желанием подчеркнуть свое особое место в языковом сообществе¹³⁹. Сугубо лингвисти-

¹³⁶ И. Матвяс, выделяя подольскую разновидность восточнукраинского варианта нового украинского литературного языка, первым примером такой разновидности считает роман А. Свидницкого «Люборацкие» (написанный в 1861–1862 гг., но опубликованный после смерти автора в 1886 г.) (*Матвяс І. Варіанти української літературної мови*. Київ, 1998. С. 83–89); примерно этим же временем датированы первые журнальные публикации стихотворений С. Руданского: 1859, 1861.

¹³⁷ Речь идет, в частности, о специфическом знаке ё, введение которого один из популярных поэтов того времени Т. Падурра в своих писаниях предвдывает следующим образом: «На юге правобережной Украины... чаще всего на месте *Е* употребляют *И*, поэтому над этим гласным ставлю две точки, чтобы показать различия в произношении» (*O życiu i pismach Tumka Padurry*. S. 125–126).

¹³⁸ О фатической функции языка см.: *Tabouret-Keller A. Language and Identity*. P. 320–321, 324; в том числе в случае языка национального меньшинства: *Clyne M. Multilingualism*. P. 309.

¹³⁹ Об идентификации носителей языка с чертами, являющимися средством языкового контакта, см.: *Tabouret-Keller A. Language and Identity*. P. 324.

ческие характеристики оказываются непосредственным образом связанными с осознанием собственной идентичности¹⁴⁰. Самоидентификация представителей данного языкового сообщества осуществляется одновременно на базе польского литературного языка как символа принадлежности к «большой» Польше и его регионального варианта как знака локальной обособленности.

* * *

Неоднородный характер региона, присоединенного к России в результате разделов Речи Посполитой, как и неоднозначная самоидентификация ее населения, прежде всего региональных элит, оказались своего рода сюрпризом для русского общественного мнения и официальной политики, разворачивающейся под лозунгом «Отторженная возвратих». Этим объясняется полемический накал статей, доказывающих исключительно «русский» характер Западного края; острота его не стихала в течение всего XIX в., подпитываясь антипольскими настроениями, вспыхивавшими в результате очередных польских восстаний. Языковая политика Петербурга в начале XIX в. носила явно ретроспективный (а не предупредительный) характер; попытки приспособиться к новым геополитическим реалиям оказались неудачными, а на развитие национальных проектов, прежде всего польского, а затем и украинского (как показывает дело Кирилло-Мефодиевского братства 1848 г.), приходилось реагировать постфактум, вводя ограничительные и даже репрессивные меры в ответ на активность местных элит, в том числе в языковой сфере. Весьма показательным в этом смысле, что на начальном этапе (до 1830 г.) русификация Западного края носила сугубо декларативный характер и затронула только сферу официальной коммуникации, оставив фактически полную свободу действия польским национально ориентированным просветителям в сфере образования, что прямо

¹⁴⁰ О влиянии полилингвальной ситуации на выработку идентичности в Канаде и США см.: *Trudgill P. Sociolinguistics*. P. 44–46.

влияло на формирование языкового сознания. Польское восстание 1830–1831 г., помимо репрессивных мер в отношении его участников, принесло понимание важности языкового вопроса. С этим, в частности, связаны активные попытки использования польского языка в пропагандистских целях: не случайно именно в 1830 г. в Петербурге начал издаваться известный журнал «Tygodnik Peterburgski» (кстати, в том числе усилиями выходцев с Правобережья — М. Грабовского, Г. Жевусского, С. Осташевского), призванный стать рупором имперской позиции для представителей региональных польских элит, который с 1832 г. стал официальным изданием Царства Польского (просуществовал до 1853 г.). Одновременно сфера литературы и литературного творчества вплоть до 1860-х гг., формально подпадающая под цензуру, оставалась относительно свободным пространством, где продолжалась конкуренция языков и формирование соответствующей читательской аудитории, в том числе национально ориентированной. Так, например, цензура не усмотрела ничего предосудительного ни в изданных — разумеется, латиницей — в Варшаве в 1844 г. украинских стихах упоминавшегося выше Т. Падурры («Ukrainki z nutoju»), ни в вышедших сначала в Вильне в 1850 г. «народных» (украинских) сказках другого выходца с Правобережья, С. Осташевского, переизданных спустя год (в 1851 г.) в Киеве («Piv sotni kazok»). Запрет на использование латинского шрифта для передачи украинской речи, как и ограничительные меры по недопущению коммуникативной эмансипации украинского языка как такового были введены только после январского польского восстания 1863 г.¹⁴¹, ставшего для российского общественного мнения и официальных властей очередным тревожным звонком, свидетельствующим о формировании польского национального проекта, который стал явным конкурентом для проекта большой русской нации.

¹⁴¹ См. об этом, в частности, *Миллер А.И., Остапчук О.А.* Латиница и кириллица. С. 35–42.

Очерк 4

Историко-этнографические и лингвистические исследования XIX в. и их влияние на эволюцию представлений о «едином русском народе»: история племенных классификаций и научная аргументация

Начиная с 1840-х гг. все более актуальной становилась проблема этнической идентификации «отделов» («отраслей» или «поколений») русского народа — в связи с важной для империй каталогизацией (часто этот процесс именуют государственно-экономической «инвентаризацией») ресурсов и населения, что требовало одновременно выстраивания разного рода классификаций — конфессиональной, этнической, экономико-правовой и сословной. Однако при отсутствии в тезаурусе российской науки понятия «этнос» на этапе формирования новых научных и изменения прежних социальных таксономий терминологическое определение трех русских групп было непростой задачей. Основным критерием принадлежности оставался язык (великорусский, малорусский, белорусский), именовавшийся «наречием» языка русского. Важным фактором выступал территориальный ареал — «местообитание» индивида или группы. Самоопределение учитывалось только в одном аспекте — в использовании эндонима или регионима. Так или иначе, не собственная идентификация, а внешнее, «объективное», научно аргументированное отнесение в сложных случаях считалось единственно верным.

Задачи масштабного описания пространства Российской империи и ее жителей, остро вставшие в середине столетия, не могли быть осуществлены без привлечения авторитета и методов науки. Создание в 1845 г. Императорского Русского географического общества с отделением этнографии в его структуре знаменовало соединение и совпадение интересов власти и науки в этом процессе. Именно практические и политические цели можно рассматривать как главную мотивацию различных исследований восточных славян во второй половине столетия. Процесс идентификации — этнокультурной, национальной, имперской, вероятно, доминировал как на уровне индивидуального и общественного сознания, так и в деятельности интеллектуальной и социальной элиты страны.

Пространство России: вариации составной хоронимики

В исторических сочинениях первой половины XIX в. определение границ Великой России отчетливо проявилось также в трудах, связанных с историей Малороссии, — для выявления этапов и форм складывания различий (политических, этнографических, культурных) этих двух регионов. Однако в научных работах по русской истории преобладали термины «русский» и «российский». Поэтому весьма трудно однозначно определить точное содержание понятия, ведь прилагательное «русский» постоянно использовалось в значении государственной принадлежности как тождественное определению «российский». Символическим примером можно считать переход от понятий «российская история» или «история российского государства» к таким наименованиям трудов по истории Отечества, как «история русского народа» или «русская история». Слово «русский» в этих текстах применялось не столько в качестве этнонима, сколько в качестве политонима или этнохоронима. Например, историк С.М. Соловьев связывал границы Малой и Великой Руси с речными системами, определившими и пределы княжеств на раннем этапе

истории Руси: «Русская земля разделялась в древности на четыре главные части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую — область Западной Двины, т. е. область Кривская, или Полоцкая, третью — область Днепра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую — область Верхней Волги, область Ростовская»¹. В период раздробленности они стали, соответственно, центрами притяжения Новгородского, Полоцкого Киевского и Владимиро-Суздальского княжеств. Историк рассматривал также «три главные части Руси» — «Великую, Малую и Белую России» как области Волги, Днепра и Двины². Он заключал, что именно такое тяготение к речным областям сделало неизбежным объединение «трех России» в единое государство: «Историческое деление русской государственной области на части обуславливается отдельными речными системами; ясно, что величина каждой части будет соответствовать величине своей речной области, ... а естественно меньшим частям примыкать к большей — отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Белая, и Малая Русь примкнули к Московскому государству»³.

В.О. Ключевский, рассматривая возникновение терминов «Великая» и «Малая» Русь, именует их «этнографическими частями» Русской земли как геополитической территории и считает их своеобразие следствием миграционных (колониционных) процессов, когда население из речной полосы Днепра — Волхова перемещалось на запад и северо-восток (Верхняя Волга), поэтому Верхневолжская Русь зачастую выступает у него как синоним Великой Руси⁴. Последовавший за этим обратный «отлив» славянского населения в Поднепровье привел к именованию его «Малой Русью», а верхневолжского региона — «Великой Русью».

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Соч. В 18-ти кн. М., 1988–1995. Кн. I. Т. 1. М., 1988. С. 59.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 68.

⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть первая. Лекция II // Ключевский В.О. Собр. соч. В 9-ти т. М., 1987–1990. Т. I. М., 1987. С. 52.

Хорошо зная труды В.Н. Татищева, Ключевский не задавался вопросом о соотношении наименований Белая, Великая и Московская Русь, для него Великороссия — ядро Владимиро-Суздальской Руси.

Для обоих историков — Ключевского и Соловьева — бесспорно, что малорусское и великорусское племена — ветви русского народа⁵; но в отличие от Костомарова они связывали разделение на две «отрасли» в этнографическом отношении прежде всего с природными и антропологическими факторами, а именно — со славяно-финской метисацией в великорусском регионе и с изменившимися географическими условиями бытования переселенцев с юга⁶. Ключевский, кроме того, отмечает в качестве одной из причин, замедляющих процесс развития великороссов, неблагоприятность этнокультурного окружения (страна «ненасиженная и нетронутая», без житейских приспособлений и культурных преданий прошлого)⁷.

Как Соловьев, так и Ключевский утверждали, что племенная и политическая консолидация идут здесь рука об руку и объединение Великороссии в единое целое вызвано формированием государства. Поэтому понятие «Великая Русь» выступает как тождественное политонимам «Московская Русь» (Ключевский) или «Северо-Восточные княжества» (Соловьев). Регион сосредоточения «главной массы русского населения» (то есть великоросов) определяет периодизацию: Ключевский выделяет четыре периода русской истории, в каждом из которых доминировали разные государственно-политические центры: днепровский, верхневолжский, великорусский и всероссийский⁸.

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Соч. в 18-ти кн. Кн. VII. Т. 13. М., 1991. С. 25; Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть первая. Лекция XVI // Ключевский В.О. Собр. соч. В 9-ти т. Т. I. С. 289; Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть первая. Лекция XVII // Там же. С. 295.

⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Соч. в 18-ти кн. Кн. VII. С. 25; Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть первая. Лекция XVII. С. 296.

⁷ Там же. Лекция I. С. 48.

⁸ Там же. С. 50–53.

Это является аргументом концепции исторической преемственности русской государственности и племенной непрерывности. Великорусский этап историк ограничивает XIII — серединой XV в., когда главная масса русского населения обитала на верхней Волге с притоками, формой правления являлось «удельное дробление верхневолжской Руси под властью князей», а экономической спецификой был вольный крестьянский труд. «Великорусский период», по Ключевскому, охватывает отрезок от середины XV в. до 1620-х гг., когда основная масса населения «растекается» из области Верхней Волги на юг и восток, «образуя особую ветвь народа — Великороссию». И это великорусское племя «впервые соединяется в одно политическое целое под властью Московского государства», а в экономике заметно стеснение вольного крестьянского труда «по мере сосредоточения землевладения в руках служилого сословия». «Это Русь Великая, Московская, царско-боярская»⁹, которую сменяет всероссийский период политического собирания и объединения всех частей русской народности под одной властью.

Следует упомянуть еще одну группу текстов, в которых рассматривался вопрос о происхождении хоронимических наименований, непосредственно связанных с гипотезами о возникновении понятий, хотя их авторы стремились прежде всего определить датировку и территориальный состав не Великой, а Малой и Белой Руси / России. Это статьи ученых XIX в. (хорошо известные и часто цитируемые современными историками), к которым, как правило, сегодня обращаются как к первым научным трактовкам проблемы колористических и дуалистических наименований Руси / России. Однако этих авторов более интересовали происхождение названия «Белой Руси» / России, первые его письменные упоминания, а также средневековые и более поздние представления о Белой как одной из пяти Росий (Белой, Красной, Черной и Великой, Малой)

⁹ Ключевский В.О. Там же. Лекция I. С. 51–52.

у западноевропейских и славянских описателей. Причем эти вопросы ограничивались периодом до XVIII в. Конечно, не могли обойти вопрос о Малой Руси / России те, кто занимался историей взаимоотношений Северо-Восточной и Юго-Восточной Руси. Так, М.А. Максимович издал небольшую заметку, в которой, приводя цитаты из источников, доказывал, что «своенародные имена: Русь, русский начали заменять, по греческому произношению их, именами Россия, Российский» применительно к западнорусским областям, что они появляются много ранее присоединения их к Великой / Московской России — в 1590-х гг. — и активно функционируют в книжных изданиях и рукописях первой трети XVII в.¹⁰

В 1890-х гг. исследователи обращались в первую очередь к проблеме трактовки названий Великая и Белая Русь, столь актуальной для исторических и географических трудов XVIII в. Определяя дефиниции и время происхождения наименований, а также реконструируя границы Белой Руси / Великой Руси, они опирались на средневековые источники. Лингвист А.А. Потебня подчеркивал, что значения «Россий» в разных традициях наименований не совпадали, самым известным примером он считал название Белой Россией земель, соотносимых с Московским государством (в российской традиции с конца XVIII в. отождествляемых с Великой Россией), а Черной — Руси, вошедшей в состав польского государства, — в польских хорографических описаниях XVI–XVII вв.¹¹ Потебню, как и Татищеву, более интересовали мифологические и символические трактовки определения «белый» (свободный,

¹⁰ Максимович М.А. О названии Киевской Руси Россией // Киевские епархиальные ведомости. 1868. № 1. С. 5–9.

¹¹ Потебня А. Этимологические заметки // Живая старина. 1891. Т. 1. Вып. III. Отдел I. С. 117–128; Ламанский В.И. «Белая Русь» // Живая старина. 1891. Т. I. Вып. III. Отдел V. С. 245–250; Белая Русь // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. В 82-х т. (86 п/т) / Под ред. Е.И. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. V. СПб., 1891. С. 173–174; Грушевський М. С. Велика, Мала і Біла Русь // Україна. Київ, 1917. Кн. 1/2. С. 7–19.

вольный, незавоеванный, по цвету одежд и т. п.)¹². Этнограф-славист В.И. Ламанский в том же номере журнала «Живая старина» возводил возникновение регионимов к политониму «Русь, Россия» в XIV в., когда его, наряду со словосочетанием «Малая Русь», можно обнаружить в грамоте, выданной Юрию Галицкому, а также в хрониках (в частности, Яна Чарнковского), где упоминается *Albae Russiae*¹³; при этом у Ламанского не вызывала сомнений общеупотребительность данного понятия, появившегося много раньше и соотносимого с территорией Литовской Руси еще Гедиминова века. Подобно Татищеву и Потебне, историк был убежден, что «когда под Белой Русью понимали Русь сильную и независимую, то подразумевали не Белую Русь в собственном смысле, а русскую северо-восточную, Московскую»; в доказательство Ламанский приводит титул Ивана III — *dux Albae Russiae*¹⁴. Таким образом, резюмировал автор, «Белая Русь настоящая получила свое название не за вольности и независимость, которой не имела ни в XIV, ни в XIII вв., а по иной какой-либо причине», и европейцы подразумевали под *Wissen Russen* именно Белую Русь¹⁵. Появление понятия «Великая Русь» для обозначения отличных от «малорусских» православных епископий В.И. Ламанский относит к тому же периоду («даже в конце XIII в.»). Эти епископии соотносились с церковью тех земель, которые признавали верховную власть Московского князя. Доказательством Ламанский считает известную грамоту (1347) императора Иоанна Кантакузина князю Владимиро-Волынскому, в которой упомянуты Малая и Великая Русь, а Белая не включена в перечень не потому, что не имела собственного названия, а потому, что главной темой письма был вопрос о подчинении волынских епископов митрополиту Киевскому, который тог-

¹² Потебня А. Этимологические заметки.

¹³ Ламанский В.И. «Белая Русь». С. 245, 248.

¹⁴ Там же. С. 247.

¹⁵ Там же. С. 248.

да жил в Великой Руси. Впрочем, Ламанский признавал тот исторический факт, что изредка Белую Русь включали в состав Великой. Наименование «Великая Русь» относили, по мнению слависта, к той Руси, которая имела у себя Великого князя всея Руси и других князей Рюриковичей. Оно использовалось и как политоним — для определения державы или земли Новгородской, области Великого Новгорода¹⁶. Историк не был уверен в том, какие именно значения лексемы «великий» вкладывались в титулатуру Великого князя — прямой смысл (величина, обширность владений) или историко-номенклатурное соотнесение (по именованным некогда «великими» владениям Новгородского княжества). Однако этноним «русские» (в значении «великорусы») не вызывает сомнений у Ламанского. Он убежден, что первыми «русскими» были именно новгородцы, жители Северной Руси (окающей) и только позже определение «русские» перешло на обитателей Северо-Восточной («акающей») Руси.

Некоторые из этих гипотез были включены в статью «Белая Русь» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона¹⁷. В ней Белая Русь соотносится с русскими землями в ареале «между реками Днепром, Двиной и Друтью», а название возводится к тому же ряду переносных значений (благородный, вольный, чистый, независимый и т. п.). Автор статьи склоняется к гипотезе о взаимосвязи определения «Белая» с белым цветом, связывая его появление с языковым заимствованием от монголов (которые активно использовали колористическую хоронимику) в период монгольского ига, и упоминает об отождествлении Белой Руси с землями Владимиро-Суздальской Руси, хотя оговаривается, что само наименование «Белая Русь» появляется позже иных — не ранее титулатуры Ивана III, о чем писал еще Н.М. Карамзин¹⁸.

¹⁶ Ламанский В.И. «Белая Русь». С. 249.

¹⁷ Белая Русь // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. V (п/т. 9). С. 173–174.

¹⁸ Там же. С. 174.

Процесс структурирования русского пространства нашел отражение в одном из важнейших аспектов символической репрезентации имперской государственности — геральдике, и прежде всего в разработке концепции Большого Государственного Герба Российской империи. Важно подчеркнуть, что его создание относится к 1860-м — 1880-м гг. В первом варианте (1857) был сохранен структурный принцип, восходивший к титулатуре Ивана Грозного, а в визуальном воплощении — к его гербовой печати: вокруг двуглавого орла располагались гербы территорий, входящих в состав Московского государства. На Большом гербе на груди орла располагался щит с гербом Москвы (св. Георгий на коне, поражающий копьём змея). Окончательный вариант Большого герба был утвержден в 1882 г.¹⁹

В верхней части по дуге окружности помещались шесть щитов (три — слева и три — справа) с соединенными гербами княжеств и областей, вошедших на разных исторических этапах в состав Московского княжества. Первый щит состоит из девяти частей, в каждой из которых — герб одной из *областей и княжеств великороссийских*: Псковский, Смоленский, Тверской, Югорский, Нижегородский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский. На втором щите — соединенные гербы *юго-западных* княжеств и областей. Их три: Волынский, Подольский, Черниговский. Первый щит находится слева от центра, второй — справа, что призвано обозначить их статус в иерархии групп княжеств и областей. Как видим, в таком важнейшем историко-политическом символе, как герб, к великороссийскому ареалу отнесены не губернии, а некогда имевшие статус княжества и области, бóльшая часть которых территориально не идентична рассмотренному выше пространству великороссийского ядра: только Тверская, Нижегородская, Рязанская, Ростовская и Ярославская губернии входят в него бесспорно. Псковская и Белозерская на севере, Югорская и Удорская (часть Перм-

¹⁹ Изображение этого герба помещено на обложке книги.

ской земли, некогда принадлежавшая Новгородскому княжеству и вместе с ним вошедшая в состав Московского государства) на северо-востоке и Смоленская на западе, как было показано выше, чаще не попадают в состав этногеографического ядра.

Третий щит (в малом щите Великого Княжества Литовского) состоит из пяти гербов *белорусских и литовских* областей и княжеств (Белостокского, Самогитского, Полоцкого, Витебского, Мстиславского). Четвертый щит с гербами четырех прибалтийских областей (Эстляндии, Лифляндии, Курляндии и Семигалии в одной части, и «Корелии»). В пятом помещены гербы северо-восточных областей в малом Пермском гербе: Вятский, Болгарский, Обдорский, Кондийский. Шестой щит — герб Туркестанский²⁰.

Еще девять щитов, увенчанных коронами, — по окружности вокруг центрального изображения. На них гербы *царств*, вошедших в состав Империи, идущие слева направо (без соблюдения последовательности присоединения). Первые шесть — гербы Казанский, Астраханский, Польский, Сибирский, Херсонес Таврический, Грузинский; восьмой — Герб Великого Княжества Финляндского; девятый — родовой герб Романовых. На седьмом щите соединены гербы княжеств Киевского, Владимирского и Новгородского²¹. Именно этот, седьмой, щит, объединяя три некогда русских великих княжества в единое целое и задавая ему статус *царства*, демонстрирует, с одной стороны, политическое и историческое единство трех важнейших элементов исторической русской государственности в виде Новгородского, Киевского и Владимиро-Суздальского княжеств (последовательность которых указывала на смену государственно-политических центров русского племени), а с другой, их конечное соединение под одним скипетром. Герб Московского княжества, помещенный в центр Боль-

²⁰ Винклер фон, П.П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 год. СПб., 1900. С. 20.

²¹ Там же.

шого Герба, знаменует политическую гегемонию Москвы в объединительном процессе — ведь номинально, в административно-географическом отношении, она является частью Владимирского княжества. Герб, как видим, являлся прежде всего зримым символическим воплощением императорского титула²², полностью соответствуя всем вербальным элементам царской титулатуры. Современные исследователи отмечают логическую нестройность и непоследовательность элементов императорского титула и герба, объясняя их в том числе «барочной поэтикой» текста²³; однако, на наш взгляд, не совсем верно считать принципы включения земель в императорский титул «неясными или произвольными»²⁴: они опираются на традицию и формулы XVI–XVIII вв., и некоторые закономерности прослеживаются вполне отчетливо.

Так, иерархия и состав историко-политических элементов в структуре герба не полностью соответствуют представлениям об этногеографическом ядре, внутренней России и составе Великой России, что свидетельствует, во-первых, о незавершенности и противоречивости процес-

²² «Божиею поспешествующею милостию, Мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новгорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и вся северная страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая» (Часть первая. Глава шестая. Ст. 59 // Свод законов Российской империи. В 16-ти т. и 5-ти кн. СПб., 1912. Т. 1. С. 4–5).

²³ Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации и культурной истории России / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С. 6–12.

²⁴ Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 47.

са формирования этих представлений в различных (научном, политическом, правовом и историческом) дискурсах, а во-вторых, о неудачности избранного административно-губернского и тем более — экономико-зонального членения пространства, последовательно доминировавших в репрезентациях Российской империи и в общественном сознании образованных слоев.

Этнографические исследования трех «поколений народа русского»

На начальном этапе описаний (в единстве или по «ветвям») русского народа господствовали представления о предмете и методах народоведения, согласно которым самоидентификация этнических групп полностью игнорировалась — объективно-научной признавалась только внешняя идентификация, опиравшаяся на позицию наблюдателя / исследователя / интервьюера. Еще одна особенность народоведческого дискурса XIX в. была обусловлена методами описания этнических Других: характеристики родственных этнических групп всегда давались в сравнении. Это повлияло на принцип выявления этноспецифических черт через соотнесение с известным, знакомым, а также через фиксацию отличительных свойств с помощью сопоставления племен / народов по перечню внешних, а не функциональных признаков. При этом обнаружение различий, индивидуальных особенностей было обязательным в компаративистских штудиях этнографического характера²⁵. Подавляющее большинство описаний как великорусов, так и малорусов, а также их идентификация наблюдателем осуществлялись прежде всего на основании сравнения двух «русских племен» (исключая белорусов), несмотря на то, что очерки быта, нрава и физического типа народов Империи в научной, учебной,

²⁵ Подр. об этом: *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 66–70.

популярной литературе могли быть представлены как вместе (в одном очерке), так и по отдельности. Поэтому так называемые *племена / поколения / отрасли / ветви*²⁶ русского (то есть восточнославянского) народа описывались всегда в сопоставлении. В очерках о малорусах и великорусах, особенно после программной статьи (1847) Н.И. Надеждина²⁷, компаративность была методологически стандартизована — только так выявлялись специфические особенности облика, быта, нравов, а также языка и мышления этих двух «оттенков» русского народа. Процессы концептуализации понятий «великоросс / великорус» и «малоросс / малорус» проходили не только синхронно, но и в тесном взаимодействии друг с другом, поскольку понятия осмысливались и формулировались в рамках теории «единой русской нации», обладающей «оттенками», своеобразии которых — в соответствии с господствовавшими в науке теориями антропогеографии — складывалось в первую очередь под влиянием природно-климатических различий. В этногеографическом дискурсе эпохи такая корреляция доминировала как главный дескриптивный принцип.

В историографии конца XIX в. образование прилагательного «южнорусский» и этнонима «южнорусс» не соотносили ни с наименованием наречия / языка, ни с регионом Южная Русь, — их происхождение рассматривалось как ненаучное / ненормативное. Так, в программной для русской этнографии статье (1892) для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона Д.Н. Анучин во фрагменте, посвященном интерпретации Н.М. Костомаровым двух русских народностей, выдвигал предположение, что этноним «южноруссы» возник позже топонимических этнонимов «малороссияне» и «малорусь». Анучин не сомневался в том, что этноним «южноруссы» появился как альтернатива

²⁶ Понятия, которые использовались в научной литературе для классификации групп, составляющих триединый русский народ.

²⁷ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического Общества. СПб., 1847. Кн. 2. С. 61–115.

определениям «малороссияне» и «малоруссы» в творчестве малороссийских деятелей и имеет патриотически-идеологическую мотивацию. Анучин писал: «Название “южноруссы”, введенное, впрочем, несколько ранее Костомарова, писателями малороссийского происхождения, имело, очевидно, целью, устранив понятие о “малости” или “великости”, ввести более определенные обозначения, основанные на различии географического распространения. К этому присоединилось еще представление, развитое Максимовичем, Костомаровым и другими, что теперешние малоруссы составляют прямых потомков, и по крови, и по языку, древних южнорусских славянских племен»²⁸.

Сам же Анучин, следуя в этом вопросе за Н.И. Надеждиным, относит возникновение определений «великороссияне» / «малороссияне» к появлению пары Великая и Малая Россия (то есть к XVII в.), подчеркивая, что «различие между “велико-” и “малороссиянами” сделалось общепринятым в книжной литературе и образованном обществе, но именно в этой форме, а не в форме “мало-руссы” и “великоруссы”»²⁹. Последние именованья Анучин, напротив, считал совсем новыми, относя к 1850-м — 1860-м гг. — «отчасти вследствие оставления вообще искусственного и высокопарного имени “россияне”, а отчасти и по примеру Костомарова, который пользовался наименованиями то “северно-” и “южно-руссы”, то “велико-” и “мало-руссы”»³⁰. Действительно, появление этой пары в двух вариациях (с корнями *росс-* и *русс-*) соотносится с серединой столетия. Они, как правило, фигурируют в трех вариантах в одних и тех же текстах, но налицо тенденция к весьма кратковременному бытованию определений «великороссе» / «малороссе». Филологи могли бы точнее описать ход эволюции этих лингвонимов; отметим лишь, что преобразование

²⁸ Великоруссы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. Va (п/т. 10). СПб., 1892 (автор — Д. Анучин). С. 829.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

шло, вероятно, от корня «росс-» к корню «русс-» — по аналогии с процессами более раннего периода³¹.

Первые два тома (1890–1891) четырехтомного труда А.Н. Пыпина по истории русской этнографии имеют подзаголовок «Этнография великорусская»³², однако в самом тексте отчетливо преобладает определение «русский». Показательно, что прилагательное «великорусский» появляется только в десятой главе, в которую включен параграф «Начало малорусской этнографии», где говорится о сопоставлении «великорусского и малорусского племен в их взаимном отношении»³³ в научных изысканиях 1840-х гг. В третьем томе, полностью посвященном малорусской этнографии, А.Н. Пыпин использовал понятия «южнорусский» и «севернорусский» для обозначения своеобразия «малоросской народности», не отрицая, впрочем, концепции о триединстве русского народа. Он писал: «Русская по своей глубочайшей основе, она целые века прожила отдельно от другой русской отрасли, которой суждено было основать самостоятельное государство и стать господствующей стихией русского мира; и те особенности этнографические, которые можно угадывать еще в древнем характере южно-русского племени сравнительно с северным, развились под влиянием истории в такие своеобразные формы, которые бросались в глаза самому народу и резко отличили “хохла” от “москаля”»³⁴. Формирование различий русского «севера» (Великороссии) и «юга» (Южнороссии, Малорос-

³¹ Они освещались, в частности, в статьях А. Грищенко: *Грищенко А. Сочетаемость атрибутов «русский» и «российский» по данным Среднерусского корпуса (XV–XVII вв.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2013. № 3 (53). С. 41–42; Grishchenko A. Rus' — Rossiia, and russkie — rossiane, and russkii — rossiiskii in the Catalogue of the Kievan Metropolitans by St. Demetrius of Rostov // Slovene. 2014. № 1. P. 102–119; Грищенко А. К новейшей истории слова *россияне* // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 119–139.*

³² *Пыпин А.Н. История русской этнографии. В 4-х т. СПб., 1890–1892. Т. 1–2. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. СПб., 1890.*

³³ Там же. С. 375.

³⁴ *Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 3. Этнография малорусская. СПб., 1891. С. 1.*

сии) историк на основании заключений существующей историографии связывал с их политическим разделением в XIV в., к этому же периоду он относил складывание особенностей языка и, как следствие, этнических групп³⁵.

В созданном в конце XIX в. антропологическом очерке И.А. Пантюхова северо-русами («северо-русский тип») именуется представители великорусского племени на длительном историческом промежутке³⁶, а в очерках 1920-х гг. М.Н. Покровского мы обнаруживаем определение «северно-русь» применительно к племенным восточнославянским образованиям в описании колонизационных процессов в землях Северо-Восточной Руси. Под «северно-русами» историк подразумевал «кривичей и словен», которые, ранее смешавшись с варягами, начали освоение этих земель с севера. Они создали города Ростов и Суздаль и, сделав их опорными пунктами дальнейшей колонизации, направились на юг. Там они оказались соперниками «восточно-русов» (вятичей). Потомками первых Покровский считал суздальцев, потомками вторых — рязанцев³⁷. «Таким образом на пространстве меж верхней Волгой и Окою создалось сплошное русское население»³⁸, — резюмировал он.

Вплоть до 1880-х гг. безусловно доминирует дериват от «великороссияне» — прилагательное «великороссийский», которое, однако, использовалось (в народоописательной — подчеркнем! — литературе) для определения в первую очередь проявлений нематериальных примет народности и (реже) особенностей нрава. В текстах до 1850-х гг. нам не

³⁵ *Пытин А.Н.* История русской этнографии. Т. 3. Этнография малорусская. С. 308, 382.

³⁶ *Пантюхов И.А.* Северо-русский тип. В: *Пантюхов И.А.* Значение антропологических типов в русской истории // *Русская расовая теория. Сборник оригинальных работ русских классиков / Под ред. В.Б. Авдеева.* В 2-х вып. М., 2004. Вып. 2. С. 313–360.

³⁷ *Покровский М.Н.* Низовская колонизация Севера // *Покровский М.Н.* Прошлое Русского севера. Очерки по истории колонизации Поморья. Пг., 1923. С. 22–23.

³⁸ Там же. С. 22.

удалось найти определения «великоросский» / «великорусский» при описании различий в быте или обрядности; и вплоть до конца столетия данное прилагательное гораздо чаще использовалось в этнографических очерках для характеристики быта, фольклора и нрава, то есть сферой его бытования были описания так называемой «духовной культуры». Оба прилагательных — и «великороссийский», и «малороссийский» — фиксировали этнокультурное своеобразие фольклора (малороссийские песни, думы, эпопеи), словесности (великороссийские песни, стихи, книги, мелодии, грамота), языка / наречия (малороссийское или великороссийское наречие, речь, слова, говоры и т. п.), различных литературных жанров (малороссийская литература) и значительно реже использовались в очерках материальной культуры, хозяйственных занятий, быта.

Абсолютно доминировавший в этногеографических описаниях 1860-х — 1890-х гг. Великороссии и великорусов этноним «великорусс» (всегда с двумя «с») и его производные не исключали, однако, использования в тех же самых текстах понятия «великоросс» — часто в качестве единицы официальной номенклатуры народов Российской империи или в заглавиях очерков, репрезентирующих данную группу в масштабных общеимперских проектах.

Гораздо более трудным является вопрос о соотношении понятий «русский» и «великорус» в период (последняя треть столетия) доминирования определения «великорус». В анализируемых нами источниках с 1880-х гг. заметна, с одной стороны, тенденция к синонимизации данных значений, а с другой, понятие «русские» активно используется в качестве названия российского народа как нации, а не как этноса. Противоречивость словоупотребления отмечалась деятелями образования и культуры. Красноречивая иллюстрация содержится в критическом отзыве одной из известных деятелей народного просвещения А.М. Калмыковой (в те годы — учительницы грамоты в Харькове) на серию популярных брошюр для солдатского и народного чтения в издании «Мирского вестника» (1871–1880), посвя-

щенных этногеографическим описаниям различных регионов Российской империи. Возмущаясь призывами авторов к необходимости обрусения (в частности, Прибалтийского края), она пишет: «Слишком часто забывают у нас о том, что в смысле этнографическом словом *русский* обозначается всякий человек русского происхождения, т. е. великоросс, малоросс и белорус; но слово *русский* существует и в смысле политическом, и в этом смысле обозначает всех подданных Русского государства, к какой бы национальности они ни принадлежали...»³⁹.

Проблемы формирования антропологической специфики трех составных частей русского народа

Стереотипным для народоописаний, начиная с 1840-х гг. и вплоть до конца столетия, становится утверждение о бесспорном отсутствии славянской «чистоты» антропологического облика и у великорусов, и у малорусов (в отличие от белорусов): «Славянский тип русского народа подвергался изменению, благодаря влиянию местностей и соседей, и дошел, наконец, до того, что ... великорусское племя стало... отличаться от малорусского, ... но воздействие племен чуждых на образование народа русского типа несомненно. Русские этнологи никогда не отрицали смешанного происхождения господствующей расы Империи»⁴⁰. В этнографическом очерке о великорусах конца столетия также отмечена «большая примесь инородческой крови в жилах великорусской народности», в составе которой «преобладает примесь финнов, затем тюрков»⁴¹.

³⁹ VI. Отдел географический // *Алчевская Х.Д.* Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. В 3-х т. СПб.; М., 1884–1906. Т. 1. СПб., 1884. С. 11 (в каждом из отделов своя пагинация).

⁴⁰ *Кюн К.* Народы России. СПб., 1888. С. 6.

⁴¹ Народы России. Общий очерк // Народы Земли. Географические очерки жизни человека на Земле / Под ред. А. Острогорского. В 3-х кн., 4-х т. СПб., 1901–1903. Кн. 3. Т. 4. Россия. СПб., 1903 (автор — *Н. Березин*). С. 4.

Если в жилах великорусов течет финская кровь, то малорусы несут в себе явные черты и свойства «кавказцев» или «азиатцев»⁴². Влияние «азиатской крови» на антропологический тип малорусов, то есть их смешение с племенами азиатского происхождения», не подлежало сомнению. Н.И. Надеждин писал, что в «казачестве» многое «отзывается чистой Азией»⁴³. М.А. Максимович вслед за многими современниками усматривал в малороссах влияние «типа азиатцев», выразившееся в необузданной дикости и жажде набегов⁴⁴. А.С. Афанасьев-Чужбинский не отвергал мнения об «азиатском» воздействии на антропологический малороссийский тип, однако полагал, что на народном характере оно почти не отразилось⁴⁵. Впрочем, определения «азиаты» и «азиатский» в антропологическом отношении понимались весьма широко. В частности, А.С. Афанасьев-Чужбинский именовал так лишь «обитателей Кавказа», а для М.А. Максимовича «азиаты» синонимичны «тюнкам»⁴⁶. Таким образом, считалось, что процесс метисации и у малорусов, и у великорусов происходил еще на раннем этапе этногенеза: «Следы исторических скрещиваний во времена очень отдаленные, южнорусского народа с печенегами и хозарами, с тюрками, берендеями и черными клобуками, с горскими ногаями и татарами» привели к тому, что среди малорусов можно встретить «совершенно татарские типы»⁴⁷. Племенное своеобразие

⁴² Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию. В 2-х ч. СПб., 1863. Ч. 1. Очерки Днепра. С. 7; Чужбинский П.П. Малоруссы (статистика, сельский быт, язык) // Чужбинский П.П. Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом. В 7-ми т. СПб., 1877–1878. Т. 7. СПб., 1877. С. 345.

⁴³ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской. С. 80.

⁴⁴ Максимович М.А. О малороссийских народных песнях. Предисловие // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х т. Киев, 1876–1880. Т. 2. Киев, 1877. С. 440.

⁴⁵ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию. Ч. 1. С. 7.

⁴⁶ Подробнее об этом: Александровский И.С., Лескинен М.В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в российской литературной и научной публицистике XIX в. // Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 172–243.

⁴⁷ Очерк I. Малороссийское племя // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом

малорусов и великорусов объяснялось именно наличием разных этнических «примесей»: финской — у русских «северян» и «татарской», «турецкой» или «тюркской» — у русских «южан»⁴⁸. Антрополог И.А. Пантюхов подчеркивал важность физического слияния с неславянами в процессе формирования различий великорусского и малорусского этнографических типов. При этом он шел намного дальше Н.И. Костомарова и утверждал, что физическими отличиями обусловлены особенности менталитета, характера, отношения к власти, форм общественного устройства и политических образцов⁴⁹.

Впрочем, и в начале XX столетия в статье об этническом составе России подчеркивалось, что хотя в крови великорусов течет кровь финно-угров и татар, однако «крупные расхождения и различия» между «хохлом и москалем» определила не она, а «главным образом иная, скудная почвою природа и вызванные ею особенности в быте, занятиях и промыслах, равно как и различие в исторической судьбе после татарского погрома»⁵⁰.

Оценка результата осуществленного племенного объединения / слияния зависела в основном от того, как соответствующий автор относился к расовой и антропогеографической теориям. Последняя, в частности, обосновывала прямолинейную и обязательную зависимость облика,

---

значении. Под общей редакцией П.П. Семенова, вице-председателя Императорского Русского географического общества. В 12-ти т. (19 кн.). СПб.; М., 1881–1901. Т. V. Ч. 1. Малороссия, Подолия и Волынь (Полтавская, Черниговская, Волынская, Херсонская и Киевская губернии). СПб.; М., 1897. С. 6; об этом же: *Чубинский П.П.* Малоруссы. С. 345; о том же очень часто — в описаниях малорусов. Хрестоматийное описание содержится в: Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения. По лекциям М. Владимирского-Буданова сост. и издал преподаватель гимназии во Владимирской киевской военной гимназии А. Редров. Киев, 1867. С. 321.

⁴⁸ См., в частности: Великоруссы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. С. 831.

⁴⁹ *Пантюхов И.А.* Значение антропологических типов в русской истории. С. 322–325.

⁵⁰ Россия. Племенной состав // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С.Н. Южакова. В 20-ти т. СПб., Лейпциг, 1900–1907. Т. 16. СПб., 1904. С. 459.

склада характера и типа хозяйственной деятельности от природных условий — следовательно, приобретение славянами Восточной Руси некоторых качеств, умений и черт психотипа финно-угров вполне могло быть объяснено влиянием природно-климатических факторов, сходно воздействовавших на представителей разных племен. Так полагал, в частности, этнограф-славянофил А.Ф. Риттих, подчеркивавший, что предприимчивость, сметку и крепость духа великорусы обрели, осваивая земли обитания финских народов⁵¹. О том же писал В.О. Ключевский в своем очерке о характере великоросса⁵².

Ключевский усматривал воздействие финского («чуждого») элемента во внешнем облике, говоре, обычаях и нраве великорусов — то есть во всех «физических и нравственных особенностях» племени⁵³. Соответственно, некоторые исследователи настаивали, что великорусов как антропологического типа попросту не существует⁵⁴, ибо факт, что «великорусская народность образовалась из смешения славянских поселенцев, пришедших с запада и юго-запада с различными племенами финскими, монгольскими, тюркскими»⁵⁵ рассматривался как этноисторический; дискуссии шли вокруг последствий и степени заимствований в разных областях (во внешнем облике, характере, склонностях и пр.). Так, А.П. Шапов, рассуждая об истории великорусского народа, сформулировал проблему более жестко, предлагая различать политическую историю «жителей Русской земли», подданных Московского / Российского государства (то есть русской нации), и этнографическую историю великорусского племени (то есть великорусского

⁵¹ Риттих А.Ф. Этнографические очерки Харьковской губернии. Харьков, 1892. С. 8.

⁵² Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть первая. Лекция XVII. С. 295–297.

⁵³ Там же. С. 299–303.

⁵⁴ Богданов А.П. Антропологическая физиогномика // Русская расовая теория до 1917 г. Вып. 1. С. 130, 134.

⁵⁵ Реклю Э. Европейская Россия // Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. В 19-ти т. СПб., 1877–1896. Т. V. Вып. II. СПб., 1883. С. 15.

этнуса): «Когда мы говорим — история великорусского народа, то ... прежде всего рождается вопрос: да будет ли то история великорусского народа, когда, обозревая полный цикл фактов ее исторической жизни, мы то и дело будем встречаться ... с многочисленными, разнообразными племенами финскими и турко-татарскими, которые и доселе еще населяют целые области и сплошными массами пестреют среди русского народонаселения? Будет ли та история одного великорусского народа, когда мы неизбежно будем говорить о целых царствах инородческих...»⁵⁶. (Однако Шапов выделяет и общее поле этих двух историй: «первый результат» смешения славян и финно-угров на землях Северо-Восточной Руси он усматривает в «единогласном призвании князей»⁵⁷.) И сорок лет спустя А.А. Ивановский, исследовавший уже строго научными антропометрическими методами физические типы народов России, утверждал: «Русские, соприкасаясь на громадном пространстве своего расселения с целым рядом инородческих племен, во многих местах успели подвергнуться большему или меньшему влиянию инородческой крови, и анализ физических черт русских, произведенный только на них одних, не был бы в состоянии с необходимой точностью уяснить ... значение всех тех элементов, из которых слагается тот или иной антропологический тип»⁵⁸. В конце XIX в. категорично высказался на эту тему П.Н. Милюков — представитель новой генерации историков: «Гораздо больше, чем “кровь”, в создании современных национальностей должна была участвовать “природа”, окружающая обстановка, т. е. главным образом климат, затем почва и другие географические условия»⁵⁹.

---

⁵⁶ Шапов А.П. Вступительная лекция А.П. Шапова, читанная им в Университете 12 ноября 1860 г. // Шапов А.П. Неизданные сочинения. Казань, 1926. С. 15.

⁵⁷ Там же. С. 16.

⁵⁸ Ивановский А. Об антропологическом изучении инородческого населения России // Русский антропологический журнал. 1902. Кн. IX. Т. 1. № 3. С. 114.

⁵⁹ Милюков П.Н. Очерки истории русской культуры. В 4-х ч. СПб., 1896–1903. Ч. 3. Вып. 1. Национализм и общественное мнение. СПб., 1901. С. 4.

Лингвистическая классификация восточнославянских языков / наречий и ее влияние на формирование так называемых национальных проектов (украинофильства и западнорусизма)⁶⁰

В начале XIX в. классификации языков и наречий племен Российской империи Е.Ф. Зябловский использовал два критерия: антропологический и лингвистический, однако второй считал более важным (он «достовернее»⁶¹): «Разделение народов основано наипаче ... на разнице языков»⁶². Важным критерием является понимание устной речи, что влияет на избрание «господствующего», то есть государственного языка: в России «говорят российским как господствующим языком, разделяющимся на некоторые наречия, но не столь отдалившиеся между собою, как, например, в Немецкой земле: поелику нимало не препятствуют оные новгородцу разуметь сибиряка, а сему малороссиянина и белоруса»⁶³.

Еще одним ключевым вопросом этого времени стала проблема соотношения церковно-славянского, славянского и русского (словено-русского / славяно-российского) языков⁶⁴. М.Т. Каченовский, возводя появление славянских народов в Европе к V–VI вв. н. э., полагал, что они говорили уже на различных, хотя и близкородственных, наречиях, отличных от первоначального славянского языка⁶⁵,

⁶⁰ Данный параграф представляет собой краткое изложение истории языковых восточнославянских классификаций из: *Лескинен М.В.* Великоросс / великорус. Очерки конструирования этничности. Век XIX. М., 2016. Гл. 3.

⁶¹ *Зябловский Е.Ф.* Землеописание Российской империи для всех состояний. В 6-ти ч. СПб., 1810. Ч. 2. С. 4.

⁶² Там же.

⁶³ *Зябловский Е.Ф.* Новейшее землеописание Российской империи. В 2-х т. СПб., 1807. С. 140.

⁶⁴ *Булич С.К.* Очерк истории языкознания в России. Т. 1. XIII в. — 1825. СПб., 1904. Т. 1. С. 772–773.

⁶⁵ *Каченовский М.* О славянском и в особенности церковном языке // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1817. Ч. VII. Кн XI. С. 5–27.

от которого произошли все современные славянские языки, и русский в том числе. В IX в. н. э. в первых славянских государствах также говорили на наречиях «ныне нам неизвестного коренного славянского языка»⁶⁶, а «церковный язык ... сделался книжным или письменным ... уже из наречия, а не из коренного, не из первобытного языка славянского»⁶⁷. С.К. Булич отмечал, что эту версию о двух языках, книжном церковно-славянском, более близком к коренному славянскому, и «русском особенном наречии», разделял и Н.М. Карамзин⁶⁸. М.Т. Каченовский, однако, принимал мнение чешского ученого Й. Добровского, что «нынешний церковный наш язык есть старинное сербское наречие»⁶⁹. С этим категорически не соглашался К.Ф. Калайдович, убежденный в том, что и разговорный сербский так же отличается от языка церковной службы, как русское наречие⁷⁰.

Н.И. Греч в «Опыте краткой истории русской литературы»⁷¹ тоже подробно останавливается на проблемах лингвогенеза. Резюмируя общее состояние научных представлений о нем, он утверждал, что славянский язык имеет общее «азиатское» происхождение с другими европейскими языками. В глубокой древности существовало, по мнению Греча, одно наречие, позже разделившееся на две группы: восточное (славянское) и западное (антское)⁷², от которых уже сформировались многочисленные «отрасли». В составе славянской группы Греч выделял восточную и западную отрасли, к первой относя русский, церковно-славянский,

⁶⁶ Каченовский М. О славянском и в особенности церковном языке // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1817. Ч. VII. Кн XI. С. 16.

⁶⁷ Там же. С. 15.

⁶⁸ Булич С.К. Очерк истории языкознания. С. 775.

⁶⁹ Каченовский М. О славянском. С. 26.

⁷⁰ Калайдович К.Ф. О древнем церковном языке славянском // Труды Общества любителей Российской словесности при Императорском Московском университете. 1822. Ч. XXII. С. 57–71.

⁷¹ Греч Н. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822.

⁷² Там же. С. 11.

сербский (состоящий из сербского, боснийского болгарского, славонского, долматского, черногорского и др. наречий), кроатский и краинский языки.

Интересна проведенная Гречем классификация русских наречий. Главным он объявлял великороссийское наречие, кроме него отмечал еще несколько «второстепенных», из которых «важнейшим» представлял малороссийское, «различествующее от главного многими выражениями, оборотами и грамматическими формами»⁷³. На белорусском наречии, по мнению ученого, говорят жители Волыни и Литвы, и то же наречие, именуемое «русским», было книжным языком некоторых писателей XVI–XVII вв. Близкими к великороссийскому наречию и мало отличными от него Греч считал суздальское, олонекское и новгородское⁷⁴. Великороссийское и малороссийское наречия, таким образом, выступают как равные единицы одного языка — в сущности, представляя в качестве диалектов русского, однако их статус различен. «Великороссийское наречие» у Греча, как видим, содержательно совпадает с московским.

Одна из серьезных, но далеко не первая из научных классификаций и описаний языков в России была опубликована в работе 1820 г., ее автором был Ф.П. Аделунг⁷⁵. Он относил «русские наречия» к славянской группе и полагал, ссылаясь на труды А.С. Шишкова, что их существует всего два: суздальское и украинское. П.И. Кеппен в своем критическом обозрении труда Аделунга подчеркивал, принимая норманскую теорию происхождения руссов, что «коренной славянский язык наш везде претерпел изменения, соответственно обстоятельствам мест и времени», но самые главные «изменения произошли ... от языка древних руссов, коих норманские или скандинавские слова ... заступили место славянским»⁷⁶. Он считал, что изменения

⁷³ Греч Н. Опыт краткой истории русской литературы. С. 12–13.

⁷⁴ Там же. С. 14.

⁷⁵ Аделунг Ф.П. Обзорение всех языков и наречий. СПб., 1820.

⁷⁶ Обзорение всех языков и наречий, составленное Ф.П. Аделунгом. Донесение П.И. Кеппена. СПб., 1820. С. 22–23.

этого славянского языка в разных регионах Европейской России происходили по-разному, в зависимости от включения в его состав слов неславянских языковых групп — простым, механическим заимствованием. Поэтому Кепшен предполагал, что под «кривичским» Аделунг, скорее всего, понимал наречие, употребляемое в Белоруссии. Сам Кепшен представлял его как «нечто среднее» между малороссийским и польским⁷⁷, а малороссийскому приписал включение множества слов «немецкого происхождения», а также влияние «латинского языка науки»⁷⁸. В том говоре, который можно соотнести с собственно великорусским (суздальским), он усматривал еще один источник «слияний» — язык завоевателей (татар и монголов): «северная или, лучше сказать, собственно так называемая Великороссия и в особенности восточные губернии оной, более приняли слов татарских, нежели Малороссия»⁷⁹. Разумеется, что и «финские, и чудские слова» также не могли «не войти в слияние» со славянским в еще более ранние времена. В такой интерпретации 1820-х гг. отчетливо прослеживается теоретическая схематизация, присущая и разработке этнических иерархий: близкородственные региональные этнические группы трактовались как образовавшиеся в результате завоевания одним народом другого или физического «смешения» разных племен. А языки, согласно этой логике, также могли формироваться путем «смешения» — то есть активного заимствования.

Однозначно установить место русского / российского языка в этой системе к 1820-м гг. не удалось. Самой сложной и спорной частью идентификации языка была методика выявления заимствований: на рубеже веков она опиралась на сравнительный анализ в первую очередь лексического состава. Сравнением языков, казавшимся

⁷⁷ Обзорение всех языков и наречий, составленное Ф.П. Аделунгом. Донесение П.И. Кепшена. С. 22.

⁷⁸ Там же. С. 24.

⁷⁹ Там же. С. 23.

довольно очевидным и простым способом идентификации племенного и лингвистического родства, руководствовались многие и разные по уровню компетентности авторы 1820-х — 1830-х гг.: обнаружив какие-либо сходства между языками, они объявляли их заимствованием, в особенности если оно могло быть подтверждено известными историческими процессами (завоеваниями, некогда общей государственностью, длительным соседством и т. п.). Свое мнение о происхождении языков на основании «смешения» высказывали как историки и филологи, так и наблюдатели и путешественники (ученые и обыватели), опираясь на сравнение и с родственными, и с инородными языками. Обнаружение «чуждых» слов давало основания полагать, что они заимствованы, а их значительный количественный состав порождал заключения о «промежуточном», переходном характере, несамостоятельности языка. В первой половине столетия считалось возможным установить «коренные» и привнесенные элементы в родственных славянских языках, не прибегая к специальным аналитическим процедурам, а опираясь исключительно на собственный опыт и произвольное сравнение со своим родным языком — оценивая в первую очередь понятность и фонетические особенности речи, — то есть по «внешним», «на слух», признакам. Наблюдатель воспринимал их как отличные от «своей» речи или непонятные (такая квалификация была явно произвольной, поскольку диктовалась субъективными представлениями о языковой норме — как литературной, так и разговорной). Здесь можно провести аналогию с установлением путешественником этнической принадлежности изучаемого объекта на основании собственного визуального наблюдения; «на глаз», как полагали народоописатели вплоть до конца XIX в., возможно определить этнического «своего» и «чужого», а по физическому облику и костюму — выявить региональные инварианты этнического типа и даже близкое или дальней родство племен / народов. Следует подчеркнуть, однако, что сравнительно-исторические исследования языков отнюдь

не ограничивались сопоставлением лексики, гораздо более важную роль играли морфология и фонетика, но для не искушенных в филологических изысканиях авторов такой анализ не был доступен.

Так порождалась свобода не только идентификации и утверждений, но и оценок (чистые и смешанные языки и физические типы). Путешественник и автор записок о Малороссии А.И. Левшин, например, не приводя никаких дополнительных аргументов, кроме понятности для «великороссиянина» (то есть его самого), постулировал: малороссийский язык происходит от «древнего славянского, но смешан с немецкими, латинскими и польскими, перековерканными словами, отчего делается почти непонятным великороссиянину»⁸⁰. Отношение к малороссийскому наречию как к русскому, «испорченному» польским влиянием, было довольно распространено в первой трети XIX в. Так, малороссийское наречие объявлялось занимающим «середину» между польским в связи с тем, что в него вошло множество польских слов и оборотов⁸¹; или же «русским, испорченным внешним влиянием»: «В Малороссии и за Днепром вследствие господства польского языка явилось искажение русского языка», в то время как язык славянский оставался в церковных книгах⁸².

Н.И. Греч в «Опыте истории русской литературы» писал: «Малороссийское наречие родилось и усилилось от долговременного владычества поляков в Юго-Западной России, и может даже называться областным польским»⁸³. Издатель журнала «Отечественные записки» П.П. Свиньин характеризовал малороссийский язык как довольно звуч-

⁸⁰ Левшин А.И. Письма из Малороссии. Харьков, 1816. С. 78.

⁸¹ Каченовский М. Рец. на: Исследования банного строения, о котором повествует летописец Нестор. СПб., 1809 // Вестник Европы. 1810. Ч. XLIX. Кн. 1. С. 60–70.

⁸² Каченовский М. Взгляды на успех российского витийства в первой половине истекшего столетия // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1812. Ч. I. Кн. XI. С. 24.

⁸³ Греч Н.И. Опыт краткой истории русской литературы. С. 12.

ный, находящийся гораздо ближе к церковнославянскому, нежели русский; различия между русским и малороссийским Свиньин объяснял не западным, польским, а татарским влиянием: в нем он обнаружил обилие «принятых им татарских слов»⁸⁴. И позже И.А. Кулжинский также усматривал в малороссийском «нечто среднее между польским языком и русским, так точно, как уния в свое время была среднею религиею между католичеством и православием»⁸⁵. Закономерным казался в этом случае и вывод о том, что «по присоединении Малой Руси к Великой влияние польской словесности ощутительно ослабевало»⁸⁶.

Через год, в статье для Энциклопедического лексикона (1837), Н.И. Надеждин идет дальше. Ссылаясь на классификацию славянских языков, сделанную чешскими учеными, и опираясь на укрепившуюся концепцию о лингвистическом факторе как решающем для определения этнической идентификации племени, он без всяких комментариев отождествляет позицию племени в этнической иерархии с положением его наречия в лингвистической системе. Иначе говоря, народу соответствует язык, племени в составе народа — наречие. Считая необходимым привести установившуюся в современной науке точку зрения, Надеждин приводит мнение критиковавшегося им ранее Й. Добровского о делении языков и переносит его на племена: относит славяно-руссос (или «просто русских, как он (народ. — *М. Л.*) зовет сам себя»⁸⁷) «к юго-восточному племени всего семейства славян», иначе называемого «антским» — в отличие от северо-западного, или собственно славянского⁸⁸.

⁸⁴ Свиньин П.П. Из живописного путешествия по России. Полтава // Отечественные записки. 1830. Ч. 42 (№ 120). С. 34.

⁸⁵ Кулжинский И. Южнорусский элемент как предмет торговли // Кулжинский И. О зарождающейся, так называемой, малороссийской литературе. Киев, 1863. С. 20.

⁸⁶ Каченовский М. Взгляды на успех российского витийства. С. 27.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Н.Н. [Надеждин Н.И.] Великая Россия // Энциклопедический лексикон / Под ред. Н.И. Греча и О.И. Сенковского. Изд. А.А. Плюшара. В 17-ти т. (не окончено). СПб., 1834–1841. Т. IX. СПб., 1837. С. 265.

Однако тут же оспаривает данную концепцию, вновь заявляя, что «все заставляет признать в славяно-руссах особое, самостоятельное племя славян: племя восточное, равно-степенное и юго-западному ... и северо-западному»⁸⁹. Обширное пространство и активное расселение, утверждает Надеждин, не могли не привести к контактам с народами «чуждого происхождения», что сформировало «разные поколения» этого восточного славянского племени. Наибольшее число «характеристических особенностей» получило то из них, что сложилось на северо-западе, оно и составило нынешний «великороссийский народ», отличный от малороссийского (на юго-западе) и белорусского (на севере). Таким образом, Н.И. Надеждин в этой статье представляет череду последовательных отождествлений, которые, не вступая в значительное противоречие со схемами эволюции языков и племен (ранее предлагавшимися различными исследователями), создают принципиально новое качество. Лингвистическая единица соответствует племенной (то есть этнической) общности; следовательно, элементы первой можно соотнести с элементами второй. Важно подчеркнуть, Надеждиным в данной работе впервые использована собственная, отличная от чешских авторов, этнографическая таксономия: семейство (славяне) — племена (восточное или славяно-русское, юго-западное и северо-западное), каждое из которых состоит из поколений или народов. Так оказывается, что восточное, или славяно-русское, племя подразделяется на три *поколения*, или *народа*.

Интересно, что собственно языковая классификация русского племени, соответствующая этнографической, помещена Надеждиным в другую часть статьи, после подробного этнографического очерка. В ней говорится, что «великорусский язык нельзя назвать наречием; это особая ветвь славяно-русской речи. Он отличается от малороссий-

---

⁸⁹ Н.И. [Надеждин Н.И.] Великая Россия // Энциклопедический лексикон / Под ред. Н.И. Греча и О.И. Сенковского. Изд. А.А. Плюшара. В 17-ти т. (не окончено). Т. IX. С. 265.

ского и белорусского не только грамматическими особенностями в словопроизводстве и словосочинении, но даже резко своеобразностью в самой физиологической организации звуков»⁹⁰. «Отделение великороссийского языка произошло не от случайной примеси чуждых, иноязычных элементов, а было естественным следствием влияния северной природы...»; «славяно-русская основа гораздо в нем чище»⁹¹. Однако такой же явственной системы терминов, как в этнографической таксономии, в языковой надеждинской системе отчетливо не прослеживается. В частности, довольно трудно установить закономерность применения им терминов «язык», «наречие» и «речь» в определениях русского и великороссийского.

В этой же статье Надеждин окончательно формулирует идею, которую он впервые высказал годом ранее: «Русская речь отличается от прочих славянских языков тем, что занимает средину между двумя обширными ветвями, на которые разделил их Добровский и вслед за ним Шафарик»⁹², ведь «отличительные признаки обоих родов славянских наречий, юго-восточного и северо-западного ... встречаются совокупно в языке русском. И нигде это совмещение ... не обнаруживается ярче, как собственно у великороссиян...»⁹³.

Высказывается Надеждин и по поводу другой актуальной проблемы — о соотношении церковно-славянского и великорусского языков. «По причине сосредоточения первой книжной образованности в духовенстве, распространявшейся на северо-восток с юга, из Киева, язык великороссийский долго не был письменным. Древнейшие новгородские памятники ... обнаруживают господствующее влияние южно-славянского характера в правописании и словосочи-

⁹⁰ Н.Н. [Надеждин Н.И.] Великая Россия // Энциклопедический лексикон / Под ред. Н.И. Греча и О.И. Сенковского. Изд. А.А. Плюшара. В 17-ти т. (не окончено). Т. IX. С. 273.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 273–274.

⁹³ Там же. С. 274.

нении, которое, однако ... все более слабеет, по мере усиливающегося расторжения политических связей восточной Руси с Киевом», а позже «Москва сделалась колыбелью самобытного ... великороссийского языка как в живой речи, так и на письме». Таким образом, он отождествляет русский и великорусский языки на определенном историческом этапе. Со времени правления Дмитрия Донского, считает Надеждин, официальным письменным языком документов становится великороссийский, «с небольшими церковно-славянскими промолвками»⁹⁴. Довольно долго, как полагал автор, великорусская речь развивалась стихийно, без грамматик, а великороссийский язык был областным до XVIII в.⁹⁵ В этом он, несомненно, опирался на бытовавшее в российской науке мнение, сформулированное еще в 1820 г. А.Х. Востоковым, который аргументировал гипотезу о выделении русского языка из церковно-славянского и складывании его в новом виде на «среднем» этапе эволюции именно при Дмитрии Донском, считая, что «новейший этап» его развития наступает в XVIII в.⁹⁶

Проблема лингвистической классификации, столь однозначно решенная Н.И. Надеждиным в декларативной форме — о выделении русского языка в отдельную группу славянских языков, явно требовала более тщательного научного рассмотрения. Особенно важное место рассуждения о позиции русского языка в системе славянских языков занимали в статье (1838)⁹⁷ М.А. Максимовича. Критикуя систематизацию славянских языков Й. Добровского и П. Шафарика, он, ссылаясь на рассмотренные выше ста-

⁹⁴ Н.Н. [Надеждин Н.И.] Великая Россия // Энциклопедический лексикон / Под ред. Н.И. Греча и О.И. Сенковского. Изд. А.А. Плюшара. В 17-ти т. (не окончено). Т. IX. С. 274.

⁹⁵ Там же. С. 276.

⁹⁶ Востоков А.Х. Рассуждения о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оною письменным памятникам // Востоков А.Х. Филологические наблюдения. СПб., 1865. С. 13.

⁹⁷ Максимович М.А. Критико-историческое исследование о русском языке (1838) // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. Киев, 1880. С. 3–24.; Максимович М.А. Начатки русской филологии // Там же. С. 25–155.

тьи Н.И. Надеждина и «Историю Богемии» Ф. Палацкого (в которой тот, по его мнению, помещал русский язык в отдельную, третью, названную им восточной, группу славянских языков, наряду с юго-западной и северо-западной), одобрял эту новую классификацию. Однако Максимовичу все же не импонировало включение русских языков в самостоятельную ветвь под именем восточнославянских, он остановился на двучленной схеме («двух половин» «словенских языков»): восточного, или русского, «разряда» и всех остальных, именуемых западным «разрядом»⁹⁸. Максимович настаивал на том, что язык русский следует рассматривать «наравне с языками юго-западного разряда, как самостоятельную (восточную) половину всего круга языков словенских...»⁹⁹. Носителей языка он распределил на две соответствующие группы: северо-восточные словены (северные руссы), подразделяемые на носителей великорусского и литовско-русского или белорусского языков, и юго-восточные словены (или южные руссы), говорящие на южнорусском языке, разделяющемся на малороссийское (украинское) и червонорусское (галицкое) наречия¹⁰⁰. Таким образом, получается, что русский язык состоит из трех языков, один из которых включает два наречия. Сам термин «наречие» применительно к южнорусскому языку был для Максимовича неприемлем, поскольку в его понятийной системе обозначал «диалект»¹⁰¹. Классификация Максимовича исходила из его видения истории восточнославянских племен¹⁰².

⁹⁸ Термин «разряды», однако, появляется у него в статье «Начатки русской филологии».

⁹⁹ Максимович М.А. Критико-историческое исследование. С. 23.

¹⁰⁰ См.: Там же. С. 23.

¹⁰¹ Максимович М.А. Начатки русской филологии. Статья вторая. О степенях сродства между наречиями // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. С. 58–59.

¹⁰² Максимович М.А. Откуда идет русская земля, по сказанию несторовой повести и по другим старинным писаниям и рукописям (1837) // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х т. Киев, 1876. Т. 1. С. 5–92; Максимович М.А. О происхождении варяго-русов (Письмо к М.П. Погодину) // Там же. С. 93–110.

Русские / восточные языки, таким образом, оказываются одной из двух славянских групп. Иначе говоря, в этом делении русский язык тоже «повышает» свой статус — как в сравнении с классификацией Шафарика, так и в сравнении с делением Надеждина. Выделяя русский язык в самостоятельную таксономическую единицу, Максимович, кроме того, решительно настаивает на том, что малороссийское наречие есть «*язык особый*». Поэтому языки «восточных или русских словен» делятся им на два разряда и три языка: 1-й разряд — северно-русский, или северо-восточный, состоящий из: а) великорусского *языка* с четырьмя наречиями; б) литовско-русского, или белорусского, *языка*, и 2-й разряд — южнорусский, или юго-восточный, к которому принадлежит третий (южнорусский) *язык* с двумя наречиями¹⁰³ (выделено автором. — М. Л.). При этом Максимович ссылался на утверждение Надеждина, который подчеркивал, что язык великороссиян следует именовать не наречием, а языком.

В статье «О системе славянских наречий» (1845) Максимович строил аргументацию с опорой именно на указанную рецензию И.И. Срезневского, по-прежнему не разделяя предложенного им деления¹⁰⁴. Он скорректировал собственную классификацию славянских языков в 1838 г., несколько упростив структуру: отказавшись от трехчастного деления, возвратился к раннему двучастному, отвергнув излишне дробное разделение каждой из частей. Теперь русская речь состоит у него из южнорусской (то есть малорусской) и севернорусской (то есть великорусской) ветвей, каждая из которых делится на два наречия. Первая — на украинское и северское, вторая — на великорусское и белорусское, в которых можно выделить подречия более низкого уровня¹⁰⁵.

¹⁰³ Максимович М.А. Критико-историческое исследование. С. 8.

¹⁰⁴ Максимович М.А. Начатки русской филологии. Статья первая. О системе славянских наречий. С. 45–46.

¹⁰⁵ Там же. С. 46–48.

В своей более поздней работе 1849 г. филолог писал о двух главных русских наречиях (северном / великорусском и южном / малорусском), каждое из которых он также делил на восточный и западный подвиды. Однако, в отличие от Максимовича, Срезневский именовал их наречиями, а не языками. Стоит отметить, что в его терминосистеме такое наименование было значимым и он довольно четко иерархизировал данные таксономические единицы. Критериями для него выступали время и истоки формирования степени различий: «Давни, но не испоконны черты, отделяющие одно от другого наречия северное и южное — великорусское и малорусское; не столь уж давни черты, разрознившие на севере наречия восточное — собственное великорусское и западное — белорусское, а на юге наречие восточное — собственно малорусское и западное — русянское, карпатское; еще новее черты отличия говоров местных, на которые развилось каждое из наречий русских ... нимало не нарушают своим несходством единства русского языка и народа... Их несходство вовсе не так велико, как может показаться...»¹⁰⁶. Следует заметить, что и в 1878 г. А.С. Будилович согласится с мнением своих предшественников — Надеждина, Срезневского и Максимовича — в вопросе выделения русского языка в отдельную группу славянских языков (восточную), но все в той же двучленной системе славянских наречий — в то время как в российском языкознании восточнославянская группа уже рассматривалась (наряду с южно- и западнославянской) как одно из трех славянских наречий¹⁰⁷.

В статье Надеждина о предмете и методах исследования народности язык также был признан важнейшим критерием внешней этнографической идентификации человеческих сообществ: «До сих пор ... не открыто другого вернейшего и удобнейшего средства различать и опо-

¹⁰⁶ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. С. 34–35.

¹⁰⁷ Будилович А.С. Введение // Будилович А.С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикографии. Киев, 1878. Ч. 1. С. X.

знавать “народы”, как по их “языку”»¹⁰⁸. Надеждин указывал на строгое соответствие уровней развития языка этапам эволюции «народности» (от больших общностей к их составляющим): народы, поколения, племена обладают соответственно языками, наречиями и подречиями¹⁰⁹. В «этнографической лингвистике» или «лингвистической этнографии» (то есть «в этнографическом изучении языка») Надеждин видел одну из отраслей этнографической науки и предписывал ей решение нескольких задач. Во-первых, создание языковых классификаций и приведение их в соответствие с этническим делением. Во-вторых, он уточнял, что только «язык народа» «был, так и останется навсегда — главным залогом и главным признаком народности», поэтому необходимо осуществить процедуру различения в языке и в самой литературе «языка по преимуществу народного» и литературы «в ... собственном смысле “народной”»¹¹⁰. Предмет этнографического изучения Надеждин ограничивал «устным словом», «живым языком» во «всенародном», «простонародном» употреблении.

Важно подчеркнуть, что вопрос о языке оказывался главным и в наиболее сложном и актуальном для русской науки периода нацистроительства процессе изучения русского народа как единого этнокультурного целого, разделяемого, тем не менее, на несколько групп в соответствии с главным критерием — языковым. Наиболее сложным и противоречивым уже на этом этапе становится толкование языковых элементов как частей единого целого, выражающих состав и родство, и в первую очередь — трактовка языка и наречия.

В Большой энциклопедии под редакцией С.Н. Южакова указывалось, что точную датировку выделения русского из других славянских наречий установить невозможно, но

¹⁰⁸ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического Общества. 1847. Кн. 2. С. 67.

¹⁰⁹ Там же. С. 68.

¹¹⁰ Там же. С. 69.

что оно произошло не ранее середины XI в. — то есть относилось к периоду появления первых известных русских письменных памятников. Время складывания наречий русского языка также неизвестно, но схема разделения представлена следующая: с древнейших времен существуют три группы говоров, именуемых по географическому расположению территорий их носителей: северная, южная и средняя. Из этих групп в XIV–XVI вв. формируются три русских наречия: великорусское, малорусское и белорусское. Однако они не являют прямого соответствия: каждое из наречий складывалось при смешении групп говоров¹¹¹. В статье для Настольного энциклопедического словаря дана иная, «более старая», версия: в XIV в. русский язык подразделялся на юго-западную и северо-восточную «части», из первой образовалось малорусское наречие, вторая около XV в. «выделила из себя» великорусское и белорусское, а в следующем столетии все три наречия окончательно приобрели свои специфические отличительные черты¹¹².

В 1860-е гг. в российской публицистике стала преобладать концепция взаимообусловленности этнической и языковой иерархий. Наиболее распространенной была идея о том, что самостоятельный (национальный) язык есть свидетельство высокого развития национального самосознания и определенной стадии развития духовной жизни. Это косвенным образом ставило народ (носителя устной его формы, то есть наречия), не сформировавший лингвистических норм, на более низкую ступень в этнической иерархии. Применительно к малороссийскому языку / наречию эти стереотипы в полной мере выразил А.П. Милюков. В работе «Вопрос о малороссийской литературе», относящейся к середине 1850-х гг., он писал: «Местные патриоты уве-

¹¹¹ Россия. D. Русский язык и литература // Настольный энциклопедический словарь. Издательство бр. А. и И. Гранат и Ко. В 8-ми т. М., 1891–1903. Т. VII. М., 1896. С. 4324; Русский язык // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С.Н. Южакова. В 20-ти т. СПб.; Лейпциг, 1900–1907. Т. 16. СПб., 1904. С. 635.

¹¹² Россия. D. Русский язык и литература. С. 4324.

ряют, что малороссийский язык есть такой же отдельный, самостоятельный славянский язык, как болгарский, чешский, польский, и, следовательно, называть его наречием русского языка несправедливо. Последователи этих мнений прямо уже называют украинцев особым народом, наречие свое — самостоятельным языком». В этих словах ясно прослеживается отношение автора к языковой и этнической иерархии: народ (этнос) обладает языком, «отрасль» народа (субэтнос) — наречием.

Немаловажным было понимание статуса языка с точки зрения его коммуникативной престижности, использования его в сфере управления, права, в школе и т. п. «Украинцы, говоря о возможности развития своего наречия, спрашивают: неужели одному русскому языку принадлежит у нас монополия быть проводником образованности и органом науки? Да, без сомнения, теперь общерусскому языку принадлежит эта монополия во всей русской земле». Владение официальным «языком власти», таким образом, становилось символическим капиталом его обладателя. «Эту монополию, — продолжал Милюков, — дал русскому языку не “кружок патриотов”, а “ход самой истории”». В доказательство он приводил европейские соотношения между литературными языками и наречиями, обусловленные племенной принадлежностью и государствообразующим народом: между английским языком и шотландским наречием, а также между итальянско-флорентийским языком и пьемонтским и неаполитанским региональными вариантами. Таким образом, по мнению автора, «в истории мы не находим малороссийского народа и малороссийского языка, точно так же, как не находим белорусского или сибирского народа, а знаем один только русский народ с племенными наречиями белорусским и малороссийским»¹¹³.

В середине XIX в. отчетливо проявилась еще одна тенденция: языковая и так называемая «расовая» (то есть

¹¹³ Милюков А. Вопрос о малороссийской литературе // Милюков А. Отголоски на литературные и общественные явления. Критические очерки. СПб., 1875. С. 131–132, 141–142.

антропологическая) классификации могли не только совпадать, но и восприниматься как определяющие место этнической группы / племени / народа / нации в системе, структурирующей разнообразие человеческих сообществ и типов. С одной стороны, это объясняется распространенной концепцией об абсолютном превосходстве языкового критерия над другими, с другой — генетическая классификация языков, складывавшаяся на протяжении 1840-х — 1860-х гг., во многом корректировала имевшиеся представления о родстве или исторической общности разных групп. Характерным примером такого подхода является учебное пособие по этнологии (1863) Ч. Брейса¹¹⁴. Он был убежден в том, что только лингвистические особенности дают точную картину происхождения группы, поскольку антропологический тип со временем может сильно видоизмениться или даже коренным образом поменяться, в то время как язык не подвергается столь быстрым изменениям. Для Брейса этнология была наукой о расах, но этнографическая классификация осуществлялась исключительно по лингвистическим критериям, а в ее основу была положена классификация языков М. Мюллера. Что касается славянских языков, автор следовал в их классификации за П. Шафариком.

В 1861 г. вышла книга немецкого ученого А. Шлейхера¹¹⁵, которую считают обобщающей в сравнительно-историческом языкознании. В основу своей концепции генезиса и эволюции языков Шлейхер положил естественно-научную теорию развития. Он представил классификацию на основании принципов дарвинизма («естественной системы»). Теория Ч. Дарвина задала и лексикон описа-

¹¹⁴ *Brace Ch. L. The Races of the Old World. A manual of Ethnology. NY, 1863. P 13–15.*

¹¹⁵ *Schleicher A. Compendium der verglichenen Grammatik der indogermanischen Sprachen. Böhlau, 1861. Перевод на русский язык: Шлейхер А. Компендий сравнительной грамматики европейских языков // Филологические записки. Воронеж, 1865; Звегинцев Е.А. История языкознания в очерках и извлечениях. М., 1964. Гл. 3.*

ния языков — по образцу типологии «царства естественных организмов»¹¹⁶. «То, что естествоиспытатели называли бы родом ... именуется ... племенем; роды, более сродственные между собою, называются иногда семействами одного племени языков... Виды одного рода у нас называются языками какого-либо племени; подвиды — у нас диалекты или наречия известного языка; разновидностям соответствуют местные говоры или второстепенные наречия; наконец, отдельным особям — образ выражения отдельных людей, говорящих на известных языках»¹¹⁷. Языковая система представляла собой родословное древо, а потому наименование языковых единиц осуществлялось при помощи категорий родства: «организм» языка, языковые «роды», «семьи» и «ветви». Языки, возникшие первыми из праязыка, Шлейхер называл языками-основами; почти все они разделяются позже на языки, которые, в свою очередь, могут далее распадаться на диалекты, а последние — на поддиалекты¹¹⁸, при этом со временем «языки расходятся, но не сходятся». Языковым родом / древом он именовал группу языков, происходящих из одного праязыка. Древо, в свою очередь, состоит из семей или ветвей. Балто-славянские языки составляли одну группу, из которой позже выделились славянские. Славяне, согласно этой классификации, вновь, как и ранее, включали две подгруппы: юго-восточную (с русским языком, подразделяющимся на русский и малорусский) и западную.

В 1860-е — 1870-е гг. можно отметить появление полярного расхождения мнений относительно значимости языкового критерия для установления этнической принадлежности. Если М.П. Погодин (1859) был по-прежнему убежден в том, что только «язык ... естественная граница

---

¹¹⁶ Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке. Публичное послание доктору Эрнсту Геккелю, э. о. профессору зоологии и директору зоологического музея при Иенском университете. СПб., 1864.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Введение // Шлейхер А. Компендий сравнительной грамматики европейских языков.

народов. Где говорят по-польски — там Польша, где говорят по-русски — там Россия»¹¹⁹, не отказываясь от своей уверенности, что определить язык можно даже без особых лингвистических исследовательских процедур, а Н.И. Соловьев считал аксиомой прежние заключения о том, что язык — главный критерий национальной принадлежности¹²⁰, то в нормативном тексте — Словаре под редакцией И.Н. Березина (1879) — мы находим утверждение, что «в некоторых случаях именно при сходстве физического типа язык тоже может служить доказательством принадлежности народов к одному общему отделу человеческого рода, сам же по себе он еще ничего не доказывает и не решает вопроса»¹²¹.

Известный славянофильскими взглядами исследователь А.С. Будилович в 1875 г. опубликовал новый вариант «распределения славян» по государствам, народностям, вероисповеданию, «азбукам и литературным языкам», справедливо обосновывая актуальность этого издания тем, что прежние статистические данные (1843) П. Шафарика устарели. В табличный список «народностей» Будилович помещает «русских», к которым относит великорусов, малорусов и белорусов. В пояснительной записке указывается численность каждой из трех групп. Но в перечне литературных языков (наречий) только русский назван «языком», все остальные языки именуются «наречиями». Это довольно странно, если учесть, что в заглавии обозначен именно «литературный язык», а не язык вообще. Однако автор указывает главные, с его точки зрения, критерии отнесения языка к литературному: большое число носителей,

¹¹⁹ *Погодин М.П.* Польша и Россия [1859] // *Погодин М.П.* Соч. В 5-ти т. М., 1872–1876. Т. 5. Статьи политические и польский вопрос. М., 1876. С. 350.

¹²⁰ *Соловьев Н.И.* Язык как основа национальности. Статья первая // *Отечественные записки.* 1866. Февраль. № 2. Отдел I. С. 481–499. Соловьев подробно разбирает воззрения М. Миллера и солидаризируется с ними.

¹²¹ Язык // *Русский энциклопедический словарь* / Под ред. И.Н. Березина. В 16-ти т. СПб., 1873–1879. Отдел IV. Т. 4. СПб., 1879. С. 460.

древность источников на нем и «обработку» (здесь трудно точно установить, имеется ли в виду грамматическая разработка, словарная фиксация или же наличие литературного языка): «Из одиннадцати ... славянских литературных языков лишь один русский заслуживает этого названия, по своей распространенности, древности преданий и обработке. Все остальные суть собственно наречия, а не языки, лишь случайно возвысились они на степень органов литературных и с трудом удерживаются в этом звании при неравной борьбе с языками литературными мировыми»¹²². Таким образом, язык и наречие для Будиловича связаны с уровнем языкового развития и находятся в иерархической соположенности, что в очередной раз устанавливает различие статусов великорусского и малорусского наречий. Вызывает, однако, некоторое недоумение то, что польский язык к числу таковых в точной дефиниции Будиловича не относится «по умолчанию», а причины, по которым в данный перечень не вошел малороссийский язык (то есть отдельно от русского, как, например, кашубский, введенный в список отдельно от польского ввиду наличия у кашубского собственной «письменности»¹²³), по мнению автора, нуждаются в объяснении: «В числе этих литературных “языков” славянских нужно бы упомянуть еще о малорусском, который употребляется некоторыми писателями украинскими, галицкими и карпато-русскими... Но этот малорусский литературный жаргон не имеет определенной территории, на которой он был бы органом школ, судов и администрации. Поэтому трудно указать для этого языка границы его распространенности и число душ, для которых он служит литературным органом ... Вот почему “язык” этот опущен в наших таблицах»¹²⁴.

---

¹²² Статистические таблицы распределения славян а) по государствам и народностям; б) по вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам (наречиям) с объяснительной запиской, А.С. Будиловича. СПб., 1875. С. 18.

¹²³ Там же. С. 19.

¹²⁴ Там же. С. 18.

В этом объяснении обращают на себя внимание две важные — отчасти противоречащие друг другу — детали. С одной стороны, связь с конкретным ареалом, на пространстве которого язык играет роль официально-государственного. С другой — трудность определения пространства распространения становится причиной изъятия малорусского языка из таблицы. А вот для В.И. Ламанского, в свою очередь, «удобнее всего» представлялось делить славян «и по историческим, и по географическим, и по лингвистическим признакам» на три группы: юго-западных, северо-западных и восточных (состоящих из трех племен)¹²⁵.

Однако в случаях, когда языковое родство было установлено довольно точно, — в частности, с финскими или славянскими народами — речь шла о так называемой «семье народов», и описание этносов осуществлялось по тому же делению. Этноты, принадлежность которых к тем или иным группам не была однозначно определена, объединялись по географическому региональному признаку — например, «народы Кавказа» или «татарские народы», к которым относили чувашей, туркмен и калмыков¹²⁶. К. Кюн, фиксируя роль антропологических признаков, доказывающих родство различных этнических групп, замечал: «Антропология, без сомнения, важна для историка. Эта наука, рассматривая человека как племенную особь, стремится дать правильное разделение рода человеческого по физическим признакам. Сначала делили по цвету кожи, потом приняли за главный признак череп, но и это оказалось неудовлетворительным, так как приходилось иногда разделять в разные отделы племени родственные по другим признакам. При таком несовершенстве антропологических классификаций строить выводы на них оказалось невозможным...»¹²⁷. Поэтому он считал лишь языковую принад-

¹²⁵ Ламанский В.И. Обзорение народностей и наречий славянских. Лекции, читанные В.И. Ламанским в семестре 1881/82 гг. СПб., 1882. С. 112.

¹²⁶ Мостовский М. Этнографические очерки России. С. 12.

¹²⁷ Кюн К. Народы России. СПб., 1888. С. 1.

лежность единственно верным основанием для классификации и разделял народы России по этому критерию, выделяя, в частности, русскую, латышско-литовскую, финскую, турецкую и татарскую группы племен.

При создании соответствующих разделов для самого значительного очерка «Россия» (1899) в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона возобладала точка зрения Д.Н. Анучина. Он считал необходимым разделить два очерка, «Россия в антропологическом отношении» и «Россия в этнографическом отношении»¹²⁸, с тем чтобы различать два вида классификации человеческих общностей. Первый представлял физическое и расовое разнообразие племен Империи, второй — этнографические характеристики народов, которые систематизировались в зависимости от их языковой принадлежности («этнографические типы определяются ... языком»¹²⁹). По этой причине антропологическая и лингвистическая классификации могут не совпадать. И ярким примером тому служит именно триединый «русский народ», который «в отношении языка, религии, быта, исторических судеб ... является явственно обособленным, как в его целом, так и в отдельных его подразделениях, а равно и в покоренных им инородческих племенах», а в антропологическом отношении «представляет ряд типов, распространяющихся и за пределы русской территории и вообще не зависящих от политических и историко-культурных условий»¹³⁰.

При этом даже в начале XX столетия можно наблюдать отождествление языка и племенного типа, что очень затрудняет точную интерпретацию классификации. Например, в работе (1909) антрополога И.И. Пантюхова о языке

¹²⁸ Россия. Население. В. Россия в антропологическом отношении // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. XXVIIa (п/т 54). СПб., 1899. С. 128–139; Россия. Население. С. Россия в этнографическом отношении // Там же. С. 139–152.

¹²⁹ Россия. Население. В. Россия в антропологическом отношении // Там же. С. 128.

¹³⁰ Там же. С. 129.

и антропологических типах восточных славян говорилось: «По Далю и Н.И. Костомарову, в *племенных типах* славян VIII–X вв. было менее различия, чем впоследствии, а *наречия* их соединялись малозаметными переходами. Ильменских славян Костомаров считает потомками днепровских *полян* и основывает свое мнение, между прочим, на сходстве *произношения* ... По проф. М.П. Погодину, *тип полян и северян* – великорусский, а по М.А. Максимовичу – малорусский, причем он, однако, подсмеивается над В.Б. Антоновичем, выводящим его из Галиции. Соболевский, Ключаров, Срезневский в *наречиях* северных и южных славян также не находили большого различия» (курсив мой. – М. Л.)¹³¹.

Эти и другие примеры показывают, что существовало еще не кодифицированное, но уже сформировавшееся и имплицитно функционировавшее соответствие между иерархией этнических языковых групп, то есть между племенем и народностью / народом и языком, с одной стороны, и племенем и наречием, с другой. Непризнание малороссийского наречия языком означало в данном случае, что малорусская «ветвь» (как и великорусская и белорусская) не имеет статуса народа. Данное соответствие не воплотилось в формуле только потому, что само понятие «народ» в значении «нация» также находилось еще на начальной стадии складывания.

На наш взгляд, идейно-политические взгляды авторов, которые так часто расценивались учеными XIX–XX вв. как определяющие их отношение к языку¹³², сами по себе не могут рассматриваться как имеющие решающее значение — во всяком случае, в установлении позиции

¹³¹ Пантюхов И.И. Значение антропологических типов в русской истории // Русская расовая теория до 1917 года. Вып. 2. С. 319.

¹³² Наиболее важными, на наш взгляд, остаются труды А.Н. Пыпина (*Пыпин А.Н. История русской этнографии*), М.К. Азадовского (*Азадовский М.К. История русской фольклористики*. В 2-х т. М., 1958–1963) и С.А. Токарева (*Токарев С.А. История русской этнографии* (дооктябрьский период). М., 1966) — прежде всего главы и разделы о развитии украинской темы в российской историографии.

относительно малороссийского наречия / языка. Зато обнаруженные параллели между этнографическим и лингвистическим классифицированием убедительно свидетельствуют о том, что различие точек зрения в научной среде зависело от понимания сущности границ этнических групп, методов их определения и трактовки этничности. В меньшей степени они обуславливались политическими взглядами или этнонациональным происхождением исследователей.

* * *

Существенную роль в концептуализации этнической специфики каждой из «отраслей» русских сыграло характерное для европейского нацистроительства стремление интеллектуальной элиты общества зафиксировать свойства духа / характера / нрава / психологии народа как цельной социально-культурной группы социума, которой присущи свойства и признаки, передающиеся по наследству. Важнейшей процедурой стало сравнение трех родственных групп и установление их иерархии, а именно: сопоставление и различение (средствами внешнего наблюдения) «материальной» и «духовной» культуры трех русских «ветвей» — великорусов, малорусов и белорусов. На практике наиболее актуальным оказался процесс обнаружения этногенетических, политико-исторических, но в первую очередь — лингвистических и антропологических факторов, обусловивших отличия «севернорусской» (великорусов) и «южнорусской» (малорусов) этничности. Важно подчеркнуть, что белорусы в таких сопоставлениях почти всегда «выпадают» из этой главной для всех без исключения научных жанров и дисциплинарных описаний (географических, этнографических, языковых) методики определения этноспецифического через сравнение. Острополюемическим и сразу приобретшим политический характер стал вопрос о соответствии этнографической и лингвистической классификаций велико- и малорусов (проблема номинации и статуса языка и наречий).

В большинстве нормативных текстов «русскость» выступает как категория, используемая для обозначения историко-политической (нация), а не этнокультурной (этнос) общности, главным достижением которой объявлялась способность к государствообразованию и сохранению независимости Империи. «Русские» в таком аспекте — господствующая в политическом и культурном отношении группа полиэтнической Империи и/или общее именование ее подданных. Термин использовался для определения вне- или надсословной идентичности народа, «избравшего» политической формой бытия самодержавную Империю. В этом смысле следует признать правоту утверждения Н.И. Ульянова о том, что русскость в общественных представлениях XIX в. в сословном и этническом отношении трактовалась шире «великорусскости»¹³³. Тенденция к отождествлению этнонимов «русский» и «великорусский» формируется начиная с 1870-х гг. в исторических и публицистических нарративах эпохи, но вплоть до 1890-х гг. в этнографических и антропологических текстах она маргинальна, так как в них различие этих двух наименований принципиально и обусловлено научной категоризацией понятий. Причины семантического сдвига, приведшего к устойчивой синонимии («великорус» = «русский»), трудно установить однозначно. Можно предполагать, что она была связана с: а) активизацией так называемых «национальных проектов» (прежде всего украинофильского) и б) явной тенденцией «назначить» великорусов не только титульным народом-нацией, но и единственным нацией-образующим этносом Империи (в чем можно усматривать стремление к сближению двух определений по смыслу).

Авторы, выступавшие сторонниками украинского национального проекта или поддерживавшие западнорусские либо белорусские националистические концепции раннего выделения белорусов или отождествления их с литвинами, — равно как и большая часть русских уче-

¹³³ Ульянов Н.И. Русское и великорусское // Возрождение. 1967. № 185. С. 59–70.

ных, изучавших русских как интегрированную общность с региональными отличиями, — стремились к обнаружению и систематизации научной аргументации, позволявшей отстаивать политико-идеологические построения. При этом зачастую одни и те же факты или заключения узкодисциплинарных гуманитарных и социологических исследований предоставляли материал для прямо противоположных выводов. Причинами являлись не столько политизация науки или индивидуальные убеждения ученых, сколько состояние развития самой науки — трактовка ею предметного поля, методологии исследования и критериев верификации знания.

Очерк 5

Меж двух империй: внешнеполитический аспект украинского вопроса в контексте российско-австрийских отношений

Земли современного украинского государства на протяжении столетий входили в состав многих государственных образований. В период возникновения и развития украинского национального движения (XIX — начало XX в.) они были разделены между двумя империями — Российской и Австрийской (с 1867 г. Австро-Венгерской). Под скипетром Габсбургов оказались такие исторические области, как Галиция (Галичина) и Буковина, а также, в составе Венгерского королевства, Угорская Русь (Прикарпатье). Особенности исторических судеб этих регионов, принципы политики Вены в отношении них стали причиной своеобразия формирования национального самосознания восточнославянского населения в каждой из этих областей. Наиболее динамично процесс формирования национально-культурных, а позднее национально-политических движений восточнославянского населения шел в Галиции. Именно положение дел в Галиции наиболее часто оказывалось в сфере внимания российских ведомств, определявших внешнюю политику Российской империи. Наиболее последовательно этими вопросами интересовалось российское Министерство иностранных дел, однако нередко к ним обращались и сотрудники военного ведомства, Министерства внутренних дел, Святейшего Синода. В нашем очерке основное внимание уделяется позиции российского внешнеполитического ведомства в отношении национальных движений восточнославянского населения Галиции и, отчасти, Буковины.

С началом разделов Речи Посполитой в 1772 г. под властью Габсбургов оказались часть воеводств южной Польши, большая часть Краковского и Сандомирского воеводств и основная часть т. н. «русских» земель, в 1795 г., после третьего раздела к ним была присоединена еще часть польских земель, позднее получившая наименование Западной Галиции. Окончательно границы австрийских владений были определены в 1815 г. на Венском конгрессе. В 1850 г. после присоединения Кракова к Австро-Венгрии из польских и части «русских» земель была создана отдельная провинция — Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским, герцогствами Освенцимским и Заторским (Königreich Galizien und Lodomerien mit dem Großherzogtum Krakau und den Herzogtümern Auschwitz und Zator). Своим происхождением название новой провинции обязательно древнему Галицко-Волынскому княжеству. То, что земли княжества некоторое время принадлежали короне святого Стефана, позволило Габсбургам официально закрепить эти земли за собой. Однако в состав новой провинции вошли и земли бывшей Речи Посполитой, не имевшие отношения к Галицкому княжеству. Волынь же, бывшая частью древнерусского княжества, вошла в состав Российской империи, и на нее Габсбурги претензий не предъявляли.

Территория края составляла 78 492 кв. км с населением около 2 млн человек. Столицей края был Львов (по-немецки Лемберг). В 1850 г. Галиция была поделена на два судебных округа с центрами в Кракове и Львове, что фактически закрепило разделение Галиции на Западную и Восточную¹. Вся провинция состояла из 79 поветов, в свою очередь разделявшихся на гмины. Во главе края стоял наместник, назначавшийся императором, его юрисдикции подлежало большинство административных вопросов. После принятия конституции 1867 г. органом самоуправления края стал Сейм, избиравшийся по куриальной системе.

¹ *Partacz Cz. Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908. Toruń, 1996. S. 13.*

Председательствующий, маршал Сейма, назначался императором из числа депутатов.

Буковина была занята австрийскими войсками в результате русско-турецкой кампании 1768–1774 гг., а в 1775 г. в результате подписания Константинопольской конвенции вошла в состав Австрийской монархии. В 1786 г. Буковина была присоединена к Галиции, а в 1849 г., после принятия Австрийской конституции, получила статус герцогства. В 1860 г. Буковина вошла в состав Галиции, однако уже в 1862 г. она вновь получила статус автономии. Во главе провинции стоял наместник (президент, назначавшийся императором, законодательная власть принадлежала Сейму²).

Этнический состав Галиции был неоднородным. Согласно последней проведенной в Габсбургской империи переписи 1910 г. в провинции проживало 7 млн 884 тыс. человек. Из них 4 млн 675 тыс. — поляки и 3 млн 207 тыс. — представители восточнославянского населения. Критерием принадлежности к той или иной этнической группе при проведении этой переписи был язык. Большая часть восточнославянского населения (92 %) проживала в восточной части провинции.

В Буковине также значительная часть населения (около 35–40 %) относилась к восточным славянам, причем в северной Буковине этот процент возрастал до 54 %³. Второй по численности группой были румыны (около 33 %). Также в регионе проживали немцы, евреи, поляки, армяне, словаки. В итоге Буковина оказалась наиболее многонациональной провинцией империи, что не могло не сказаться на специфике формирования национального самосознания в регионе. Наряду с национальными движениями здесь сильны были позиции так называемого «буковинизма», то есть идеи региональной, а не национальной общности.

В качестве самоназвания восточнославянским населением употреблялись исторические понятия «Русь», «народ

² Буковина. Историчний нарис. Чернівці, 1998. С. 72–73.

³ Там же. С. 75.

русский». В период габсбургского правления было официально введено в оборот понятие «русинь» (Russen) или рутены (Ruthenen). Этноним «русинь» использовался и в официальных российских документах. В публицистических и научных работах российских авторов XIX — начала XX в. восточнославянское население Габсбургской монархии именовалось «русским». По мере развития в регионе украинского движения его активисты говорили сначала об «украинско-русском» народе, а затем и об украинском народе Галиции: в XIX — начале XX вв. понятия «украинский, украинец» имели не этническое, а национально-политическое значение. В настоящем очерке в качестве этнонима используются термины «русинь», «русское» население. Термины «украинцы», «русифиль» применяются в качестве политонимов.

«Мы русинь...»: формирование национальных движений восточнославянского населения Галиции и Буковины

Войдя в состав Габсбургской монархии относительно поздно, Галиция приобрела особое положение в ряду многочисленных провинций империи. Будучи территориально одной из самых крупных провинций (около 78,5 кв. км), она находилась на окраине государства, на границе с другой империей — Российской, и соответственно имела стратегическое значение. Основная часть восточных славян и значительная часть польского народа проживала на территории Российской империи, и это обстоятельство не могло быть проигнорировано ни Российской, ни Австрийской империями и не могло не сказываться на отношениях двух держав на протяжении всего «габсбургского» периода истории региона. Несмотря на то что вплоть до начала Первой мировой войны ни Петербург, ни Вена не заявляли официально о намерении присоединить земли соседнего государства, сама эта возможность ими вполне осознава-

лась, что оказывало существенное влияние на состояние российско-австрийских отношений, столь сложных и противоречивых во второй половине XIX — начале XX в.

Одним из важнейших моментов для понимания специфики национальных процессов в этом регионе является то, что в Галиции существовало одновременно несколько национальных проектов населявших ее народов. Наиболее развитым и влиятельным являлось, несомненно, польское национальное движение. Поляки не только составляли большинство, но и, в лице польской аристократии, владели основными рычагами управления. Это способствовало тому, что и внутри империи, и за ее пределами Галиция воспринималась прежде всего как польский край, здесь имели возможность развития фактически все направления польского национального движения. В среде восточнославянского населения основное соперничество развернулось между украинским и пророссийским (в литературе именуемого как русским, так и русофильским или московфильским. — *М. К.*) направлениями, к концу XIX в. оформившимися в полноценные национально-политические движения. В основе идеологии пророссийского (далее в очерке называемого русофильским. — *М. К.*) направления лежала концепция, согласно которой Восточная Галиция, а также другие «русские» земли Габсбургской империи считались неотъемлемой частью единого русского мира, сегментом общего русского культурно-исторического пространства. Участниками украинского движения Галиция воспринималась как элемент единой «соборной» Украины, а «русское» население провинции — как часть единого и самостоятельного украинского народа. Именно конкуренция между двумя этими проектами нациестроительства находилась в центре общественно-политической жизни восточнославянского населения Галиции на протяжении второй половины XIX — начала XX в.

В первой половине XIX в., по словам украинского ученого И. Свенцицкого, «характер сношений Карпатской Руси с Россией можно определить информационно-науч-

ными интересами обеих сторон»⁴. Действительно, в конце XVIII — начале XIX в. целый ряд представителей «русского» населения Австрийской монархии вступил на русскую службу и сыграл немалую роль в развитии отечественного просвещения, науки и культуры. Среди них можно упомянуть И. Орлая, П. Лодия, В. Кукольника, И. Балудянского и многих других. В 1830-х — 1840-х гг., по мере того, как в самой России усиливался интерес к славянской проблематике, контакты между представителями «Карпатской Руси», как нередко называли в России эти провинции Австрийской монархии, и представителями российских общественных и научных кругов расширялись. В переписке с первым поколением деятелей «русского» национального возрождения, так называемыми «будителями», состояли М.А. Максимович, И.И. Срезневский, О.М. Бодянский. Особую роль в становлении «русского» национального движения сыграл видный российский историк М.П. Погодин (в 1835 г. посетивший Львов), который затем активно переписывался с галичанами и присылал им русские книги и периодику. Большое значение развитию контактов с Россией придавали участники «Руськой троицы», литературного кружка, объединившего вокруг себя «русскую» молодежь Львова. Стоит отметить, что как провинциальные власти, так и Вена с подозрением относились к деятельности подобных объединений, и в итоге именно из-за обвинений в пророссийской пропаганде кружок прекратил свое существование.

Несмотря на то что научно-культурные контакты между представителями русинов и российскими общественными кругами были достаточно активными, официальный Петербург проявлял весьма незначительный, чаще всего эпизодический, интерес к судьбам «русских» жителей Габсбургской монархии. Причина заключалась как в явном нежелании Петербурга вмешиваться во внутреннюю политику соседней монархии, в стремлении сохранить порядок, установленный на Венском конгрессе 1815 г., так

⁴ *Свенцицкий И.* Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в первую половину XIX в. СПб., 1906. С. 107.

и слабости самого национального движения австрийских русинов, не имевших до революционных событий 1848 г. никакого политического опыта.

Ситуация начала меняться с 1860-х гг., когда произошли существенные изменения как во внутреннем устройстве Австрийской монархии, так и в ее взаимоотношениях с Российской империей. Преобразования во внутреннем устройстве Австрийской монархии, происходившие в 1860-х гг., послужили, среди прочего, началу нового подъема национального движения восточнославянского населения империи. В эти годы обозначились принципиальные противоречия между сторонниками пророссийской и украинской ориентации, которые в конечном итоге привели к формированию двух самостоятельных национальных движений. И если в 1860-х — 1870-х гг. более влиятельным было русофильское направление, то с началом 1880-гг. лидерство стало постепенно переходить к украинскому направлению, получившему в украинской исторической литературе название «народовецкого». Антиукраинский курс, взятый российским правительством после январского восстания 1863 г., наиболее явными проявлениями которого стали «Валуевский циркуляр» 1863 г. и Эмский указ 1876 г., привели к оттоку как людских, так и материальных ресурсов украинского движения из российской части Украины в Галицию⁵. При активной поддержке российских украинофилов в 1873 г. во Львове было создано Литературное (позднее, Научное) общество им. Шевченко (укр. — «Наукове товариство ім. Шевченка», НТШ), сыгравшее значительную роль в развитии украинского движения. Основателями общества выступили представители известных украинских фамилий — Скоропадских, Милорадовичей и др. Другим важным шагом в этом направлении стало начало издания в 1880 г. газеты «Діло» (само название, «Дело», говорило об оппозиции русофильскому «Слову») под редакцией А. Барвинского.

В этот период постепенно менялось и отношение официального Петербурга к восточнославянскому населению

⁵ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 200–202.

соседней империи. Антиукраинский курс внутренней политики в Российской империи стал причиной того, что украинское движение не только внутри страны, но и за ее пределами стало восприниматься в Петербурге как безусловно враждебное российской государственности. В эти годы оно все чаще начинает пользоваться поддержкой Вены в качестве противовеса как растущему польскому влиянию, так и возможным чрезмерным пророссийским симпатиям русофилов, что также усиливало негативное отношение к украинофилам со стороны официального Петербурга.

Тогда же, начиная с 1860-х гг., у российского Министерства иностранных дел, чья позиция нередко была определяющей в выработке внешнеполитического курса империи, появилась возможность ближе познакомиться с жизнью «руського» населения Австро-Венгрии и установить контакты с представителями тех или иных общественных направлений в его среде. В 1868 г. в Черновцах было открыто вице-консульство Российской империи, которое в следующем году стало консульством и в этом статусе действовало до 1914 года. Сотрудники консульства поддерживали достаточно тесные контакты с участниками русофильского движения на Буковине и не раз выступали с инициативой о предоставлении им материальной помощи с целью усиления и развития пророссийских настроений в среде местных русинов. Официальный Петербург сдержанно относился к идее субсидирования русофильских организаций, не желая осложнений в отношениях с Австро-Венгрией. На поднимавшийся неоднократно вопрос о необходимости оказания помощи представителям русофильского движения в Петербурге, как правило, отвечали отказом. Так, в 1903 г. российский консул в Черновцах А.И. Доливо-Добровольский (1866–1932) сообщал в МИД о бедственном положении сторонников русофильского направления в Буковине⁶. В поддержке русофильского

⁶ Гриценко І.А. Матеріали російського консульства в Чернівцях як джерело історії Буковини // Вісник центру буковинознавства. Серія Історична. В. І. Чернівці, 1993. С. 78–92.

движения в Буковине и в других провинциях Австро-Венгрии Доливо-Добровольский видел один из способов противодействия развивающейся «украинофильской пропаганде», которая, по его убеждению, представляла собой реальную опасность для российских государственных интересов. Предложения консула в Черновцах не встретили поддержки ни в МИД, ни в российском посольстве в Вене. По словам посла в Вене П.А. Капниста это было бы недопустимым вмешательством во внутренние дела соседней монархии⁷.

В 1893 г. было открыто консульство во Львове. Назначенный при его открытии консулом и бессменно оставшийся на этом посту на протяжении почти 20 лет К.П. Пустошкин также активно поддерживал контакты с русофильскими организациями и одной из основных своих задач видел противодействие динамично развивающемуся украинскому движению, которое считал креатурой одновременно венской и галицийской администраций⁸. Таким образом, уже в конце XIX в. в российском Министерстве иностранных дел располагали достаточно обширной информацией об общественно-политических движениях восточнославянского населения Австро-Венгрии, однако общая линия политики Петербурга в их отношении оставалась по-прежнему крайне пассивной.

Парламентская деятельность украинских и русофильских партий в освещении российских дипломатов (1907–1914)

Ситуация претерпела значительные изменения после проведения в Габсбургской монархии конституционной реформы 1907 г. Глобальные преобразования, наделившие

⁷ Грищенко І.А. Матеріали російського консульства в Чернівцях як джерело історії Буковини // Вісник центру буковинознавства. Серія Історична. В. І. С. 78–92.

⁸ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 289/291. Л. 2–16.

мужское население монархии всеобщим избирательным правом, не могли не привлечь внимания соседних держав, в том числе и России. Здесь хорошо осознавали важность тех изменений, которые, несомненно, должны были произойти во внутренней жизни Австро-Венгрии и, вероятнее всего, оказать существенное влияние на международные отношения в целом и на двусторонние контакты в особенности. Представители российского внешнеполитического ведомства внимательно наблюдали за ходом и результатами выборов. Особый интерес российских дипломатов вызывала ситуация в Галиции. Положение в этом регионе польского и «русского» населения, политические программы тех партий, которые претендовали на победу в избирательной кампании — все это должно было определить не только политический климат в самой Галиции, но и повлиять самым серьезным образом на развитие национальных движений в России. С немалым интересом российские наблюдатели отнеслись к усилению позиций «русских» представителей в парламенте. На долю русинов приходилась фактически треть мест, предоставленных Галиции в Рейхсрате (32 из 106). В «русском» представительстве посол в Вене Л.П. Урусов выделял три группы: «национал-демократическую или украинскую, старорусинскую или москалефильскую и радикальную»⁹. Посол высказывал предположение, что «в австрийском Рейхсрате русины, вероятно, сплотятся воедино и будут требовать совместно изменений в избирательной системе, установленной для Галиции национальной автономии с особым русинским сеймом во Львове и основания в этом городе украино-русинского университета»¹⁰.

Новая система формирования общеимперского парламента одной из основных своих целей имела снятие напряженности в межнациональных отношениях. Участие в парламентской деятельности представителей практиче-

⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1907 г. Д. 133. Л. 86–88.

¹⁰ Там же.

ски всех национальностей, населяющих Австро-Венгрию, должно было способствовать урегулированию тех национальных противоречий, которые могли оказать существенное влияние на положение дел в империи. Однако, несмотря на то, что избирательная реформа имела огромное значение для развития многих национальных движений, противоречия в национальной сфере сняты не были. Напротив, некоторые из подобных конфликтов вышли на новый уровень развития, в том числе польско-русинские противоречия. Имеющий длительную и сложную историю, этот конфликт приобрел новые формы с началом нового политического этапа. С выходом на политическую арену новых сил польско-русинский конфликт в Восточной Галиции приобрел принципиально иной характер.

Особого накала польско-украинские противоречия достигли в 1908 г., когда на выборах в галицийский Сейм поддержка провинциальной администрации была оказана не украинским кандидатам, как это было на протяжении длительного периода, а русофилам. Реакция украинцев была крайне эмоциональной, если не истеричной. На страницах украинской прессы раздавались призывы к отмщению¹¹. Кульминацией стало убийство 12 апреля 1908 г. наместника Галиции А. Потоцкого украинским студентом М. Сичинским. Этот акт террора произвел огромное впечатление на общественное мнение не только Галиции, но и всей Австро-Венгрии. Здесь политические убийства в то время были крайне редкими, и выстрелы во Львове прозвучали неожиданно. Со стороны российских представителей в Австро-Венгрии последовала немедленная реакция. Выражая сожаления по поводу трагической гибели графа Потоцкого, российский посол в Вене Л.П. Урусов видел в произошедшем и толику вины самих галицийских властей: «Рассматривая беспристрастно данное преступление, нельзя не видеть в нем аналогию со столь многочисленными у нас политическими злодеяниями. Галиция полна

¹¹ *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego. S. 224.

бежавшими из России политическими преступниками, коих польская печать и общественное мнение окружают ореолом героизма». В заключение посол выразил надежду, что, возможно, «трагическая смерть гр. Потоцкого несколько изменит отношение польского общественного мнения к нашим политическим преступникам»¹², а также повлияет на позицию австрийских властей в вопросе их экстрадиции.

Говоря о личности убийцы и причинах, толкнувших его на преступление, Урусов упоминал в донесении, что тот «по своему рождению принадлежит к деятельным агитаторам крайнофильской партии (Yungruthenen). Отец его, уже умерший, был униатским священником, депутатом сейма и выдающимся крайнофильским деятелем. Одна из сестер замужем за депутатом Рейхсрата др. Левицким, представителем крайнофильского национального комитета. Сам Сичинский еще с гимназической скамьи занимался политической агитацией, в прошлом году принимал деятельное участие в университетских беспорядках в Львове»¹³. Урусов считал, что именно позиция, занятая наместником по отношению к украинским партиям на выборах в Сейм, и стала причиной его гибели. По его словам, «убитый Штатгальтер старался относиться ко всем политическим партиям с возможною в местных условиях объективностью. Однако, будучи одним из выдающихся представителей польских консерваторов, он, должно быть, невольно вызвал ненависть со стороны крайнофилов. Последние, привыкшие к поддержке правительства в борьбе с русским элементом в Галиции, не могут простить консерваторам, решившим бороться с социалистическим направлением крайнофилов и помогавшим в последних сеймовых выборах русским (т. н. староруссинам) увеличить число своих мандатов»¹⁴.

¹² АВПРИ. Ф. 133. 1908. Д. 136. Л. 122–124.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

При этом соображения, по которым убитый наместник поддерживал русофилов, трактовались как сугубо прагматические. Несколькими годами позднее, в 1912 г., корреспондент Санкт-Петербургского телеграфного агентства (СПБТА) С.П. Колосов в одной из своих записок высказал мысль, что, «поддерживая староруссов против украинцев, граф Потоцкий не имел в виду поощрение руссофильства в Галиции»¹⁵. Далее, со слов польской газеты «*Rzecz Pospolita*», он приводил слова покойного наместника: «Выборы кончились, дело улажено, но я не могу стоять на руссофильской точке зрения, ибо как наместник я могу признавать в Галиции только тех русских, которые исповедуют национальную малорусскую обособленность»¹⁶. Таким образом, нельзя было говорить о каком-либо решительном изменении курса в политике польской краевой администрации.

События 1908 г. послужили причиной усиления внимания к политической программе украинцев со стороны российских дипломатов. Все чаще они рассматривали украинское движение не как некое искусственно созданное, нежизнеспособное явление, а как серьезный политический феномен, требующий особого внимания ввиду той опасности, какую украинский сепаратизм мог бы представлять для целостности Российской империи. Первый развернутый аналитический доклад, посвященный возникновению и развитию украинского движения в Габсбургской монархии, представил поверенный в делах посольства в Вене С. Свербеев. Он отмечал, что на протяжении всего XIX века движение это существовало лишь благодаря поддержке венского правительства. Далее Свербеев подчеркивал, что племенная самобытность русинов не вызывала сомнений в Вене, поскольку «в указах своих и документах правительство открыто называет их *Russen, Rothrussen* и *Reussen*»¹⁷. Однако «с развитием в Европе в половине про-

¹⁵ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 744/802. Л. 213–215.

¹⁶ Там же.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Л. 177–180.

шлого столетия идеи национализма, проникшей также в Австрию, племенное родство галицко-русского народа с населением России показалось в Вене опасным для Габсбургской монархии. С этого времени австрийское правительство стало употреблять все старания, чтобы обособить галицийских русских от их единоплеменников в России и не пренебрегало для этого никакими средствами и административными давлениями¹⁸. Таким образом, именно целенаправленные усилия Вены по созданию некоего обособленного от единого русского народа национального организма стали, с точки зрения Свербеева, истинной причиной возникновения украинского движения в Галиции и Буковине.

Образование «украинофильской или украинской партии» Свербеев относил к 1860-м — 1880-м гг., которые были, по его мнению, периодом культурного сепаратизма, постепенно, с 1880-х гг. (то есть со времени создания Народной Рады и Русько-украинской радикальной партии), вытеснявшегося сепаратизмом политическим. При этом автор записки подчеркивал решающую роль польской правящей верхушки в превращении украинского движения в реальную политическую силу, имеющую влияние не только в самой Галиции, но и за ее пределами. Именно польскому влиянию Свербеев приписывал явную антирусскую направленность украинофильства. «Теперь же, — писал он далее, — украинофилы стараются доказать полную обособленность украинского народа от русского, против которого они всегда будто бы боролись вместе с поляками. По их уверению, Украина до сих пор еще находится под игом России, от которого ее следует во что бы то ни было освободить, но этой цели можно достигнуть и образовать затем отдельное украинское государство лишь с восстановлением Польши»¹⁹. Следует обратить внимание на то, что, по мнению автора записки, украинцы связывают свои

¹⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Л. 177–180.

¹⁹ Там же.

надежды с созданием независимого польского государства, хотя в реальности ни в программных документах ведущих украинских партий — Украинской национально-демократической и Русько-украинской радикальной, ни в работах ведущих идеологов украинского движения подобный тезис не выдвигался. Высказывание российского дипломата, очевидно, было продиктовано традиционным взглядом на украинское движение как на плод «польской интриги». Одновременно Свербеев отмечал, что «отношение польского населения к украинцам с течением времени, должно быть, изменится. Разыгравшееся несколько лет назад в Галиции под влиянием украинофилов аграрное движение не на шутку испугало поляков и наглядно доказало им опасность крайне радикального и даже революционного их направления. С той поры симпатии поляков стали постепенно переходить к старорусинам»²⁰.

Социальную базу украинского движения автор характеризовал следующим образом: «К украинской партии принадлежат чиновники, учителя средних учебных заведений и народных школ, профессора и высшее духовенство. За последнее время идеи ее стали проникать при помощи епископов в среду низшего духовенства, а через посредство этого последнего также и в крестьянство». Таким образом, по мнению Свербеева, украинская идеология все глубже проникает в народные массы, прежде полностью политически индифферентные.

Альтернативой украинскому движению Свербеев считал Русско-народную партию, политическую организацию русофилов, которая, однако, «до последнего времени не имела никакого значения не только в парламенте, но и в галицийском Сейме». Он писал, что сама Русско-народная партия относит свое возникновение ко времени присоединения Галиции к Австро-Венгрии, то есть к концу XVIII века, хотя, по его мнению, «как политическая партия она, очевидно, в то время существовать не могла, так-

²⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Л. 177–180.

же и в культурном отношении русский народ не имел самостоятельности, так как Польше удалось ополячить весь интеллигентный средний класс и лишь одно крестьянство и вместе с ним низшее духовенство сохранило неприкосновенной свою народность и осталось верным православия»²¹. Касаясь социального состава партии, Свербеев отмечал, что к ней принадлежат в основном «низшее духовенство и крестьяне, а из более интеллигентных классов только люди, пользующиеся независимым положением, как-то адвокаты и мелкие помещики». Следует отметить, что социальный состав украинских партий и Русско-народной партии был одинаковым, что объяснялось практическим отсутствием среди русинского населения иных социальных категорий, нежели крестьянство и немногочисленная интеллигенция. Таким образом, противоречия между этими двумя течениями носили не социальный, а исключительно национальный характер.

Причину политической слабости Русско-народной партии Свербеев видел прежде всего во враждебном отношении к ней венских властей, которым «племенное родство галицко-русского народа с населением России показалось опасным для Габсбургской монархии». Опасения эти поверенный в делах считал безосновательными, поскольку программа партии основывается на национальном и культурном единстве всех трех русских племен: велико-, бело- и малорусского, единства, не признающего для себя политических границ...; национальное это единство не может быть препятствием для политической лояльности и благонадежности». Залогом такой благонадежности, по его мнению, являлся политический консерватизм русофилов, который в то же время «не мешает сочувствовать и содействовать введению в стране социальных реформ, не выходящих из пределов своей религии и Габсбургской монархии»²². В завершение своего обзора Свербеев подчерки-

²¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Л. 177–180.

²² Там же.

вал, что «для нас украинская партия и вызываемое ей движение представляет, без сомнения, несравненно больший интерес, чем мирная политика Русско-народной партии». Объяснял это он тем, что, «будучи движением революционным, оно всячески старается содействовать подпольным силам, действующим у нас на родине».

С этой же точки зрения оценивал украинское движение посол в Вене Л.П. Урусов. Если поводом для записки Свербеева стало убийство наместника А. Потоцкого, то Урусов посчитал необходимым подробно осветить положение национальностей в Галиции после того, как в целом ряде австрийских изданий прозвучали обвинения в адрес России во вмешательстве во внутренние дела Австро-Венгрии и поддержке русского (русофильского) движения. Это дало повод Урусову составить докладную записку, предназначенную для министра иностранных дел С.Д. Сазонова. В записке посол изложил свое видение ситуации в регионе. По его мнению, «в середине прошлого столетия, с проникновением в Австро-Венгрию национальной идеи, в Вене показалось опасным для Габсбургской монархии духовное и племенное родство такого многочисленного населения этих двух земель (Галиции и Буковины. — *М. К.*) с Россией. Поэтому правительство стало принимать все меры, чтобы обособить русских в Галиции и Буковине [...] насколько возможно, развить среди населения идею самостоятельной украинской национальности, отличной от русской»²³. Посол высказывал убеждение, что в этом правительство «нашло деятельную поддержку со стороны поляков и униатского духовенства», и лишь присущий украинскому движению радикализм в результате привел к тому, что поляки перестали поддерживать его.

В качестве альтернативы «искусственному» украинскому движению посол рассматривал русское или русофильское движение, которое, признавая культурную и духовную связь своей земли с Россией, и «являлось истин-

²³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 130. Л. 121–122.

ным выразителем интересов и настроений своего народа». В конце записки посол сделал вывод о том, что «усиление и развитие украинофильской партии крайне нежелательно. Партия эта своею деятельностью, направленной к развитию украинской национальности, поддерживает украинское сепаратистское движение в нашей Малороссии, где также имеют влияние проповедуемые ей крайние воззрения [...] Что же касается русской народной партии, то развитие ее нам только полезно, этим создается дружественный нам элемент на той же границе»²⁴. При этом посол призывал воздерживаться от открытой поддержки русофилов, указывая на возможные осложнения в австро-русских отношениях.

Восприятие украинского движения исключительно как результата «польской интриги», прозвучавшее в докладной записке Урусова, было вполне традиционным для сотрудников Министерства иностранных дел и даже возникло несколько ранее, нежели концепция интриги венской. Подобные взгляды широко были распространены в российских консервативных кругах, к которым принадлежала значительная часть сотрудников внешнеполитического ведомства. Так, бывший консул во Львове К.П. Пустошкин считал «создание украинства» плодом совместных усилий «трех государственных мужей: графа Бадени, нынешнего наместника Галиции Бобжинского и кардинала Сембратовича»²⁵, когда им потребовалось «еще больше ослабить русскую партию, вселить в ней раздоры, чтобы окончательно стереть само имя русское [...] в Галиции»²⁶.

Именно с целью уничтожения «всего русского», прежде всего идеологии общерусского единства в Прикарпатской Руси, по мнению автора записки «был выписан» во Львов профессор Михаил Грушевский. Пустошкин довольно едко интерпретирует научную концепцию Грушевского: «Укра-

²⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 130. Л. 121–122.

²⁵ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 289/291. Л. 2–16.

²⁶ Там же.

инцы, по заявлению почтенного ученого, совершенно не русские; это особенный народ... слово “русский” — понятие собирательное, так как состоит из двух совершенно отличных народов: из москалей, у которых преобладает монгольская кровь, и украинцев, чистых славян. Украинцы всегда воевали с Москвой и только благодаря предательству Хмельницкого присоединены в 1654 г.»²⁷ Интересно отметить, что Пустошкин в своей записке увязывал конечную цель украинского движения — создание самостоятельного государства, с реализацией аналогичной польской задачи. По его мнению, были «приложены всяческие старания, чтобы оторвать малороссов от России миражами “Самостийной Украйны” под эгидой восстановленной Польши»²⁸.

Таким образом, российские наблюдатели сходились во мнении, что украинское движение в Габсбургской империи было создано искусственно и является не самостоятельным движением, но инструментом в руках Вены или же «поляков», то есть галицийской администрации. Но каковы же были, по их мнению, цели создателей «украинства»? Прежде всего, это раскол в среде «руського» населения в самой Габсбургской империи и ослабление в нем осознания своего единства с русским народом. В приведенных выше записках сотрудников русского посольства в Вене не раз подчеркивалось, что именно «племенное единство» русинов с населением Российской империи, их стихийное осознание общерусского единства воспринимались в Вене с большим неудовольствием. При этом российские наблюдатели обращали внимание на еще одну, не менее существенную задачу Вены — ослабить чрезмерное польское влияние в крае. М.Н. Гирс, сменивший на посту посла в Вене Л.П. Урусова, так писал о причинах позитивного отношения к украинскому движению и польской элиты, и центральной администрации: «Украинское движение [...] поддерживаемое, с одной стороны, правительством как

²⁷ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 289/291. Л. 2–16.

²⁸ Там же.

средство бороться против польского влияния, с другой стороны, теми же поляками, как противовес могущему возникнуть русскому движению»²⁹. Стоит отметить, что Гирс, в отличие от своих коллег, не считал украинское движение созданным в Габсбургской империи, но писал, что в 1880-х гг. оно было перенесено сюда из России, но именно здесь сумело достичь значительных успехов.

«Очаг сепаратизма на нашей границе»: университетский вопрос глазами российских дипломатов

«Университетский вопрос» или вопрос о создании во Львове университета с преподаванием на украинском языке оставался одним из наиболее сложных эпизодов общественно-политической жизни Галиции в первые годы XX века вплоть до начала Первой мировой войны. Именно в нем наиболее ярко отразились такие процессы, как усиление польско-украинских противоречий по мере развития двух национальных движений, рост влияния центральной имперской администрации на решение, казалось бы, сугубо внутргалицийских проблем и, наконец, усиление внешнеполитического влияния национальных движений, в том числе украинского.

Борьба за создание украинского университета имела длительную историю. Львовский университет был основан в 1774 г. Несмотря на то что одной из целей создания университета было «удовлетворение культурных нужд русинов», обучение в нем велось преимущественно на польском языке. Создание в университете ряда кафедр, где преподавание велось на «русинском», то есть, фактически, на украинском языке, являлось одним из условий заключения польско-украинского соглашения 1890 г., известного как «соглашение Бадени-Романчука». Однако, несмотря на то что в 1892 г. была создана, в частности, кафедра украинской (в официальных документах — вос-

²⁹ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 599. Л. 49.

точнославянской) истории, которую двумя годами позднее занял молодой ученый из Киева М.С. Грушевский, сыгравший впоследствии значительную роль в развитии украинского движения, вопрос о дальнейшем развитии образования на украинском языке оставался открытым.

Стремление к созданию в стенах Львовского университета украинских факультетов, то есть утрата его «польскости», вызывало резкое неприятие польской общественности. Не было ни одной партии, готовой пойти на уступки в этом вопросе. В 1903 г. на съезде польских политиков основной задачей была провозглашена борьба против «украинизма» и «германизма», а на проведенном в ответ украинском съезде было заявлено о необходимости вести массовую работу для защиты национальных прав. Львовский университет оказался в эпицентре национальной борьбы³⁰. М.С. Грушевский писал, что «украинский университетский вопрос... идет от одного конфликта до другого, от одной катастрофы к другой»³¹. «Когда в крае воцарялось спокойствие, в университете происходила какая-нибудь авантюра»³², — писал другой непосредственный свидетель и участник происходившего наместник Галиции М. Бобжиньский.

Новый виток борьбы вокруг «университетского вопроса» начался в 1910 г. На этот раз инициатором конфликта стала польская сторона. В начале года совет университета выступил с заявлением, в котором говорилось о необходимости сохранения и защиты польского характера университета. Это вызвало острую ответную реакцию со стороны Украинского клуба в Рейхсрате и Сейме, с протестом выступали профессора-украинцы, вновь прозвучали требования о создании украинского университета. В апреле того же года польские студенты организовали так называемую

³⁰ *Зашкільняк Л., Крикун М.* Історія Польщі: Від найдавніших часів до наших днів. Львів, 2002. С. 418.

³¹ *Грушевський М.* Над свіжою могилою // Літературно-науковий вісник (ЛНВ). 1910. Т. 51. Кн. 7. С. 157–159.

³² *Bobrzyński M.* Z moich pamiętników. Wrocław–Kraków, 1957. S. 302.

«блокаду» университета, не допуская проведения студентами-украинцами никаких собраний и постоянно устраивая против них провокации. Ситуация постепенно накалялась, и 19 мая украинские студенты созвали в стенах университета собрание, на котором потребовали от правительства скорейшего разрешения университетского вопроса, а от сената — снятия блокады и обеспечения студентам-украинцам возможности спокойно посещать занятия³³. Напряжение усилилось, когда в конце июня украинские студенты организовали всеобщее собрание, на которое, помимо львовян, съехалось несколько десятков студентов из других городов³⁴. В свою очередь, польские студенты вступили с украинцами в настоящее сражение, забаррикадив выход из аудитории, в которой собрались украинцы. Драка между студентами закончилась перестрелкой, в которой погиб украинский студент А. Коцко, были ранены с обеих сторон. Опасаясь, что похороны убитого студента будут превращены украинцами в демонстрацию, наместник предпринял все возможные меры безопасности. Никаких инцидентов не произошло, однако этот трагический случай красноречиво свидетельствовал о том, насколько накалена обстановка в университете.

Посол России в Вене Л.П. Урусов, с большим вниманием следивший за событиями в Галиции, отметил в своем донесении, что «эти беспорядки не явились неожиданностью. Взаимные отношения между польскими и украинскими студентами всегда были враждебными и между ними неоднократно происходили более или менее серьезные столкновения»³⁵. Оценивая политическое значение львовских событий, Урусов отмечал, что, хотя они и не приведут к организации отдельного украинского высшего учебного заведения, но создадут новые затруднения правительству, которому приходится учитывать позиции

³³ *Bobrzynski M. Z moich pamiętników. Wrocław–Kraków, 1957. S. 302.*

³⁴ *Spectator. Процесс 101 // ЛНВ. 1911. Т. 54. Кн. 5. С. 362–377.*

³⁵ *ВВРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 6. Л. 133–135.*

обеих сторон³⁶. Очевидно, по мнению Урусова, что правительство постарается найти компромиссное решение, поскольку «ему одинаково невыгодно вооружить против себя и поляков, и украинцев. От первых зависит правительственное большинство в Парламенте. Украинцы же необходимы Австро-Венгерскому правительству как противовес влиянию поляков в Галиции, а, кроме того, из Вены должны поддерживать эту, искусственно созданную Австрией, партию, в особенности после того, как Русская партия получила политическое значение»³⁷. В конце донесения посол приходил к выводу, что позиция Вены, от которой и зависело в итоге решение проблемы, была непосредственно обусловлена политическим расчетом. Необходимость сохранить политическое равновесие в Галиции, с одной стороны, и не допустить усиления здесь пророссийских настроений — с другой, вынуждали правительство приложить все возможные усилия для урегулирования конфликта.

Посол отмечал также, что за последнее время, несмотря на усилия со стороны властей сгладить ситуацию, противостояние между польским и украинским студенчеством только усилилось: «не дожидаясь результата переговоров между вождями украинской партии и правительством по этому вопросу, радикально настроенная университетская молодежь решила на месте доказать невозможность сожителства представителей обеих национальностей в стенах одного и того же университета»³⁸. Основную вину за кровавый оборот посол возлагал на украинцев, поскольку именно они первыми пустили в ход огнестрельное оружие, отмечая, что польское студенчество «тоже виновно в этом прискорбном событии, своим нетерпимым отношением всячески раздражая студентов других национальностей»³⁹.

---

³⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 6. Л. 133.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

На принципиально новый уровень университетский вопрос вышел в 1912 г. Считая, что «университет украинцы должны получить из рук центрального правительства»⁴⁰, украинские представители основную борьбу по этому вопросу развернули в общеимперском парламенте. При этом украинцы подчеркивали, что создание украинского университета необходимо и для самой Австро-Венгрии. Как заявил несколько позднее, в мае того же года, депутат Окуневский, если Россия одумается, изменит свою национальную политику и «начнет собирать свой народ», положение Австрии заметно осложнится⁴¹. Внешнеполитический аспект проблемы создания украинского университета был очевиден и для венского кабинета. По свидетельству К. Левицкого, одного из руководителей украинского парламентского представительства, министр иностранных дел А. Эренталь, отвечая на вопрос украинского политика о значении украинского университета, прямо заявил, что необходимо удовлетворить основные требования украинцев, с тем чтобы у них не было бы оснований тяготеть к России, а также и у России не было бы оснований вмешиваться во внутренние дела Австрии, что могло бы послужить *casus belli*, и что открытие университета — это первое, что должна сделать Австрия, дабы опередить Россию⁴².

В борьбе за самостоятельный университет украинцы прибегли к своему излюбленному приему — парламентскому бойкоту, который грозил сорвать принятие важнейших для государства законопроектов, в том числе военных, что в условиях роста международной напряженности было крайне нежелательно. Это, несомненно, побудило правительство пойти навстречу украинским требованиям и ускорить принятие решения по университетскому вопросу. В начале мая министр-президент Цислейтании К. Штургк

⁴⁰ *Ignotus*. З австрійської України. Деякі підрахунки // ЛНВ. 1913. Т. 62. Кн. 3. С. 557–564.

⁴¹ *Левицкий К.* Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі спомніків. Львів, 1926. С. 613.

⁴² Там же. С. 606.

пригласил к себе К. Левицкого и в доверительной беседе сообщил ему, что правительство со дня на день предложит свой проект разрешения университетского вопроса⁴³. Вскоре начались переговоры об условиях создания украинского университета. Действия правительства как одного из участников переговорного процесса во многом способствовали тому, что стороны перешли к конкретному обсуждению пунктов соглашения, однако сохранялись те непримиримые противоречия, которые не позволяли ситуации сдвинуться в мертвой точки. Польские партии, и прежде всего Национально-демократическая, всегда последовательно выступавшая против создания украинского университета, в целом одобрительно отнеслись к проекту. Однако с их стороны были выдвинуты следующие требования: университет должен находиться в другом городе, одновременно должен быть признан польский характер Львовского университета, профессора-русины не должны иметь права голоса при обсуждении дел университета. Также предлагалось отменить преподавание на «руськом» языке.

В мае 1912 г. правительство выступило с предложением, согласно которому в послании императора не будет говориться о месте создания украинского университета. Кроме того, правительство предложило профессорам-русинам принимать участие в обсуждении лишь тех вопросов, которые непосредственно касаются подготовки к созданию самостоятельного университета. Согласно предложениям правительства, польский характер университета признавался бы в отдельном положении письма императора, поскольку ранее польский язык уже был признан языком управления, преподавания и экзаменов во Львовском университете. Преподавание же на «руськом» языке сохранялось «в виде исключения» до создания самостоятельного украинского университета. Представители Украинского парламентского клуба подобные предложения отвергли,

⁴³ *Левицкий К.* Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі спомніків. Львів, 1926. С. 98. С. 612.

расценив их как провокацию с польской стороны. Российский посол Н.Н. Гирс отметил, что «украинский парламентский клуб категорически отверг такие условия как неприемлемые, считая, во-первых, что вопрос об университете нельзя ставить в связь с обструкцией, так как последняя будет продолжаться до тех пор, покуда не будет проведена угодная украинцам выборная Сеймовая реформа, отказываясь от обструкции, они тем самым соглашаются с желаемой польским большинством Сейма реформой, что невозможно. Во-вторых, 10-летний срок, то есть переходное время, есть не что иное, как требование польского клуба, имеющего в виду за этот срок окончательно ополычить существующий ныне университет, причем украинцам не дается никаких гарантий, когда, где и как будет учрежден их самостоятельный университет. Что же касается месторасположения одного, то он не может быть иным, как тот же Львов, столица Червонной Руси, иначе, по мнению клуба, и самый университет не имеет смысла. Соглашаясь на какой-либо другой город Галиции, украинцы тем самым уступили бы полякам все права, как на Львов, так и на всю провинцию»⁴⁴. Таким образом, с точки зрения российского дипломата, украинцев не устраивал вариант, фактически исходящий из польских кругов и защищающий в большей степени польские национальные интересы.

С целью вынудить парламентский Украинский клуб прервать обструкцию 18 июня с письмом к украинцам обратился император Франц Иосиф. В письме он отмечал их патриотизм и выражал огорчение, что они тормозят ход военной реформы. При этом император впервые употребил понятие «украинский» вместо традиционного «рутенский» (Ruthenen), что многими наблюдателями было расценено как официальное признание нового термина⁴⁵. Письмо императора произвело нужное впечатление, и украинский клуб приостановил обструкцию. Употребление ново-

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 133. 1912 г. Д. 124. Л. 64–66.

⁴⁵ Щеголев С. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912. С. 369.

го этнонима вызвало негодование с польской стороны, и министр внутренних дел барон Гейнольд вынужден был извиниться за «ошибку».

То, что университетский вопрос имел не только внутриполитическое значение, но мог оказать большое влияние и на русско-австрийские отношения, было очевидно и для российских наблюдателей. В уже процитированной выше записке посол в Вене Гирс также обращал особое внимание на то, что «учреждение такого высшего учебного заведения в столице Червонной Руси было бы для интересов императорского правительства крайне нежелательным, так как могло бы в будущем послужить могучей опорой растущему у нас украинскому сепаратизму и привлекло бы к себе симпатии нашей малорусской квази-интеллигенции. Рассадник “украинского просвещения”, конечно, не имел бы других целей, кроме политических и притом революционных по отношению к нашему отечеству»⁴⁶. Позицию центрального австрийского правительства в университетском вопросе Гирс оценивал достаточно скептически, отметив, что она, несомненно, во многом определяется внешнеполитическими факторами, а именно желанием Вены усилить влияние украинской идеи не столько в самой Австро-Венгрии, сколько в Российской империи. Так, сообщая позднее о прекращении украинским клубом обструкции военным законам, Гирс отметил, что «поощрение украинцев как партии, открыто высказывающей свою вражду к России, находится в связи с общими настроениями в Австрии, не слишком дружелюбными к нам»⁴⁷. При этом посол высказал уверенность в том, что «австрийское правительство, вероятно, думает создать для нас серьезные затруднения в будущем. Нельзя отрицать вреда, который может принести нам создание малороссийского университета в Галиции, ввиду несомненно существующего в России сепаратистического течения. Я не берусь судить о

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 64–66.

⁴⁷ Там же. Л. 73–75.

степени опасности, представляемой им для нас, хотя убежден, что расчеты наших недоброжелателей в этом вопросе очень преувеличены»⁴⁸. Рассуждая о том, какую линию поведения следует выбрать российской дипломатии, посол отметил, что, несмотря на то, что «воздействовать против учреждаемого университета мы не можем, но от нас зависит не слишком подчеркивать в прессе враждебного отношения к России галицких украинцев: это лишь поощряет австрийцев к удовлетворению их домогательств»⁴⁹.

Центральное правительство, опасаясь того, что решение университетского вопроса, а следовательно, и польско-украинское примирение будут отложены на неопределенный срок, выступило с новыми предложениями, согласно которым предполагалось ускорить создание украинского университета, и открыть его уже в 1916 г., признав Львовский университет исключительно польским. 1 декабря 1912 г. начался новый тур польско-украинских переговоров. Принципиальным пунктом, который оставался основным предметом дискуссии между сторонами, по-прежнему было признание польского характера Львовского университета. При этом украинская сторона была воодушевлена благосклонным отношением к ее представителям императора на его встрече с депутатами в Будапеште в ноябре того же года. На этой встрече К. Левицкий в беседе с Францем Иосифом настойчиво подчеркивал, что лояльность украинского населения Австро-Венгрии во многом зависит от того, насколько Вена будет склонна удовлетворить его культурные потребности, в том числе и в сфере высшего образования. Со своей стороны, поляки активно отстаивали свою позицию, стремясь доказать, что «польскость» не только университета, но и самого Львова находится под угрозой. Несмотря на эти постоянные противоречия, к концу декабря в деле переговоров наметился определенный прогресс. В ответ на высказанные польски-

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 73–75.

⁴⁹ Там же.

ми представителями опасения о том, что 10-летний переходный период пагубно отразится на польском характере Львовского университета, министр просвещения выдвинул предложение сократить переходный период до четырех лет, и таким образом украинский университет должен был быть создан уже к 1916 г.

Анализируя результаты переговоров, посол в Вене Гирс, отмечая «принципиальную решенность» вопроса, отмечал все же некоторые различия в польских и украинских формулировках. В изложении посла условия украинской стороны звучали следующим образом: до учреждения «рутенского» университета (Гирс отметил, что слово «рутенский», то есть официальное название восточнославянского населения Австро-Венгрии, не без умысла употребляется вместо слова «украинский») во Львовском университете никаких перемен не предвидится. В 1914 г. правительство обязалось внести в Рейхсрат закон об учреждении самостоятельного «рутенского» университета. Если до октября 1916 года законопроект не станет еще законом, то будет основана декретом правительства самостоятельная высшая школа с преподаванием на «рутенском» языке. Одновременно с созданием «рутенского» университета или такой высшей школы состоится признание за ныне существующим Львовским университетом исключительно польского его характера⁵⁰. При этом последствия создания украинского высшего учебного заведения «близ нашей границы», Гирс оценивал как негативные, поскольку «каковы ни будут научные достоинства этого университета, он главным образом станет центром сепаратистической политической пропаганды, могущей, особенно при шумном, слишком резком к ней отношении наших властей, производить самое вредное действие на умы населения наших юго-западных губерний»⁵¹. Еще более негативную оценку перспективе создания украинского университета давал

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 131–132.

⁵¹ Там же.

поверенный в делах посольства в Вене Н.А. Кудашев. Будучи активным противником украинского движения, он писал, что «нетрудно будет себе представить, во что обернется такое quasi- научное учреждение, как высшая украинская школа во Львове, если она в самом деле возникнет. В умелых руках австрийского правительства и, конечно, тех же поляков она будет орудием борьбы с Россией и со всем русским»⁵². О том, что создание украинского университета во Львове имеет не только внутри-, но и внешнеполитическое значение и во многом создается именно с целью воздействия на украинское движение в России, писал в одном из своих обзоров В. Сватковский, корреспондент Санкт-Петербургского телеграфного агентства. По его словам, «идейным основанием (соглашения) является увенчание так называемой украинской национальности украинским университетом, рассадником украинской культуры и интеллигенции, как здесь надеются, не в одной Габсбургской монархии, но и в России»⁵³. Подобное отношение к возможности возникновения на территории соседнего государства украинского университета высказывали и представители других российских ведомств. Так, в сводке агентурных сведений разведывательного отделения Киевского военного округа также высказывалось твердое убеждение, что «львовский украинский университет построен не для украинцев-австрийцев. Он имеет целью дать возможность украинцам русским... поступить в родной национальный университет и там дополнить свое политическое воспитание. Таким образом, Львовский университет будет служить постоянным связующим звеном между украинцами русскими и австрийскими»⁵⁴.

Несмотря на то что российские наблюдатели говорили об украинском университете как о решенном вопросе,

⁵² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 14. Л. 52–54.

⁵³ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 745/802. Л. 57–66.

⁵⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1388. Л. 55.

участники переговорного процесса к концу 1912 г. еще не пришли к соглашению. Наиболее сложной в обсуждении стала проблема гарантий «польскости» львовского университета — с одной стороны, и соблюдения прав украинцев — с другой. На протяжении 1913 г. украинские представители в Рейхсрате неоднократно пытались вернуться к вопросу о создании университета. Основной акцент теперь ими делался на том, что именно удовлетворение справедливых требований украинского народа (при этом неоднократно подчеркивалось, что в пределах Австро-Венгрии проживает именно украинский народ, обладающий развитым самосознанием) сделает его неуязвимым для русофильской агитации⁵⁵. В то же время украинцы практически отказались от своего прежнего намерения не связывать решение университетского вопроса с подготовкой избирательной реформы и все чаще говорили об одновременном решении этих важнейших для украинского движения вопросов⁵⁶. Новый импульс процессу был придан уже в начале 1914 г., когда митрополит А. Шептицкий, приняв участие в переговорах по избирательной реформе в качестве посредника, высказал предположение, что согласие польской стороны на открытие украинского университета послужило бы проявлением стремления поляков к достижению национального примирения. Успешное окончание переговоров по избирательной реформе сделало возможным и компромисс. Польская сторона наконец выразила согласие на возобновление переговоров, более того, готова была смягчить свои требования⁵⁷. Украинцы восприняли это как свою победу, однако конкретных шагов к открытию украинского университета так и не было сделано, а начавшаяся вскоре мировая война превратила создание учебного заведения в дело далекого будущего.

⁵⁵ *Левицкий Л.* Історія політичної думки галицьких українців. С. 678.

⁵⁶ *Клопова М.* Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX — начале XX века. М., 2016. С. 196.

⁵⁷ *Левицкий Л.* Історія політичної думки галицьких українців. С. 686.

В ходе кампании за создание университета галицийские украинцы сумели утвердить себя в качестве выразителей интересов всего восточнославянского населения Габсбургской империи, что позволило им заметно продвигаться по пути консолидации украинского движения Австро-Венгрии. Одновременно украинцы Восточной Галиции позиционировали себя как авангард национального движения украинского народа по обе стороны австро-российской границы. Однако следует отметить, что такое декларированное украинское единство, несмотря на несомненные успехи австрийских украинцев, оставалось все еще недостижимым. Более того, активная, даже иногда агрессивная, интеграция в общеимперскую политическую систему, которую проводили представители украинского движения в Австро-Венгрии, препятствовала их сближению с единомышленниками в России. В конечном итоге успешное для украинской стороны завершение борьбы за создание украинского университета было успехом именно австрийских украинцев, но не украинского движения в целом.

Украинское движение во внешнеполитических расчетах Вены и Петербурга

1912–1914 гг. стали важнейшим этапом в развитии системы международных отношений. Завершилось формирование военно-политических блоков — Антанты и Тройственного союза, обозначились основные «болевые точки» в европейской политике. В отношениях России и Австро-Венгрии, принадлежавших к противоборствующим блокам, стало очевидным нарастание напряженности, чреватой в будущем военным столкновением. Изменение международной ситуации не могло не сказаться и на развитии национальных движений в рассматриваемом регионе. Как в Вене, так и в Петербурге осознавали возможность использования в своих интересах национальных движений в случае возникновения межгосударственного

конфликта. По мере роста напряженности в австро-российских отношениях в Вене все более позитивно относились к украинскому движению. Прежде всего, Габсбургской империи была жизненно необходима внутренняя консолидация, возможная лишь при разрешении основных национальных конфликтов, к числу которых принадлежал и польско-украинский. Сохраняла свою актуальность традиционная причина поддержки Веней украинского движения — создание противовеса польскому влиянию в Галиции. Наконец, поддержка австрийскими властями украинского движения в пределах Габсбургской монархии могла бы способствовать росту проавстрийских настроений не только среди ее восточнославянского населения, но и среди украинского населения Российской империи. Нет сомнений, что в Вене и раньше отчетливо осознавали реальную возможность использования украинского движения в Галиции против России. Не случайно в первый раз открытая поддержка украинскому движению была оказана на рубеже 1870-х — 1880-х гг., когда столкнулись интересы России и Австро-Венгрии на Балканах. В XX веке украинское движение вновь привлекло внимание австрийского правительства не только в качестве противовеса польскому влиянию в Галиции, но и как возможный инструмент внешней политики в ходе аннексионного кризиса 1908 г. По выражению поверенного в делах посольства в Вене С. Свербеева, австрийское правительство «сочло снова необходимым задобрить враждебный нам элемент на нашей границе, и идет навстречу украинофильским вожделениям»⁵⁸. Свербеев высказывал убежденность, что это напрямую связано с кризисом в австро-российских отношениях, поскольку «за последние годы, вместе с улучшением наших отношений с Австро-Венгрией, центральное венское правительство решилось было лишить своего покровительства радикальную пропаганду младорусин»⁵⁹, теперь же

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Л. 177–180.

⁵⁹ Там же. Л. 177.

они вновь обрели поддержку Вены. Также поверенный в делах отметил, что подобная политика поддерживалась и Германией, которая, «не доверяя России и опасаясь ее, видела в революционных тенденциях украинцев, стремящихся к объединению с нашей Малороссией, своего естественного союзника»⁶⁰.

Все чаще усилия правительства в Вене были направлены на то, чтобы, удовлетворив часть требований украинцев в Галиции, сделать, по выражению министра иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталя, «Галицию центром притяжения всей украинской национальности», имея в виду отнюдь не только русинов Австро-Венгрии, но и малороссийское население соседней империи⁶¹. Эренталь был одним из первых австрийских политиков имперского масштаба, осознавших возможность использования украинского движения для решения не только внутри-, но и внешнеполитических задач в условиях роста напряженности в отношениях с Россией. Летом 1911 года состоялась его встреча с К. Левицким. Последний вспоминал, что был удивлен, насколько хорошо осведомлен Эренталь о ситуации в Галиции, в том числе и о польско-русинских отношениях. Как с сожалением отмечал Левицкий, со смертью Эренталя подобные контакты практически прекратились⁶².

Мысли о внешнеполитическом значении украинского вопроса в Габсбургской монархии периодически высказывали и видные украинские политики. Так, еще в 1908 г., желая подчеркнуть симпатии к Габсбургам не только галицийских и буковинских украинцев, но и их малороссийских соплеменников, один из активных деятелей украинского движения К. Трилёвский заявлял, что центр украинского движения, «находящийся теперь в Киеве, может быть перемещен во Львов»⁶³. Позднее, в связи с обсуж-

⁶⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Л. 178.

⁶¹ *Mittler A.* Польский вопрос в отношениях Германии с Австро-Венгрией и Россией // Исследования по истории германского империализма. М., 1978. С. 214–224.

⁶² *Левицкий К.* Історія політичної думки галицьких українців.. С. 612.

⁶³ АВПРИ. Ф. 138. Д. 744. Л. 213–215.

дением вопроса об украинском университете в Австро-Венгрии, украинский историк и политик А. Колесса отметил в одном из своих парламентских выступлений, что «правительство должно понимать, что путем создания украинского университета во Львове и присвоения НТШ статуса Академии... центр культурной жизни всего украинского народа переносится на галицкую почву»⁶⁴. Тем не менее интерес австрийских верхов к украинскому движению как фактору внешней политики был еще непостоянным.

Ситуация постепенно начала меняться в 1912 г., когда с ростом международной напряженности, а в данном контексте и напряженности в австро-русских отношениях, Вена вновь обратила внимание на украинское движение. Несмотря на то что основная часть украинских депутатов заявляла о своей оппозиции правительству, с их стороны все чаще раздавались антирусские высказывания, находившие поддержку у части австрийских политиков. Наиболее последовательно выступал с этих позиций лидер буковинских украинцев Н. Василько, еще недавно заверявший русского консула в Черновцах, что лично он является искренним другом русского народа⁶⁵. Посол в Вене Н.Н. Гирс в одном из своих донесений подробно передал содержание речи Василько, который в начале марта 1911 г. «заявил, что он приветствует стремление австро-венгерского правительства поддерживать хорошие отношения с Россией в интересах сохранения общего мира, но он должен объявить себя врагом существующего в России государственного строя, так как под покровительством русского правительства в Галиции происходит русская пропаганда среди местных украинцев»⁶⁶. Василько обвинил российские власти в поддержке русофильских настроений среди местного населения с целью «увлечь его на путь национального и государственного соединения с русским народом, с кото-

⁶⁴ *Левицкий К.* Історія політичної думки галицьких українців. С. 543.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. 155. 1–4. Оп. 456. 1903 г. Д. 29. Л. 16–41.

⁶⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1911 г. Д. 6. Л. 69–72.

рым украинцы ничего общего не имеют»⁶⁷. Оратор высказал надежду, что австрийское правительство предпримет самые энергичные меры против русской пропаганды в Галиции и Буковине. Сочтя, что «подобная речь представителя партии, пользующейся поддержкой Австрийского правительства, не может способствовать улучшению отношений между обоими государствами», Гирс обратился к временному управляющему Министерством иностранных дел барону Мюллеру «с просьбой передать министру... сколь я поражен и огорчен речью г-на Василько, которая отнюдь не может способствовать улучшению отношений между обоими правительствами, к которому, насколько мне известно, стремится г-н Эренталь»⁶⁸. Представитель министерства с сочувствием выслушал слова русского посла и заверил его, что австрийский министр иностранных дел А. Эренталь огорчен провокационной речью депутата Василько не меньше его. Однако посол с горечью отметил, что вряд ли все в Вене разделяют подобную позицию, поскольку «в газетах появилось известие о том, что император Франц Иосиф в Будапеште на приеме... обратился к г-ну Василько и благодарил его за патриотическую деятельность в Делегациях»⁶⁹.

Следует отметить, что основной акцент в своих анти-русских выступлениях украинские политики делали на противодействии усиливавшейся, по их мнению, российской агитации в регионе, которая могла бы нанести вред Габсбургской империи. При этом они прямо обвиняли как российских представителей в Австро-Венгрии, так и официальный Петербург в инспирировании и поддержке русофильского движения, представляя его, таким образом, исключительно как российскую креатуру. Примером может служить речь Ю. Романчука по вопросу о русской агитации в Галиции. Романчук, будучи одним из наиболее

⁶⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1911 г. Д. 6. Л. 69–72.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

умеренных украинцев, заявил, что русины имеют полное основание желать добрых отношений Австрии с Россией, но в России в последнее время в газетах было заметно враждебное Австрии течение, имеющее целью внушить русинам, что они не составляют отдельной народности, а должны соединиться с русскими и перейти в православие. Депутат подчеркнул, что «эта пропаганда причиняет в Галиции немалый вред, тем более, что в Галиции существует русофильская партия, которая желает слиться с русской национальностью вследствие недостатка веры в самое себя и вследствие способа обращения с нею правительства и господствующей партии»⁷⁰.

Наметившаяся тенденция вызывала недовольство со стороны российских наблюдателей. Поддержка украинцев в Галиции и Буковине рассматривалась как одновременное содействие украинскому сепаратизму в России. Анализируя позицию официальной Вены, Гирс писал, что «остается допустить, что поощрение украинцев как партии, открыто высказывающей свою вражду к России, находится в связи с общими настроениями в Австрии, не слишком дружелюбными к нам»⁷¹. По его словам, в последние дни «в газетах и журналах все чаще появляются статьи, разъясняющие публике, что такое украинцы, а что малороссы. При этом делаются самые неожиданные, но не лишённые находчивости подтасовки общеизвестных исторических фактов. От чтения этих статей остается впечатление, будто Малороссия своего рода Польша, покоренная Россией окраина, не примирившаяся со своею неволей и ждущая лишь случая, чтобы освободиться от русского владычества»⁷². Особое внимание Гирс обратил на то, что такие статьи, не редкие для галицийской прессы, появлялись в эти дни в близких правительству органах, как, например, «Oesterreichische Rundschau», что произвело на него весьма негативное впечатление.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 59–61.

⁷¹ Там же. Л. 73–75.

⁷² Там же.

чатление. Посол неоднократно подчеркивал, что, «поощряя украинофильство в Галиции, австрийское правительство, вероятно, думает создать для нас серьезные затруднения в будущем»⁷³.

Касаясь позиции самой России в этом вопросе, Гирс отмечал, что, не имея возможности вмешиваться во внутренние дела Габсбургской монархии, она, тем не менее, может существенно ослабить позицию украинцев, «не слишком подчеркивая в прессе враждебного отношения к России галицких украинцев: это лишь поощряет австрийцев к удовлетворению их домогательств»⁷⁴. Таким образом, российский посол придерживался традиционного для российской дипломатии подхода к становившемуся все более актуальным вопросу использования националистических движений народов Австро-Венгрии во внешнеполитических целях. Следует отметить при этом, что значительно большее значение российские наблюдатели придавали активизации польского движения и контактам с ними представителей австрийских верхов. Особое беспокойство вызывала поддержка австрийскими властями польских воензированных формирований — «Сокола» и «Стрелецкого союза», в которых видели реальную силу, способную нанести Российской империи чувствительный удар⁷⁵.

Следует отметить, что украинские политики, заверяя Габсбургов в своей лояльности и подчеркивая угрозу, исходящую из России, преследовали свои прагматические цели. Они полагали, что Вена, желая сохранить и развить лояльность «русинов», поддержит их требования (в первую очередь, о создании украинского университета) именно потому, что оно имело бы важное внешнеполитическое значение. При этом улучшение австро-российских отношений было для украинских политиков очевидно нежелательным. Именно поэтому они с большим опасением воспри-

⁷³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 64.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 467. Д. 745/802. Л. 27.

няли назначение в конце 1913 г. нового российского посла в Вене Н.Н. Шебеко. В австрийской прессе активно обсуждались предположения, что одной из задач нового посла является достижение соглашения между Австро-Венгрией и Россией, в том числе и по вопросу о статусе русского языка в Галиции⁷⁶. Это вызвало беспокойство со стороны украинских представителей в Рейхсрате, в результате чего К. Левицкий и Н. Василько обратились с запросом о полномочиях вновь назначенного российского посла Н.Н. Шебеко. В запросе содержались сведения о миссии, возложенной якобы на Шебеко, «достигнуть соглашения с Австрией по вопросам, касающимся Галиции»⁷⁷. Выступая 12 декабря 1913 г. на заседании парламента с запросом, К. Левицкий заявил, что «критическая точка внешней политики лежит теперь не на юге, в Албании, а на востоке, в Галичине, где существует реальная опасность войны». В конце Левицкий подчеркнул, что основной заботой Австрии должен быть не страх перед Россией, а улучшение положения ее собственных народов и предложил заменить краевую автономию автономией народов.

В апреле 1914 г. Василько и Левицкий вновь обратились к министру иностранных дел Берхтольду с запросом по поводу обложения в России особой таможенной пошлиной книг и газет на малороссийском языке, что было расценено ими как попытка прямого вмешательства во внутренние дела иностранного государства⁷⁸. Позднее теми же делегатами-украинцами внесен был по адресу министра иностранных дел другой запрос. Поводом стали слова российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова. В своей речи в Государственной думе в мае 1914 г. министр выразил надежду, что «австрийское правительство не допустит, чтобы замеченное в последнее время среди антирусски настроенных элементов в Галиции враждебное

⁷⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 4. Л. 31.

⁷⁷ Там же. Л. 27.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 158. Л. 2–4.

движение, стремящееся создать затруднения в русских пограничных губерниях, нарушало добрососедские отношения обеих держав»⁷⁹. Эти слова дали украинским лидерам повод заявить, что «в Галиции не существует русофобского движения и что, напротив того, из соседнего государства ведется русофильская и австрофобская агитация», и обвинить Сазонова в том, что «эта часть речи русского министра может быть понята следующим образом: что противодействие этому движению Министр считает русофобией, с одной стороны, отождествляя с этим себя самого, с другой, требуя его спокойного допущения австрийским правительством». Далее депутаты заявили, что «слова русского министра можно понять и в том смысле, что стремление нашего народа к культуре и экономическому развитию Галиции он называет русофобией, потому что оно противоречит желанию России и требует как условие дружбы обеих сторон противодействия этому стремлению»⁸⁰. В конце украинцы обратились к министру иностранных дел графу Берхтольду с рядом вопросов, сводившихся к тому, были ли известны министру эти заявления до представления их в Думе и не считает ли он эти заявления попыткой вмешательства во внутренние дела монархии. В ответ на запрос украинцев граф Берхтольд не без раздражения заявил: «Те разъяснения, которые я дал комиссии делегаций о наших отношениях с Россией, делегаты Левицкий и Василько признали недостаточными. Возможность проявления влияния России на характер наших внутренних отношений естественным образом исключается, поэтому все высказанные в этом смысле опасения не обоснованы»⁸¹. В конце Берхтольд заверил украинских депутатов, что австрийское правительство с величайшим интересом относится к культурным достижениям австрийских украинцев.

Вскоре в австрийском Рейхсрате прозвучали новые обвинения в адрес России со стороны украинских депутатов.

⁷⁹ Россия. Государственная Дума. 4-й созыв; сессия II. 10 мая 1914 г. Ст. 338.

⁸⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 158. Л. 2–4.

⁸¹ Там же. Л. 4.

По сообщению посла Н.Н. Шебеко, «большинство ораторов резко критиковали заявления гр. Берхтольда касательно отношений Австро-Венгрии к России. При этом указали на усиление вооружения России, на антиавстрийскую агитацию в Галиции и Буковине, а также на наводнение будто бы страны целой армией русских шпионов, как на весьма тревожные симптомы, противоречащие заявлениям министра иностранных дел»⁸². Граф Берхтольд вновь не отрицал «прискорбного факта анти-австрийской агитации в Галиции», заверив, что «правительство со своей стороны зорко следит за этим движением, источник коего кроется в известных политических течениях в соседнем Государстве»⁸³. В качестве примера министр сослался на недавний процесс над русофилами во Львове. Важно отметить, что один из непосредственных участников этих событий, граф Бобринский, обвинявшийся в разжигании антиправительственной агитации на территории «русских» земель Австро-Венгрии, заявил позднее в своем выступлении в Государственной думе, что слова Берхтольда призваны подчеркнуть весомость обвинений⁸⁴.

В это же время в ходе дискуссии о бюджете министерства иностранных дел 8 мая 1914 г. К. Левицкий заявил, что русско-австрийские отношения в данный момент являются важнейшим моментом для украинского народа. Подчеркнув, что в Австро-Венгрии нет россиян, а в Галиции, Буковине, Угорской Руси живут украинцы, он заявил, что Россия, парализовав каждый шаг Австро-Венгрии на Балканах, мобилизует силы на австро-российской границе, а пропаганда православия суть подготовка русской национальной идеи и является шагом на пути отрыва Галиции и Буковины от Австрии. Это, по словам Левицкого, явилось следствием недальновидной политики австрийских властей, отдавших украинский народ под власть поляков,

⁸² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 163. Л. 19–20.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Россия. Государственная Дума. Четвертый созыв; сессия II. 10 мая 1914 г. Ст. 382.

а российское правительство смогло использовать это недоверие в своих интересах. При этом Левицкий высказал требование, с некоторого времени вновь появившееся в программе украинских партий: создание национальной автономии в составе Восточной Галиции и Буковины⁸⁵.

Российские наблюдатели, оценивая современный этап развития украинского движения, с заметным беспокойством отмечали укрепление его связей с австрийскими верхами. При этом, несмотря на то, что традиционное восприятие его как польской или же австрийской креатуры сохранялось, все чаще об украинском движении говорилось как о самостоятельной политической силе. В то же время, видя в нем одного из своих главных противников в Галиции, российские дипломаты не могли не отметить внутренних противоречий в украинском движении в период, непосредственно предшествовавший началу мировой войны. Особое внимание на это обратил в июле 1914 г. российский консул во Львове М.С. Верховцев, направивший в МИД обширную записку о политической ситуации в Галиции в целом и о современном положении всех существовавших в это время национальных партий⁸⁶. Верховцев, хорошо знавший галицийские реалии, отмечал падение украинского влияния буквально в последние месяцы «отчасти вследствие значительного падения интереса сельского населения к политической жизни вообще, отчасти потому, что парламентская политика украинцев в течение последних лет сделалась явно оппортунистической и потому не соответствует больше нуждам крестьянского населения»⁸⁷. Он также указывал на то, что политическая деятельность украинцев в последнее время сводилась в основном к более или менее удачным политическим комбинациям с венским кабинетом и польским клубом, что не могло не привести к падению ее популярности в народе. Таким образом, по мере развития украинского движе-

⁸⁵ *Левицкий К.* Історія політичної думки галицьких українців. С. 706.

⁸⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 158. Л. 2–4.

⁸⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 165. Л. 19–29.

ния в Австро-Венгрии отношение российских дипломатов подвергалось некоторой корректировке. Оценка его как движения революционного, социалистического уступила место восприятию как движения националистического, сепаратистского. При этом особое беспокойство вызывала возможность использования украинской идеологии для привлечения симпатий малороссийского населения Российской империи в случае военного конфликта с Австро-Венгрией.

Следует отметить, что возрастающее влияние украинцев в Австро-Венгрии как самостоятельной политической силы отмечали не только сотрудники российского внешнеполитического ведомства. О том, что украинский вопрос имеет прежде всего политическое значение, не раз говорилось с трибуны российской Государственной думы. Так, зимой 1914 г. при обсуждении вопроса о праздновании юбилея Т.Г. Шевченко, вызвавшем жаркие споры, депутаты не раз обращались к обсуждению международного аспекта украинского вопроса. Так, представитель правых В.М. Пуришкевич заявил в своем выступлении в связи с этим, что именно активное развитие украинского движения в соседней монархии не позволяет либерально отнестись к вопросу о праздновании юбилея. По его словам «в данный момент, это движение тем опаснее, что и у соседа нашего, с которым мы, по-видимому, находимся в добрососедских отношениях, но если покопаться поглубже, то будет видно нечто совсем иное, за рубежом, в Австрии, самым усиленным образом пропагандируется идея украинофильской самостоятельности»⁸⁸. В заключение Пуришкевич подчеркнул, что политика Вены в этом вопросе не что иное, как «желание раздуть то движение, которое может, перекинувшись в Россию и охватив народные массы, создать благоприятную почву для нашего соседа в минуты ожидаемых боевых схваток, которые, может быть, не за горами»⁸⁹. О том, что явно

⁸⁸ Россия. Государственная Дума. 4-й созыв; сессия II, заседание 37. 11 февраля 1914 г. Ст. 722.

⁸⁹ Там же.

оказываемая Веной поддержка украинского движения в Австро-Венгрии имеет несомненный внешнеполитический аспект, говорили также лидер кадетов П.Н. Милюков и ряд других депутатов. Милюков отметил, что, «когда австрийское правительство поняло великое значение украинского культурного центра в пределах Австрии, то сам Император повлиял известным образом на хозяев этого края... на поляков»⁹⁰. Депутат Александров напомнил о том, что «в прошлом году в рескрипте австрийского Императора говорилось об украинстве»⁹¹, отметив, «что этот момент совпал с тем моментом, когда мы думали, что мы накануне войны с Австрией»⁹². Этому же мнению придерживались и меньшевик Чхеидзе, согласившийся с тем, что украинское движение в Австро-Венгрии есть движение политическое, — как и многие другие депутаты.

Если украинское движение в Австро-Венгрии официальным Петербургом и представителями российского МИД рассматривалось как безусловно враждебное, то их отношение к русофильскому движению было менее однозначным. Несмотря на выраженную пророссийскую ориентацию русофильского движения и выразителя его программы — Русско-народной партии, его очевидная политическая слабость послужила причиной того, что деятельность русофилов нередко оставалась вне поля зрения официального Петербурга. Предложения российских консулов в Черновцах и Львове о необходимости оказания материальной помощи русофилам не были приняты: в МИД предпочитали воздерживаться от подобных шагов, опасаясь осложнений в и без того непростых отношениях с Австро-Венгрией. Посол в Вене М.Н. Гирс, комментируя деятельность «Галицко-русского общества», задачей которого было укрепление пророссийских настроений среди русинов Австро-Венгрии, высказывал убежденность: «Если благоразумная и духов-

⁹⁰ Россия. Государственная Дума. 4-й созыв; сессия II, заседание 37. 19 февраля 1914 г. Ст. 914.

⁹¹ Там же. Ст. 925.

⁹² Там же.

ная поддержка Русской народной партии желательна и может принести ей пользу, то, напротив, всякая пропаганда соединения с Россией, которую делают в Галиции некоторые наши общественные деятели и некоторые органы нашей прессы, обращающиеся с угрозами к Австрийскому правительству, могут при нынешних условиях лишь повредить Русскому национальному движению, и мы будем бессильны защищать единомышленников от строгих репрессивных мер здешнего правительства»⁹³.

Некоторому усилению политического влияния русофилов способствовала и успешная для них избирательная кампания 1908 г. В то же время давно назревавшие в среде русофилов противоречия, которые возникли еще в ходе подготовки к выборам в Сейм 1908 г. и в полной мере проявились уже в ходе его работы. На состоявшемся в феврале 1909 г. съезде «мужей доверия» (уполномоченных представителей) Русско-народной партии фактически произошел раскол в рядах ее руководства. «Народный совет» (исполнительный орган партии) перешел в руки более радикальных «молодых» русофилов, объединившихся вокруг «Русско-народной организации». «Старые», более консервативно настроенные русофилы сохранили за собой название «Русско-народной партии». Безусловно, раскол негативно отразился на русофильском движении, когда, по словам лидера «молодых» В. Дудыкевича, «наступило тяжелое время, время упадка народной дисциплины и полного застоя общественной деятельности», отмечались даже отдельные случаи выхода из Русско-народной партии⁹⁴. Организационные проблемы, возникшие после раскола, существенно ослабили работу русофильских организаций, в том числе и хозяйственных, лишившихся тех многочисленных дотаций, которые выделяла им венская администрация. Со стороны официальной Вены раскол в среде русофилов был воспринят скорее негативно. Власти

⁹³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 6. Л. 265.

⁹⁴ Там же.

опасались роста радикальных пророссийских настроений, предпочитая им проверенное «старорусинство»⁹⁵.

Внутренние противоречия в среде русофилов, а также отказ галицийской администрации от их поддержки привели и к ослаблению их позиций в Сейме, а затем и в Рейхсрате. Анализируя результаты избирательной кампании 1910 г. представитель СПБТА С. Колосов отметил, что фактический провал «русских» кандидатов стал прямым результатом раскола в русофильской среде. При этом основную ответственность он возложил на более радикальную Русскую народную организацию, в чьих руках «почивала целая избирательная кампания», приводя в качестве примера успешных действий результаты выборов 1908 г., «когда избирательной кампанией руководила другая русская партия в Галиции, консервативная Русско-народная партия» и у «русских кандидатов было 10 мандатов, украинцы имели только 12»^{96,97}.

Необходимо отметить, что российские дипломаты негативно относились именно к «молодым» русофилам, занявшим более выраженную пророссийскую позицию, отказавшимся от традиционного для старшего поколения «рутенизма». Объяснялось это, очевидно, традиционной осторожностью представителей российского внешнеполитического ведомства, опасавшихся обвинений во вмешательстве во внутренние дела соседней монархии. В целом представители внешнеполитического ведомства сохраняли приверженность той сдержанной позиции, которая была выработана еще в последние десятилетия XIX века, когда основной задачей российской внешней политики было сохранение status quo в отношениях с соседними государствами, а использование в своих интересах национальных движений было редким. При этом следует обратить внимание на различия в позиции дипломатов, работавших в

⁹⁵ Archiwum Główny Akt Dawnych (AGAD). Ministerium des Innern (Ministerstwo Spraw Wewnętrznych). 1900–1913. № 20184. Z. 894–1000.

⁹⁶ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 747. Д. 149/275. Л. 2–4.

⁹⁷ Там же.

Вене, и тех, кто работал непосредственно «на местах», во Львове и Черновцах. Последние, сотрудники консульств, нередко поддерживали достаточно тесные отношения с активистами русофильского движения, старались оказать им посильную помощь, что не всегда встречало понимание вышестоящего начальства, поскольку нередко подобные контакты использовались австрийскими властями для дискредитации как русофилов, так и российских представителей.

Таким образом, выборы в Сейм, прошедшие в 1910 г., заметно изменили его состав, в том числе и в отношении представительства «руського» населения. Здесь наиболее значимым изменением стало явное ослабление позиций русофилов, которым удалось провести только одного кандидата — Д.А. Маркова, да и то, как отметил российский наблюдатель С. Колосов, «при помощи украинских голосов, поданных за него»⁹⁸. Он разъяснял, что «украинцы голосовали за Маркова, потому что его контр-кандидат О. Ценский наиболее ненавистен украинцам из всех поляков, а также потому, что Марков обязался перед украинцами, что будет голосовать в Сейме за польско-украинский проект избирательной реформы, выработанный доктором Бобжиньским, что не будет затрагивать в Сейме русского национального и религиозного вопросов, не будет говорить в Сейме на русском литературном языке»⁹⁹. Подводя итоги выборов, автор подчеркивал, что влияние «русской идеи» в Галиции уменьшается, и «если так пойдет и дальше и Русско-народная партия не возьмет верх, русское движение в Галиции будет слабеть с каждым годом»¹⁰⁰, единственными представителями интересов «руського» населения останутся украинцы, пользующиеся поддержкой как венских властей, так, в определенной степени, и краевых. Явное в сравнении с 1908 г., когда русофилы имели 12 мест в Сейме, их ослабление является, с одной

⁹⁸ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 747. Д. 149/275. Л. 2–4.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

стороны, следствием раскола в Русско-народной партии, а с другой — сотрудничеством польских и украинских кандидатов, поддерживавших друг друга против «русских».

События 1912 г. на Балканах и, как следствие, рост напряженности в австро-российских отношениях заметно отразились и на положении русофилов в Австро-Венгрии и на отношении к русофильскому (русскому) движению со стороны России. Чем явственнее становилась угроза австро-российского столкновения, тем активнее шел поиск возможных союзников в этой войне. Все чаще русское население Австро-Венгрии стало рассматриваться как такой потенциальный союзник. Оценивая с этой точки зрения состояние «русского дела» на австрийских землях, российские наблюдатели воспринимали его прежде всего в качестве альтернативы украинскому движению.

Одним из наиболее сложных стал вопрос об экономической поддержке русофильского движения в Австро-Венгрии. Активным сторонником ее был председатель Галицко-русского благотворительного общества В.А. Бобринский. В поданной им записке в мае 1913 г. он настойчиво убеждал руководство МИД в политической целесообразности увеличения расходов на укрепление и развитие «русского дела» в Галиции, особенно подчеркивая, что политические оппоненты русофилов — украинцы — пользуются не только симпатией Вены, но и материальной поддержкой Берлина¹⁰¹.

Затронутый Бобринским вопрос об экономической поддержке русофильских организаций неоднократно обсуждался в течение 1913 г. Еще в феврале в МИД была представлена записка «О кредитных, хозяйственных и промышленных учреждениях в Галиции». В ней был дан подробный анализ финансового состояния украинских и русофильских кредитно-хозяйственных учреждений. По мнению автора документа, бедственное положение русских экономических учреждений напрямую связано с пози-

¹⁰¹ Клопова М. Защита на Днестре и Сане. «Русское дело и его судьба накануне Первой мировой войны // Родина. 2010. № 3. С. 88–932.

цией в этом вопросе австрийского правительства. Поскольку «существование русского народа в Австрии считается в Вене вредным для Австрии, то венское правительство обрекло русский народ в Галиции на гибель и препятствует его экономическому развитию»¹⁰². Наиболее разумным в подобной ситуации автор считал предоставление дешевого кредита русофильским финансовым учреждениям. Предупреждая возможные обвинения в экономической нецелесообразности этого проекта, автор подчеркивал в заключении, что «всегда национально бодрствующий русский народ, объединенный солидной экономической организацией, не просит жертв или пособий, только кредита, вполне обеспеченного и за надлежащий процент»¹⁰³.

Председатель Совета министров В.Н. Коковцов, которому предназначалась записка Бобринского, в письме С.Д. Сазонову подтвердил, что «русским правительством расходуется ежегодно некоторая сумма на поддержание и развитие Прикарпатских славян, причем дело это ведется исключительно через посредство нескольких частных лиц, в том числе членов Государственной Думы гр. Бобринского и камергера Гижицкого, которым правительство доверяет распределение и передачу отпускаемых сумм подлежащим учреждениям и лицам, не контролируя их и не требуя отчета в израсходовании денег»¹⁰⁴. При этом премьер-министра интересовало мнение Сазонова о необходимости и рациональности оказания финансовой поддержки «прикарпатским славянам» «на изложенных в упомянутой записке основаниях», а также, может ли МИД взять на себя организацию настоящего дела и руководство им, и возьмет ли на себя Сазонов инициативу в «испрошении в законодательном порядке кредита в сумме 200 000 р. для отпуска на указанные в докладной записке надобности»¹⁰⁵.

¹⁰² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154/117. Л. 2–4.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 152. Л. 37–38.

¹⁰⁵ Там же.

В ответе на письмо Коковцова С.Д. Сазонов согласился с тем, что «усилия, прилагаемые к уничтожению русской национальности и культуры в Прикарпатье как Австро-венгерским правительством, так и польскими и немецкими организациями, и в особенности делаемые с этой целью материальные траты, вполне оправдывают то продолжение и даже расширение негласно оказываемой нашим правительством денежной поддержки Русской народности в Австро-Венгрии»¹⁰⁶. Целесообразным считал Сазонов и «доведение до 200 тысяч рублей ассигнуемых на эти цели средств». При этом министр подчеркивал, что, «по соображениям международного характера», причастность к оказанию русофилам финансовой поддержки российского правительства, в том числе и Министерства иностранных дел, должна сохраняться в секрете. Поэтому «возложить это дело на заграничных агентов МИДа является решительно невозможным». Более рациональным Сазонов считал передачу выделенных средств в Министерство внутренних дел и Ведомство православного исповедания, соглашаясь лишь на общее руководство их распределением. Кроме того, Сазонов соглашался выступить с инициативой испрошения кредита «ввиду того, что проведение этого ассигнования через законодательные учреждения легче осуществить в условиях секретности в случае исходатайствования его через МИД». Министр финансов согласился с доводами Сазонова, высказав, кроме того, пожелание, чтобы «расходование вышеуказанной суммы производилось по соглашению не только Министерств иностранных, внутренних дел и Обер-Прокурора Священного Синода, но и Министерства Финансов»¹⁰⁷.

Возможность использования пророссийских симпатий значительной части населения Галиции рассматривалась и представителями военного ведомства. В записке, представленной штабом Киевского военного округа в начале

¹⁰⁶ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 155. Л. 6–8.

¹⁰⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 16. Л. 2.

века, говорилось следующее: «По наступлении в пределы Галиции предполагается воспользоваться тяготением Русской Галицийской Партии к России, с целью расположить к ней местное население. Орудием этого могут служить, во-первых, сельские священники, пользующиеся огромным влиянием на местное население; далее некоторыми представителями этой партии, которые при необходимости (если война, безусловно, предвидится в ближайшем будущем) могли бы и в мирное время вести агитацию в пользу России. Быть военными разведчиками в мирное время эти лица, вообще говоря, отклоняются»¹⁰⁸. В самом конце автор записки, окружной генерал-квартирмейстер Благовещенский добавляет, что для выполнения этой задачи необходимо иметь в распоряжении большее количество денег.

Однако, несмотря на то что идея поддержки русского движения как альтернативы украинскому признавалась полезной представителями практически всех российских ведомств, к ее практической реализации в Петербурге приступать не спешили. Даже незначительная помощь русофилам с российской стороны вызывала обвинения со стороны украинских активистов и неприязнь со стороны официальных властей. Так, призыв Галицко-русского благотворительного общества помочь голодающим жителям Прикарпатской Руси (Галиции) и образование в октябре 1913 г. «Комитета помощи голодающим», собравшего в итоге около 1 млн рублей¹⁰⁹, вызвали активное неприятие украинских лидеров, видевших в этом «работу восточного соседа по присоединению “подъяремной Руси”», а собранные средства считавших «деньгами на агитацию и пропаганду»¹¹⁰. Так же был убежден в том, что активную поддержку русофилам оказывают российские представительства, в том числе и консульство во Львове, лидер галицийских украинцев К. Левицкий. В известной мере он был

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1367. Л. 67.

¹⁰⁹ Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. С. 135.

¹¹⁰ Левицкий К. Історія політичної думки галицьких українців. С. 670.

прав. В 1909 г. российский военный атташе в Вене полковник Марченко, сообщая об организации в Галиции «весьма полезных для нас русских дружин», отметил, что «во главе дела стоит консульский секретарь во Львове Олферьев, заслуги которого перед русским военным ведомством весьма ценны и велики»¹¹¹. Убежденность в том, что русское движение инспирировано С.-Петербургом, высказывали и австрийцы. Один из руководителей австрийской контрразведки М. Ронге отмечал в своих воспоминаниях, что Галиция была «глубоко отравлена русскими интригами»¹¹².

Процессы над русинами во Львове и Мармарош-Сигете¹¹³ вынудили официальный Петербург проявлять большую, нежели обычно, осторожность. Несмотря на то, что с 1 июля 1914 г. предполагалось увеличение финансовой помощи русским организациям в Австро-Венгрии, уже в апреле 1914 г. консул в Черновицах А.О. Доливо-Добровольский, поддерживавший на протяжении многих лет достаточно тесные контакты с русофилами и хорошо знакомый с ситуацией в регионе, высказал мнение, что «ввиду создавшегося положения в связи с процессами в Мармарош-Сигете и во Львове, по мнению графа Бобринского, разделяемого В.К. Саблером, следует повременить с осуществлением выработанных предложений»¹¹⁴. Консул предложил «отложить производство по настоящему делу до осени»¹¹⁵.

Накануне Первой мировой войны российское внешнеполитическое ведомство фактически отказалось от традиционного благожелательного нейтралитета, начав разработку программы целенаправленной поддержки, в том числе и финансовой, пророссийских настроений местного населения. Украинское движение теперь оценивалось как не просто искусственно созданное австрийскими властями в противовес польскому и москвофильскому, но в качестве

¹¹¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 674. Л. 99.

¹¹² Ронге М. Разведка и контрразведка. СПб., 2004. С. 73.

¹¹³ См. очерк М.Ю. Дронова, помещенный в данной книге.

¹¹⁴ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 747. Д. 155/117. Л. 58.

¹¹⁵ Там же.

самостоятельного и серьезного противника. Особые опасения вызывали идеи консолидации украинского движения Галиции и российской части Украины.

В российском общественном мнении в изучаемый период наблюдался устойчивый рост интереса к проблемам «русского» населения Австро-Венгрии и, в частности, Галиции. Все решительнее высказывалось мнение о необходимости участия России в судьбах русинов. Этот вопрос не раз обсуждался на заседаниях Государственной думы и поднимался на страницах прессы. Представители националистических кругов настаивали на необходимости расширения помощи русофильским организациям, поддержке православного движения. Однако со стороны официального Петербурга, несмотря на то что поддержание пророссийских настроений среди населения Галиции признавалось полезным, постоянно высказывались опасения, что подобные действия могут быть расценены Веней как вмешательство во внутренние дела Австро-Венгрии и могут способствовать ухудшению австро-российских отношений.

* * *

Позиция официального Петербурга была во многом обусловлена позицией внешнеполитического ведомства. Оценивая национальные движения восточнославянского населения Галиции, российские дипломаты руководствовались такими критериями, как отношение к России, степень политического влияния в крае и Габсбургской империи в целом, а также возможность влияния на состояние австро-российских отношений. Украинское движение, благодаря его последовательной антироссийской позиции и стремлению привлечь на свою сторону жителей российской части Украины, расценивалось крайне негативно и одной из основных задач российской политики в регионе признавалось противодействие развитию украинского движения. При этом традиционное для российских наблюдателей восприятие его в качестве польской или австрийской креатуры сменилось признанием его самостоятельности и

возрастающей роли во внутренней политике как Галиции, так и Австро-Венгрии в целом.

Таким образом, в 1911–1914 гг. положение национальных движений восточнославянского населения Галиции напрямую зависело от состояния австро-российских отношений. Как в Вене, так и в Петербурге осознавали возможность использования их в своих интересах в случае возникновения межгосударственного конфликта. По мере роста напряженности в австро-российских отношениях в 1912–1914 гг., в Вене все более позитивно относились к украинскому движению. Прежде всего Габсбургской империи жизненно необходима была внутренняя консолидация, возможная лишь при разрешении основных национальных конфликтов, к числу которых принадлежал и польско-украинский. Поддержка австрийскими властями украинского движения в пределах Габсбургской монархии также могла бы способствовать росту проавстрийских настроений не только среди ее восточнославянского населения, но и среди украинского населения Российской империи.

Очерк 6

Галицкие, угорские и буковинские русины как объект внимания Российской православной церкви во второй половине XIX — начале XX в.

С реформ Петра I и до 1918 г., когда Совет народных комиссаров принял Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, Российская православная церковь¹ (РПЦ) являлась важным элементом государственного аппарата. Хотя юрисдикция РПЦ не распространялась на восточнославянские области Габсбургской монархии, судьбы галицких, угорских и буковинских русинов (как православных буковинцев, так и греко-католиков или униатов: галичан и угорусов) находились под более или менее пристальным вниманием Святейшего Синода — высшего органа церковно-государственного управления РПЦ, состоявшего из представителей духовной и светской бюрократии.

Оговоримся, что этноним *русины* и производные от него используются в очерке для обозначения коренного восточнославянского населения всех регионов Габсбургской монархии, в которых оно проживало. Таким образом,

¹ Мы сознательно используем данное название, т. к. современная форма *Русская православная церковь* была официально принята лишь в 1943 г. В Синодальный период вообще не существовало единообразного наименования для этой церковной организации. Также использовались названия: *Греко-российская церковь*, *Православная греко-российская церковь*, *Православная кафедральная греко-российская церковь*, *Российская восточно-православная церковь*, *Российская православная кафедральная церковь* и др. См.: Цыпин В., прот. Ведомство православного исповедания // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. VII. С. 369.

указанное значение не совпадает с тем, которое наиболее распространено в наши дни и связано с современным карпаторусинским этнонациональным движением. Нужно отметить, что данный этноним используется нами лишь как историографический *terminus technicus*, берущий свое начало в публикациях интересующего нас и предшествующих ему периодов. В реальной жизни далеко не все из восточнославянских жителей Галиции, Буковины и Угорской Руси использовали его в качестве самоназвания.

Интересу РПЦ к русинам способствовали внешнеполитическая ситуация, в частности постепенное ухудшение российско-австрийских отношений, а также развитие русского национализма в «общерусских» формах, что обусловило восприятие русинов как зарубежной части русского народа. В течение всего позапрошлого века росла информированность русского духовенства о родственном в племенном отношении населении соседней империи. Рассмотрим основные вехи истории отношения РПЦ (в лице Святейшего Синода и широких кругов духовенства) к русинам Галиции, Буковины и Угорской Руси.

* * *

Несмотря на очевидную этноязыковую и конфессиональную близость восточнославянского населения по обе стороны российско-австрийской границы, даже в конце XIX в. большинство жителей империи Романовых не имело четкого представления о Галиции, Буковине, Угорской Руси и населении этих областей². Однако в действитель-

² В лучшем случае, это были размытые представления, основанные на обрывочных сведениях. Как отмечал полтавчанин М.П. Драгоманов (1841–1895), «серед звичайних російських громадян усяких напрямків панує повнісінький індіферентизм до Галичини. Не всі навіть знають, що там живуть «русские», чи русини, «малороссы», а хто й зна, то якось не пам'ята того» ([Драгоманов М.П.] Австро-руські спомини (1867–1877) // Драгоманов М.П. Літературно-публіцистичні праці у двох томах. Київ, 1970. Т. II. С. 228). В чем-то схожее мнение позднее высказывал земляк Драгоманова В.В. Дорошенко (1879–1963): «Народ, очевидно нічого не знав, а інтелігенція мала неясне поняття про Галичину як край, населений слов'янським племенем «руссиновъ», ніби споріднених із «русским» народом великого російського царства, але що це за племя, — 99 % «малоросов»

ности связи между ними, с одной стороны, и Россией — с другой, практически никогда не прекращались. С конца XVII в. в Российскую империю активно переезжали образованные русины, многие из которых (или их дети) стали здесь известны: И.С. Орлай (1771–1829), П.В. Лодий (1764–1829), В.Г. и Н.В. Кукольники (1765–1821; 1809–1868), М.А. Балугьянский (1769–1847), Ю.И. Венелин (Гуца, 1802–1839), Я.Ф. Головацкий (1814–1888), И.Э. Грабарь (1871–1960) и др.³ Русинские крестьяне и ремесленники нередко выезжали в Россию на временные заработки. Некоторые из отходников переходили в российское подданство. Имела место и нелегальная эмиграция, особенно в 1850-х — первой половине 1860-х гг.⁴ При проведении Всероссийской переписи 1897 г. даже фиксировались носители «русинского, галицко-русского, червонно-русского и пр.» языков⁵. С другой стороны, именно через Галицию часто пролегал для русских людей путь в Европу. Российские военные получили возможность познакомиться с русинами в период Наполеоновских войн и в особенности во время Венгерского похода Русской армии 1849 г.⁶

Кроме этноязыкового родства особенно важным мостом между русинами Габсбургской монархии и преобладавшим в численном отношении восточнославянским населением России являлась как раз общность религии и (или) церковного обряда. Во многих греко-католических храмах

знало стільки ж, що й пересічний москаль...» (Дорошенко В. Що знали на Полтавщині про Галичину у 80–90-х рр. XIX в. // Наша Батьківщина. 1937. № 9. С. 197).

³ См., например: *Байцура Т.* Закарпатоукраїнська інтелігенція в Росії в першій половині XIX століття. Братіслава; Пряшів, 1971; *Птицький А.Н.* Еміграція русинської інтелігенції із Габсбургської монархії в Росію в останній третині XIX в. // *Ставропольський альманах Російського товариства інтелектуальної історії.* Вип. 14. Ставрополь, 2013.

⁴ См.: *Дружба и братство русского и украинского народов.* В 2-х тт. Киев, 1982. Т. 1. С. 425.

⁵ См.: *Ширяев Е.Е.* Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск, 1991. С. 78, 80.

⁶ См., например: *Ілько В.І., Олашин М.В.* Деякі аспекти участі царської Росії в придушенні революції 1848–1849 рр. в Угорщині та на Закарпатті у російській мемуарній літературі // *Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки.* Вип. 8. Київ, 1999.

Галиции сохранялись богослужебные книги, изданные в России (правда, известно, что из этих изданий иногда вырезались листы, где было упоминание русского монарха или встречались недопустимые с точки зрения католической догматики формулировки)⁷. Русинов традиционно привлекали духовные центры западно-русских губерний, которые были излюбленными местами их паломничеств. Русинские крестьяне как из православной Буковины, так и из униатских Галиции и Угорской Руси посещали святыни Почаева и Киева, даже несмотря на необходимость пересечения государственной границы (серьезные препятствия подобным визитам, вплоть до судебного преследования, начали чиниться австрийскими властями только непосредственно перед Первой мировой войной⁸). Греко-католиков (предки которых были до Брестской (1596) и Ужгородской (1646) церковных уний православными) при этом не смущали актуальные юрисдикционные и, как следствие, вероучительные различия, о которых многие богомольцы, очевидно, просто не знали. Как свидетельствует биограф русинских переселенцев в Россию рубежа XIX и XX вв. А.Н. Птицын, многие оседавшие в Российской империи русины-униаты переходили здесь в православие⁹.

Также важно отметить, что в течение всего периода существования Российской империи не прекращалась традиция русской материальной помощи буковинцам, галичанам и угроруссам по церковной линии, заложенная еще в предыдущие столетия. Как отмечал галицийский исследователь И.С. Свенцицкий (1876–1956), до XVIII столетия включительно «отношения Московской Руси к Карпатской (в данном случае совокупности восточнославянских земель

⁷ См.: *Троицкий С.* Как живут и страдают православные и униаты в Австро-Венгрии. СПб., 1914. С. 54.

⁸ См.: Там же. С. 43; *Никон (Рклицкий), архиепископ.* Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. 1863–1936. Нижний Новгород, 2003. Кн. 1. С. 692, 697–698.

⁹ См.: *Птицын А.Н.* Русины и словаки на службе в Кавказском учебном округе в конце XIX — начале XX вв. // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 8. К 60-летию проф. Э.Г. Вартастьян. Краснодар, 2014. С. 144.

в Габсбургской монархии. — *М. Д.*) [...] не шли дальше сознания о единоверье и связанной с ним матерьяльной поддержке»¹⁰. Однако в XIX столетии, особенно ближе к его середине, параллельно с развитием русской национальной идеологии, интерес РПЦ к русинам соседней империи становился все более осознанным и активным.

Славянские благотворительные комитеты. Протоиерей Михаил Раевский и другие

После Крымской войны (1853–1856 гг.) в России начали возникать так называемые славянские комитеты — общественно-политические и благотворительные организации панславистской направленности, неофициально связанные с РПЦ. Целью такого рода организаций было оказание всевозможной помощи славянам, пребывавшим под османским или австрийским игом, следовательно, в том числе и русинам Австрийской империи (с 1867 г. — Австро-Венгрии). Первым в 1858 г. появился Московский славянский комитет (Славянское благотворительное общество), затем в 1868 г. было основано его Санкт-Петербургское отделение. В 1869 и 1870 гг. появились соответственно Киевский и Одесский славянские комитеты. Деятельность славянских комитетов не имела централизованного характера и во многом основывалась на личных контактах. Огромную роль в распространении российского влияния на русинов сыграли отдельные православные священнослужители-дипломаты, подвизавшиеся при русских дипломатических структурах в соседней империи. Постоянно находясь в Габсбургской монархии, русские священники активно контактировали с ее разноплеменным и поликонфессиональным населением. Естественный интерес для них представляли местные православные и близкие к ним по церковному обряду греко-католики, тем более особенно близкие русским по сравнению с другими народами руси-

¹⁰ *Свенцицкий И.С.* Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в 1-ую пол. XIX в. СПб., 1906. С. 11.

ны Галиции, Буковины и Угорской Руси. Ведущее место в поддержании связей с зарубежными славянами (и в том числе с русинами), несомненно, принадлежит протоиерею Михаилу Федоровичу Раевскому (1811–1884) — не только священнику и дипломату, но и активнейшему общественному деятелю панславистской ориентации.

Находясь на службе одновременно в Министерстве иностранных дел и Святейшем Синоде, в 1843 г. М.Ф. Раевский был направлен в российское посольство в Вене, где прослужил более сорока лет. По словам историка-русиниста И.И. Попа, «Раевский стал фактически резидентом, осуществлявшим связи между общественными и культурными деятелями славянских народов монархии Габсбургов и славянскими комитетами (славянофилами) России»¹¹. Квартира священника стала местом встреч славянских интеллектуалов. Так, Раевский поддерживал связи практически со всеми известными русинскими деятелями своего времени¹². С 1860 г. Раевский представлял в Вене Московский славянский комитет, передавая финансовую и прочую помощь зарубежным славянским, в том числе русинским, организациям и печатным изданиям. После создания киевского Славянского благотворительного общества, которое целенаправленно занималось помощью русинам, по решению его председателя епископа Чигиринского Порфирия (Успенского) (1804–1885), Раевский стал его корреспондентом¹³. Священник принимал самое активное участие в подготовке московского Всеславянского съезда и Этнографической выставки 1867 г.¹⁴ Во многом благодаря обшир-

¹¹ Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 305.

¹² См.: Переписка М.Ф. Раевского с русинскими деятелями частично опубликована. См.: Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М., 1975.

¹³ См.: *Osadczy W. Świąta Ruś. Rozwój i oddziaływanie idei prawosławia w Galicji.* Lublin, 2007. S. 316.

¹⁴ См., например: *Досталь М.Ю.* Славянский съезд 1867 г. в С.-Петербурге и Москве // Славянское движение XIX–XX веков: Съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 95–112; *Чуркина И.В.* Предыстория поездки славян на Всероссийскую этнографическую выставку в Москве (1867). Встречи в С.-Петербурге // Славянские форумы и пробле-

ным связям Раевского на выставке было довольно подробно представлено этнокультурное своеобразие Галиции, Буковины и Угорской Руси¹⁵. В конце 1860 — начале 1870-х гг. Раевский способствовал переезду в Россию русинов (наряду с чехами и словаками) в качестве преподавателей древних языков¹⁶. С именем этого посольского протоиерея связано финансирование львовской русофильской газеты «Слово», венского студенческого общества «Русская основа» и многих других русинских начинаний¹⁷. Заслуги М.Ф. Раевского перед русинами были, кроме прочего, отмечены прешовским Обществом св. Иоанна Крестителя, в котором русский священник состоял членом-основателем¹⁸.

Свой вклад в укрепление связей России именно с Угорской Русью внесли священники-дипломаты Василий Миронович Войтковский (?–1904) и Константин Ильич Кустодиев (1837–1875), служившие в православном приходе г. Уром (при мавзолее супруги палатина Венгрии княжны

мы славяноведения. Сборник статей. М.; Ставрополь, 2008. С. 5–17; Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд 1867. М., 2017.

¹⁵ В указанных мероприятиях также непосредственно участвовали трое галичан (Я.Ф. Головацкий, И.Н. Ливчак, Е.О. Павлович) и один угорорус (М.В. Молчан). Интересное замечание об их соприкосновении с иерархами РПЦ оставила московская исследовательница Н.М. Пашаева: «На съезде вероисповедание его участников христиан-славян игнорировалось. Для галичан это было особенно важно: и владыка Исидор, и св. митрополит Филарет (Дроздов) принимали Головацкого и его спутников как своих, ибо для русинов тогдашней Галичины православных церквей вообще не было, уния была вынужденной» (Пашаева Н.М. Галицкие русины на Славянском съезде 1867 г. // Славянские форумы и проблемы славяноведения. Сб. статей. М.; Ставрополь, 2008. С. 32).

¹⁶ Когда во второй половине 1860-х — 1870-х гг. в результате гимназической реформы стала внедряться система классического гимназического образования, в связи с нехваткой преподавателей латинского и греческого языков Министерство народного просвещения пригласило для работы в отечественных гимназиях около 220 специалистов из Австро-Венгрии, приблизительно треть которых составляли русины (см.: *Птицын А.Н.* Русины и словаки на службе в Кавказском учебном округе. С. 139).

¹⁷ См.: *Tanty M.* Kontakty rosyjskich komitetów słowiańskich ze Słowianami z Austro-Węgier // *Kwartalnik Historyczny*. 1964. № 1. S. 69–72; *Гогорян К.Э.* Протоиерей М.Ф. Раевский и студенческое общество «Русская основа» в Вене // *Вестник Брянского государственного университета. История. Право. Литературоведение. Языковедение*. 2014. № 2.

¹⁸ См.: *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 305.

Александровны)¹⁹. В.М. Войтковский, находившийся здесь в 1850–1869 гг., поддерживал тесные контакты с «будителями» Угорской Руси А. Духновичем (1803–1865) и И. Раковским (1815–1885), помогал редактировать русинские издания, приближая их к русскому литературному языку²⁰. К.И. Кустодиев, близко познакомившись с жизнью угорских русинов, считал своим долгом информировать русскую аудиторию об их церковной и светской жизни²¹. Рано скончавшийся Кустодиев успел оказать большое влияние на формирование известных русинских литераторов-русофилов, греко-католических священников А. Павловича (1819–1900) и Ю. Ставровского-Попрадова (1850–1899)²².

Во многом именно благодаря священнической плеяде во главе с М.Ф. Раевским, приблизительно с конца 1850-х — начала 1860-х гг. на страницах российских духовных изданий начали активно подниматься вопросы, касавшиеся чистоты восточного обряда в богослужебных практиках русинов²³.

К концу XIX в. деятельность и влияние славянских комитетов начали угасать. Однако контакты с русинами и посильная помощь им прекратилась не полностью. Так, например, галичане принимали участие в мероприятиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества в день 1000-летней памяти блаженной кончины св. Мефодия в 1885 г.²⁴ То же общество, по состоянию на

¹⁹ См.: *Ким Н., протоиерей*. История русской духовной миссии в Венгрии. Судьба храма в Иреме и преемственность священства // Славянский альманах. 2008. М., 2009. С. 45–68.

²⁰ См.: *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 139.

²¹ См.: Там же. С. 230.

²² См.: *Рудловчак О.* Біля джерел сучасності. Розвідки, статті, нариси. Братіслава; Пряшів, 1981. С. 161–173.

²³ См.: *Соловьев К.А.* Русины Австро-Венгрии и российское общество: дискуссия о путях формирования политической нации в «Карпатской Руси» в российской прессе второй половины XIX — начала XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2015. № 11. С. 86–87.

²⁴ См.: *Истомин Ф.М.* Краткий очерк деятельности С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества за 25 лет его существования. 1868–1893 гг. СПб., 1893. С. 58.

1893 г., «содействовало получению образования в русских учебных заведениях 169 славянским юношам и 26 девицам», в том числе 8 галичанам (кроме них: 62 болгарам, 16 болгаркам, 84 сербам, 7 сербкам, 9 чехам, 3 чешкам и 6 словакам), «оказывало помощь и поддержку приезжавшим в Петербург славянам»²⁵ (несомненно, в том числе и русинам). В 1897 г. была оказана финансовая помощь галицийским семействам, пострадавшим на выборах²⁶.

Галичане на Холмщине ||

И интересный опыт соприкосновения РПЦ с русинами, — точнее, с галицийским духовенством, — имел место на соседней с Галицией Холмщине или Холмской Руси, находившейся в границах Царства Польского. Как известно, после разделов Речи Посполитой российское правительство взяло курс на ликвидацию унии в своих пределах. Основная масса греко-католиков перешла в лоно РПЦ по решению Собора униатского духовенства в Полоцке в 1839 г. Однако униатам Холмщины все же удалось сохранить свое конфессиональное своеобразие. В 1862 г. униатская тема заинтересовала Александра II. Поскольку главными проводниками антирусских и антиправославных настроений в местной греко-католической среде были представители священства, главный директор Правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского князь В.А. Черкасский (1824–1878) решил пригласить на Холмщину священников-униатов из Галиции, русофилов, напротив, симпатизировавших православию и недолюбливавших поляков. По состоянию на 1871 г., число священников-галичан в Холмской епархии насчитывало 75 человек: 40 — в Люблинской губернии, 35 — в Седлец-

²⁵ См.: *Истомин Ф.М.* Краткий очерк деятельности С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества за 25 лет его существования. 1868–1893 гг. С. 79.

²⁶ См.: Доклад С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества Общему Собранию Членов Общества. Б.м., б.г. С. 7.

кой. Также множество выходцев из Галиции пополнило состав учащихся Холмской духовной семинарии²⁷. Всего в рамках этой акции из Габсбургской монархии переехало около 100 только священников²⁸.

В результате указанного политического курса в 1871 г. Холмскую униатскую епархию в качестве администратора возглавил галичанин — протоиерей Маркелл Попель (1825–1903). Во многом благодаря его стараниям в мае 1875 г. состоялась официальная церемония воссоединения Холмской епархии с православной церковью. Верность унии сохранила лишь незначительная часть приходов. М. Попель при этом стал епископом Люблинским, викарием Холмско-Варшавской епархии с местом проживания в Холме и был удостоен ордена св. Анны 1-й степени. Осенью 1875 г. в связи с протестом австрийского МИДа вызов галичан для замещения священнических вакансий на Холмщине был приостановлен²⁹.

Несмотря на поддержку галичан в Варшаве и Санкт-Петербурге³⁰, русское духовенство неоднозначно встретило галичан как носителей либеральных конституционных взглядов. Владыка Евлогий (Георгиевский) (1896–1946), великоросс, глубоко изучивший жизнь Холмского края, дал священникам из Галиции следующую характеристику: «Воспитанные в условиях австрийского либерального строя, они и в новом своем отечестве оставались верными свободолюбивому духу»³¹. Показательно и то, что еп. Маркелл (Попель), как лидер галицийского священства на Холмщине, уже в 1878 г. был переведен на другую епис-

²⁷ См.: *Пидгайко В.Г.* Маркелл (Попель), еп. // Православная энциклопедия. Т. XLIII. Максим — Маркелл I. М., 2016. С. 742.

²⁸ См.: *Сухий О.* Від русофільства до москвофільства (російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у ХІХ столітті). Львів, 2003. С. 390.

²⁹ *Алексеева С.И.* Священный Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб., 2006. С. 212.

³⁰ Там же. С. 206–208.

³¹ *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 132.

копскую кафедру. В те же годы с ключевых постов на Холмщине были смещены и другие галичане³².

Процесс Ольги Грабарь ||

У РПЦ вызвали озабоченность события, связанные с судебным процессом над рядом русинских русофильских активистов, названным по имени одной из главных обвиняемых — дочери ведущего политического деятеля Угорской Руси XIX в. Адольфа Добрянского (1817–1901) Ольги Грабарь (1843–1930)³³.

В качестве предыстории дела О. Грабарь обычно называют попытку перехода в православие жителей села Гнилички Збаражского повета Восточной Галиции. Львовская греко-католическая консистория отказала местным верующим в организации самостоятельного прихода (они были приписаны к приходу соседнего села), вследствие чего сельяне, заручившись поддержкой своего помещика, православного румына из Буковины, а также известного местного просветителя-русофила о. Иоанна Наумовича (1826–1891), согласились перейти в православие. Греко-католик Наумович, сам пожелавший присоединиться к православной церкви, лично занялся решением данного вопроса (хотя австро-венгерские законы позволяли поданным менять религиозную принадлежность, на практике оставить унию в пользу «схизматического» православия было проблематично). В результате серьезной озабоченности властей первоначальное прошение о собственном греко-католическом приходе было удовлетворено. В 1881 г. в Галицию приехали А. Добрянский и О. Грабарь, которые сразу же активно включились в местную общественную жизнь. Полиция, сопоставив события в Гниличках с

³² См.: *Пидгайко В.Г.* Маркелл (Попель), еп. С. 742–743.

³³ См. новейшую работу о данном судебном разбирательстве, посвященную этнонимическим аспектам: *Неменский О.Б.* Политические игры с русским именем в Австро-Венгрии (по материалам стенограммы судебного процесса 1882 г. над Ольгой Грабарь и товарищами) // *Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе.* М.; СПб., 2016. С. 29–62.

приездом Добрянского и Грабарь, пришла к выводу об их взаимосвязи. В начале 1882 г. по подозрению в действиях, направленных на отторжение от Австро-Венгрии Галиции, Буковины и Угорской Руси, были арестованы Добрянский, Грабарь, Наумович с сыновьями и еще целый ряд лиц. Обвинение в государственной измене провалилось, однако несколько человек, включая Наумовича, были приговорены к нескольким месяцам тюремного заключения³⁴. Священник был обвинен в схизме и отлучен от католической церкви. В ответ на это он составил апелляцию на имя папы Льва XIII. Ее текст в переводе с латыни на русский был издан в синодальной типографии в Санкт-Петербурге.

Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев (1827–1907) сочувственно информировал об этом «чудовищном процессе» «против Добрянского, Наумовича и других, лучших и доблестнейших людей русской народности» императора Александра III. По мнению высокого сановника, бесосновательное обвинение было инициировано австрийским правительством против «русских людей только за то, что они хотели оставаться русскими и удержать при себе свою церковь»³⁵. Кроме русской официальной, церковной и светской, печати, сообщавшей о ходе процесса Ольги Грабарь, активное сочувствие к осужденным проявили священники-галичане на российской Холмщине, которые даже объявили сбор средств для узников³⁶.

После окончания процесса А. Добрянский и И. Наумович получили от Святейшего Синода материальную помощь. Посредником выступил М.Ф. Раевский, который уведомил об этом К.П. Победоносцева. Согласно дошедшей до нас расписке, Добрянский получил 15 тысяч гульденов. Судьба Наумовича и его сторонников настолько взволновала Победоносцева, что обер-прокурор 23 октября 1885 г. переслал письмо

³⁴ См.: *Пацаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001. С. 90–91.

³⁵ Письма Победоносцева к Александру III с приложением писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II. Т. II. М., 1926. С. 9.

³⁶ См.: *Wójtowicz-Huber B.* «Ojcowie narodu». Duchowieństwo greckokatolickie w ruchu narodowym Rusinów galicyjskich (1867–1918). Warszawa, 2008. S. 139.

галицийского священника Александру III. В 1886 г. Наумович переселился в Россию, где стал протоиереем РПЦ³⁷.

В греко-католической церковной жизни Галиции 1880-х гг. усилились латинизаторские тенденции (был запрещен трираменный (восьмиконечный) крест, началось реформирование василианских монастырей иезуитами и т. д.)³⁸. Как отметила польская исследовательница Б. Вуйтович-Хубер, «после событий в Гниличках в русинском обществе одновременно начали укореняться стереотип русофила-предателя монархии и коллаборациониста, сотрудничающего с иностранной империей, как и страх перед обвинениями в принадлежности к русофильской партии»³⁹. При этом современная историография едина во мнении, что именно после этого резонансного и весьма неудачного процесса галицийские русины-русофилы действительно начали получать более-менее регулярную помощь из России⁴⁰.

Православное движение среди русинов в Северной Америке

Особую значимость в контексте отношения русских церковных властей к русинам приобрело православное движение русинов в Северной Америке, проходившее при непосредственном участии РПЦ, и, в значительной степени, за счет российской казны.

Последние десятилетия XIX и первые десятилетия XX вв. были ознаменованы массовой трудовой миграцией из Австро-Венгрии на американский континент. Среди временно или навсегда покидавших монархию далеко не последнее место занимали русины. Так, по мнению исследователей, общая их

³⁷ См.: *Пашаева Н.М.* И.Г. Наумович, как общественный, политический и религиозный деятель Галичины второй половины XIX века // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1. С. 89.

³⁸ См.: *Троицкий С.* Как живут и страдают православные и униаты в Австро-Венгрии. С. 41.

³⁹ *Wójtowicz-Huber B.* «Ojcowie narodu». S. 155–156.

⁴⁰ См.: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 203; *Сухий О.* Від русофільства до москвофільства. С. 403.

численность в США накануне Первой мировой войны могла достигать около 500 тысяч⁴¹. В соседней Канаде численность русинов составляла тогда порядка 150–160 тысяч⁴².

Приблизительно в тот же период набирала обороты эмиграция из Российской империи. Правда, она носила иной характер. С 1820 по 1917 г. из России в США прибыло не менее 3,3 млн человек (без учета повторных въездов и реэмиграции)⁴³. При этом великороссы, малороссы и белорусы в целом составляли к 1899–1913 гг. (когда их количество среди эмигрантов стало ощутимее) лишь 7 % от общего числа въезжавших в Штаты российских подданных⁴⁴. В Канаду только с 1900 г. по 1913 г. прибыло около 92 тыс. российских подданных. Из них восточных славян было чуть менее половины⁴⁵.

Очевидно, что русинов было гораздо больше, чем вместе взятых великороссов, российских малороссов и белорусов. Русский публицист Е.Н. Матросов (псевдоним — Граф Лелива) утверждал в 1896 г., что «Русь из России, то есть великороссы, малороссы и белоруссы» составляет лишь «двадцатую часть американской Руси»⁴⁶. Остальные девятнадцать частей приходились, по его мнению, на долю русинов. Исходя из этого, можно сделать вывод о значимости русинского присутствия для русских, которое последние вряд ли могли игнорировать. Особенным фактором их взаимного сближения являлась конфессиональная принадлежность⁴⁷.

Вследствие непродуманной политики американских римско-католических церковных властей по отношению к

⁴¹ См.: Троциньский В.П., Шевченко А.А. Українці в світі. Київ, 1999. С. 50.

⁴² См.: Там же. С. 74.

⁴³ См.: Нитобург Э.Л. Русские в США: История и судьбы, 1870–1970: Этно-исторический очерк. М., 2005. С. 23, 44.

⁴⁴ См.: Там же. С. 23, 44, 48.

⁴⁵ См.: Кукушкин В.Е. Славянская трудовая эмиграция из Российской империи в Канаду в начале XX в. // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 127–128, 138.

⁴⁶ Граф Лелива (Матросов Е.Н. Заокеанская Русь. (Социологическо-описательный очерк) // Исторический Вестник. Т. LXVIII. СПб., 1897. С. 450.

⁴⁷ Конфессиональный фактор сближения работал даже при восприятии русинов русскими старообрядцами (см.: Там же).

попавшим в их юрисдикцию греко-католикам среди русинов-униатов началось движение за переход в православие. Первым конвертитом стал в 1890 г. священник Прешовской греко-католической епархии о. Алексей Товт (1854–1909; в 1994 г. прославлен Православной церковью Америки как праведный Алексей Уилкс-Баррейский), который вначале сам перешел в РПЦ, а затем увлек за собой и многих своих прихожан. Начавшееся в 1892 г. официальное включение русинских приходов в состав Алеутской и Аляскинской епархии способствовало укреплению контактов русинов с русскими и Россией. Показательно, что во многих населенных пунктах, где православных выходцев из Российской империи было сравнительно мало, они не основывали новые церковные приходы, а присоединялись к уже существующим русинским⁴⁸. Однако православное духовенство при этом было главным образом из России.

Со временем именно русины составили основной костяк американских православных. Так, до Первой мировой войны к РПЦ в Северной Америке присоединилось порядка 120 бывших греко-католических приходов⁴⁹. Примечательно, что во всех американских православных приходах за литургией поминались Святейший Синод и Николай II. Благодаря массовому православному движению среди галицийских и угрорусских униатов, а также окормлению на американской земле сохранявших православие буковинцев, РПЦ, а через нее Российская империя получила рычаги воздействия на ситуацию в самой Австро-Венгрии. Эмигранты, пополнившие в Северной Америке паству РПЦ, становились распространителями православия и русофильских идей у себя на родине.

⁴⁸ См.: *Коханик П., протопресвитер*. Начало истории Американской Руси // *Свицтун Ф.И.* Прикарпатская Русь под владением Австрии / 2-е доп. изд. Trumbull, 1970. С. 501.

⁴⁹ См.: *Скурат К.Е.* История поместных православных церквей. В двух частях. Часть вторая. Б.м., б.г. С. 271.

Истории православия в Северной Америке и конкретно православного движения в среде греко-католиков посвящена обширнейшая литература. См., например, новейшее отечественное монографическое исследование: *Ефимов А.Б., Ласаева О.В.* Алеутская и Северо-Американская епархия при святителе Тихоне. М., 2012.

Таким образом, русские священнослужители получили на рубеже XIX и XX столетий больше возможностей ближе узнать дотоле им неизвестных или же знакомых только понаслышке русинов⁵⁰.

Именно на американской земле выявились сильные отличия прежде всего в менталитете российских православных священников (в т. ч. малороссов по происхождению) и их русинских прихожан, ставшие распространенной причиной внутрприходских конфликтов⁵¹. «Сильно ошибется тот, кто американ[ские] приходы будет представлять в виде западно-русских, обратившихся из унии или нечто в этом роде»⁵², — призывал адекватнее воспринимать русинов архимандрит Анатолий (Каменский) (1863–1925). Многие русинские конвертиты были выходцами из наиболее западных Перемышльской и Прешовской греко-католических епархий и сильно отличались от привычных российских малороссов и белорусов, также недавно пребывавших в церковной унии. Поэтому, хотя клир РПЦ обычно декларировал русскость русинов, жизненные реалии заставляли уроженцев России учитывать специфику своей паствы из Австро-Венгрии.

Добрый архиерейским словом отзывался о моральных качествах русинов епископ Алеутский и Аляскинский Николай (Зиоров) (1851–1915). Вспоминая о перешедших в православие русинах, владыка отмечал: «... они готовы слушать благовестие и молиться с тобою не только за полночь, но даже до завтра. Не верь, что говорят некоторые черствые сердцем люди, будто бы русины ради корыстных це-

⁵⁰ В данном контексте особый интерес представляет то, как русские пастыри воспринимали русинов. Подробнее см.: *Дронов М.Ю.* Восприятие этноязыковых особенностей русинов из Австро-Венгрии русским православным духовенством в Северной Америке (конец XIX — начало XX вв.) // *Русские об Украине и украинцах*. СПб., 2012; *Дронов М.Ю.* Религиозная жизнь русинов из Австро-Венгрии в восприятии православного духовенства из России в Северной Америке (конец XIX — начало XX в.) // *Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского*. М.; СПб., 2013.

⁵¹ См.: *Анатолий, архимандрит.* Американские очерки. Одесса, б.г. С. 88–89.

⁵² Там же. С. 84.

лей идут в Православие...»⁵³. Не менее благосклонно характеризовал религиозность русинов в Северной Америке о. Иоанн Недзельницкий (1866–1946): «Надо сказать, что галицкие и угорские русские, как униаты, так и православные, — весьма религиозны. В церкви поют все. Грамотны почти все. Любят они жертвовать на храм Божий много и деньгами, и вещами, и трудом своим. Платят жалованье своим душепастырям сами и охотно. Строить храмы, школы, епархиальные дома они любят так, как ни один народ в мире. Где поселится 10 семейств галицких или угорских русских, там уже начинают они “будовать”, т. е. строить церковь. Любят они покупать молитвословы, библии, жития святых непременно в дорогих переплетах и предпочтительно выписанные из России»⁵⁴.

Православие в Австро-Венгрии на рубеже столетий

Из всех населенных русинами регионов Габсбургской монархии лишь на русинско-румынской Буковине преобладали православные. При этом православие было поставлено в гораздо более трудные условия по сравнению с господствовавшим в империи католицизмом. Как отмечал в 1914 г. русский церковный историк С.В. Троицкий (1878–1972), «автономная на бумаге, православная буковинская церковь, как и все другие православные церкви Австро-Венгрии, фактически управляется, вопреки всем церковным канонам, иноверным правительством. Назначение митрополита зависит от императора-католика, назначение членов консистории от чиновников-католиков и протестантов. И, конечно, и те, и другие при назначении всего менее думают об интересах православной Церкви»⁵⁵.

⁵³ Новый Святитель Церкви Православной в С.-Америке // Американский православный вестник. 1907. № 18. С. 332.

⁵⁴ Недзельницкий И. Галицкие и угорские русские в Соединенных Штатах Северной Америки. Доклад в публичном заседании одесского отделения галицко-русского благотворительного общества 24 ноября 1913 года. Одесса, 1913. С. 15–16.

⁵⁵ Троицкий С. Как живут и страдают православные и униаты в Австро-Венгрии. С. 11.

Контакты РПЦ с единой верной Буковиной не были особенно тесными. С разрешения Святейшего Синода приходским церквям на Буковине отпускались богослужебные книги (например, в 1888–1889 гг. для церкви в с. Замостье⁵⁶), а также различные ризничные и утварные принадлежности (например, в 1896 г. для церкви с. Иванковцы⁵⁷, в 1899 г. для церкви с. Станешты⁵⁸, в 1901 г. для церкви в с. Калиновцы⁵⁹). В 1900-м году было отпущено единовременное пособие на постройку церкви в буковинском с. Климовцы в размере 10 тыс. руб.⁶⁰ На нужды православного прихода во Львове⁶¹, находившегося в юрисдикции Буковинской митрополии, было выделено в 1897 г. 400 руб.⁶², а в 1900 г. — 600 руб.⁶³ Речь шла о помощи по конфессиональному признаку: на той же Буковине Синод благодетельствовал не только русинские православные приходы⁶⁴.

⁵⁶ См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1888 и 1889 годы. СПб., 1891. С. 471–472.

⁵⁷ См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. СПб., 1899. С. 171–172.

⁵⁸ См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1899 год. СПб., 1902. С. 165.

⁵⁹ См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1901 год. СПб., 1905. С. 226.

⁶⁰ См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1900 год. СПб., 1903. С. 274.

⁶¹ Львовский приход объединял на почве православия людей самого разного этнического происхождения: русинов, великороссов, греков, румын, сербов и др. Среди членов львовского прихода были как русины-русофилы, так и, например, проживавший во Львове крупный историк-украинофил М.С. Грушевский. Подробнее об истории прихода см.: *Osadczy W. Święta Rus'. S. 67–75*. См. детализацию пожертвований Синода: *Вендланд А.В. Русофіли Галичини. Українські консерватори між Австрією та Росією, 1848–1915 / Перекл. з нім. Х. Назаркевич. Львів, 2015. С. 522*.

⁶² См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. С. 172.

⁶³ См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1900 год. С. 274.

⁶⁴ Например, приход в Климовцах вообще состоял из перешедших в православие старообрядцев-липован. См.: *Вендланд А.В. Русофіли Галичини. С. 522*.

При этом, по некоторым сведениям, в начале XX столетия в буковинских приходах, где ранее служба отправлялась по богослужебным книгам, привезенным из России, начали внедряться румынские и греко-католические книги⁶⁵. Говоря о контактах с Буковиной, также следует упомянуть, что в некоторых местных периодических изданиях, в частности в журнале «Православная Буковина» (1893–1906), публиковались материалы из русской церковной печати⁶⁶.

В целом помощь, оказываемая РПЦ, была весьма скромной и не шла ни в какое сравнение с суммами, отпускаясь, например, на нужды православия на Ближнем Востоке и православной миссии в азиатских странах. Известно, что у Синода не было специального фонда для оказания помощи русинам Габсбургской монархии, что свидетельствует о расстановке приоритетов русского священноначалия. Однако средства черпались из других источников. Так, в данной связи исследовательница А.В. Вендланд называет фонд для церковного строительства в пострадавших от войны христианских областях Османской империи, строительный фонд, предназначенный для церковных общин в Российской империи, фонд пожертвований для нуждающихся русских церквей и монастырей, бюджет для возведения церквей и школ в окраинных западных губерниях, а также бюджет синодальных типографий и сбережений «для особых нужд»⁶⁷.

Однако в самом конце XIX — начале XX в. православие в русинской среде уже не ассоциировалось исключительно с Буковиной. Сразу в нескольких уголках Галиции и Угорской Руси началось движение за переход из унии в православие как «прадедовскую веру». Во многом оно было связано с православным движением среди русинов в Северной Америке, поддерживавшими связи со «старым краем». Как

⁶⁵ См.: *Троицкий С.* Как живут и страдают православные и униаты в Австро-Венгрии. С. 10.

⁶⁶ См.: *Бойко А.* Преса православної церкви на західноукраїнських землях (кінець XIX — початок XX ст.) // Збірник праць Науково-дослідного центру періодики. Вип. 9. Львів, 2001. С. 50.

⁶⁷ См.: *Вендланд А.В.* Русофіли Галичини. С. 522–523.

отметил ужгородский исследователь Ю.В. Данилец, говоря о ситуации конкретно в Угорской Руси, «православное движение в Закарпатье в первые годы XX в. характеризовалось хаотичностью и многогранностью. Оно имело под собой как религиозное, так и социально-экономическое и национальное основания»⁶⁸. Думается, данная характеристика применима и для описания процессов в соседней Галиции.

В Угорской Руси в первые годы XX столетия образовалось три главных центра православного движения — в селах Иза (ныне Хустского района Закарпатской области Украины), Великие Лучки (сегодня Мукачевского района той же области) и Бехеров (Бардейовского округа Прешовского края Словакии)⁶⁹. Православные активисты во всех указанных местах подверглись большому или меньшему полицейскому и судебному преследованию⁷⁰. Наибольшую известность получил т. н. Первый Мараморош-Сигетский процесс 1904 г. над перешедшими в православие девятнадцатью изьянами, обвинявшимися в государственной измене и оскорблении греко-католической церкви. В результате процесса обвинение в измене было снято, однако восемь подсудимых были приговорены к аресту от 2 до 14 месяцев и различным денежным штрафам. После освобождения из тюрьмы одна из жертв процесса, крестьянин Аким Вакаров, был убит жандармами.

Хотя православные активисты в разных уголках Угорской Руси в большей степени искали контакта с Сербской православной церковью в венгерских границах, а отчасти с буковинским православием, православное движение ассоциировалось с РПЦ — «русской», «московской» или «москальской» верой. Несомненно, очень важную роль сыграло проникновение в среду русинских униатов русской

⁶⁸ Данилец. Ю. Православна церква на Закарпатті у першій половині XX ст. Монографія. Ужгород, 2009. С. 57.

⁶⁹ См.: Там же. С. 43.

⁷⁰ См. обобщающую статью: Данилец Ю.В. Зародження та поширення православного руху в Північно-Східній Угорщині на початку XX століття // Наукові записки Ужгородського університету. Серія: Історично-релігійні студії. Вип. 1. Ужгород, 2012. С. 34–52.

православной литературы — как из Северной Америки, так и из Российской империи⁷¹.

Укреплению связей православных в Угорской Руси с РПЦ особенно способствовал уроженец с. Ясиня (ныне Раховского района Закарпатской области Украины) иеромонах Алексей (Александр) Кабалюк (1877–1947; в 2001 г. прославлен УПЦ МП как преподобный Алексей Карпаторусский исповедник). Начиная с 1905 г. при содействии братьев Геровских, внуков А. Добрянского, Кабалюк совершил поездки в Россию: в Киев и другие центры православия, где ему удалось установить тесные контакты с монашескими и епископатам. В 1908 г. Кабалюк побывал на Святой Земле и Афоне, общаясь с русскими духовенством и паломниками. На Афоне он получил специальное благословение от Евдокима (Мещерского) (1869–1935), епископа Волоколамского и ректора Московской духовной академии, и был официально присоединен к православию. В 1910 г. на Холмщине Кабалюк был пострижен в монашество, а затем принял священство. В 1912 г. иеромонах Алексей побывал в Москве, где встретился с митрополитом Московским и Коломенским Владимиром (Богоявленским) (1848–1918) и архиепископом Алеутским и Северо-Американским Платоном (Рождественским) (1866–1934), с которым он отбыл в США, где некоторое время окормлял своих православных земляков⁷². Контакты, налаженные А. Кабалюком с клиром РПЦ, впоследствии посильно использовались его единомышленниками.

В первое десятилетие XX в. набирало силы и православное движение среди русинов Галиции. Хотя к 1910 г., согласно официальным данным, во всем регионе насчи-

⁷¹ Например, на Угорскую Русь попадала изданная в синодальной типографии брошюра местного уроженца, бывшего греко-католического семинариста Михаила Сарыча (1862–?) «Братский привет братьям и сестрам карпаторуссам, живущим в пределах Карпатских гор и в Америке, шлет Михаил Сарыч из столицы православного русского царя» (СПб., 1893). О М. Сарыче см.: Дронов М. Михаил Сарыч: штрихи к неоконченному портрету // Русин. [Кишинев], 2007. № 3.

⁷² См.: Данилець Ю. Обраний Божим Провидінням. Життєпис преподобного Олексія Карпаторуського сповідника. Чернівці, 2013. С. 35–70.

тывалось 2845 православных (при 3,4 млн греко-католиков)⁷³, реальное количество православных галичан имело явную тенденцию к увеличению.

В 1903 г. о своем желании перейти в православие заявили около 500 семейств в галицийском селе Залучье Снятинского повета (ныне Коломыйского района Ивано-Франковской области Украины); оно было вызвано недовольством новым греко-католическим священником. В результате к суду было привлечено 78 крестьян, четверо из которых были осуждены. В последующие годы местные власти продолжали препятствовать официальному переходу залучан в православную церковь⁷⁴. Также православное движение широко распространилось в селах Теляж близ Сокаля, Граб на Лемковщине и в их окрестностях.

Согласно наблюдениям Б. Вуйтович-Хубер, во всех трех православных очагах Галиции «1) священники, пропагандирующие православие, прибывают извне, они являются молодыми людьми, происходящими из католических (греко-католических. — *М. Д.*) семей [...]; 2) причины перехода как духовенства, так и прихожан лежат в личных предпосылках (отказ в приеме в духовную семинарию, неудовлетворенность приходской общины пастырским попечением или непонимание с местным священником); 3) в конфликт включается местная интеллигенция, поддерживающая конвертитов, а само изменение религии часто бывает реакцией на польскую политику по отношению к национальным меньшинствам»⁷⁵.

Непосредственное соседство Галиции с Российской империей определяло большее влияние РПЦ, — точнее, православных духовных центров Волыни и Холмщины. В начале XX века усилением этого влияния на галицких, как и остальных австро-венгерских, русинов активнее всех занимался владыка Антоний (Храповицкий) (1863–1936),

⁷³ См.: *Троицкий С.* Как живут и страдают православные и униаты в Австро-Венгрии. С. 37–38.

⁷⁴ См.: Там же. С. 47.

⁷⁵ См.: *Wójtowicz-Huber B.* «Ojcowie narodu». S. 196.

впоследствии первоиерарх Русской православной церкви за границей. С 1902 по 1914 г. он как епископ, а с 1906 г. архиепископ управлял Волынской епархией. Настроенный подчеркнуто антикатолически, владыка Антоний охотно принимал приезжавших к нему в Почаев и Житомир русинов из Австро-Венгрии. Не упускал возможности лично посетить «подъяремную Русь»⁷⁶ или вступить в переписку с ее деятелями. При этом иерарх присоединял греко-католиков к православной церкви через специально составленный им богослужебный чин⁷⁷. Активность Антония в данном вопросе несколько контрастировала с официальной позицией Святейшего Синода, который не раз отклонял прошения о переходе в юрисдикцию РПЦ от австро-венгерских подданных, проживавших на родине, а не в Северной Америке⁷⁸.

Увеличению российской поддержки православных русинов способствовало очередное ухудшение отношений с Австро-Венгрией вследствие аннексии в 1908 г. Боснии и Герцеговины и разразившегося Боснийского кризиса. Важным символическим шагом стало назначение Антония в 1910 г. экзархом для православных русских (т. е. русинов) Галиции и Венгрии, совершенное Иоакимом III (1834–1912), патриархом Константинопольским, и позднее подтвержденное преемником последнего — патриархом Германом V (1835–1920). Полномочия экзарха Вселенского патриарха позволяли Антонию по собственному усмотрению назначать священников в галицийские и угрорусские

⁷⁶ Так, вскоре после своего назначения на Волынскую кафедру владыка вместе с наместником Почаевской лавры архимандритом Амвросием инкогнито посетили Буковинского митрополита с целью лично ознакомиться с положением дел на православной Буковине и в греко-католической Восточной Галиции, в которой они побывали проездом. Епископ остался недоволен поездкой, придя к убеждению, что «нормальное устройство церковных дел в Буковине, Галиции и Карпатской Руси является весьма трудным и даже почти невозможным» (*Никон (Рклицкий), архиепископ. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время.* С. 687–688).

⁷⁷ См.: *Никон (Рклицкий), архиепископ. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время.* С. 691.

⁷⁸ См.: *Вендланд А.В. Русофілі Галичини.* С. 524–525.

села, общины которых изъявили желание перейти в православие⁷⁹. Ряд православных священников (Игнатий Гудима (1882–1941), Максим Сандович (1886–1914, канонизирован как священномученик Максим Горлицкий), Иван Илечко (1885 — после 1911), Киприан Цымбала (ок. 1885 — после 1912), Иван Соловий (1883 — после 1914)) согласовывали свои действия с владыкой Антонием⁸⁰. Следует отметить, что представители Черновицко-Буковинской консистории неоднократно отрицали легитимность юрисдикции Антония над православными галичанами, признавая над ними законным иерархом лишь митрополита Черновицкого⁸¹ (несмотря на то, что этот митрополит не единожды оставался безучастным к прошениям о духовном окормлении галичан и угроруссов).

Именно житомирские духовные школы стали основной кузницей кадров для православной миссии среди греко-католиков⁸². Сюда же отправлялись учиться молодые люди из русинских семей, присоединившихся к православию в Северной Америке⁸³. Далекое и дорогостоящее путешествие Антония по увеличению штата галицийских пра-

⁷⁹ См.: *Стародуб А.* Невідомий лист київського митрополита Антонія (Храповицького) в справі канонічного статусу Православної Церкви у Галичині // *Ковчег. Науковий збірник із церковної історії.* Львів, 2000. Ч. 2. С. 402.

⁸⁰ См.: *Вендланд А.В.* Русофіли Галичини. С. 527.

⁸¹ См.: *Троицкий С.* Как живут и страдают православные и униаты в Австро-Венгрии. С. 53.

⁸² См.: *Вендланд А.В.* Русофіли Галичини. С. 526. Еще в 1864 г. Святейший Синод постановил ежегодно выделять из духовно-учебного капитала ежегодно по 11025 руб. на содержание в российских духовно-учебных заведениях воспитанников-иностранцев. Прежде всего это касалось южных славян. Однако, по крайней мере, в 80-е гг. XIX в. среди таких учащихся были и русины из Габсбургской монархии. Так, например, в 1884 г. из 45 иностранных воспитанников трое были галичанами (остальные: 2 болгар, 2 черногорца, 3 герцеговинца, 2 босняка, 3 серба, 1 грек, 3 сирийца и 3 японца) (см.: *Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 год.* СПб., 1886. С. 355). Это же количество русинов сохранилось и в 1886 г. при уменьшении общего числа иностранных учащихся до 37 (см.: *Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1886 год.* С. 237).

⁸³ См., например: *Американский период жизни и деятельности святителя Тихона Московского. Документы.* СПб., 2014. С. 80–81.

вославных священников хотя бы до 25 человек помешало начало Первой мировой войны⁸⁴.

По утверждению биографа Антония, архиепископа Никона (Рклицкого) (1892–1976), «рукополагая в Почаевской лавре православных священников из карпатороссов и галичан для Австро-Венгерских областей, он (Антоний. — М. Д.) приводил к присяге на верность их императору Францу Иосифу и внушал им о необходимости их лояльного отношения к своему правительству. Однако местная русская администрация лиц, тяготевших из-за границы к Почаевской лавре, стремилась использовать в чисто политических целях и нередко среди них вербовала своих агентов; все это создавало для владыки Антония трудное положение. Он же сам выступал с открытым и суровым обличением австрийских властей лишь в том случае, если видел с их стороны гонения на православную веру и ее сынов, в защиту которых он выступал»⁸⁵. В этом можно усматривать независимую позицию архиерея, в целом отличавшуюся от официального курса Святейшего Синода большей радикальностью. При этом она не всегда корреспондировала с сиюминутными политическими задачами имперского госаппарата.

В качестве главного визави Антония по австрийскую сторону границы в историю вошел крупнейший деятель Греко-католической церкви первой половины XX в. митрополит Галицкий и архиепископ Львовский Андрей Шептицкий (1865–1944). Так, широкую известность получила переписка обоих иерархов, не приведшая к каким бы то ни было результатам⁸⁶. Противодействуя проникновению в Галицию православия, Шептицкий симметрично стремился

⁸⁴ См.: Вендланд А.В. Русофіли Галичини. С. 527.

⁸⁵ Никон (Рклицкий), архиепископ. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. С. 686.

⁸⁶ См. апологетический анализ данной переписки: Авакумов Ю., о. Митрополит Андрей (Шептицкий) і проблеми церковної єдності в Росії // Ковчег. Науковий збірник із церковної історії. Львів, 2003. Ч. 4: Еклезіяльна й національна ідентичність греко-католиків Центрально-Східної Європи. С. 101–114.

к распространению идеи унии в Российской империи. В результате его усилий в католичество восточного обряда даже перешло несколько священнослужителей РПЦ (А.Е. Зерчанинов (1848–1933), Н.А. Толстой (1867–1938) и др.)⁸⁷.

Галицко-русское благотворительное общество

В конце 1902 г. в Санкт-Петербурге было создано Галицко-русское благотворительное общество, «имеющее целью оказывать всякого рода нравственную и материальную поддержку русским Галичанам». В частности, речь шла о разных видах помощи сторонникам общерусской идеи среди русинов Австро-Венгрии, а также о привлечении внимания российской общественности и правящих кругов к проблемам русинского («русского») населения в соседнем государстве⁸⁸. Галицко-русское благотворительное общество было светской организацией, однако с самых первых шагов активное участие в ее работе принимали православные иерархи и рядовые священнослужители, что придавало ей отчасти и религиозную окраску. Среди учредителей организации фигурировали архиепископ Холмско-Варшавский Иероним (Экземплярский) (1836–1905), а также протоиереи Иоанн Гошовский, Николай Лопатинский и Тимофей Трач⁸⁹. «При самом начале своей деятельности “Галицко-Русское Благотворительное Общество” было осчастливлено милостивым к нему вниманием трех Архипастырей: Высокопреосвященнейшего Антония, митрополита С.-Петербургского, Высокопреосвященнейшего Иеронима, архиепископа Холмско-Варшавского и Преосвященного Антония, епископа Волынского и Жито-

⁸⁷ Подробнее о связях А. Шептицкого с Россией см.: Митрополит Андрей Шептицкий і греко-католики в Росії. Кн. 1. Документи і матеріали, 1899–1917 / Упор. Ю. Авакумов і О. Гайова. Львів, 2004.

⁸⁸ О деятельности общества см.: Бахтурина А.Ю. Галицко-русское благотворительное общество и галицийские «москвофилы» в начале XX века // Труды историко-архивного института. Т. 40. М., 2014.

⁸⁹ См.: Галицко-русское благотворительное общество в С.-Петербурге. СПб., 1903. С. 3–4.

мирского, выразивших Правлению Общества свое сочувствия Обществу и молитвенные благожелания. Столь же сочувственно отнеслись к новооткрытому Обществу и высокочтимый духовник Их Императорских Величеств протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев и неутомимый молитвенник земли Русской протоиерей Иоанн Сергиев (Кронштадтский), оказавшие Обществу существенную помощь и поддержку»⁹⁰. Все перечисленные лица, а также митрополит Киевский и Галицкий Флавиан (Городецкий) (1840–1915), член Синода епископ Маркелл (Попель), К.П. Победоносцев и товарищ обер-прокурора (будущий обер-прокурор) В.К. Саблер (1845–1929) стали почетными членами новой организации. Вслед за архипастырями к обществу присоединились многие священники⁹¹. Показательно, что впоследствии житомирский отдел общества возглавил сам архиепископ Антоний (Храповицкий).

Галицко-русское благотворительное общество поддерживало тесные связи с русинскими русофильскими читальнями в самых разных населенных пунктах Галиции (Бережаны, Броды, Бучач, Дрогобыч, Жолква, Золочев, Коломыя, Львов, Самбор, Станислав, Стрый, Перемышль и др.), посилено опекало русофильские учебные заведения. Любая финансовая помощь из России была весьма кстати, так как средства, выделявшиеся галицийской администрацией на культурные нужды русинов были мизерными, если сравнивать их с объемом средств, инвестированных в развитие польской культуры⁹².

Радикализация деятельности организации пришлась на период после 1908 г. Несмотря на тесную связь с РПЦ, Святейший Синод не мог удовлетворить в полной мере финансовые запросы Галицко-русского благотворитель-

⁹⁰ См.: Галицко-русское благотворительное общество в С.-Петербурге. С. 6.

⁹¹ См.: Список почетных, пожизненных и действительных членов «Галицко-Русского Благотворительного Общества в С.-Петербурге» // Там же. С. 31–43.

⁹² См.: Сухий О. Москвофильство в Галичині: історія проблеми // Москвофильство: Документи і матеріали / Вступ. стаття, ком. та добірка документів О. Сухого. Львів, 2001. С. 55.

ного общества, являвшегося самостоятельным субъектом. Известно, например, что в начале 1909 г. председатель общества граф Бобринский получил отказ Синода сначала в финансовой поддержке издания русофильской газеты на Буковине, а позднее — в 7 тыс. рублей для устройства русской бирсы, приведения в порядок обанкротившейся газеты «Православная Русь» и закупки религиозной литературы из России. Вместо просимого, учитывая отсутствие у Синода специального фонда для нужд русинов, было принято решение о безвозмездной передаче печатных изданий со складов синодальных типографий в Санкт-Петербурге и Москве. Поэтому Бобринскому пришлось искать для своих целей светских жертвователей⁹³.

Когда в 1913 г. в Прикарпатье разразился голод, в российской столице в рамках Галицко-русского благотворительного общества был образован «Комитет помощи голодающим в Червонной Руси»⁹⁴. Одним из двух почетных председателей стал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (бывший Московский и Коломенский) Владимир (Богоявленский). Членом комитета был и архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский) (1867–1944) — будущий патриарх⁹⁵. Непосредственно Святейший Синод пожертвовал на комитет 8 тысяч рублей. Кроме этого, значительные суммы были собраны в рамках сбора пожертвований в церковных приходах⁹⁶.

Процессы против православных русинов накануне Первой мировой войны

По-своему реагировала РПЦ на политические процессы в Австро-Венгрии перед самым началом Первой мировой войны. Речь идет о так называемом Львовском

⁹³ См.: Вендланд А.В. Русофіли Галичини. С. 523.

⁹⁴ См. очерк 5 М.Э. Клоповой в данной книге.

⁹⁵ См.: Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине. С. 134–135.

⁹⁶ См.: Вендланд А.В. Русофіли Галичини. С. 526.

процессе в Галиции и Мараморош-Сигетском процессе в Угорской Руси.

Начало Львовского процесса, активная фаза которого пришлось на март–июнь 1914 г., датируется еще 1912 годом, когда были взяты под стражу его основные фигуранты — о. М. Сандович, о. И. Гудима, Семен Бендасюк (1877–1965) и Василий Колдра (ок. 1885 — после 1914), которые обвинялись в государственной измене и шпионаже. Православный священник М. Сандович также обвинялся в оскорблении католической веры. 6 июня 1914 г., по решению присяжных, обвиняемые были признаны невиновными и освобождены.

Интересно, что защита обвиняемых настаивала на приезде во Львов в качестве свидетеля архиепископа Антония (Храповицкого). Обер-прокурор Синода В.К. Саблер поддерживал данную инициативу, обратившись за разрешением к самому императору. Хотя Николай II также выразил свое согласие на поездку Антония, министр иностранных дел С.Д. Сазонов (1860–1927) счел подобный вояж опасным как для самого иерарха, так и для политических интересов Российской империи. Поэтому поездка так и не состоялась⁹⁷.

Второй Мараморош-Сигетский процесс, начавшийся еще в 1913 г., производился над 94 русинскими крестьянами, мужчинами и женщинами от 17 до 64 лет, обвинявшимися в государственной измене по причине их перехода из греко-католической церкви в православную. Среди них присутствовал и Алексей (Кабалюк), добровольно прибывший на родину из США. Обвиняемым инкриминировалось желание подчинить русинов РПЦ и присоединить часть территории Венгерского королевства к Российской империи. Кроме прочего, сельчане обвинялись в том, что они «находятся в сношениях с [...] Евлогием Холмским, Антонием Житомиро-Волынским, православными русскими еписко-

⁹⁷ См.: Клопова М.Э. Этноконфессиональные аспекты Мараморош-Сигетского процесса 1913 г.: взгляд из России // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы. 1517–1918. М.; СПб., 2016. С. 328.

пами, с афонскими, холмскими, московскими, киевскими, почаевскими и яблочинскими православными монахами и получают от них денежную поддержку»⁹⁸. В качестве улики была представлена конфискованная у крестьян православная литература, напечатанная в России.

Несомненно, что как авторы 56-страничного обвинения, так и судьи на процессе были слабо знакомы с российскими реалиями. Так, например, в обвинении говорилось о юрисдикции «киевского патриарха в рамках Русской православной церкви», а свидетеля графа В.А. Бобринского спрашивали, не является ли он членом Священного Синода⁹⁹.

Святейший Синод не стал вмешиваться в ход Мараморош-Сигетского процесса, несмотря на очевидные симпатии его членов к обвиняемым, и особенно к о. Алексею (Кабалюку)¹⁰⁰. Процесс закончился 3 марта 1914 г. осуждением 33 человек в общей сложности на 37 лет тюремного заключения и обязательством выплатить 6800 крон штрафа¹⁰¹.

Хотя Святейший Синод дистанцировался от судебных процессов над русинами Габсбургской монархии, нелегкая участь их жертв, несомненно, беспокоила русских иерархов и духовенство. Так, наибольшее сочувствие активистам православного движения с самого начала их преследований в Австро-Венгрии проявил архиепископ Антоний (Храповицкий), позиция которого изначально была радикальнее умеренной линии Синода. Еще в августе 1913 г. он опубликовал специальное «Окружное послание» для прочтения на литургиях во всех приходских и приписных храмах Волынской епархии. Также владыка составил особую молитву и прошения на ектиниях, которые читались по всем православным приходам Волыни в течение всего

⁹⁸ Цит. по: Разгулов В., Фролов К. Апостол Карпатской Руси. Берегово, 2001. С. 29.

⁹⁹ См.: Гёнци А. Мараморош-Сигетский русинский процесс // Взаимодействие и конфликты. С. 310–311.

¹⁰⁰ См.: Клопова М.Э. Этноконфессиональные аспекты Мараморош-Сигетского процесса 1913 г. С. 327–328.

¹⁰¹ См.: Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 245.

Мараморош-Сиготского процесса¹⁰². Епископ Минский и Туровский Митрофан (Краснопольский) (1869–1919) провел специальное собрание, посвященное актуальной ситуации у русинов Австро-Венгрии. Кроме этого, события сочувственно освещались на страницах синодальной газеты «Церковные ведомости»¹⁰³.

* * *

Таким образом, отношение РПЦ в лице Святейшего Синода и клира к русинам Габсбургской монархии (а именно Галиции, Буковины и Угорской Руси) в течение второй половины XIX и начала XX столетия заметно эволюционировало. Если в более ранние периоды речь шла преимущественно о материальной поддержке зарубежных единоверцев, именно с середины XIX в. началось более пристальное знакомство РПЦ, традиционно тесно взаимосвязанной с государственным аппаратом, с русинским («русским») населением соседней империи — причем как православного, так и греко-католического вероисповедания. Посредниками выступали русские священники-дипломаты во главе с протоиереем М.Ф. Раевским, непосредственно взаимодействовавшие с русинами, знакомя с ними власть имущих и широкую общественность России, а в русинской среде культивируя русофильство и симпатии к русскому православию. В последующие десятилетия российскую сторону представляли светские организации — славянские комитеты, а в начале XX столетия — Галицко-русское благотворительное общество, большую роль в деятельности которых играло православное духовенство. В 1870-е, на волне православизации Холмщины, клир РПЦ основательно пополнился бывшими греко-католическими священниками, приглашенными из Галиции. При этом, несмотря на из-

¹⁰² См.: *Никон (Рклицкий), архиепископ*. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. С. 693–701.

¹⁰³ См.: *Данилець Ю.* Антиправославні Мараморош-Сиготські судові процеси на сторінках Санкт-Петербурзьких «Церковних Ведомостей» // Наукові Записки Богословсько-історичного дослідного центру імені архимандрита Василя (Проніна). 2013. № 2.

начально русофильские убеждения этих галичан, проявились их отличия от основной массы русского духовенства. Огромное значение в контексте взаимопознания получило православное движение среди русинов-униатов в Северной Америке, в результате которого начиная с 1890-х гг. в состав РПЦ стали массово вливаться русинские приходы. В ходе этого процесса русский клир сумел ближе познакомиться с особенностями религиозности и образа жизни русинов. Присоединение американских русинских приходов к православию способствовало распространению православных настроений среди русинов на родине, в Галиции и Угорской Руси, а как следствие, усилению там культурно-политического влияния РПЦ и, шире, Российской империи. Поддержка РПЦ православного движения среди русинов-униатов в самой Австро-Венгрии во многом была прежде всего моральной. Начиная с процесса О. Грабарь 1882 г. и вплоть до Мараморош-Сигетского и Львовского процессов над конвертитами в преддверии Первой мировой войны официальный Святейший Синод, руководствуясь политическими соображениями, не вмешивался в вопросы религиозной жизни соседней империи, ограничиваясь скромной финансовой поддержкой отдельных лиц. Исключения составляли самостоятельные инициативы епископа (позднее — архиепископа) Антония (Храповицкого), который, находясь на приграничной Волынской кафедре, непосредственно направлял ход зарубежного православного движения в русинской среде. В подобном радикальном духе, зачастую расходившемся с политикой Синода и других государственных ведомств, развивалась деятельность Галицко-русского благотворительного общества.

Очерк 7

Национальная политика большевиков в отношении Украинской ССР в 1920-е — 1930-е гг.

Формы и методы советской национальной политики, ее влияние на регулирование этнополитических процессов в республиках, деятельность государства по формированию культуры межнационального общения представляют несомненный интерес как для специалистов, так и для современного российского общества. Значение деятельности советского государства в области национальных отношений обусловлено его влиянием на последующее развитие — и культурное, и социальное, и политическое — народов бывшего Советского Союза. С этой точки зрения важно понять, как зарождалась и изменялась национальная политика большевиков, какое место занимала украинизация в жизни украинского советского общества.

Украинское национальное движение и задачи украинизации

О необходимости украинизации общественной и культурной жизни лидеры украинского национального движения стали особенно активно говорить в период революции 1917 г. и Гражданской войны, настаивая на создании условий для реализации прав украинской нации на самостоятельное развитие. Так, Украинская Центральная Рада на своем заседании 23 апреля 1917 г. заявила, что стоит «на принципе украинизации всей жизни на Украине»¹. В про-

---

¹ Матеріали другої сесії Центральної Ради 22–23 квітня 1917 р. // Українська Центральна Рада: док. і мат. у 2 т. Т. 1: 4 березня — 9 грудня 1917 р. Київ, 1996. С. 70.

токолах заседаний комитета Центральной Рады и ее сессий об украинизации говорили постоянно и регулярно. По словам одного из ее лидеров В.К. Винниченко, «национально сознательные слои украинской нации» выдвигали требование автономии Украины в федеративной России и «приспосабливании к народу», т. е. об украинизации «всех органов административной, хозяйственной и культурной жизни»².

Как говорилось в Докладной записке делегации Украинской Центральной Рады Временному правительству и Исполнительному комитету Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов по вопросам автономии Украины от 30 мая 1917 г., проходившие на Украине разнообразные съезды («кооперативные, крестьянских союзов, армейские, национальные в широком смысле слова, педагогические, партийные и др.») «единодушно сходятся в национальных требованиях, как политических (автономия и федерация), так и культурных (украинизация школы, общественных институтов и т. п.)»³. В требованиях оговаривались три направления украинизации. Прежде всего, речь шла об армии: «в интересах повышения боевой силы армии и укрепления дисциплины необходимо воплотить в жизнь выделение украинцев в отдельные войсковые части как в тылу, так, по мере сил, и на фронте»⁴. Кроме того, подчеркивалась необходимость украинизации школы, причем «украинизацию начальной школы необходимо перенести и на среднюю и высшую школу как относительно языка, так и дисциплин обучения»⁵. Наконец, содержалось требование о распространении принципов украинизации на кадровую сферу: «на ответственные посты как гражданской, так и духовной администрации на Украине необходимо

² Винниченко В.К. Відродження нації. Ч. 1. Київ—Відень, 1920. С. 92–93.

³ Доповідна записка делегації Української Центральної Ради Тимчасовому уряду та виконавчому комітетові Петроградської ради робітничих та солдатських депутатів з питань автономії України 30 травня 1917 р. // Українська Центрально Рада: док. і мат. Т. 1. С. 94.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Там же.

назначать лиц, которые пользуются доверием населения, говорят на его языке и знакомы с его бытом»⁶.

Таким образом, планы по украинизации Центральной Рады были тесно связаны с ее борьбой за достижение национально-территориальной автономии Украины. Переговоры с Временным правительством проходили непросто, и только после октябрьских событий, воспользовавшись приходом к власти большевиков, Рада приняла III универсал об образовании Украинской Народной Республики как части Российской Республики, которая мыслилась как федерация «равных и свободных народов»⁷. Впрочем, с большевиками Центральная Рада не договорилась, и в январе 1918 г. объявила о том, что УНР становится «самостоятельным, ни от кого независимым, свободным, суверенным государством украинского народа»⁸. После объявления независимости УНР можно говорить об украинизации как политике государства. Уже в феврале 1918 г. Совет Министров УНР принял решение «относительно украинизации и вообще административных мер ... поручить каждому ведомству немедленно приступить к проведению в жизнь целого ряда мероприятий»⁹.

Однако удержать власть Центральной Раде не удалось. В условиях наступления Красной армии в ночь на 27 января (9 февраля) 1918 г. Рада подписала мирный договор со странами Четверного союза. По соглашению с Германией и Австро-Венгрией, последние должны были очистить Украину от большевиков взамен на поставки сырья и продуктов. Однако уже 29 апреля 1918 г. при поддержке

⁶ Доповідна записка делегації Української Центральної Ради Тимчасовому уряду та виконавчому комітетові Петроградської ради робітничих та солдатських депутатів з питань автономії України 30 травня 1917 р. // Українська Центральна Рада: док. і мат. Т. 1. С. 98.

⁷ Третій універсал Української Центральної Ради 7 листопада 1917 р. // Українська Центральна Рада: док. і мат. Т. 1. С. 399–400.

⁸ Четвертий універсал Української Центральної Ради // Українська Центральна Рада: док. і мат. у 2 т. Т. 2: 10 грудня 1917 р. — 29 квітня 1918 р. Київ, 1997. С. 103.

⁹ Протоколи засідань Ради Народних Міністрів 8–9 лютого 1918 р. // Українська Центральна Рада: док. і мат. Т. 2. С. 158.

германского командования произошел государственный переворот. Рада была распущена, было объявлено о создании Украинской Державы во главе с гетманом П.П. Скоропадским. Тем не менее после переворота политика украинизации продолжилась. В декларации Совета министров от 10 мая 1918 г. говорилось: «Грамота гетмана, положившая начало новой эпохи в истории государственной жизни Украины, свидетельствует о том, что не может быть речи о стремлении нового правительства к подавлению украинской национальности, ее языка, культуры и государственности. Напротив, правительство, избегая насилий и крутой ломки, будет в то же время твердо проводить в жизнь идею дальнейшего и всестороннего развития украинской национальной культуры, обеспечения прав украинского языка в школе, в государственных и общественных учреждениях и укрепления всех форм украинской государственности»¹⁰.

Несмотря на непростые условия, украинским правительствам удалось добиться определенных успехов (особенно Центральной Раде и гетманскому правительству). Создавались украинские школы (только в 1917 г. было открыто 215 так называемых высшеначальных школ, а к концу 1918 г. число украинских гимназий достигло 150). Число периодических изданий на украинском языке достигло в 1917 г. 106 названий и 212 в 1918 г. В 1917 г. вышло 747 наименований книг, в 1918 г. — 1084, 1919 г. — 665¹¹. В 1918 г. была создана Украинская Академия наук. При русских высших учебных заведениях открывались кафедры украиноведения, кроме того, был открыт университет в Каменце-Подольском, историко-филологический факультет в Полтаве, Народный университет в Киеве был преобразован в Украинский госуниверситет, была открыта Национальная библиотека, работали несколько национальных театров.

¹⁰ Цит. по: Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год: сб. док. М., 2014. С. 967.

¹¹ Рубльов О.С., Реент О.П. Українські визвольні змагання. 1917–1921 рр. Київ, 1999. С. 89–95, 139–143, 182–185.

Украинская Держава, опиравшаяся на немецкие оккупационные силы, просуществовала вплоть до конца 1918 г. После поражения Германии дни ее были сочтены: образованная деятелями бывшей Центральной Рады, Директория начала вооруженную борьбу за власть, и 14 декабря вновь была провозглашена УНР, а 22 января 1919 г. на Софийской площади в Киеве было проведено торжественное объединение Украинской Народной Республики с Западно-Украинской Народной Республикой, образовавшейся в Восточной Галиции после распада Австро-Венгрии.

Одним из первых шагов Директории стало принятие закона «О государственном языке в Украинской Народной Республике», закреплявшего за украинским языком статус государственного, что означало обязательность его употребления в армии, флоте и во всех государственных и общественных организациях и публично-правовых учреждениях¹². Впрочем, Директории закрепиться на украинских землях не удалось: она торжественно въехала в Киев 19 декабря 1918 г., но уже 5 февраля 1919 г. в Киев вошла Красная армия. Впрочем, власть на Украине еще не разменялась, пока окончательно, уже в 1920 г., не укрепилась УССР.

Таким образом, в период революции украинское национальное движение представляло украинизацию как программу создания национальной государственности, призванную обеспечить социокультурные изменения юго-западной части бывшей Российской империи. Тем не менее в полной мере провести намеченные мероприятия лидерам формирующихся национальных государств не удалось: кратковременность их существования не позволила осуществить всю программу, однако основные ее направления были намечены.

Пока существовало Временное правительство, украинские лидеры рассчитывали добиться автономии легальным путем, и в своей политике вынуждены были учиты-

¹² Данилевська О.М. Мова в революції та революція в мові: мовна політика Центральної Ради, Гетьманату, Директорії УНР. Київ, 2009. С. 71.

вать позицию центрального правительства. Даже после объявления независимости украинские деятели не могли не считаться с мнением общества: в условиях революции и Гражданской войны применять административный нажим было непросто, поскольку русское население городов зачастую с недоумением и даже возмущением встречало новации украинских властей. Активный украинский деятель, украинский социал-демократ Н.В. Порш на заседании Малой рады в марте 1918 г. вынужден был признать, что внесенный одним из ее членов от партии «Поалей-Цион» С.И. Гольдельманом запрос министрам внутренних дел, почт и телеграфов по поводу распоряжений об обязательном употреблении украинского языка заслуживает внимания: «Наша фракция предлагает эту интерпелляцию принять, но принять не из тех причин, на которые указывали здесь предыдущие ораторы, которые вообще против принципа немедленной украинизации. Мы считаем, что должны быть заведены какие-то нормы, чтобы Украина не стала, как и все буржуазные государства, ареной национальной борьбы»¹³.

На пути к советской украинизации ||

Провести украинизацию как целостную последовательную политику удалось большевикам в рамках общесоюзной политики коренизации партийного и государственного аппарата в национальных республиках. Украинизация стала региональной формой коренизации, которая придавала национальный облик советской власти в украинской республике.

Создание украинского советского государственного образования проходило в соответствии с провозглашенным еще на II съезде РСДРП в 1903 г. общедемократическим требованием «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». Весной 1917 года

¹³ Матеріали засідання Малої ради 26 березня 1918 р. // Українська Центральна Рада: док. і мат. Т. 2. С. 231.

Ленин настаивал, что «великороссы не будут насильно удерживать ни Польши, ни Курляндии, ни Украины, ни Финляндии, ни Армении, вообще ни одного народа. Великороссы предлагают братский союз всем народам и составление общего государства по добровольному согласию каждого отдельного народа, а никоим образом не через насилие, прямое или косвенное»¹⁴. Однако признание права на отделение отнюдь не означало, что большевики его желали. Так, в работе «К пересмотру партийной программы» Ленин писал: «Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций». По словам Ленина, большевики хотели пролетарского единства, соединения, а не разделения, и именно поэтому «обязаны признать свободу отделения (без свободы отделения соединение не может быть названо свободным). Мы тем более обязаны признать свободу отделения, что царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставила в соседних нациях тьму озлобления и недоверия к великорусам вообще, и это недоверие надо рассеять делами, а не словами»¹⁵.

Провозгласив советскую власть на Украине, большевики придерживались курса на тесный союз между РСФСР и УССР. Первый Всеукраинский съезд Советов в Харькове 12 (25) декабря 1917 г. принял резолюцию, признававшую Украинскую республику в качестве федеративной части Российской республики. Хотя события развивались не так, как первоначально планировало большевистское руководство, и в сложных международных условиях Брестского мира большевики вынуждены были признать независи-

¹⁴ Ленин В.И. Наказ выбираемым по заводам и по полкам депутатам в совет рабочих и солдатских депутатов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 32. М., 1969. С. 41.

¹⁵ Ленин В.И. К пересмотру партийной программы // Там же. Т. 34. М., 1969. С. 380.

мость Украины, однако считали это вынужденной мерой, результатом внешнеполитических обстоятельств. Когда в ноябре 1918 г. ситуация в «украинском вопросе» изменилась, большевики предприняли попытку восстановления на Украине советской власти. 6 января 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство провозгласило образование Украинской Социалистической Советской Республики. Политика большевистского руководства весной–осенью 1919 г. диктовалась стремлением упрочить свой контроль над Украиной: хотя независимость УССР была провозглашена, однако большевики рассчитывали в ближайшем будущем добиться слияния этих двух республик.

23 апреля 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) предложило ЦК КП(б)У обсудить вопрос, при каких условиях и в какой форме такое слияние будет проведено. Как подготовку к такому слиянию следует, по всей видимости, рассматривать и централизаторскую политику учреждений РСФСР. 3 марта 1919 г. президиум ВСНХ РСФСР высказался за прямое управление народным хозяйством советских республик из Москвы на принципах «демократического централизма». Буквально через несколько дней, 7 марта, украинское советское правительство приняло постановление об объединении ВСНХ РСФСР и Украинского СНХ в единую систему и об объединении банковской системы обеих республик¹⁶.

Еще осенью 1919 г. желание большевиков добиться «полного слияния» Украины с Россией было крайне велико, о чем свидетельствует проект тезисов о политике на Украине, подготовленный к заседанию Политбюро ЦК РКП(б) 21 ноября 1919 г. Лениным: «Пока — самост[оятельная] Укр[аинская] С[оциалистическая] Р[еспублика], в тесной федерации с РСФСР... п. 2 на Политбюро ЦК РКП(б) 21.XI.19 “принять с указанием, что до созыва украинского съезда Советов Украина и Россия федерируются на основе резолюции ВЦИК и постановления Полит-

¹⁶ *Кульчицкий С.В.* Комунизм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). Київ, 1996. С. 85.

бюро от 1.VI—19 г. и что в то же время партийным путем ведется осторожная подготовка планов слияния Украины и России»¹⁷.

Однако этим планам не суждено было сбыться: большевистское руководство вынуждено было в своей политике учитывать как развивающееся национальное движение, так и внешние обстоятельства, главным образом желание Польши разыграть «украинскую карту». Так, Ю. Пилсудский рассчитывал включить в состав польского государства часть бывших территорий Первой Речи Посполитой, а также надеялся на создание союзного Польше украинского государства на украинских землях, ранее входивших в состав Российской империи.

Большевиков беспокоил и намечавшийся польско-украинский союз на антибольшевистской основе: первые контакты правительства Украинской Народной Республики с Польшей приходятся уже на конец 1918 — начало 1919 гг. 1 сентября 1919 г. было заключено прелиминарное соглашение между УНР и Польшей. Положение армии УНР было крайне тяжелым, и Петлюра решил отказаться от западноукраинских земель в обмен на военную помощь. В октябре 1919 г. в Варшаву прибыла дипломатическая миссия УНР, а 2 декабря, без согласия галицийской делегации, миссия УНР подписала украинско-польскую декларацию, в которой признала права Польши на Восточную Галицию¹⁸. В начале 1920 г. на территории Польши началось формирование украинских частей.

В этой ситуации большевистское руководство признало необходимым подчеркнуть независимый статус Украинской ССР. Так, 3 декабря 1919 г., когда переговоры деятелей УНР с польскими лидерами шли полным ходом, VIII Всероссийская конференция РКП(б) приняла резолю-

---

¹⁷ Ленин В.И. Проект тезисов ЦК РКП(б) о политике на Украине. Не позднее 21 ноября 1919 г. // Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 306.

¹⁸ Гетьманчук М.П. Між Московією та Варшавою: українське питання у радянсько-польських відносинах міжвоєнного періоду. Львів, 2008. С. 63.

цию о советской власти на Украине. Особое значение имели первые два ее пункта: «1. Неуклонно проводя принцип самоопределения наций, ЦК считает необходимым еще раз подтвердить, что РКП стоит на точке зрения признания самостоятельности УССР.

2. Считаая бесспорной для всякого коммуниста и для всякого сознательного рабочего необходимость теснейшего союза для всех Советских республик в их борьбе с грозными силами всемирного империализма, РКП стоит на той позиции, что определение формы этого союза будет окончательно решено самими украинскими рабочими и трудящимися крестьянами»¹⁹. Одновременно всем членам партии вменялась обязанность «содействовать устранению всех препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры», «всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план», «превратить украинский язык в орудие коммунистического просвещения трудовых масс»²⁰.

Большевики стремились продемонстрировать образцовое решение национального вопроса в УССР и внимательное отношение к «национальным чувствам украинцев». 21 февраля 1920 г. Всеукраинский ЦИК постановил: «На всей территории Украинской ССР, во всех гражданских и военных учреждениях должен применяться украинский язык наравне с великорусским. Никакое преимущество великорусскому языку недопустимо. Все учреждения, как гражданские, так и военные, обязаны принимать заявления и другие дела как на великорусском, так и на украинском языках и за отказ или уклонение в приеме виновные будут привлекаться по всей строгости военно-революционных законов»²¹.

¹⁹ Восьмая Всероссийская конференция РКП(б). Москва. 2–4 декабря 1919 г. Резолюция о советской власти на Украине // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1: 1898–1924. М., 1954. С. 459.

²⁰ Там же.

²¹ До історії міжнародних процесів на Україні // Український історичний журнал. 1990. № 6. С. 110.

Учитывая крайнюю заинтересованность Польши судьбой западных окраин бывшей Российской империи, большевистское руководство поменяло тактику: речь шла уже не о слиянии двух советских республик, а о договоре между ними. Активные военные действия на советско-польском фронте завершились подписанием 12 октября 1920 г. договором о перемирии и прелиминарных условиях мира, согласно которым Польша обязалась признать независимость Белоруссии и Украины, а 18 марта 1921 г. в Риге был подписан мирный договор, по которому Польша получила земли Западной Украины и Западной Белоруссии. В этой ситуации Всероссийский съезд Советов 28 декабря 1920 г. и съезд Советов УССР в феврале 1921 г. утвердили «Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и УССР», в котором подтверждались независимость и суверенность каждой из договаривающихся сторон и одновременно говорилось о вступлении республик в военный и хозяйственный союз. Дальнейшие шаги большевистских лидеров были направлены на создание единой федерации советских республик, и 30 декабря 1922 г. был принят «Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик».

В период образования союзного государства большевики уделяли национальному вопросу повышенное внимание. В тезисах к X съезду в качестве одной из задач РКП(б) И.В. Сталин указывал на необходимость: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов; б) поставить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке». Данное положение, как и указание на опасность «искажений политики партии в национальном вопросе» как в сторону «великодержавности, колониаторства, великорусского шовинизма», так и в сторону «буржуаз-

но-демократического национализма»²², составляло одну из главных принципов курса РКП(б) в национальном вопросе и в дальнейшем составило основу политики коренизации, провозглашенной на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г.

Основные направления советской политики украинизации

С докладом по национальному вопросу на XII съезде выступил И.В. Сталин. Он отметил внешнее (международное) и внутреннее значение советской национальной политики. По мнению генерального секретаря, СССР должен стать «знаменем освобождения», примером для подражания, стать «притягательной силой» для трудящихся за пределами Союза²³. Внутреннее же значение национального вопроса было связано с большим удельным весом «ранее угнетенных национальностей», которые «занимают наиболее нужные для хозяйственного развития районы и наиболее важные с точки зрения военной стратегии пункты»²⁴. Поэтому следовало установить «правильные взаимоотношения» «между пролетариатом бывшей державной нации, представляющим наиболее культурный слой пролетариата всей нашей федерации, и крестьянством, по преимуществу крестьянством ранее угнетенных национальностей»²⁵. Для этого необходимо было преодолеть «великорусский шовинизм, фактическое неравенство наций и национализм местный». Сталин предложил «национализировать» «не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские», перевести их на язык, понятный для масс²⁶. Кроме того, генсек объявил о

²² Сталин И.В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе // Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. статей и речей. М., 1937. С. 70.

²³ Сталин И.В. Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 25 апреля 1923 г. // Сталин И.В. Сочинения. В 13 т. М., 1947–1951. Т. 5. М., 1947. С. 238.

²⁴ Там же. С. 238.

²⁵ Там же. С. 240.

²⁶ Там же. С. 257.

необходимости совершенствования органов управления, т. е. о создании такой конструкции комиссариатов в Союзе, «которая бы дала возможность по крайней мере основным национальностям иметь своих людей в составе коллегий и которая создала бы такую обстановку, когда нужды и потребности отдельных республик безусловно удовлетворялись бы»²⁷. Наконец, Сталин упомянул о создании в составе высших центральных органов такого, «который служил бы отражением нужд и потребностей всех без исключения республик и национальностей»²⁸.

Таким образом, на XII съезде партии было положено официальное начало проведению политики коренизации. В Украинской ССР был принят ряд директивных решений, направленных на введение протекционистских мер в отношении «коренной национальности» — как в области языка и культуры, так и «выдвиженческой» кадровой политики. Прежде всего, республиканские органы власти признали недостаточным формальное равенство между украинским и русским языками. 1 августа 1923 г. вышло постановление ВУЦИК и СНК УССР «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка», в котором подчеркивалась недостаточность принятых ранее мер, направленных на равноправие украинского и русского языков. «Вследствие относительно слабого развития украинской школы и украинской культуры вообще, вследствие отсутствия необходимых учебных пособий, отсутствия достаточно подготовленного персонала, жизнь, как показал опыт, приводит к фактическому преобладанию русского языка»²⁹, — отмечалось в документе.

²⁷ Сталин И.В. Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 25 апреля 1923 г. // Сталин И.В. Сочинения. В 13 т. М., 1947–1951. Т. 5. М., 1947. С. 258.

²⁸ Там же.

²⁹ Про заходи забезпечення рівноправ'я мов і про допомогу розвитку української мови // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1923 рік. Харків, 1923. Від. 1. № 29. Арт. 435. См. также: Культурне будівництво в Українській РСР. Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського Уряду 1917–1959 рр.: Зб. докум.: В 2 т. Т. 1. Київ, 1959. С. 242–243.

Было решено «избрать в качестве преимущественного для официальных сношений — украинский язык»³⁰, хотя по-прежнему наиболее распространенными на Украине считались оба языка — украинский и русский. Согласно этому постановлению, вновь поступающие на государственную службу должны в течение 6 месяцев изучить украинский язык (для «тех, кто уже находится на службе», был определен срок в 1 год), делопроизводство предполагалось также перевести на украинский язык, ввести украинский язык в партийных школах, реорганизовать государственное издательство и т. п. Язык обучения в учебных заведениях предполагалось привести в соответствие с национальным составом населения и ввести обязательное обучение на родном языке учащихся всех учебных заведений, в том числе в пунктах ликвидации неграмотности. На украинский язык переводилось обучение в школах профессионального, сельскохозяйственного и социально-экономического профиля. Вместе с введением украинского языка предусматривалось сохранение его в качестве обязательного предмета обучения во всех учебно-воспитательных и культурных организациях, как и русского языка, за исключением школ национальных меньшинств³¹. Таким образом, большевистское руководство высказало намерение изменить статус украинского языка и культуры и создать условия для внедрения их в общественно-политическую жизнь, образование и науку, массовую коммуникацию и пр.

Однако, в 1923–1924 гг. украинизация проводилась неспешно: партийное руководство УССР предпочитало осторожный подход и «естественный ход событий». Поэтому этот период нередко называют «украинизацией по декрету», «украинизацией на бумаге»: все необходимые для проведения украинизации законодательные акты были приняты, но исполнение их оставляло желать лучшего.

³⁰ Про заходи забезпечення рівноправ'я мов і про допомогу розвитку української мови. Арт. 435.

³¹ Там же.

Ситуация стала меняться весной 1925 г. с приходом на Украину приверженца Сталина Л.М. Кагановича. Новый генеральный секретарь ЦК КП(б)У сразу же проявил себя как сторонник активного проведения украинизации. По его мнению, основное внимание должно быть сосредоточено на украинизации партийного аппарата, на движении на ответственные посты украинцев и срочном переводе на украинский язык делопроизводства. В своем выступлении на апрельском пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У 1925 г. новый глава коммунистов УССР подчеркнул, что считает вопрос о кадрах кардинальным: «И здесь вопрос стоит не только об украинском языке. Тут речь идет о подготовке украинцев, и от этого отказываться нельзя. Конечно, вся партия — и русский кадр, и в первую очередь старые большевики, старая гвардия, — должна заняться изучением украинского языка, чтобы приблизиться к украинским массам. Но нужно подготовить украинских работников, которые, зная быт, психологию, были бы марксистски грамотны»³². Протекционистскую политику в отношении украинцев Каганович использовал для укрепления позиции сторонников И.В. Сталина в условиях разнузданной внутрипартийной борьбы.

Украинское партийное руководство встало перед необходимостью разработки нового декрета по украинизации и определения новых сроков «полной украинизации». 30 апреля 1925 г. появилось очередное постановление ЦИК и СНК УССР, в котором потребовали от всех государственных учреждений и государственных торгово-промышленных предприятий перейти на украинское делопроизводство не позднее 1 января 1926 г. Кроме того, речь шла об увеличении тиражей учебных изданий и художественной литературы на украинском языке. На рабоче-крестьянскую инспекцию возлагалась обязанность проведения периодических проверок украинизации советского аппарата. Кстати, этим же постановлением учреж-

³² Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 160. Л. 71.

далась Центральная всеукраинская комиссия по руководству украинизацией³³. Через два года, 6 июля 1927 г., появилось еще одно постановление ВУЦИК и СНК УССР, кодифицировавшее все законодательство в этой сфере. Согласно нему, все правовые документы государственных органов следовало публиковать на двух языках — украинском и русском, внутреннее делопроизводство велось на украинском языке, а сотрудники, не выучившие украинский язык в установленные сроки (или те, кто был настроен против украинизации), увольнялись без предупреждения и выходного пособия³⁴.

Таким образом, украинизация была ориентирована как на поддержку украинского языка и культуры, так и развитие социальной структуры украинского общества путем создания приоритетных возможностей для профессионального и карьерного роста представителям «коренной» национальности, что привело к большим изменениям. Вторая половина 1920-х — начало 1930-х годов стали периодом наиболее активного проведения украинизации. Большие изменения произошли в системе образования и науки. Так, динамика украинизации начальной школы была следующей: если в 1922 г. украинскими было 6105 школ, то в 1930 г. — 14430. В школах другого типа результаты не были столь яркими, однако, например, уже к 1925/1926 гг. профшколы по языку обучения были на 51,9 % украинскими и только на 27,6 % — русскими. Определенные успехи были достигнуты и в украинизации высшей школы. По состоянию на 1927 г. среди институтов было 14 украинских, 2 русских и 23 — двуязычных³⁵. При этом четко проявлялась тенденция увеличения численности украинцев сре-

³³ Про заходи термінового проведення повної українізації радянського апарату // Збірник законень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1925 рік. Харків, 1925. Від. 1. № 26 Арт. 202.

³⁴ Про забезпечення рівноправ'я мов і про сприяння розвитку української культури // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1927 рік. Харків, 1927. № 34. Арт. 157.

³⁵ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 89, 91, 102.

ди студентов. К 1928 г. число украинцев среди студентов вузов достигло 54 %, техникумов — 63 %³⁶. А к следующему учебному году показатель для вузов был еще выше — 62,8 %, в 1930 г. — свыше 70 %³⁷. Кроме того, руководство УССР прилагало немалые усилия для внедрения украинского языка в высшие учебные заведения. 6 июля 1931 г. Наркомпрос УССР указал, что все поступающие в высшие учебные заведения, высшие технические школы и техникумы обязаны знать украинский язык и, поступая в институт, обязаны подавать все письменные работы на украинском языке. А в постановлении от 19 декабря 1931 г. Наркомпроса УССР говорилось об обязательности изучения украинского языка для всех студентов вузов и техникумов, а не только для тех, кто не знает украинского языка³⁸. Еще одним полем украинизации стала наука. Здесь также возросло число научных сотрудников-украинцев (с 28 % в 1925 г. до 45,9 % в 1929 г.)³⁹.

Помимо науки и просвещения, украинизация затронула все стороны культурной жизни республики. На украинский язык переводились произведения русской и зарубежной классики, выросло количество и тираж периодических изданий. В 1930 г. украинизация прессы достигла 68,8 %, а в 1932 г. цифра поднялась до 87,5 %. В 1929 г. 84 % журналов издавались на украинском языке⁴⁰. Украинские книги в общей массе книжной продукции в 1931 г. составили 76,9 %⁴¹.

Активно велась работа по кодификации литературных норм, в области лексики и орфографии. В 1927 г. была проведена т. н. Правописная конференция, предметом об-

³⁶ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 94, 96.

³⁷ Там же. С. 102.

³⁸ Єфіменко Г.Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 146, 181.

³⁹ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 109.

⁴⁰ Там же. С. 143.

⁴¹ Шевельов Ю. Українська мова в першій половині ХХ століття (1900–1941). Стан і статус. Чернівці, 1998. С. 96.

суждения которой стала единая система орфографии (она была введена в действие в 1928 г. постановлением СНК УССР). Разработанные нормы украинского правописания явились результатом компромисса между центральноукраинской и западноукраинской лингвистическими школами. Западная диалектная база была признана равноправной составляющей при создании языкового стандарта⁴².

В конце 1920-х годов продолжал активно развиваться и украинский кинематограф. В 1927–1929 гг. в Киеве была построена новая киностудия, самая большая в Европе того времени. В киноискусстве продолжала доминировать украинская проблематика. Продолжалась и украинизация театрального искусства. Если к концу 1927 г. вся театральная сфера была украинизирована только на 26 %, то в начале 1930-х годов русскоязычные театры были фактически вытеснены с Украины, а центральные театральные помещения перешли к украинским труппам. В 1931 г. в УССР было 66 украинских, 12 еврейских и 9 русских стационарных театров⁴³.

Постепенно менялся и этносоциальный облик УССР. Происходил прирост рабочих украинского происхождения на заводах Донбасса и Днепропетровского региона. Например, в 1930 г. 80 % вновь завербованных рабочих для шахт Донбасса составляли выходцы из украинского села⁴⁴. Постепенно выросло и новое поколение украинской интеллигенции. Уже в 1929 г. украинцами было 50 % инженеров в угледобывающей промышленности⁴⁵. В этом же году доля украинцев среди занятых интеллектуальным трудом составила 58 %⁴⁶. Постепенно менялся и национальный состав партийного и государственного аппаратов. Если накануне

⁴² На путях становления украинской и белорусской нации: факторы, механизмы, соотношения. М., 2004. С. 213.

⁴³ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 147–149.

⁴⁴ Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. Київ, 1997. С. 169.

⁴⁵ Там же. С. 173.

⁴⁶ Там же.

официального принятия курса на коренизацию доля украинцев среди служащих составляла лишь 35 %, то в 1925 г. уже 50 % государственных служащих были украинцами, в 1926 г. — уже 54 %⁴⁷. В 1920 г. численность украинцев среди коммунистов достигала всего 20,1 %, а в 1927 г. — уже 52 %, в 1933 г. — 60 %⁴⁸. Правда, при этом в 1925 г. численность украинцев в Центральном Комитете украинской компартии достигла всего 25 %⁴⁹. Таким образом, в ходе украинизации была заложена основа для формирования этнической республиканской элиты, включавшая, помимо партийных функционеров и управленцев, представителей научной и творческой интеллигенции.

Принципы украинизации были распространены и на Красную армию. В 1923 г., декретом ЦИК и СНК СССР от 8 августа, армия перешла на территориальную систему комплектования. В декабре этого же года решением Реввоенсовета СССР армия перешла на национально-войсковой принцип строительства. Под непосредственным руководством главы Реввоенсовета Л.Д. Троцкого была принята первая программа национально-войскового строительства в СССР. Однако большинство центрального партийного руководства во главе со Сталиным относилось к идее создания национальных войсковых центров и армий негативно: они опасались, что такие армии подпадут под влияние сепаратистов, и соглашались только на организацию национальных частей⁵⁰.

Национальный подход предусматривал комплектацию украинским красноармейским и командно-политическим составом, введение украинского языка в командование, политработу, украинизацию военных школ. Однако темпы украинизации в Красной армии были значительно ниже, чем в других сферах, особенно в плане изучения команд-

⁴⁷ Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. С. 141–142.

⁴⁸ Там же. С. 135, 195.

⁴⁹ Там же. С. 135.

⁵⁰ Історія українського війська (1917–1995). Львів, 1996. С. 231–232.

ным составом украинского языка. Проверка 1929 г. показала, что командный состав с трудом овладевал украинским языком, причем чем выше была категория комсостава, тем меньше там говорили и понимали по-украински⁵¹.

Советская украинизация и проблема межнациональных отношений

Фактически большевистская политика украинизации вела к утверждению национального характера той или иной территории, разделение населения республик на «титულную» нацию и национальные меньшинства. Составной частью коренизации была политика в отношении национальных меньшинств. Для реализации провозглашенного принципа равноправия наций в УССР с 1924 г. стали создаваться национально-территориальные административные единицы — национальные районы и сельсоветы, в которых на языке большинства населения должны были работать школы, выпускаться газеты, работать органы власти. Первыми появились немецкие национально-территориальные образования, позднее — болгарские, польские, еврейские. Отдельно стоял вопрос о русских национальных образованиях. Русские сельсоветы появились в 1925 г., однако ни русских районов, ни горсоветов до 1927 г. не было. Русские, как считали в то время, в качестве бывшей господствовавшей национальности занимали в сфере культуры слишком прочное положение, чтобы предоставлять им дополнительную защиту как национальному меньшинству⁵².

«Русский вопрос» был поднят известным революционным деятелем Ю. Лариным на III съезде Советов СССР в мае 1925 г. и на второй сессии 3-го созыва ЦИК СССР в апреле 1926 г. По его мнению, «каждое национальное меньшинство любой республики, т. е. русские, поляки и

⁵¹ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 160, 162.

⁵² Слова Затонского, цит. по: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М., 2011. С. 59.

евреи на Украине и в Белоруссии, русские — в Киргизии, украинцы на Кубани, украинцы в Воронежской губернии, белорусы в Гомельской губернии, — вообще каждое национальное меньшинство, населяющее какую-нибудь деревню, город или местечко, словом, какую-нибудь территориальную часть, имеет право выделиться в отдельный территориальный совет с делопроизводством на своем родном языке»⁵³. Как считал Ларин, «русские на Украине — нацменьшинство, и что к ним нужно подходить, как к нацменьшинству, давая те же гарантии национальных прав и культуры, какие даются другим нацменьшинствам — немцам, полякам, евреям и т. д.»⁵⁴. Выступление Ларина вызвало резкую ответную реакцию со стороны украинской делегации. В.П. Затонский был против такой постановки вопроса, с его точки зрения, «русские на Украине не являются нацменьшинством; да этого и не может быть, потому что русская культура слишком велика, обширна, могуча, — культура, которая создавалась веками до революции, но главным образом вся революционная культура. ... Для нас русский язык не просто язык нацменьшинства, и русские на Украине не просто нацменьшинство, но большинство рабочего класса на Украине»⁵⁵. Однако другой украинский деятель, Н.А. Скрыпник, в отличие от большинства украинской делегации, согласился, что к русским на Украине следует относиться как к нацменьшинству, однако с негодованием отверг «намекы и заявления» Ларина на существование «русского вопроса», подчеркнув, что «русский язык является обязательным во всех школах, на нем ведется преподавание в большинстве высших учебных заведений, процент школ низших и средних, где преподавание ведется на русском языке, у нас значительно более высок, чем процент русского населения»⁵⁶.

⁵³ Третий съезд Советов СССР. Стенографический отчет. М., 1925. С. 275.

⁵⁴ Вторая сессия ЦИК СССР Третьего созыва. Стенографический отчет. М., 1926. С. 467.

⁵⁵ Там же. С. 517.

⁵⁶ Там же. С. 534.

Выступления Ю. Ларина⁵⁷ не прошли даром: руководство УССР вынуждено было официально выразить свою позицию по «русскому вопросу». 19 апреля 1927 г. была опубликована резолюция политбюро ЦК КП(б)У «Об итогах украинизации», в которой указывалось, что «к числу нацменьшинств на Украине относится также и русское население, обеспечение культурных интересов которого должно проводиться наравне с прочими нацменьшинствами». Поскольку «русский язык является языком значительной части рабочих, а местами (и как раз в наиболее промышленных районах) большинства рабочих», за русским языком признавалось «особое значение по сравнению с языками прочих нацменьшинств на Украине», что подразумевало обязательное преподавание русского языка в школах, обязательную публикацию правительственных распоряжений, наряду с украинским, также и на русском языке. «Однако это ни в коем случае не может служить прикрытием для попыток создать для русской культуры на Украине господствующее положение, которым она пользовалась при царизме», — отмечали украинские руководители⁵⁸. В то же время они подчеркивали нецелесообразность выделения в отдельные административно-территориальные единицы городов, являющихся центрами районов с неукраинским населением, поскольку это может привести к разрыву культурной связи между рабочим классом и крестьянством. «Выделение городов нецелесообразно еще

⁵⁷ Ларин не удовлетворился состоявшейся на сессии ЦИК дискуссией. В последнем номере «Большевика» за 1926 г. и в первом номере за 1927 г. была опубликована его статья «Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения)». Ларин пытался донести до читателей мысль, что «насилие над языком трудовых масс «неизбежно вызывает рост шовинизма (выделено в тексте статьи. — Е. Б.) с обеих сторон», что «под прикрытием сверхусердного сверхпроведения искаженной в сторону насильственности национально-культурной политики в наши ряды и в наш аппарат вносятся, таким образом, вообще элементы разложения как объективные, так и субъективные». См.: Ларин Ю. Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения) // Большевик. 1926. № 23–24. С. 50.

⁵⁸ Резолюція ЦК КП(б)У про підсумки українзації // Вісті ВУЦВК. 1927 р., 19 квітня.

и потому, что динамика социального развития неминуемо ведет к их украинизации по примеру аналогичного процесса изменения национального характера города в соответствии с национальным складом большинства населения страны в Чехии, Венгрии, Латвии и других странах»⁵⁹, — говорилось в резолюции.

Результатом дискуссии стала организация русских национальных районов. По данным ЦСУ УССР, к июню 1927 г. на Украине было уже 287 русских национальных сельсоветов⁶⁰, а 12 июля 1927 г. президиум ВУЦИК одобрил создание 9 русских национальных районов: в Глуховском округе был создан Путивльский район, в Запорожском округе — Каменский, в Луганском округе — Сорокинский, Станично-Луганский, Петровский, в Мелитопольском округе — Терпинянский, в Харьковском округе — Алексеевский, Староверовский и Чугуевский⁶¹. В дальнейшем состав русских национальных районов и их наименования не один раз претерпевали изменения. К концу 1935 г. в Харьковской области было 4 русских района (Велико-Писаревский, Алексеевский, Староверовский, Чугуевский); в Донецкой — 3 (Верхне-Тепловский, Косиоровский, Сорокинский); в Днепропетровской — Каменско-Днепровский, в Черниговской — Путивльский⁶².

Таким образом, политика государства, разделявшая население республик на «коренное» и национальные меньшинства, была направлена на закрепление украинского характера социокультурного пространства. Немалую роль в этом процессе сыграла создаваемая большевиками укра-

⁵⁹ Резолюція ЦК КП(б)У про підсумки українізації // Вісті ВУЦВК. 1927 р., 19 квітня.

⁶⁰ Україна в цифрах. 1927. Харків, 1927. С. 4. К какому месяцу 1927 года относятся эти цифры, не указано, однако предисловие датировано 22 июня 1927 г.

⁶¹ Єфіменко В. Створення російських національних районів УСРР // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвідомчий збірник наукових праць. Вип. 21. Київ, 2012. С. 89–91.

⁶² Довідник адміністративного поділу УСРР за станом на 15 грудня 1935 р. Київ, 1936. С. 210.

инская советская элита, заинтересованная в упрочении своих позиций на республиканском уровне: если союзное руководство ориентировалось на централизаторские методы управления, то республиканская элита стремилась к бóльшей самостоятельности Украины, к расширению ее прав в союзном государстве. В 1920-е годы появились различные концепции, определяющие место и роль Украины в советском пространстве и в мире в целом. Ярким проявлением идейных исканий большевистской украинской элиты явился так называемый «хвылевизм» — идеи украинского писателя Николая Хвылевого, изложенного во время так называемой «литературной дискуссии» 1925–1928 гг. в ряде полемических статей.

Нация, по Хвылевому, только тогда может культурно проявить себя, если найдет собственный путь развития, а до последнего времени украинская интеллигенция (за исключением нескольких бунтарей) в культурном отношении шла за русским «дирижером»⁶³. «Не следует путать нашего политического союза с литературой»⁶⁴, — был убежден Хвылевой, доказывавший, что украинской культуре следовало ориентироваться не на Россию, а на Европу. Старая Россия не умерла, считал Хвылевой, а «великая русская литература не способна воспитать сильного и здорового ... человека»⁶⁵.

Причины резкого отношения Хвылевого к русской культуре двоякого рода. Первая весьма прозаична — борьба за книжный рынок, обусловленная «борьбой за гегемонию на культурном фронте двух братских культур на Украине — русской и украинской»⁶⁶. Поскольку украинское возрожде-

⁶³ *Хвильовий М.Г.* Думки проти течії // Микола Хвильовий. Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поетичні твори. Памфлети. Київ, 1995. С. 677.

⁶⁴ *Хвильовий М.* Апологети писаризму (До проблем культурної революції) // *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? Памфлети. Київ, 1993. С. 215.

⁶⁵ *Хвильовий М.Г.* Україна чи Малоросія? // Микола Хвильовий. Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поетичні твори. Памфлети. С. 741.

⁶⁶ Там же. С. 734.

ние признано необходимым и неизбежным этапом, делает вывод Хвылевой, то необходимо развивать материальные рамки для выявления культурных возможностей молодой нации. Между тем возможности украинской интеллигенции явно ограничены, поскольку на книжном рынке она будет расцениваться как «товар второго, третьего или четвертого сорта, хотя бы он был и первого»⁶⁷. Поэтому украинская советская культура должна сделаться «у себя, на Украине, гегемоном»⁶⁸. При этом украинской литературе и Украине вообще Хвылевой прочил великое будущее: «духовная культура большевизма может ясно проявиться только в молодых советских республиках... и в первую очередь под голубым небом юго-восточной республики коммун», которая воспитывала «в своих буйных степях тип революционного конкистадора»⁶⁹.

Высказанные Хвылевым идеи об исключительной роли Украины и о дальнейшей ее ориентации оказались совершенно неприемлемы для союзного центра. Сталин расценил выступление Хвылевого фактически как выступление против ленинизма. «...Его (т. е. Хвылевого. — Е. Б.) смешная и немарксистская попытка оторвать культуру от политики» звучит для Сталина «более чем странно». «В то время как западно-европейские пролетарии и их коммунистические партии полны симпатий к “Москве”, к этой цитадели международного революционного движения и ленинизма, в то время, как западно-европейские пролетарии с восхищением смотрят на знамя, развевающееся в Москве, украинский коммунист Хвылевой не имеет сказать в пользу “Москвы” ничего другого, кроме как призвать украинских деятелей бежать от “Москвы” “как можно скорее”. ...Овладеть новым движением на Украине за украинскую культуру возможно лишь борясь с крайнос-

⁶⁷ *Хвильовий М.Г.* Україна чи Малоросія? // Микола Хвильовий. Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поетичні твори. Памфлети. С. 734.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 749.

тями тов. Хвылевого в рядах коммунистов»,⁷⁰ — утверждал Сталин.

Внимание, оказанное Сталиным Хвылеву, было не случайным. Хвылевого защищал нарком просвещения УССР, бывший боротьбист А.Я. Шумский: «Нельзя же, говоря о Хвылеву, написавшем целые трактаты по вопросам литературы и искусства, выхватывать один отрывок из его произведений, одну лишь часть и по ней судить... Чем иначе объяснить, как не юношеским задором, такую логику, как “Росія самостійна? Самостійна. Ну, так і Україна самостійна”»⁷¹. Шумский был сторонником активизации украинизации и считал, что Каганович уделяет этому вопросу незаслуженно мало внимания, придает украинизации формальный характер. Кроме того, Шумский отстаивал необходимость украинизации пролетариата: «Имея полную возможность обеспечивать свои культурные запросы по-русски, русские рабочие должны в то же время принимать активное участие и в украинском общественно-культурном строительстве»⁷². По мнению Шумского, украинизация пролетариата на Украине способствовала бы «смычке» его с крестьянскими массами и нейтрализации воздействия на эти массы «буржуазной интеллигенции». «...В силу отсутствия у нас руководства общественно-культурным процессом интеллигенция начинает реставрировать утраченные в 1919 и 1920 гг. связи и влияние», — вот чего опасался нарком просвещения. Кроме того, Шумский считал явно недостаточными темпы украинизации партии, обращал внимание на низкую численность украинцев в партии.

Сталин высказался против требования украинизировать пролетариат: «Нельзя *заставить* русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком — украинский.

⁷⁰ Сталин И.В. Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У // Сталин И.В. Сочинения. В 13 т. М., 1947–1951. Т. 8. М., 1948. С. 152.

⁷¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 21, 30.

⁷² Там же.

Это противоречит принципу свободного развития национальностей»⁷³. Сталин предупреждал членов Политбюро ЦК КП(б)У, что увлекаться украинизацией нельзя и что она должна носить прежде всего большевистский, советский характер. «Прав т. Шумский, утверждая, что руководящая верхушка на Украине... должна стать украинской. Но он ошибается в темпе. ...Он забывает, что чисто украинских кадров не хватает пока для этого дела»⁷⁴.

Не удивительно, что в УССР развернулась кампания против «хвyleвизма» и «шумскизма» как националистических уклонов против генеральной линии ленинской партии. Между тем среди нарождающейся украинской советской элиты слышались призывы покончить не только с «культурной», но и с «экономической колонизацией». В данной ситуации весьма характерно появление работы молодого украинского экономиста М.С. Волобуева, недовольного положением Украины в составе СССР. В его статье о проблемах украинской экономики, опубликованной во втором и третьем номере журнала «Більшовик України» за 1928 г., поднимался вопрос о целостности украинского национально-хозяйственного пространства и о характере руководства промышленностью УССР. «Конечно, можно условно называть СССР “одной страной”, если речь идет о противопоставлении СССР как целого всему капиталистическому миру, — писал Волобуев. — Если же речь идет о внутренней характеристике экономики СССР — называть ее экономикой одной страны было бы большой ошибкой. Ведь такая постановка вопроса выявила бы непонимание того, что после революции украинская экономика перестала быть “придатком” к русской, что эта экономика теперь равноправна...»⁷⁵

Украинский экономист выступал против подхода к экономике Союза как единому целому, без деления на отдель-

⁷³ Сталин И.В. Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У. С. 151.

⁷⁴ Там же. С. 152.

⁷⁵ Волобуев М. До проблеми української економіки // Більшовик України. 1928. № 3. С. 44.

ные национальные народнохозяйственные комплексы, поскольку в будущем такие «национально-хозяйственные комплексы должны войти в состав мирового хозяйства» в соответствии с мировым разделением труда⁷⁶. Вследствие такого неправильного подхода, полагал Волобуев, общесоюзные органы рассматривали экономические организации национальных республик как «подведомственные им организации», а не как часть национального хозяйственного организма⁷⁷. Харьковский экономист считал также необоснованным распределение союзного бюджета, поскольку прибыль от украинской экономики шла на союзные нужды, а не на развитие УССР⁷⁸.

Волобуев считал, что руководство народным хозяйством УССР должно принадлежать украинским экономическим центрам, а за союзным Госпланом необходимо оставить общедирективные функции. Последней инстанцией в утверждении украинского бюджета должен был стать ВУЦИК. Волобуев подчеркивал, что доходы от украинской экономики должны использоваться на нужды республики. Волобуев требовал также установления контроля за деятельностью союзных органов со стороны республиканских органов власти⁷⁹.

Воззрения Волобуева были раскритикованы как антиленинские: журнал «Більшовик України» писал: «Кто стоит на позиции противоположности интересов Украины и СССР, тот сторонник или русского, или украинского национализма»⁸⁰. Более того, «основное в теории советской экономики тов. Волобуева — это экономический национализм, который подкапывается под единство экономики СССР»⁸¹.

⁷⁶ Волобуев М. До проблеми української економіки // Більшовик України. 1928. № 3. С. 49.

⁷⁷ Там же. С. 51.

⁷⁸ Там же. С. 59.

⁷⁹ Там же. С. 61.

⁸⁰ Скрипник М. З приводу економічної платформи націоналізму // Більшовик України. 1928. № 6. С. 49.

⁸¹ Перчик Л. Найновіша «теорія» радянської економіки // Більшовик України. 1928. № 6. С. 52.

Корректировка украинизационного курса в 1930-е годы

Борьба с «хвylieвизмом», «шумскизмом» и «волобуевщиной» была развернута не случайно: нарождающаяся украинская советская элита пыталась отстаивать свои права, что противоречило интеграционным усилиям союзного руководства, которые стали особенно очевидны в начале 1930-х годов. Попытки украинской советской элиты расширить свои полномочия в рамках советской системы и распределить ресурсы, фонды, кадры в своих интересах противоречили сталинскому стремлению к полному контролю за происходившими в стране процессами. После провала плана хлебозаготовок Сталин принял решение усилить влияние центра в республике. 14 декабря 1932 г. появилось известное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», в котором были официально названы причины тяжелой ситуации в сельском хозяйстве на Украине и указаны виновные — разного рода контрреволюционные элементы (кулаки, бывшие офицеры, петлюровцы и т. п.), проникшие в партийные и советские органы вследствие «механического проведения украинизации» и «слабой работы и отсутствия революционной бдительности ряда местных парторганизаций»⁸². Искоренять контрреволюционные элементы надлежало «путем арестов, заключения в концлагеря на длительный срок, не останавливаясь перед применением высшей меры наказания к наиболее злостным из них»⁸³. Лозунг об опасности с двух сторон — со стороны великодержавного шовинизма и местного национализма, — столь популярный в прежние годы, был скорректирован. На XVII съезде ВКП(б), состоявшийся 26 ян-

⁸² Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». 14 декабря 1932 г. // ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. М., 2005. С. 696.

⁸³ Там же. С. 697.

варя — 9 февраля 1934 г., Сталин заявил: «На Украине еще совсем недавно уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться и дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью»⁸⁴.

В республике развернулась антинационалистическая кампания. Основным лейтмотивом многочисленных выступлений партийных деятелей в печати стал тезис о «принудительной украинизации», приведшей к насильственному вытеснению русского языка из школьного образования. Подобные «искажения ленинской национальной политики» приводили к национальной замкнутости как украинцев, так и представителей других национальных меньшинств в УССР и создавали благоприятные условия для деятельности как украинских, так и немецких, польских и прочих националистов. Весной 1933 г. Политбюро ЦК КП(б)У поддержало предложение Наркомпроса УССР «провести перепись детей по признаку родного языка» в рабочих центрах и некоторых городах Харьковской, Донецкой, Винницкой, Черниговской, Киевской, Днепропетровской, Одесской областях⁸⁵. Через несколько месяцев, в августе 1933 г., Политбюро ЦК КП(б)У обязало Наркомпрос подготовить материалы о перераспределении «школьной сети в национальном разрезе»⁸⁶. В апреле 1934 г. Оргбюро ЦК КП(б)У создало специальные комиссии из представителей партийных и комсомольских организаций, Наркомпроса и органов госбезопасности, которые должны были к 1 июня проверить национальные районы и школы и очистить их от «антисоветских элементов». Подготовительная работа в этом направлении уже была проведена, и в период с марта 1933 г. по январь 1934 г. из школ были уволены около 4 тысяч учителей-«националистов», причем «чистка»

⁸⁴ XVII съезд ВКП(б). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 31–32.

⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 70. Л. 56.

⁸⁶ Там же. Д. 71. Л. 93.

коснулась в первую очередь польских и немецких учебных заведений⁸⁷.

После проведения переписи и проверки работы школ, новое руководство Наркомпроса во главе с Затонским приступило к реформированию сети школ. В период между 1932/1933 и 1933/1934 учебными годами изменилось число так называемых смешанных школ. Выросло число украинско-русских школ (с 169 до 387), но уменьшилось количество украинско-немецких (с 46 до 30) и украинско-польских (с 64 до 44) школ⁸⁸. Существенные изменения произошли и в школах Харькова. По сообщению Харьковского областного ОНО, в сентябре 1933 г. в городе уменьшилось количество украинских школ (с 44 до 30), увеличилось количество русских школ (с 10 до 20), количество смешанных украинско-русских школ также увеличилось (с 25 до 39)⁸⁹.

Критике подверглись правила правописания, принятые в 1928 г. «Эти общие в украинском языке с русским языком термины ликвидировали, — утверждал один из ярых борцов с «националистическим уклоном» А.А. Хвыля, — выдумывая искусственные, так называемые украинские самобытные слова, не имевшие и не имеющие никакого распространения среди широких многомиллионных рабочих и колхозных масс»⁹⁰. Созданная при Наркомпросе УССР специальная комиссия приняла в 1933 г. новые нормы украинского правописания, ликвидировавшие все правила, «которые ориентировали украинский язык на польскую и чешскую буржуазные культуры, перекручивали современный украинский язык, ставили барьер между украинским и русским языками»⁹¹.

⁸⁷ Подробнее см. *Рафальський О.О.* Національні меншини України у ХХ столітті. Історіографічний нарис. Київ, 2000. С. 161–166; *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 154–155.

⁸⁸ *Якубова Л.* Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УСРР. 20-і — перша половина 30-х рр. ХХ ст. Київ, 2006. С. 421.

⁸⁹ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВОВУ). Ф. 166. Оп. 11. Д. 179. Л. 9.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Лл. 43–44.

⁹¹ До видання нового українського правопису // Українська мова у ХХ сторіччі. Історія лінгвоциду. Документи і матеріали. Київ, 2005. С. 109.

Из библиотек Украины были изъяты произведения «националистического характера» Б. Антоненко-Давидовича, Д. Гордиенко, Н. Кулиша, П. Капельгородского, И. Лакизы, А. Олесья, В. Пидмогильного и других⁹². Репрессиям подверглись ВУАМЛИН, Институт красной профессуры, Харьковский университет, Луганский институт народного образования, допустившие «совместную разработку украинскими националистами и троцкистами антисоветских учебников и других литературных работ по социально-экономическим дисциплинам, выпущенных в 1931–1932 гг.»⁹³ В засоренности националистическими и троцкистскими элементами был обвинен Днепропетровский университет⁹⁴. Не была обойдена вниманием и редколлегия Украинской советской энциклопедии, где «классовые враги, вредители и контрреволюционеры... использовали УСЭ как свою организационную и финансовую базу»⁹⁵, а также ряд культурно-просветучреждений. Так, художественный руководитель театра «Березиль» Л. Курбас под лозунгом «независимого искусства» проводил политику изоляции театра от «нашей советской социалистической действительности»⁹⁶.

Однако борьба с национализмом отнюдь не означала отказ от принципов украинизации. На ноябрьском пленуме ЦК КП(б)У 1933 г. С.В. Косиор заявил, что борьба с националистическими элементами отнюдь не означает изменения курса, принятого на XII съезде РКП(б): «Великодержавные русские шовинисты и украинские националисты пытаются истолковать решительную борьбу партии с петлюровскими элементами в качестве пересмотра национальной политики. Мы должны дать самый беспощадный отпор этим клеветническим и провокационным

---

⁹² Даниленко В.М. Згорання «українізації» й посилення русифікаторських тенденцій у суспільно-культурному житті радянської України в 30-і рр. // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Зб. ст. Вип. 2. Київ, 1996. С. 106.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4673. Л. 352 об.

⁹⁴ Там же. Л. 98.

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 72. Л. 11.

⁹⁶ Там же. Л. 68.

попыткам...»⁹⁷ «Дальнейшее проведение большевистской украинизации неразрывно связано с интернациональным воспитанием масс, — говорил лидер украинских коммунистов, — должно происходить на основе неослабной борьбы на два фронта — против великодержавного русского шовинизма и украинского национализма...»⁹⁸

Осенью 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У продемонстрировало неизменность украинизационного курса, подвергнув резкой критике положение в Донецкой, Днепропетровской, Одесской областях, чьи обкомы «занимаются делом украинизации недостаточно», а «в ряде советских, культурных, профсоюзных и других учреждений наблюдается явное нарушение линии партии в деле украинизации». Было организовано специальное обследование этих областей: на каком языке ведется переписка, принимаются постановления, какой употребляется язык, на каком языке ведутся заседания. Было обращено внимание на отделы исполкомов, на горсоветы, школы, профсоюзы, партпросвет и все культурные учреждения, а также на комсомольскую и пионерскую работу и работу партийных аппаратов обкомов, райкомов и горкомов⁹⁹.

Украинское руководство указало на «несомненно недостаточную работу по выдвижению украинских кадров на руководящую партийную работу» в указанных областях¹⁰⁰. 26 февраля 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «о выдвижении украинских кадров», в котором отделу руководящих парторганов вместе с обкомами предписывалось подать в Секретариат ЦК списки кандидатур украинцев: не менее 120–150 человек для назначения на посты секретарей РПК и 120 человек — на посты глав РИК. Одновременно из состава секретарей РПК и глав РИК (украинцев) должен был быть составлен «список товарищей с подробной личной характеристикой, которых

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 67. Л. 29.

⁹⁸ Там же. Л. 28 об — 29.

⁹⁹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 375. Л. 182.

¹⁰⁰ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6634. Л. 19–38, 93–124.

можно выдвинуть на областную и центральную партийную и советскую работу». Наконец, все отделы ЦК должны были «просмотреть вместе с обкомами и горпарткомами состав бюро парткомитетов, а также актив высших учебных заведений и наметить для выдвижения на руководящую партийную и советскую работу, а также для работы в центральный и областной партийный и советский аппарат не менее 300 человек — украинцев из наиболее грамотной, политически проверенной и способной молодежи»¹⁰¹.

Оргбюро и Секретариат ЦК КП(б)У в августе 1935 г. — апреле 1936 г. несколько раз рассматривали вопросы о назначении украинских кадров на руководящую работу в различных ведомствах¹⁰². Создавались специальные комиссии, которые должны были в кратчайших срок (обычно речь шла об одном месяце) представить свои предложения по этому вопросу. Украинцы должны были быть выдвинуты на должности помощников генпрокуроров, прокуроров Наркомюста, членов Верховного суда, областных прокуроров и их заместителей¹⁰³, в наркоматы и областные отделы на должности начальников управления, заведующих отделов и руководителей групп (Наркомместпром, Наркомхоз, Главдортранс, Уполнаркомсвязь)¹⁰⁴, в центральный аппарат и руководящие посты в областных отделах охраны здоровья, на должности директоров и их заместителей в НИИ Наркомздрава¹⁰⁵, наконец, в системе Наркомпроса и Облнарпроса¹⁰⁶.

На XIII съезде КП(б)У 27 мая — 3 июня 1937 г. глава украинских коммунистов С.В. Косиор подвел определенный итог проделанной работе по украинизации. Лидер украинских коммунистов отметил «большой рост украинской национальной советской культуры во всех областях

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4675. Л. 101–102.

¹⁰² ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 384. Л. 74; Д. 385. Л. 19, 20, 27; 75; Д. 421. Л. 165–166; Д. 422. Л. 41, 58.

¹⁰³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 384. Л. 93.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. Д. 421. Л. 165–166.

¹⁰⁶ Там же. Д. 422. Л. 58

жизни украинского народа», «рост новых украинских кадров технической и научной интеллигенции»: «Мы, Центральный Комитет КП(б)У, за это время продолжали линию на дальнейшую украинизацию, за счет натиска на те элементы, которые работают в нашем аппарате и которые до сих пор не знают украинского языка, мы их заставили выучить язык. Не может работать в нашем аппарате человек, который не знает языка народа... Каждый, кто работает на Украине, обязан знать язык украинского народа»¹⁰⁷. В докладе прозвучали следующие цифры: среди учеников начальных школ, семилеток и десятилеток процент украинцев составляет 80 %, увеличился процент детей, которые обучаются в украинских школах, этот показатель достиг 83 %¹⁰⁸. По словам Косиора, «пресса на Украине также украинизована почти целиком, за исключением некоторой части специальных научных и технических изданий и, конечно, прессы на языках национальных меньшинств»¹⁰⁹.

Национальная политика в условиях социальной и культурной интеграции

В 1930-е годы большевистское руководство стало уделять повышенное внимание формированию «единой семьи братских народов». Принадлежность к советскому социалистическому обществу должна была стать мощным консолидирующим фактором: недаром в резолюции II Всесоюзного партийного совещания в апреле 1930 г. подчеркивалась необходимость проведения мероприятий, «обеспечивающих усиление сближения трудящихся различных национальностей СССР, — массовые формы смычки, рабочие экскурсии и т. д.»¹¹⁰

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4665. Л. 21 об.

¹⁰⁸ Там же. Л. 22.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Резолюция Второго Всесоюзного партийного совещания по народному образованию «Практические мероприятия культурного строительства национальностей СССР». 30 апреля 1930 г. // ЦК РКП(б)—ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 643.

Советская политика была направлена на то, чтобы представители всех национальных республик ощущали себя гражданами единой страны. В управлении всеми областями науки и культуры усиливались административные методы. Неудивительно, что с началом процесса унификации и централизации особое внимание уделялось школьному образованию, которое должно было заложить в сознание молодого поколения новую систему ценностей. 25 августа 1932 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», в котором предлагалось обратить особое внимание на разработку программ и преподаванию родного языка и обществоведения, причем было признано необходимым «в учебные программы по обществоведению, литературе, языкам, географии и истории ввести важнейшие знания, касающиеся национальных культур народов СССР, их литературы, искусства, исторического развития, а также и элементы краеведения СССР»¹¹¹.

Большое внимание стало уделяться преподаванию истории в школе: соответствующее постановление было принято СНК СССР и ЦК ВКП(б) 15 мая 1934 г. В основу учебников должна была быть положена идея единства Страны Советов, о чем ясно дали понять одобренные Политбюро ЦК ВКП(б) 14 августа 1934 г. замечания И.В. Сталина, С.М. Кирова и А.А. Жданова по поводу конспекта учебника по истории СССР: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР — это во-первых, — и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории — это во-вторых»¹¹².

Серьезные изменения произошли и в интерпретации исторических событий. Среди деятелей прошлого были найдены ключевые фигуры, использованные для создания национальных пантеонов и патриотического воспита-

¹¹¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б). 25 августа 1932 г. // Историю — в школу: создание первых советских учебников. Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2008. С. 17.

¹¹² Постановление Политбюро ЦК ВКП(б). 14 августа 1934 г. // Там же. С. 122.

ния. Украинских героев возглавляли Б. Хмельницкий и Т.Г. Шевченко. В 1920-е годы М.И. Яворский негативно оценивал опыт украинцев в Российской империи и писал, что Богдан Хмельницкий привел Украину под власть царя, а попытку Ивана Мазепы отделиться от России описывал в нейтральных тонах, но осуждал его за внедрение барщины¹¹³. Однако к концу 1930-х годов трактовка изменилась. В августе 1937 г. в постановлении жюри конкурса на лучший учебник для начальной школы по истории СССР среди замечаний фигурировало следующее: «Отрывки взглядов антиисторических немарксистских встречаются у авторов учебников, представленных на конкурс, почти на каждом шагу при описании СССР досоветского периода... авторы не видят никакой положительной роли в действиях Хмельницкого в XVII веке, в его борьбе против оккупации Украины панской Польшей и султанской Турцией; факт перехода, скажем, Грузии в конце XVIII столетия под протекторат России, так же как факт перехода Украины под власть России рассматривается авторами как абсолютное зло, вне связи с конкретными историческими условиями того времени. Авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протекторат России, равно как перед Украиной стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России. Они не видят, что вторая перспектива была все же наименьшим злом»¹¹⁴. В следующем, 1938 г., драматург А.Е. Корнейчук написал пьесу «Богдан Хмельницкий» (получившую в 1941 г. Сталинскую премию), где гетман говорит: «Народы наши суть братья»¹¹⁵. В 1941 г. на Киевской

¹¹³ Скегельчик С. Імперія пам'яті: Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ, 2008. С. 39.

¹¹⁴ Записка А. Жданова и В. Яковлева И. Сталину. 20 августа 1937 г. // Историю — в школу. С. 264; см. также: Правда. 1937, 22 августа.

¹¹⁵ Корнейчук А. Богдан Хмельницкий // Корнейчук А. Собрание сочинений. В 4 т. Л., 1976–1977. Т. 1. Л., 1976. С. 323.

киностудии по этой пьесе режиссером И.А. Савченко был снят фильм «Богдан Хмельницкий»¹¹⁶.

Особое внимание стало уделяться преподаванию русского языка в школах. Вопрос стал особенно острым с осени 1937 г. в связи с готовящимся переходом к комплектованию армии на основе всеобщей воинской повинности и отказом от организационного построения РККА по территориально-милицейскому принципу. Выступая на пленуме ЦК ВКП(б) 12 октября 1937 г., Сталин объяснил причину такого внимания к преподаванию русского языка. «Но мы стали перед вопросом о том, что призываемые в армию, например, в Узбекистане, в Казахстане, в Армении, в Грузии, в Азербайджане, не владеют русским языком»¹¹⁷. Именно изменением в законе о военной службе генеральный секретарь объяснял необходимость уделить особое внимание знанию русского языка всеми гражданами Страны Советов.

13 марта 1938 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», в котором подчеркивалось, что необходимость преподавания русского языка в школах национальных республик и областей диктуется тремя основными мотивами. Прежде всего, «в условиях многонационального государства, каковым является СССР, знание русского языка должно явиться мощным средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту». Кроме того, «овладение русским языком способствует дальнейшему усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний». Наконец, «знание русского языка обеспечивает необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы в рядах Рабоче-Крестьян-

¹¹⁶ См.: Токарев В. Возвращение на пьедестал: исторический комментарий к фильму «Богдан Хмельницкий» (1941) // Історіографічні дослідження в Україні: Зб. наук. пр. Вип. 18. Київ, 2008. С. 427–455.

¹¹⁷ Из стенограммы выступления Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) о преподавании русского языка в школах 12 октября 1937 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 298.

ской Красной Армии и Военно-Морского Флота». Обучение русскому языку в начальной школе должно было вестись со 2-го класса, а в неполных средних и средних школах — с 3-го¹¹⁸. В итоге изменилась организация обучения русскому языку. До постановления 1938 г. русский язык в школах с украинским языком обучения начинали изучать с 3-го класса. В начальных национальных школах с 3-го класса изучался украинский язык, а русский — только с 5-го¹¹⁹.

Наконец в конце 1930-х годов произошли изменения и в сфере периодической печати. 30 октября 1937 г. в ЦК ВКП(б) поступила докладная записка от заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л.З. Мехлиса, называвшаяся «О русских газетах на Украине». «Ни в одной союзной и автономной республике русская печать не находится в таком захудалом состоянии, как на Украине»¹²⁰, — утверждал Мехлис. Он был возмущен тем, что «в Киеве издаются газеты на немецком, польском, еврейском, болгарском языках», тогда как газет на русском языке явно недостаточно¹²¹.

Действительно, процент украиноязычной прессы на Украине был довольно высоким: в 1932 г. 79,7 % всех журналов выходили на украинском языке, затем последовало снижение количества украиноязычной прессы до 56,1 % в 1935 г., а в 1936 г. процент украиноязычных журналов

¹¹⁸ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». 13 марта 1938 г. // Там же. С. 391–392.

¹¹⁹ *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 164–164; *Шевченко С.М.* Організація навчального процесу у школах національних меншин у УРСР (кінець 30-х — 40-і рр. XX ст.) // Новое в науке: материалы XXX Международной научно-практической конференции по философским, филологическим, юридическим, педагогическим, экономическим, психологическим, социологическим и политическим наукам (Украина, г. Горловка, 21–22 февраля 2013 г.). Горловка, 2013. С. 77–78.

¹²⁰ Докладная записка заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л.З. Мехлиса секретарям ЦК ВКП(б) Сталину, Л.М. Кагановичу, А.А. Андрееву, А.А. Жданову и Н.И. Ежову «О русских газетах на Украине» 30 октября 1937 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 306.

¹²¹ Там же. С. 307.

вновь увеличился — до 62 %. По решению ЦК КП(б)У от 10 мая 1937 г. республиканские украиноязычные журналы должны были составить 80 % от общего числа названий¹²².

Центральное партийное руководство обратило внимание на записку Мехлиса и 17 декабря 1937 г. постановило «осудить продолжающееся игнорирование русской печати на Украине» и «организовать руководящие газеты на русском языке»¹²³. 13 июня 1938 г. новый глава коммунистов Украины Н.С. Хрущев с гордостью докладывал XIV съезду КП(б)У: «Украинских газет у нас 885, русских — 304, молдавских — 8, еврейских — 7 и ряд других». Как заявил Никита Сергеевич, «когда на Украине по решению ЦК ВКП(б) вышла русская газета «Советская Украина», ее приветствовало все население УССР. Моментально был заполнен подписчиками весь тираж и сейчас его не хватает»¹²⁴.

* * *

Борьба с «украинским национализмом» и внесенные в поправки в украинизационный курс не изменили главного принципа большевистской политики по утверждению украинского характера социокультурного пространства советской республики. По-прежнему большое значение отводилось выдвижению украинцев на руководящие должности, изданию литературы, организации печати на украинском языке, поддержке украинской культуры, обучению на украинском языке. Признав за украинцами статус отдельной, самостоятельной нации, большевики закрепили его административным путем. Центральное руководство

¹²² Єфіменко Г. Національна політика ЦК ВКП(б) у засобах масової інформації УРСР (1932–1938) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Київ, 2000. № 5. С. 192.

¹²³ Докладная записка заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л.З. Мехлиса секретарям ЦК ВКП(б) Сталину, Л.М. Кагановичу, А.А. Андрееву, А.А. Жданову и Н.И. Ежову «О русских газетах на Украине» 30 октября 1937 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 307.

¹²⁴ Из отчетного доклада первого секретаря ЦК КП(б)У Н.С. Хрущева XIV съезду КП(б)У // Политическое руководство Украины. 1938–1939 гг. М., 2006. С. 44.

ввело с 1935 г. новую форму учета номенклатурных кадров в аппарате ЦК ВКП(б) с графой «национальность». Сведения о национальности учитывались во всех областях жизни. Графа «национальность» присутствовала в паспорте гражданина СССР, причем с 1938 г. в паспорте и других официальных документах национальность указывалась в соответствии с национальностью одного из родителей.

Произошедшие изменения отнюдь не означали отмены политики украинизации: речь шла о сглаживании «острых углов», столь возмущавших Ю. Ларина, чему так или иначе способствовали и начавшиеся в стране централизация и унификация, объективно приводившие к возрастанию роли русского языка в общесоюзном культурном пространстве. Коммуникативные потребности единого государства диктовали свои требования к распространению русского языка среди нерусского населения. Русский язык был необходим для поддержания нормального функционирования государства, для создания благоприятных условий совместной деятельности представителей всех наций, для развития экономики, культуры, науки, искусства.

Более того, в 1939–1941 гг. политика украинизации была распространена на присоединенную к УССР территорию Восточной Галиции, Западной Волыни, Северной Буковины и Бессарабии. В западных областях УССР слой управленцев складывался из так называемых «восточников» (кадров, командированных из восточных регионов Украины и СССР в целом) и «выдвиженцев» (выдвинутых на руководящие должности местных жителей. При этом особое внимание уделялось назначению представителей «коренной национальности»: они, безусловно, преобладали среди «выдвиженцев». Это было целенаправленной политикой, рассчитанной на повышение процента украинцев в государственном аппарате. Одновременно органами НКВД были взяты под контроль польские осадники — бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 г. и получившие затем землю в районах, заселенных украинцами и белорусами.

На Западную Украину была направлена пропагандистская литература, была реорганизована сеть периодических изданий, проведена «чистка» библиотек. Проводились реформы в сфере образования и науки. Научное Общество им. Шевченко было распущено, и на научную жизнь на Западной Украине распространилась юрисдикция Академии наук УССР. Львовскому университету было присвоено имя Ивана Франко, и все студенты должны были изучать украинский язык. Несмотря на то что была сохранена часть польских школ, организованы польский и еврейский театры, выходила пресса на польском языке, на деле многочисленные преобразования в гуманитарной сфере существенным образом изменили роль украинского языка в общественной и культурной жизни, что фактически означало деполонизацию.

Таким образом, признав неизбежность самостоятельного существования Украины и провозгласив ее Социалистической Советской Республикой, большевистское руководство фактически осуществило давнюю мечту о соборной Украине: украинские земли были объединены в едином государственном пространстве. Украинцы стали обладателями государственного образования, носящего их имя, а представители других этносов, проживавших в УССР, оказались в роли национальных меньшинств. Эта территория в 1991 г. обрела государственную независимость.

Очерк 8

Украинское население на территории России / РСФСР в 1917–1933 гг.: политика украинизации, родной язык, национальная идентичность

Украинцы России до 1917 г. ||

Украинское население России на протяжении столетий именовалось по-разному — «черкасы», «малороссы», «хохлы». В XVII–XVIII вв. выходцев с Правобережной и Левобережной Украины, которые селились в пределах Московского государства, а затем великорусских губерниях Российской империи, русские называли «черкасами». Поэтому неслучайно, что на огромном пространстве от Северского Донца до Волги в эти столетия появилось множество селений с характерными названиями «черкаское», «черкаская», «черкасский» — село, слобода, острог.

В то же время уже в конце XVIII в. этот термин постепенно выходит из официального употребления, и за потомками казаков слободских полков и выходцев с Гетманщины, проживавшими в великороссийских губерниях, закрепляется название «малороссы» / «малороссияне». Оно широко употреблялось в официальном делопроизводстве на протяжении длительного времени, вплоть до начала 1920-х гг.¹

---

¹ Здесь стоит отметить, что в ленинских статьях термин «украинец» употреблялся еще со времен первой революции. См., например, «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции» (1907 г.). Более подробно об использовании большевиками терминов «украинец» и «малоросс» см.: *Борисёнок Е.Ю.* Из малороссов — в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 171–186.

Однако многовековой период совместного проживания русских и украинцев (потомков малороссийских, слободских и запорожских казаков) в границах одного государства, процессы унификации их социально-политической и экономической жизни привели к тому, что уже в середине XIX в. среди украинского населения России, главным образом Центрально-Черноземных губерний, начался процесс языковой и культурной ассимиляции («обрусения»). Постепенно процесс естественной ассимиляции коснулся и остальной части украинского населения России, которое длительное время проживало компактным анклавом среди большинства русского («великорусского») населения на Дону, Кубани, в Поволжье, в Сибири и на Дальнем Востоке. Произшедшие изменения нашли свое отражение в эволюции значения этнонима «хохол», который к концу XIX — началу XX в. получил широкое распространение в качестве самоназвания той части украинцев, которые проживали в русских («великорусских») губерниях и областях Российской империи. Как справедливо полагает Л.Н. Чижикова, «название “хохол” превратилось со временем благодаря его широкому распространению и устойчивому бытованию в своеобразный этноним, потеряв характер обидного прозвища... Довольно часто встречалось также и самоназвание “перевертень”, “перевертыш”»². На наш взгляд, те украинцы в России, кто начиная с конца XIX в. именовал себя «хохлами», представляют собой смешанную / переходную / пограничную часть населения между великороссами / русскими и малороссами / украинцами, своеобразный субэтнос³.

² См.: Чижикова Л.Н. Тенденция этнокультурного развития украинских групп населения в южных районах РСФСР // Этнокультурные процессы в национально-смешанной среде. М., 1989. С. 115. О значении термина «хохол» в начале XVII в. см.: Флоря Б.Н. Кто такой хохол? // Родина. 1999. № 8. С. 59; О значении и эволюции этнонима «хохол» в XIX–XX вв. подробнее см.: Лескинен М.В. «Южноруссы», «малороссияне», «малороссы», «украинцы»: трансформация этнонима в российском этногеографическом дискурсе XIX в. // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе. М.; СПб., 2016. С. 77–102; Дроздов К.С. Украинское население России / РСФСР в конце XIX–XX в.: «малороссы», «хохлы», «украинцы» // Там же. С. 103–125.

³ По всей видимости, к этому же выводу приходит и современный российский исследователь этнодемографических процессов С.Я. Суцкий. Он по-

До революции официальные власти придерживались традиционной идеологии общерусского единства, считая всё восточнославянское население империи «русским» (что отнюдь не исключало активного внимания и научной общественности к понятиям «русский»)⁴. Они не признавали украинцев (и белорусов) в качестве отдельных от русских самостоятельных народов и поэтому старались, пренебрегая культурно-просветительной стороной украинского движения, «искоренить украинство как явление чужеродное и антигосударственное». Вплоть до февраля 1917 г. политическая полиция проводила репрессивную политику в отношении активных представителей украинского национального движения⁵.

лагает, что в регионах со сложной этнической структурой, например на Юге России, где самая значительная часть населения представлена двумя близкими национальными сообществами (русскими и украинцами), а также их многочисленным смешанным потомством, лобовой вопрос об этнической принадлежности не позволяет установить реальную этнодемографическую картину. В таких регионах «смешанную» биэтническую (так у автора. — К. Д.) группу населения, по его мнению, следовало бы выделять в качестве самостоятельной этнокультурной группы. См.: *Сущий С.Я.* Украинцы Юга России — демографическая история одного регионального сообщества. Ростов-на-Дону, 2013. С. 27–28.

⁴ См. очерки 2 и 4 М.В. Лескинен в данной книге.

⁵ По мере того, как с начала XX в. усиливалось противостояние двух проектов национализма — украинского и общерусского, начались процессы семантической трансформации этнонимов «украинец» и «малоросс», все больше они стали приобретать ярко выраженную идеологическую направленность. Для активистов украинского национального движения малороссы были, прежде всего, жертвами русификации и несознательными украинцами, теми, кого надо было спасти для украинской нации. Они верили, что с развитием собственной прессы и начальной школы на родном языке «все эти русины, малороссы и хохлы станут национально сознательными украинцами на территории от Сяна до Дона». Со своей стороны для многих русских националистов русскость малоросса воспринималась как естественное состояние. «В настоящее время малороссийский крестьянин совершенно не знает слова “малоросс”. Если вы спросите малоросса о его национальном происхождении, он всегда и неизменно отвечает: “Я — русский”. Представление о полном единстве русского народа глубоко внедрилось в умы южнорусов». Цит. по: *Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И.* Малоросс // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2-х т. М., 2012. Т. 2. С. 435. Этноним «украинцы» в отношении потомков казацкого населения, проживавшего в великороссийских губерниях Центрального Черноземья, на Кубани, в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке практически не использовался вплоть до революции 1917 г.

В «Обзоре украинского движения», подготовленном Департаментом полиции в 1910 г., говорилось, что «рассчитывать на успех в борьбе с украинским движением в России возможно лишь в том случае, если, не ограничиваясь средствами, которыми в настоящее время располагают местные розыскные и административные органы, в стране будет установлено строжайшее судебное и административное преследование за одну лишь принадлежность к украинофильским партиям»⁶.

Умеренные украинские круги делали ставку на пробуждение общественного интереса и поддержку своей культурно-национальной программы со стороны либеральных и демократических партий IV Государственной думы. «Украинская интеллигенция ждет от России полного признания за украинской народностью прав на национально-культурное самоопределение, т. е. прав на свободную национальную работу в сфере школы, науки, литературно-общественной жизни», — говорилось в обширной записке «Украинский вопрос и русское общество», которая в начале 1917 г. была направлена руководству кадетской партии. Авторы записки обращались к авторитету русских ученых и общественных деятелей, которые могли бы своими публицистическими выступлениями, изданием специальных брошюр, содействием учреждению украинской школы сдвинуть украинский вопрос с мертвой точки⁷.

Необходимо отметить, что ужесточение политики в отношении украинского движения в 1914–1917 гг. связано было с началом и ходом Первой мировой войны, которая не только обострила позиции различных партий и сторон по национальным вопросам, но и актуализировала те из них, которые имели самое непосредственное отношение к территории Империи, западные границы которой менялись с линией фронта.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 253. Д. 39. Л. 75–76.

⁷ *Михутин И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М., 2003. С. 223.

За год до этого, 6 февраля 1916 г., члену Государственной думы социал-демократу Н.С. Чхеидзе была направлена петиция деятелей украинского движения, обличающая репрессивную политику царского правительства: «Теперь украинский народ в России приговорен к смерти. Его просветительно-культурные учреждения (“Просвіта”) закрыты правительством, родное его слово заковано, газеты и журналы приостановлены, украинская национальная мысль преследуется правительством, как антигосударственное преступление, обысками и арестами сознательных украинцев; уничтожается с корнем украинская “крамола”, вообще, ужасное преследование всего того, что “украинское”. Чего же больше? Административная власть запрещает автономическим учреждениям, т. е. земствам заниматься чисто просветительными делами (преподавание в школах на родном языке) украинского народа»⁸. Подписавшие петицию требовали: 1) равноправия украинского народа с русским; 2) свободного использования украинского языка, по крайней мере, в начальных школах; 3) свободы украинской прессы и книгопечатания вообще; 4) свободной деятельности украинских просветительно-культурных обществ (товариществ и читален «Просвितы», кооперативов, земледельческих союзов); 5) «вообще государственно-законного установления гарантий культурно-национального развития украинского народа в Русском государстве»⁹.

Однако Департамент полиции именно в деятельности культурно-просветительных украинских организаций усматривал потенциальную угрозу существующему режиму и направлял все усилия к их ликвидации. «Пока в распоряжении украинофилов в пределах России будут находиться такие сильные культурные учреждения, как “Просвіта”¹⁰ и “Литературно-научное товариство”¹¹, и существовать печат-

⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 295. Л. 47.

⁹ Там же. Л. 48.

¹⁰ «Просвіта» — украинская общественная культурно-просветительская организация. В России первые легальные «Просвиты» появились после революции 1905–1907 гг.

¹¹ «Литературно-научное товариство» — имеется в виду научное общество им. Шевченко, возникшее во Львове в 1892 г. в результате реорганиза-

ные органы “Литературно-науковий вістник”¹² и “Рада”¹³, театры и прочее — пресечь движение в корне не мыслимо”¹⁴.

В «Записке об украинском движении за 1914–1916 гг. с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии», составленной Департаментом полиции в июне 1916 г., формулировались следующие практические выводы: «Украинское движение в России всех оттенков и направлений есть течение противогосударственное, и если за культурно-просветительным направлением украинства можно признавать известную безопасность для государственного порядка, то эту безопасность при широком государственном взгляде на этот вопрос надлежит считать делом времени, так как и в исключительно культурном течении украинства посеяны зерна обособленности населения Малороссии, именуемого украинским народом, — той обособленности, на почве которой могут легко произрастать весьма заманчивые для украинцев политические тенденции, угрожающие государственному порядку»¹⁵.

Вплоть до крушения старой императорской России в феврале 1917 г. политическая полиция продолжала преследовать представителей украинского национального

ции литературного товарищества им. Шевченко, созданного в 1873 г. по инициативе украинских интеллигентов, выходцев из российской Украины. С 1894 г. после приезда во Львов М.С. Грушевского, который вскоре стал его председателем, общество активизирует свою общественно-политическую и научную деятельность, получает всеукраинскую известность и становится интеллектуальным и культурным центром для всего тогдашнего украинства.

¹² «Литературно-науковий вістник» — ежемесячный журнал для украинского читателя, который издавало общество им. Шевченко. С 1898 по 1906 гг. выходил во Львове и был единственным тогда украиноязычным литературно-научным журналом, объединявшим вокруг себя сторонников украинства, как в австрийской Галиции, так и в российской Украине. После первой русской революции стал издаваться М.С. Грушевским в Киеве — с 1907 по 1914 г.

¹³ «Рада» — украинская еженедельная газета, выходившая в Киеве с 1906 по 1914 г. С началом Первой мировой войны журнал и газета были закрыты властями.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 39. Л. 51.

¹⁵ Там же. Д. 295. Л. 73.

движения, как потенциальных противников существующего режима и целостности Российской империи.

По мнению современного краснодарского исследователя И.Ю. Васильева, на рубеже XIX–XX вв. на Кубани сформировалось единое кубанское казачество как субэтнос русского народа. Процессы естественной ассимиляции и русификации среди украиноязычных кубанских казаков (потомков черноморского казачества) все более усиливались, что было связано, главным образом, с воинской службой, где господствовал русский язык, а также с официальным делопроизводством и школьным образованием на русском языке. «Постепенная русификация украинцев Кубани происходила не вследствие насильственной ассимиляции, а по причине естественной эволюции этнической культуры и самосознания представителей близких друг другу этносов», — пишет исследователь¹⁶.

Здесь также следует иметь в виду, что на Кубани в дореволюционный период сословная принадлежность к казакам или иногородним играла определяющую роль и значила гораздо больше, чем этническая принадлежность к великороссам или малороссам. Однако на Кубани были и те, для кого украинская идентичность имела большую значимость. В 1901 г. здесь было создано местное отделение Украинской революционной партии (РУП) во главе с представителем кубанской левой интеллигенции С.И. Эрастовым. В 1905 г. после раскола партии большая часть членов РУП вошла в состав вновь образованной Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП), которая насчитывала на Кубани в 1905–1906 гг. около 200–220 членов. Национально-культурное движение среди украинцев Кубани усилилось после революции 1905 г. В 1906 г. в Екатеринодаре было создано первое легальное общество «Просвита», которое имело два книжных магазина по продаже украинской литературы. К весне 1907 г. филиалы

¹⁶ Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010. С. 99.

общества функционировали в Майкопе, Темрюке, станицах Каневской, Новотитаровской, Платнировской, Пензенской, Северской, Тихорецкой, Усть-Лабинской, Уманской, Пашковской, Лабинской, на хуторах Романовском и Зубова Балка. Члены «Просвитель» активно распространяли сведения по истории и культуре Украины, читали лекции и рефераты. До революции 1917 г. на Кубани действовало несколько любительских украинских драматических кружков (в 1906 г. такой кружок существовал в Екатеринодаре под руководством Городецкого и Костюка), еще в 1890-е гг. в Екатеринодаре был создан литературный кружок «Кубанская громада», который объединял молодых украинских поэтов Кубани (М. Вороний, Я. Жарко, О. Кирий, А. Пивень), проводились этнографические исследования (М.А. Дикарев), создавались частные украинские библиотеки. В 1912 г. в Екатеринодаре открылась первая школа кобзарей¹⁷.

На территории *Дальнего Востока* первой украинской организацией, к тому же получившей право на легальную деятельность, стала Владивостокская студенческая Украинская Громада, образованная в октябре 1907 г. студентами-украинцами местного Восточного института. Владивостокская студенческая Громада положила начало традиции проведения на Дальнем Востоке так называемых Шевченковских свят — торжественных празднований годовщин рождения и смерти украинского поэта Т.Г. Шевченко, которые проводились ежегодно в 20-х числах февраля¹⁸.

Не менее активную деятельность, которая способствовала развитию национального самосознания местных украинцев, проводил украинский театральный кружок во Владивостоке. В условиях отсутствия национальной школы режиссер кружка И. Мостипан отводил ему решающую

¹⁷ См.: Васильев И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX — начало XXI века). М., 2014. С. 45–49, 60–64.

¹⁸ Черномаз В.А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Владивосток, 2009. С. 88.

роль в распространении украинского национального самосознания. В полицейском рапорте отмечалось, что целью кружка являлось «полное объединение всех находящихся во Владивостоке украинцев между собою и также организация тесной связи с таковыми же организациями в России и за границей», а также возможно более широкое знакомство «с литературой исключительно на украинском языке, как издающейся в России, так и за границей», и общение на родном языке. Поэтому, кроме спектаклей, кружок уделял большое внимание «общему просвещению украинской общественности во Владивостоке». Его усилиями в библиотеке Народного дома был создан особый украинский отдел, в который выписывались украинские газеты и журналы. В 1912 г. во Владивостоке получали свыше 400 экземпляров украинских газет и журналов, а в начале 1914 г. в киоске «Польза» было распродано 500 украинских календарей¹⁹. Накануне Первой мировой войны крестьяне одного из украинских сел под Хабаровском в ответ на агитацию представителей Союза русского народа заявили, что они являются «украинцами-инородцами», а не «истиннорусскими»²⁰.

Каким было реальное влияние адептов украинского национального движения на малороссов губерний *Центрального Черноземья* перед революцией 1917 г., можно судить по книге С. Щеголева «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма» (Киев, 1912), которая на то время являлась одним из самых известных сочинений критиков украинского движения в России. Автор смог обнаружить сведения лишь о том, что в Курске был открыт книжный киоск по продаже украинской литературы и здесь же был организован украинский отдел железнодорожной библиотеки²¹. Накануне Первой мировой

¹⁹ Черномаз В.А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Владивосток, 2009. С. 106–107.

²⁰ Там же. С. 69.

²¹ Современное переиздание этой книги см.: Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма. М., 2004. С. 233.

войны украинский кружок учащихся средних учебных заведений был организован в Белгороде Курской губернии²².

Несмотря на то что к началу XX в. украинская идентичность и украинское национальное самосознание только начали проникать в широкие народные массы, с началом Первой мировой войны ситуация стала меняться кардинальным образом. Сотни тысяч эвакуированных беженцев из Восточной Галиции и западных губерний, а также многочисленные военнопленные австро-венгерской армии оказались в тыловых русских губерниях, в том числе Курской и Воронежской. Среди них было значительное число и «сознательных украинцев». Именно выходцы из Галиции стали наиболее активными сторонниками реализации украинского проекта в губерниях Центрального Черноземья после Февральской революции 1917 г.

Украинцы России в годы революции и гражданской войны

Февральская революция и начавшийся распад Российской империи дали новый импульс для развития национальных движений, в том числе украинского. Только в 1918–1919 гг., сменяя друг друга, возникают на территории бывших малороссийских губерний сначала Украинская Народная Республика, затем Украинская держава гетмана Скоропадского и, наконец, Украинская Советская Социалистическая Республика. Более того, именно факт существования украинских национальных государственных образований способствовал пробуждению и активизации украинского национального движения и на территории РСФСР, где проживало около 7 млн человек малороссийского/украинского населения (Кубань, Центральное Черноземье, Поволжье, Западная Сибирь, Дальний Восток).

В марте 1917 г. *на Кубани* создается Кубанская украинская национальная рада, по ее инициативе 24 марта была

²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 295. Л. 55; Д. 39. Л. 57.

возобновлена деятельность общества «Просвитель», целью которого являлось распространение украинского литературного языка среди широких масс казачества и приобщение их к украинской культуре. В рамках деятельности этого общества была организована украинская гимназия и создано товарищество «Школьная освіта», был составлен украинский букварь. О начале его издания объявили 1 июля 1917 г. А чуть раньше, 5–7 апреля, на съезде кубанских учителей было решено открыть курсы для подготовки украинских педагогов и способствовать введению украиноязычного преподавания в школах, если этого пожелают родители учеников. В результате в 1917 г. станичные сходы некоторых станиц (например, Старолеушковская) стали в явочном порядке принимать решения об украинизации станичных школ. С сентября 1917 г. в Екатеринодаре стала выходить украиноязычная газета «Чорноморець», а в Новороссийске — «Чорноморська Рада»²³.

В начале 1918 г. часть депутатов Кубанской Рады выступала за присоединение Кубани к Украинской Народной Республике на федеративной основе. Благодаря усилиям украинских активистов в 1918–1919 гг. кубанская краевая власть принимала меры по развитию украинской культуры. При министерстве просвещения Кубанского края была создана должность инструктора по украинской школе. 7 мая 1919 г. местный сход в станице Полтавской принял решение об украинизации начальных школ и учительской семинарии²⁴.

На протяжении 1917–1918 гг. украинские «громады» и «просвитель» создаются практически во всех городах *Дальнего Востока* — Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Спаске, Имане, Хабаровске, Благовещенске, Свободном, Петропавловске-на-Камчатке, Чите, Харбине. «Национальная украинская школа в области, образование украинских библиотек и вообще все те просветительные

²³ Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010. С. 17, 19.

²⁴ Там же. С. 20–21.

цели, которые должны послужить к развитию самоопределения украинцев в области», — вот те приоритетные задачи, которые были определены на собрании благовещенской украинской громады 23 апреля 1917 г. Руководитель лекционной секции владивостокской украинской громады. С. Семко видел основную задачу украинских организаций в развитии образования и национального сознания местного украинского населения. 27 сентября 1917 г. украинская школа была открыта в Хабаровске, она располагалась в помещении местного Украинского клуба. В дальнейшем, на заседании Хабаровской городской Думы 19 марта 1918 г. украинская школа была включена в сеть городских школ. Во Владивостоке занятия в украинской начальной школе, которая размещалась в помещении «Просвиты» в Народном доме, начались 21 октября 1918 г.²⁵

Схожая ситуация наблюдалась и в губерниях *Центрального Черноземья*. Со времени Первой мировой войны в Воронеже оказалось немало галичан и буковинцев. Многие из них находились в трудном материальном положении. После революции в помощь австрийским переселенцам украинского происхождения был образован специальный комитет, денежными пособиями которого пользовались более 100 человек. Инициатором его создания был уроженец Львова О.Н. Кузьмич. Вскоре он стал одним из организаторов, а затем и председателем воронежской украинской громады, насчитывавшей до 300 членов. Основной формой ее деятельности были собрания и регулярно проводившиеся «сходины», на которых обсуждались злободневные вопросы национального самоопределения украинцев. Осенью 1917 г. при громаде возник культурно-просветительский кружок украинской учащейся молодежи. 26 ноября в зале учительского института состоялось первое общее собрание членов «гуртка» (кружка). Кружковцы поставили перед собой цель — изучать родную историю и литературу, знакомиться с жизнью и политиче-

²⁵ Черномаз В.А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). С. 285–286, 289.

ским движением украинского народа в его прошлом и настоящем. Серьезной потерей для всего «украинофильства» губернии стала скоропостижная смерть О.Н. Кузьмича в конце 1917 г.²⁶

В октябре 1917 г. отдел народного образования Воронежского губернского земства разослал во все уездные земские управы запрос о возможности и желательности украинизации школ с детьми малороссов. Положительные ответы были получены из Острогожского и Бирючанского уездов. Однако при этом надо иметь в виду, что из 44 сельских обществ Острогожского уезда украинизацию школ поддержали всего 9²⁷.

В декабре того же года вопрос о возможном присоединении Валуйского уезда к Украине рассматривался на чрезвычайной сессии уездного земского собрания. Возможность и даже необходимость такого акта никем не отрицалась в силу ряда этнографических, экономических и территориальных причин. Известный воронежский педагог и земский деятель Н.В. Чехов считал, что вопрос о присоединении малорусских уездов Воронежской губернии (Острогожского, Валуйского, Бирючанского и Богучарского) к Украинской республике не так прост, как это кажется Центральной Раде, и не может быть разрешен в скором времени. Н.В. Чехов ратовал за демократический принцип самоопределения народностей и предостерегал от насильственной украинизации.

В конце апреля–мае 1918 г. часть южных и юго-западных уездов Курской и Воронежской губерний, где проживало большое число украинцев/малороссов, с помощью германских штыков были присоединены к Украинской державе гетмана П.П. Скоропадского. К лету 1918 г. в составе Украинской державы оказались Путивльский и Грайворонский, большая часть Белгородского и Суджан-

²⁶ Коротун С.Н., Толкачева С.П., Шевченко Е.А. Национальные меньшинства Воронежского края в 1917–1941 гг. Воронеж, 2012. С. 64.

²⁷ Сергийчук В.І. Українська соборність. Відродження українства в 1917–1920 роках. Київ, 1999. С. 150.

ского, ряд волостей Рыльского, Львовского, Обоянского, Корочанского и Новоскольского уездов Курской губернии, а также часть Валуйского и Острогожского уездов Воронежской губернии, включая такие крупные уездные центры, как Белгород, Путивль, Рыльск, Суджа, Валуйки и Грайворон.

Чтобы защитить Суджанский уезд от «разбойничьих большевистских банд», 2 июля 1918 г. руководство уезда подготовило и направило докладную записку в Министерство иностранных дел гетмана Скоропадского, в которой просило украинское правительство присоединить весь Суджанский уезд к «Родной Украине». В докладной записке сообщалось, что «естественное и постоянное тяготение населения Суджанского края к родному югу никогда не уменьшалось». «Язык, хотя и близко соприкасается с великорусским, до сегодняшнего дня сохранил свои особенности, при этом теперь не меньше 60% населения Суджанского уезда говорит по-украински ... В настоящий момент украинское население распространилось далеко за границами Суджанского уезда, на 70 верст на север и на восток ... Одежда, быт и обычаи Суджанского уезда сохранили до сегодняшнего дня свой исконный украинский характер. Торговля, промышленность и наука приходила и приходит к нам из Киева, Сум и Харькова». Авторы докладной записки приходят к выводу, что переход к Украине всего Суджанского уезда является как с исторической, так и с экономической стороны неминуемым и необходимым и, кроме того, поддерживается всем населением, которое хоть как-нибудь может понимать свои потребности и дело национального возрождения²⁸.

Однако здесь следует иметь в виду, что такая готовность определенной части населения присоединиться к Украинской державе была не столько следствием какого-то их украинского национального возрождения, сколько простым желанием обезопасить свою жизнь от революционного хаоса, так как гетманат воспринимался ими,

²⁸ Цит. по: *Сергійчук В.І. Українська соборність*. С. 170–172.

прежде всего, как сильная власть, способная восстановить разрушенный порядок. По сути, в сложившейся ситуации речь шла о том, что люди выступали не за украинское государство, а против большевиков.

На территории присоединенных уездов, как и по всей Украине, киевские власти начали активно проводить политику украинизации. В это время советские газеты сообщали, что в занятых немцами и гайдамаками местностях Курской губернии отдан приказ в четырехмесячный срок изучить украинский язык, не исполнившие этого приказа подлежали увольнению с занимаемых должностей как саботажники. Полнее и ярче всего процесс украинизации 1918 г. отразился на системе народного образования, особенно после того, как 1 августа гетман Скоропадский утвердил закон об обязательном изучении во всех средних учебных заведениях, учительских семинариях и институтах украинского языка, а также литературы, истории и географии Украины. Как следует из записей журнала педагогического совета Грайворонской женской гимназии, 5 июля 1918 г., все учителя гимназии подали председателю педсовета записки, в которых указывали, что в будущем учебном году они не могут вести преподавание своих дисциплин на украинском языке, а в августе педагогический совет постановил ходатайствовать перед попечительским советом гимназии «об ассигновании потребной суммы на оплату переводчика циркуляров с украинского на русский язык»²⁹.

Несколько лучше обстояли дела в мужской гимназии, где на новые должности преподавателей украинского языка, литературы, истории и географии Украины были приглашены лица, прошедшие специальные курсы летом 1918 г. в Харькове. Следует отметить также немаловажный факт, что в гимназии не было отмечено случаев арестов лиц за проводимую ими национально-культурную работу³⁰.

²⁹ Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 82. Оп. 1. Д. 121. Л. 40 об., 44 об.

³⁰ Там же. Ф. 81. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

7 сентября 1918 г. педсовет Грайворонской женской гимназии, чтобы пополнить библиотеку книгами на темы украиноведения, принял решение выписывать журналы «Вільна українська школа» и «Книгарь»³¹. В конце сентября 1918 г. преподаватели гимназий г. Грайворона принимали присягу «на вірність Українській Державі» и утверждали ее собственноручной подписью.

В декабре 1918 г. — январе 1919 г. власть большевиков была вновь восстановлена на всей территории Курской и Воронежской губерний. К началу февраля в Грайворонском уезде на русском языке вели преподавание 13 учебных заведений, и только одно — на украинском³². 28 февраля отдел народного образования Грайворонского уисполкома издал циркуляр о прекращении преподавания украинского языка в гимназиях, впредь до особого распоряжения. Освободившиеся часы предлагалось использовать для преподавания других предметов по усмотрению педсовета³³.

Окончательную точку в деле прекращения украинизации школ и культурных учреждений поставили летом 1919 г. деникинцы, выступавшие под лозунгом «единой, неделимой России». Согласно Временному положению «Об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией», которым определялся порядок администрирования в зоне деникинского контроля, русский язык был объявлен единственным государственным языком, при этом употребление «местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях» допускалось «в пределах, установленных законом». Генерал В. Май-Маевский, безраздельно хозяйничавший в занятом деникинцами Харькове и на части территории Курской губернии, которая была очищена от большевиков, 3 августа 1919 г. издал приказ № 22 следующего содержания: «Все школы, в которых до появления “украинских” властей преподавание велось на русском языке, а затем, по распоря-

³¹ ГАБО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 121. Л. 53 об.-54, 241; Д. 184. Л. 3.

³² См.: Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. Харьков, 2011. С. 457–458.

³³ ГАБО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 121. Л. 84 об.

жению украинской власти, языком преподавания был сделан малорусский язык, должны вернуться вновь к преподаванию на русском языке». Май-Маевский фактически запретил украинские школы, дотирующиеся государством или земствами, разрешив лишь частные учебные заведения. Этим же приказом был упразднен учебный предмет «украиноведение», учрежденный в гетманский период³⁴.

Однако факт существования независимой Украины и украинского национального движения в 1917–1919 гг. самым непосредственным образом повлиял на эволюцию позиции большевиков в национальном вопросе к концу Гражданской войны. Чтобы перехватить инициативу у «петлюровцев» в разрешении национального вопроса и нейтрализовать национальное движение на Украине, лидеры коммунистов провозгласили образование Украинской Советской Социалистической Республики, окончательно признав украинцев отдельной нацией со своим языком и культурой³⁵.

Украинцы РСФСР в 1920-е – 1930-е гг. || Политика советской украинизации ||

Вторая волна украинизации на территориях РСФСР, где проживало украинское население, началась в середине

³⁴ Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика... С. 511–512. Как пишет современный исследователь А.С. Пученков, приказ, сохраняющий частные украинские школы, вызвал шквал критики в петлюровской печати. В «Обращении» Деникина с самого начала речь шла только о допустимости малорусского языка в частных школах и в первые годы обучения в начальных школах. См.: Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина. СПб., 2012. С. 210, 213.

³⁵ Так, по мнению зарубежного украинского историка И. Лысяка-Рудницкого, образование Украинской ССР есть «воплощение компромисса между украинским национализмом и русским централизмом — естественно, не в смысле формального соглашения, возникшего вследствие переговоров, а скорее как проявление фактического равновесия антагонистических общественных сил, ни одна из которых не была настолько сильна, чтобы утвердиться полностью... Условия этого компромисса можно охарактеризовать так: Россия сохраняла политический контроль над Украиной и благодаря этому положение главной силы в Восточной Европе, Украина же сохраняла после крушения своих больших надежд статус нации (в котором ей отказывал царский режим) и символическое признание ее государственности в форме Украинской ССР». См.: Лысяк-Рудницкий И. Между историей и политикой. М.; СПб., 2007. С. 580–581.

1920-х гг. в рамках набиравшей обороты политики «коренизации», основные принципы которой были озвучены лидерами большевиков на XII съезде партии в апреле 1923 г. Политика «коренизации» в УССР и в украинских районах РСФСР получила название «украинизации», на этот раз она выступала в качестве одного из ведущих механизмов в деле строительства украинской социалистической нации. Именно в это время считавшееся малороссийским население РСФСР было признано украинским национальным меньшинством, наряду с другими народами, а этноним «малоросс» с середины 1920-х гг. был заменен этнонимом «украинец».

Не случайно на X съезде РКП(б) И.В. Сталин в своем заключительном слове по национальному вопросу заявил: «Здесь я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на их родном языке. Такие же речи раздавались пять лет тому назад об Украине, об украинской национальности. А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская национальность — выдумка немцев, между тем украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории»³⁶.

Это, в свою очередь, означало, что в отношении малороссийского/украинского национального меньшинства предстояло проводить самую широкую культурно-просветительную работу на их родном языке, каковым априори считался лишь украинский. Так, по мнению заместителя председателя Совета по просвещению национальных меньшинств (Совнацмена) Наркомпроса РСФСР И. Давыдова, как только украинское население стало осознавать себя в качестве отдельной национальности, отличной от великорусской, «с этого момента население преобразуется, оно предъявляет требования ведения среди них работы, как

³⁶ Сталин И.В. Соч. В 13-ти тт. М., 1946–1951. Т. 5. М., 1947. С. 48–49.

среди особой национальности, на их родном языке, и тогда начинается стихийный рост национальных просветительских учреждений»³⁷.

Другой важнейшей задачей партийно-советского руководства была полная советизация украинского села и вовлечение селян-украинцев в социалистическое строительство. В отчете Центрального украинского бюро Совнацмена за октябрь 1924 г. — апрель 1925 г. сообщалось: «Украинское крестьянство Воронежской, Курской [губерний] и Кубани до сего времени не является вполне “советским” вследствие того, что вся политико-просветительная работа ведется на русском языке, отчего создается недоверчивое отношение к работникам, на которых смотрят, как на чуждый, пришлый элемент, т. е. как на руссификаторов»³⁸.

Активными сторонниками государственной политики советской украинизации в России выступали сотрудники Украинского бюро Совета по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР, Отдела Национальностей ВЦИКА, а также сельские учителя, представлявшие формирующуюся новую украинскую интеллигенцию. Без сомнения, политика украинизации на территории РСФСР явилась мощным фактором, стимулировавшим формирование украинского национального самосознания среди местного малороссийского населения.

С середины 1923 г. и вплоть до конца 1925 г. можно говорить о *первом этапе* государственной политики украинизации в РСФСР, главная цель которого — поставить под жесткий партийно-идеологический контроль стихийную («самостийную») культурно-просветительскую работу

³⁷ ГА РФ. А-296. Оп. 1. Д. 124. Л. 2.

³⁸ Там же. Д. 132. Л. 5. Неслучайно Сталин в своем докладе на XII партсъезде обращал внимание делегатов на следующее обстоятельство: «Только тогда и только постольку советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью не только русской, но и междунациональной, родной для крестьян ранее угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке. В этом одна из основ национального вопроса вообще, в обстановке советской в особенности». См.: Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 482.

беспартийного учительства по созданию украинской национальной школы и обеспечить условия для ее нормального функционирования. Поскольку, как свидетельствуют архивные документы, вопрос о создании украинской школы являлся «новым и не всегда правильно понятым явлением революции»³⁹.

В докладной записке заместителя председателя Совнацмена Давыдова в Президиум Совнацмена по вопросу об украинизации советского аппарата, составленной не ранее мая 1925 г., указывалось, что *на Кубани*, «несмотря на то, что население в значительной степени украинское во многих округах края, несмотря на то, что это население ведет работу, общается на украинском языке, несмотря на это, ни партийные, ни советские органы к разрешению украинского вопроса вплотную не подошли, директив не дали», «партийные органы украинской работы не охватили, и последняя развивается стихийно, вне влияния и руководства партии». — «Надо удивляться, что партийные комитеты допустили стихийное развитие украинизации, не вырешили этого вопроса и не взяли течения в свои руки», «каков бы ни был взгляд на украинизацию, нельзя было оставлять вне направления и руководства партии, надо было взять в свои руки»⁴⁰.

В период между 1 и 7 апреля 1925 г. в Краснодаре (Кубанский округ Северокавказского края) состоялись I-я украинская учительская конференция Кубанского округа и краевое совещание представителей окружных партийных комитетов по украинскому вопросу. Оба совещания показали его актуальность, требующую скорейшего разрешения со стороны советской власти. «Характерно противопоставление, которое было во всех выступлениях на учительской конференции: “Мы и вы, мы — украинцы и вы — россияне”. Вследствие отсутствия понимания на местах в станицах учителям приходится все время доказы-

³⁹ См.: ГА РФ. А-296. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.

⁴⁰ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 278–279, 281.

вать, что украинский язык есть, что школа нужна и прочее, и прочее. Развернувшиеся по докладам прения свелись опять-таки к доказательствам, что украинский вопрос есть, что школа нужна, что это соответствует желаниям населения. Учителя прямо говорили: “Нам чинят препятствия на местах, на нас смотрят косо, как на каких-то контрреволюционеров. У ячеек партии мы не находим поддержки, в лучшем случае — безразличное отношение”. — “Скажите нам, что мы делаем, делаем ли мы необходимое для государства дело или мы творим контрреволюционное дело? Если мы делаем полезную работу, дайте по этому вопросу четкие указания местам”. Такое настроение естественно и понятно, то оно и привело к тому, что первая половина прений состояла из доказательств необходимости украинской работы. На этот вопрос надо дать ясный и точный ответ высшему партийному органу ЦК РКП(б)»⁴¹.

Отсутствие партийных директив по вопросу украинизации в РСФСР сильно осложняло работу государственных органов и приводило к непониманию происходивших процессов не только в массе простого крестьянского населения, но и в среде партийцев: «Коммунисты спрашивали: а можно ли быть коммунисту украинцем, а беспартийные обратный ставят вопрос: “Можно ли украинцу быть коммунистом?”»⁴².

Схожую ситуацию, когда рядовые члены партии нередко воспринимали «украинский вопрос» как «петлюровщину», можно было наблюдать и в других регионах РСФСР. Так, в докладе заведующего Центральным украинским бюро Совнацмена П.С. Шафрана, который побывал с инспекторской проверкой в Валуйском, Острогожском и Россошанском уездах *Воронежской губернии* весной 1925 г., было отмечено: «Украинское учительство запугано. Еще до сих пор смотрят на украинское учительство, как на шовинистическо-петлюровское. Работник, который заботится о

⁴¹ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 280.

⁴² Там же.

школе, получает ярлык “щирий”. Над переводом школ на украинский язык производятся опыты⁴³.

По мнению современного исследователя И.И. Шульги, началом политики украинизации в Поволжье можно считать создание в феврале 1923 г. украинских подотделов при отделе нацменьшинств губернских исполкомов. При этом «особенностью украинизации в РСФСР, в отличие от аналогичных процессов, протекавших на Украине, являлось то, что она первоначально касалась только сферы народного образования»⁴⁴.

Как следовало из отчета о деятельности Самарского губернского отдела национальностей (Губотнаца) за 1922 г., в Самарской губернии была в это время только одна украинская школа I-й ступени на государственном снабжении в Бугурусланском уезде и еще 10 школ, содержащихся на общественные средства⁴⁵. В годовом отчете Отдела нацменьшинств Наркомнаца РСФСР за 1922 г. указано 12 украинских школ в Самарской губернии⁴⁶. В отчете Саратовского губотнаца за апрель 1923 г. сообщалось о приобретении литературы на украинском языке в количестве 99 экземпляров на сумму 1 тыс. рублей⁴⁷.

В начале 1925 г. в Саратовский Губисполком поступило ходатайство от украинских студентов Саратова с настоятельной просьбой об урегулировании вопроса о переводе школ на украинский язык обучения. Они сообщали: «Когда мы приезжали домой, то наши деды, отцы, братья, сестры и прочие родственники говорят нам: “Ми чули, що Ленин розришив кожному народу вчиця своєму ридному слову на ридни мови те-б-то на вкраїнськой мови, бо наших дітей и теперечки вчать так, як при цареви, чи дождемось ми

⁴³ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 94. Л. 6–7.

⁴⁴ Шульга И.И. «Украинский вопрос» и большевицкая власть в Нижнем Поволжье (1923–1933 гг.) // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: материалы Международной научно-практической конференции. Киев; М.; Уфа, 2010. С. 139.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1248. Л. 13–13 об.

⁴⁶ Там же. Д. 1220. Л. 32.

⁴⁷ Там же. Д. 458. Л. 98 об.

коли-нибудь почути в школи ридну мову?», — спрашивают нас односельчане. Ответить на такой щекотливый вопрос что-либо определенное мы затруднились»⁴⁸.

В сентябре 1925 г. в Нижнее Поволжье был направлен заведующий Центральным украинским бюро Совнацмена НКП Шафран. По его инициативе при Саратовском и Царицынском губисполкомах были созданы специальные комиссии по изучению украинского вопроса. Практически во всех населенных пунктах, где они работали, местное население высказывалось за необходимость перехода школ и учреждений на украинский язык. В беседах с учителями, обучавших украинских детей, выяснялось, что «материнский разговорный язык местных малороссов больше схож с украинским, нежели с русским, ...прежде чем учить учеников грамоте, приходится учить понимать и разговаривать на русском языке, что тормозит общую работу школы и наблюдается ущерб в ориентации со стороны учащихся»⁴⁹. В ходе работы комиссия «открыла глаза» губернским властям на то, что «малороссы это и есть украинцы», а следовательно, необходимо проводить украинизацию. На совещании Красноярского волисполкома Саратовской губернии Шафран выступил с докладом, в котором указал, что «украинцы или малороссы являются также национальным меньшинством на территории РСФСР», «тот взгляд, который существует, что украинцы на Украине, ошибочен, и что украинцы живут не только на Украине, но, в частности, и в Саратовской губернии»⁵⁰.

Однако многие представители низового партийно-советского аппарата в Поволжье всячески сопротивлялись проведению украинизации. Так, 15 сентября 1925 г. Президиум Камышинского укома РКП(б) постановил: «При дальнейшей длительной агитационной работе по популяризации украинского языка, за счет великорусского, возбуждая национальные чувства украинцев, которые

⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 36. Л. 222.

⁴⁹ Там же. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 153. Л. 18 об.

⁵⁰ Там же. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 36. Л. 204.

сейчас уже выделяются среди великорусского населения, можно добиться такого положения, что украинское население согласится на введение украинского языка в школах и учреждениях, но от этого Президиум Укома иных результатов, кроме вреда, не видит»⁵¹. Несмотря на деятельность комиссии Шафрана, местная власть, по сути, не приступила к реализации мероприятий по украинизации на данном этапе. Заведующий Сталинградским ГубОНО на вопрос украинского инспектора о дальнейшей судьбе украинизации ответил: «Да, сообщу для Вас печальную новость: среди хохлов работы не вести, не нужно хохлов учить на их хохлацком языке». А заведующий Сталинградским Губсовнацменом, злорадствуя, говорил украинскому инспектору: «Вас забьют, даром приехали работать, работы не поведешь, потому что я знаю, что решено провести плебисцит, который похоронит украинскую работу вообще, это не на Украине, и не я с тобой буду вести плебисцит. А книги [на украинском языке], их 6 тысяч или больше, нужно будет продать на базаре, сеledку заматывать»⁵².

Столь же сложной была ситуация и в *Сибири*. Как следует из доклада инструктора Отдела Национальностей ВЦИК С. Моравского от 30 июня 1926 г., к этому времени на весь Сибирский край было всего лишь 33 украинских школы I-й ступени, 27 изб-читален и 30 ликпунктов неграмотности на украинском языке. И это при том, что украинцы составляли около 10% всего населения Сибири, а в некоторых округах, как, например, Омский и Славгородский, половину населения. «Украинцы и белорусы охвачены школой не более чем на 6,5%... Как видно из приведенных данных, работа на родном языке почти совершенно не ведется среди украинского и белорусского и весьма слабо среди мордовского населения», — говорилось в докладе Моравского⁵³.

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 36. Л. 199.

⁵² Цит. по: Шульга И.И. «Украинский вопрос» и большевицкая власть в Нижнем Поволжье (1923–1933 гг.). С. 141.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 38. Л. 8–9.

Что же касается *Дальневосточного края*, то здесь в силу целого ряда политических причин⁵⁴ мероприятия по украинизации совершенно отсутствовали вплоть до начала 1931 г.

Таким образом, в первые два года коренизация среди украинцев РСФСР шла медленно, ей мешали как настроения рядовых партийцев, которые не видели необходимости в ее проведении, так и пассивность основной массы украинского населения. Как правило, в это время речь шла лишь о создании украинских начальных школ. К концу 1925 г. по всей РСФСР насчитывалось только 84 украинских школы I-й ступени⁵⁵. Тем не менее, несмотря на все сложности этого этапа, с конца 1925 г. начался (прежде всего на Кубани и в Воронежской губернии) заметный перелом в деле украинизации.

По нашему мнению, период с конца 1925 г. и вплоть до конца 1929 г., до начала сплошной коллективизации сельского хозяйства, можно обозначить в качестве следующего, *второго этапа*, основная цель которого заключалась в украинизации партийно-советского аппарата, правоохранительных и судебных органов. Необходимо было начать украинизацию сельских советов, волостей и районов, переводя делопроизводство на украинский язык. Тем самым были сделаны первые шаги на пути по административно-территориальному выделению украинских национальных сельсоветов, волостей и районов на территории РСФСР. С другой стороны, в сфере народного образования возникла острая потребность в школах повышенного типа (школы II-й ступени, школы крестьянской молодежи, фабрично-заводские семилетки) на украинском языке и украинских педтехникумах для обеспечения украинскими педагогическими кадрами массовой школы (школы I-й ступени).

---

⁵⁴ Имеется в виду прежде всего Читинский судебный процесс 1923–1924 гг., устроенный большевиками над лидерами украинского национального движения ДВР.

⁵⁵ См.: *Вдовиченко*. Обслуживание культурно-социальных нужд украинского населения в РСФСР // Советское строительство. 1928. № 7 (24). С. 82.

Правда, следует сделать одно принципиальное уточнение. Все вышеперечисленные моменты, характеризующие второй этап украинизации, и особенно процесс украинизации органов управления, в полной мере проявили себя лишь в самом конце этого этапа, в 1928–1929 гг., да и то главным образом на территории *Центрально-Черноземной области и Кубани*.

Так, например, вплоть до конца 1928 г. на территории РСФСР не было выделено еще ни одного района или округа с делопроизводством на украинском языке, за исключением трех волостей бывшей Воронежской губернии, где эта работа проводилась в качестве эксперимента с 1927 г. В конечном итоге частичный перевод делопроизводства на украинский язык был произведен в двух волисполкомах (21 сельсовет). В связи с образованием летом 1928 г. Центрально-Черноземной области (ЦЧО) процесс по административному выделению украинских районов затормозился и к нему приступили снова лишь в начале 1929 г., когда было принято соответствующее постановление Центрально-Черноземного областного исполкома.

Как отмечал сотрудник Отдела национальностей ВЦИК З. Островский, «на Северном Кавказе до конца 1928 г. ровно ничего не было сделано в этом направлении, хотя имелся ряд постановлений сходов, пленумов стансоветов и даже районных съездов советов о необходимости полной украинизации соваппарата»⁵⁶. Только в декабре 1928 г. Северо-Кавказский крайком партии принял решение о проведении украинизации советского и партийного аппарата в 37 районах края, в том числе в 12 районах Кубани, где проживало свыше 1750 тыс. украинского населения (или 44 % всего украинского населения в крае). Планом предусматривалась переподготовка необходимого количества низовых советских работников. За три года ее должны были пройти 2878 человек, из которых 1620 работников сельских советов (по 3 человека на каждый сельсо-

⁵⁶ Островский З. С. Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР. М., 1931. С. 47.

вет). Предполагалось подготовить на каждый украинизированный район по 10 человек представителей сельской милиции, всего 370 человек. А весь состав технических работников районного аппарата⁵⁷ должен был пройти переподготовку на специально организованных курсах. Переподготовка ответственных работников с ненормированным трудом, т. е. членов президиумов райисполкомов, заведующих отделами и т. д., должна проводиться без отрыва от основной работы, посредством организации в районных центрах вечерних кружков по самообразованию. В 1929 г. было намечено переподготовить 927 человек, 1930 г. — 903, 1931 г. — 1048 человек. На проведение украинизации советского аппарата было запланировано израсходовать 389 666 рублей, из них в 1929 г. — 141 547 руб.⁵⁸

В постановлении ЦИК СССР по докладу Северо-Кавказского крайисполкома о практическом осуществлении национальной политики в Северо-Кавказском крае от 12 февраля 1930 г. сообщалось: «В частности, в отношении обслуживания украинского населения и проведения украинизации, несмотря на ряд имевшихся решений, дело практически не получило должного разрешения. Принятый крайисполкомом план проведения украинизации на Северном Кавказе к 1930 г. соответствующего перелома на местах не создал. До весны 1929 г. руководство краевых советских органов в этом вопросе не было ни твердым, ни последовательным. Точно так же и в планах работы окрисполкомов большинства округов вопрос украинизации до сих пор не находил достаточного отражения»⁵⁹. В целях активизации мероприятий в области украинизации краевым органам власти предлагалось в ближайшее время создать в центре Северо-Кавказского края и округах с украинским населением очаги культуры — театры, библиотеки, лите-

⁵⁷ Это были служащие райисполкомов и их отделов, работники суда, милиции и др.

⁵⁸ *Иванов, Ковалев.* Некоторые итоги национальной политики на Северном Кавказе // Советское строительство. 1929. № 7 (36). С. 122.

⁵⁹ Цит. по: Революция и национальности. 1930. № 1. С. 116.

ратурные объединения писателей-украинцев, а также развернуть организацию школ, изб-читален, народных домов и клубов.

На остальной территории РСФСР темпы украинизации партийно-советского аппарата были «особенно нетерпимы». Так, в *Нижне-Волжском крае* вплоть до весны 1930 г. он не только не был переведен на родной язык украинского населения⁶⁰, но там даже еще не приступили по-настоящему к выделению национально-административных единиц. Например, Николаевский район бывшего Камышинского округа, где украинское население составляло 81 %, или Владимирский район Астраханского округа, где украинцев было 90 %, и другие подобные районы и сельсоветы не были еще выделены, как национальные. В докладе «Работа среди нацменьшинств Нижне-Волжского края в области советского строительства», направленном инструктору ЦИК СССР Шалюпе, сообщалось, что в Нижне-Волжском крае насчитывается 217 украинских сельсоветов, «перевод делопроизводства в национальных советах на родной язык в большинстве случаев осуществлен частично, наибольшее число сельсоветов, где не проведена еще коренизация, приходится на украинскую и мордовскую национальности. Медленное развертывание работы по переводу делопроизводства низовых советских органов на родной язык обуславливается отсутствием необходимого количества подготовленных работников из среды нацменьшинств»⁶¹.

В *Сибири* вопрос о коренизации советского аппарата и перевода делопроизводства на украинский язык вообще не стоял в поле зрения местных руководящих органов вплоть до 1930 г. К 1929 г. было создано всего лишь 95 украинских сельских советов на весь Сибирский край. Интересно

⁶⁰ На наш взгляд, часто встречающееся в документах периода проведения украинизации в РСФСР устойчивое выражение «родной язык» применительно к местному малороссийскому / украинскому населению на самом деле не отражает в полной мере того, какой язык (украинский или русский) был им действительно родным языком.

⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 1352. Л. 74–74 об.

отметить следующий факт. Славгородский окружной исполком в июне 1928 г. принял решение о нецелесообразности перевода судопроизводства на украинский язык, мотивируя это тем, что «украинское население округа наполовину обрусело, а также за неимением в составе суда сил, хорошо владеющих украинским языком»⁶².

В постановлении ЦИК СССР по докладу о работе среди национальных меньшинств Сибирского края 8 декабря 1929 г. указывались следующие недочеты: «слабость работы и недооценка политического значения организационного и социально-культурного обслуживания украинцев и белорусов как национальных меньшинств на их родном языке», «невыделение до сих пор украинских и белорусских национальных административно-территориальных единиц». Для их устранения и дальнейшего развертывания работы среди национальных меньшинств Сибирскому крайисполкому предстояло, во-первых, «в целях приближения советского аппарата к трудящимся массам нацменьшинств и большего вовлечения их в советское строительство закончить выделение и оформление национальных административно-территориальных единиц в местностях с компактным населением нацменьшинств (в частности, украинских и белорусских) в срок, установленный ВЦИК». Во-вторых, «в дальнейшем в работе среди национальных меньшинств сосредоточить внимание краевых и местных органов на большем обслуживании украинского и белорусского населения»⁶³.

В деле украинизации административных органов и образования национальных районов и сельсоветов практически на всей территории РСФСР приходилось преодолевать огромные трудности, но первые шаги были сделаны, что дало положительные результаты на заключительном этапе украинизации, когда этот процесс был активизирован в ходе социалистических преобразований первой пятилетки,

⁶² Михайлидис В. Обслуживание национальных меньшинств в Сибирском крае // Советское строительство. 1929. № 6 (35). С. 97–98.

⁶³ Цит. по: Революция и национальности. 1930. № 1. С. 110–111.

в особенности с переходом к сплошной коллективизации сельского хозяйства.

XVI съезд партии, проходивший в июне 1930 г., выдвинул лозунг социалистического наступления по всему фронту. И.В. Сталин охарактеризовал его, как движение «на всех парах к социализму», как задачу превращения СССР в промышленно-аграрный металлургический комбинат. В связи с этим основной целью национальной политики советской власти становится укрепление диктатуры пролетариата и выдвижение пролетарских кадров: «Что такое национальная культура при диктатуре пролетариата? Социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата»⁶⁴. Вместе с тем Сталин озвучил на съезде принципиально важный тезис: «Период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме». При этом он подчеркнул, что «развитие национальных культур должно развернуться с новой силой с введением и укоренением общеобязательного первоначального образования на родном языке», «только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства», «в этом именно и состоит основа ленинской политики помощи и поддержки развития национальных культур народов СССР»⁶⁵.

В связи с этим нам представляется вполне справедливым выделить период с 1930 г. по декабрь 1932 г. в качестве заключительного *третьего этапа* украинизации в РСФСР, главная цель которого заключалась, во-первых, в реализации всеобщего начального обучения и ликвидации неграмотности среди украинского нацменьшинства на украинском языке; во-вторых, в форсированном завер-

⁶⁴ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 55.

⁶⁵ Там же. С. 55–56.

шении украинизации административного и хозяйственного аппаратов управления, культурно-просветительных учреждений в национальных районах. Именно поэтому в это время достигает своего пика украинизация школ и культпросветучреждений, массовыми тиражами выходят районные газеты на украинском языке, создаются украинские отделения в вузах и т. д.

С началом перехода к строительству социализма и социалистической реконструкции сельского хозяйства меняются приоритеты украинизации. С одной стороны, украинизация в сельских районах РСФСР должна была стать одним из инструментов власти в деле успешного проведения сплошной коллективизации. Как следствие этого, резко усиливается ее классовая составляющая, всячески подчеркивается ее антикулацкая направленность и, наоборот, затушевываются, отодвигаются на задний план все национальные компоненты, нацеленные на формирование украинского самосознания среди селянства. С другой стороны, важнейшей задачей в ходе украинизации становится воспитание и выдвижение пролетарских национальных кадров, заменивших старую дореволюционную интеллигенцию. В связи с этим перспективные планы украинизации зачастую необоснованно завышаются, усиливается административный нажим, вызывая негативную реакцию, как со стороны представителей низового партийно-советского аппарата, так и местного украинского населения.

Не случайно в постановлении ЦИК СССР по докладу *Северокавказского крайисполкома* о практическом осуществлении национальной политики (февраль 1930 г.) указывалось на необходимость «принять более решительные меры к окончательному очищению советского аппарата и аппарата кооперативного и других общественных организаций автономных областей и национальных районов от классово-чуждых элементов, укреплению и перестройке работы национальных советов в соответствии с новыми политическими и хозяйственно-культурными задачами и к усилению их руководящей роли в проведении коллективи-

зации», «взять твердый курс на более широкое развертывание работы по организации и укреплению групп бедноты при национальных советах», «разработать практические мероприятия, обеспечивающие в кратчайший срок укрепление советского и кооперативного аппарата национальными кадрами из среды рабочих, батраков и бедняков»⁶⁶.

Как считает И.И. Шульга, в Поволжье отношение местных властей к украинскому вопросу стало меняться в пользу украинизации только в 1929–1930 гг. По мнению тогдашних администраторов, низкая эффективность политико-разъяснительной работы на русском языке в национальных украинских районах препятствовала быстрому созданию колхозов. Местные власти рассчитывали, что агитация на украинском языке поможет им в борьбе с кулачеством. В одном из своих выступлений ответственный работник Нижне-Волжского крайкома Бергер отмечал: «Проблема украинизации в Нижне-Волжском крае особенно остро выдвигается сейчас в связи с развертыванием социалистического переустройства села. Кулачество в украинской деревне сильнее по своему удельному весу, чем в русской»⁶⁷.

Краевое совещание групп бедноты из украинцев Нижне-Волжского края и украинских учителей, состоявшееся 21 января 1930 г., в своем постановлении отмечало: «Решительный перевод всей работы в украинском селе на родной язык населения значительно подвинет активность трудящейся массы украинцев, особенно бедноты и батрачества, нанесет чувствительный удар великодержавному шовинизму, разобьет попытку украинского кулачества создать единый национальный фронт, что обеспечит скорейшее развертывание социалистической перестройки украинского села»⁶⁸. Отдельные участники совещания напрямую

⁶⁶ Цит. по: Революция и национальности. 1930. № 1. С. 116.

⁶⁷ Цит. по: Шульга И.И. «Украинский вопрос» и большевицкая власть в Нижнем Поволжье (1923–1933 гг.). С. 141.

⁶⁸ Цит. по: Островский З.С. Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР. С. 42.

связывали вопрос украинизации с успешным проведением коллективизации в крае. Так, Клименко сообщал, что «нужно переводить работу на украинский язык, как культурно-просветительную, так и административную, тогда коллективизацию мы закончим быстрее». А Спыця указывал на то, что «необходимо, нужно издавать специальную газету или же иметь “украинскую страничку” при “Советской деревне” — это скорей послужит тому, что кулачество как класс уничтожим»⁶⁹.

Отличительной особенностью завершающего этапа стало то, что именно в этот период начинается украинизация в *Дальневосточном крае*. Постановлением V пленума Далькрайисполкома 16 января 1931 г. об обслуживании нацменьшинств на родных языках предписывалось всем райисполкомам, горсоветам, хозяйственным и кооперативным организациям в местностях, где проживали нацменьшинства, немедленно организовать переводческие бюро и приступить к обслуживанию нацменьшинств на их родном языке. В практической плоскости постановление предусматривало проведение украинизации 6 районов Дальневосточного края с наиболее высокой долей украинского населения: Спасского, Ханкайского, Черниговского, Калининского в Приморье, а также Завитинского и Александровского в Приамурье. До 1 октября 1931 г. в данных районах должно было быть переведено на украинский язык все официальное делопроизводство. Еще 7 районов были определены как районы частичной украинизации, где должно было обеспечиваться обслуживание украинского населения на родном языке путем создания специальных переводческих бюро при соответствующих райисполкоммах и хозяйственных организациях. В соответствии с категорическим требованием II расширенного пленума Далькрайисполкома о переводе делопроизводства на родной язык, райисполкомам названных районов предписывалось определить села, компактно заселенные украинцами, и пере-

⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 1352. Л. 43–43 об.

вести здесь работу всех учреждений (сельсоветов, школ, больниц, хат-читален) на украинский язык. Всю официальную переписку предполагалось осуществлять через отмеченные выше переводческие бюро. Эта работу планировалось закончить до 1 октября 1931 г.⁷⁰

После январского пленума украинизация на Дальнем Востоке стала набирать темпы, особенно в сфере образования и культурно-просветительных учреждений. «Фактически украинизация в крае начата всего полтора года назад, и тем не менее уже за эти полтора года баланс украинизации показывает достаточный актив. В украинских районах открыто более 700 школ I-й ступени, 25 ФЗС и ШКМ⁷¹ с общим количеством учащихся более 30 тысяч человек. Организован украинский техникум, отделение агропед-института, передвижной театр и украинская краевая газета. Печать в ряде районов переведена на украинский язык, проведена подготовка 260 педагогов для украинских школ. Правительство советской Украины взяло шефство над украинскими районами ДВК⁷², поставив конкретную задачу культурной помощи районам в укреплении их кадрами. Эту задачу Украинская республика выполняет с большим успехом, дав украинским районам ДВК около 300 работников и организовав систематическое культурное обслуживание украинского населения в крае», — сообщалось в статье М. Голубовского в журнале «Советское строительство»⁷³.

22 апреля 1933 г. *Северо-Кавказский* краевой отдел народного образования предоставил Наркомпросу РСФСР следующие статистические данные об итогах украиниза-

⁷⁰ См.: Черномаз В.А. Украинцы Приморья: прошлое и настоящее // Многонациональное Приморье: история и современность. Материалы научно-практической конференции. Владивосток, 1999. С. 26–33.

⁷¹ ФЗС и ШКМ — фабрично-заводские семилетки и школы колхозной молодежи.

⁷² ДВК — Дальневосточный край.

⁷³ Голубовский М. Десять лет проведения ленинской национальной политики в Дальне-Восточном крае // Советское строительство. 1933. № 1 (78). С. 88.

ции школ к концу учебного года: «В конце 1932 г. на Северном Кавказе⁷⁴ на украинском языке работало 1609 школ 1-й ступени с 221453 учащимися и с 558 учителями, 259 школ 2-й ступени с 42148 учащимися и с 1552 преподавателями, 12 педагогических техникумов, краткосрочные педагогические курсы и сеть политпросветучреждений»⁷⁵.

В *Центрально-Черноземной области (ЦЧО)* к декабрю 1932 г. существовало уже 52 района полной и частичной украинизации. Вместе с тем довольно значительных результатов ЦЧО достигла в сфере украинизации системы школьного образования и культурно-просветительных учреждений. Например, к началу 1931/1932 учебного года в большинстве районов завершалась украинизация школы I-й ступени (80%), разворачивалась украинизация школ повышенного типа — 34 и педтехникумов — 14. Значительно выросла и украинская печать: если в 1930 г. было всего 2 украинских газеты по области, то к концу 1931 г. полностью украинизированных было 10 районных газет, 3 газеты были частично украинизированы (имелся вкладывш на украинском языке) и выходила 1 областная газета для малограмотных⁷⁶.

К этому времени украинизация на территории РСФСР набрала достаточно высокие темпы (а по сравнению с предыдущими этапами это был гигантский рывок вперед): украинских школ I-й ступени насчитывалось около 4 тыс., было выделено около сотни украинских районов, выходило несколько десятков областных и районных газет на украинском языке.

Однако качество украинизации партийно-государственного аппарата, культурно-просветительных и обра-

⁷⁴ Речь идет, прежде всего, о Кубани.

⁷⁵ *Алдакимова О.В.* Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: Дисс... канд. пед. наук. Сочи, 2004. С. 161.

⁷⁶ *Дроздов К.С.* Государственная политика украинизации на Белгородчине в 1923–1932 гг.: цели, этапы, результаты // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». Вып. 3. Белгород, 2011. С. 29–30; *Коротун С.Н., Толкачева С.П., Шевченко Е.А.* Национальные меньшинства Воронежского края в 1917–1941 гг. С. 127–128.

зовательных учреждений в РСФСР оставалось на очень низком уровне. Эта проблема активно обсуждалась делегатами I областного съезда нацменьшинств *Центрально-Черноземной области* в марте 1932 г. Представитель Павловского района Льяных заявил о том, что «у нас до сих пор нет национальных украинских кадров, знающих национальный украинский язык», «они только нарождаются, только формируются». Печальный итог — крайне низкое качество украинизации в ЦЧО — вынужден был констатировать в заключительном слове на съезде нацменьшинств сотрудник Отдела национальностей ВЦИК З.С. Островский. По его словам, в украинизируемых районах Центрально-Черноземной области наметилась крайне опасная тенденция — вместо правильного литературного украинского языка стал развиваться какой-то местный жаргон. «В чем замечается эта опасность. Если вы возьмете пачку документов — протоколов, резолюций, отношений и прочих бумаг, которые пишутся на украинском языке в разных районах, — то вы увидите, что уже начинается какой-то разнобой, какие-то выкрутасы: люди выдумывают свои слова, неправильно строят фразы и предложения, несвойственные украинскому языку»⁷⁷.

В ситуации активного сопротивления хлебозаготовкам 1932/1933 гг. со стороны колхозников на Украине, Кубани и в других зернопроизводящих регионах Советского Союза, на фоне массовых антисоветских, антиколхозных выступлений и разраставшегося голода 14 и 15 декабря 1932 г. сталинским руководством были приняты секретные постановления о прекращении политики украинизации сначала на Кубани, а затем и на всей остальной территории РСФСР, которая проводилась здесь на протяжении почти десяти лет. «Легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, не большевистская «украинизация» почти половины районов Севкавказа при полном отсутствии контроля за украинизацией школы и

⁷⁷ Государственный архив Воронежской области (ГА ВО). Ф. Р-1439. Оп. 5. Д. 322. Л. 184.

печати со стороны краевых органов дала легальную форму врагам советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской Рады и т. д.», — говорилось в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» от 14 декабря. «В целях разгрома сопротивления хлебозаготовкам кулацких элементов и их “партийных” и беспартийных прислужников» высшее партийно-советское руководство страны постановило устранить механическое проведение политики украинизации на территории УССР, «изгнать петлюровские и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций» и «немедленно перевести на Северном Кавказе делопроизводство советских и кооперативных органов “украинизированных” районов» с украинского на русский язык. Выполняя данную директиву, 18 декабря Северо-Кавказский краевой комитет партии направил во все районы, где до этого проводилась политика украинизации, телеграмму, в которой сообщал, что, «ввиду того, что украинизация ряда районов Северного Кавказа не вытекает из культурных интересов населения и служит легальной формой классовому врагу для организации сопротивления мероприятиям советской власти и создания под этим прикрытием своих контрреволюционных организаций, — немедленно приостановить дальнейшую украинизацию во всех районах Северного Кавказа»⁷⁸.

В проекте постановления от 14 декабря имелся пункт «Особое постановление», в котором сообщалось: «ЦК решительно осуждает выступления и предложения, исходящие от отдельных украинских товарищей»⁷⁹, об обязательной украинизации целого ряда районов СССР (например, в ДВК, Казакстане⁸⁰, Ср. Азии, ЦЧО и т. д.). *Подобные выступления могут только быть на руку тем буржуаз-*

⁷⁸ Цит. по: Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010. С. 161–162.

⁷⁹ По всей видимости, речь идет о Н.А. Скрыпнике.

⁸⁰ Так в документе.

но-националистическим элементам, которые, будучи изгнаны из Украины, проникают во вновь украинизированные районы и ведут там разлагающую работу (курсив мой. — К. Д.).

Поручить крайкому ДВК, обкому ЦЧО и Казакскому крайкому немедленно приостановить дальнейшую украинизацию в районах, перевести все украинизированные газеты, печать и издание на русский язык и к осени 1933 г. подготовить переход школ и преподавания на русский язык». Проект постановления подвергался правке Сталина и Кагановича, и в окончательный вариант «Особое постановление» не вошло. Но уже 15 декабря оно было оформлено отдельным совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) под названием «Об украинизации в ДВК, Казакстане, Средней Азии, ЦЧО и других районах СССР»⁸¹. Это постановление положило конец политике украинизации на территории РСФСР.

В конце 1932 г. — начале 1933 г. по инициативе сталинского руководства, которое опасалось распространения украинского буржуазного национализма среди украинской советской интеллигенции и крестьянских масс украинизируемых районов России, произошел отказ от политики украинизации РСФСР. Существовавшие украинские районы, украинские школы были ликвидированы, дело-производство и преподавание было вновь переведено на русский язык.

Украинцы РСФСР в 1920-е — 1930-е гг. Проблема родного языка и национальной идентичности

Политика украинизации в РСФСР проходила на фоне ускорившегося в середине XIX в. процесса формирования украинской нации и украинского национального самосознания. Однако этот процесс был еще очень далек от своего завершения. Политический проект общерусской нации,

⁸¹ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. С. 698.

который стал активно продвигаться российской бюрократией с этого же времени, не сошел со сцены даже после победы большевиков и начала осуществления ими политики украинизации в 1920-е гг. Инерция была особенно сильна на территории РСФСР, где местное население, проживавшее в русских губерниях, упорно отказывалось признавать себя «украинцами». Оно именовало себя «хохлами», «малороссами», «перевертнями», «суржиками». Здесь, на русско-украинском пограничье (Кубань, ЦЧО), даже несмотря на многолетнюю государственную политику украинизации, процессы естественной ассимиляции среди малороссийского населения России продолжались.

Обращает на себя внимание тот неоспоримый факт, что довольно большая часть населения *Кубани* воспринимала свою этническую идентичность как промежуточную между русской и украинской: многие жители черноморских станиц называли себя «хохлами», «кубанскими хохлами». «Мы усе хохлы. Не то русские, не то украинць». В 1931 г. в Краснодаре проводилось обследование предприятий города «на предмет выявления украинцев». По его данным, рабочие некоторых заводов говорили, что они «кубанские хохлы»⁸². По мнению И.Ю. Васильева, несмотря на «проукраинское» давление советской государственной машины в период проведения украинизации на Кубани, значительная часть людей продолжала отстаивать свой выбор в пользу русской культуры. После проведения коллективизации и, как следствие, более тесного соприкосновения селян с государственным русским языком процесс обрусения Кубани практически завершился.

Население Кубани наиболее активно высказывалось за сохранение своих региональных особенностей, здесь вместо «украинизации» намеревались провести «кубанизацию». В справке ОГПУ в ЦК ВКП(б) об отношении населения к украинизации школы в Кубанском и Донском

⁸² Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. С. 90.

округах Северного Кавказа от 31 мая 1928 г. сообщалось: «Наряду с отрицательным отношением населения к украинизации, особо следует отметить неоднократно встречающиеся заявления о необходимости изучения “своего кубанского языка”, а не “чужого украинского”. Идея “кубанизации” исходит главным образом от кубанских руководителей, методистов-украинцев, возглавляемых профессорами Шалем⁸³, Мартининым и другими. Считая, что украинизированный букварь, которым пользуются украинизированные школы, не отвечает интересам кубанского населения, говорящего на особом наречии, и дети не понимают украинской литературной речи, они выдвинули вопрос о создании нового букваря, составленного на основе местного наречия. Студенты педагогического техникума, работающие сейчас на практике в станице Полтавской Кубанского округа, под покровом краеведческой работы проводят специальное задание по изучению особенностей кубанского наречия, записывая отдельные слова и выражения для составления особого кубанского словаря.

Некоторые из самостийно настроенных учителей, преимущественно из среды коренных кубанцев, поддерживают идею “кубанизации школы”. Характерно отметить, что в школах, возглавляемых этими учителями (например, 2-я Украинская в станице Старощербиновской Донского округа), как дети, так и родители на вопрос: какой язык они желают изучать — русский или украинский, отвечают: “Наш, кубанский”.

В Уманском районе Кубанского округа. Ряд родительских собраний вынесли постановление, в которых высказывается желание о преподавании в школах “родного кубанского языка, а не украинского”.

---

⁸³ Шаль И.В. (1893–1937) — филолог, педагог, общественный деятель. С 1926 г. — профессор на кафедре языкознания Краснодарского педагогического института. Автор нескольких учебников по украинскому языку для средней и высшей школы. 13 января 1933 г. арестован органами ОГПУ по делу «Союза Кубани и Украины», 24 августа приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Осенью 1933 г. отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, расстрелян в ноябре 1937 г.

В Северском районе Кубанского округа среди населения наблюдаются разговоры: «Если украинизировать школы, то только на нашем кубанском наречии, а не на чужом украинско-галицийском»⁸⁴.

Похожую ситуацию можно было наблюдать и в губерниях Центрального Черноземья. Так, например, отказ от украинизации Прохоровской волости Белгородского уезда Курской губернии, где по переписи 1926 г. 49,39% населения числились украинцами, уездные власти объясняли тем, что украинцы числятся таковыми лишь на бумаге, «фактически же все они настолько обрусели и из поколения в поколение настолько свыклись с русской речью, что последняя каждому украинцу стала родной речью, тогда как чисто украинская литературная речь совершенно чужда и непонятна». «Практикуемая населением в общежитии речь Слободской Украины мало имеет общего с литературным украинским языком. Терминов последнего украинское население волости без пропуска его полностью через серьезную украинскую школу никогда не усвоит. Да и в школе язык этот может быть усвоен не легче, чем какой-либо иностранный, например, немецкий, так как терминология того и другого одинаково незнакома. Разница лишь только в том, что последний изучался бы с охотой»⁸⁵. В докладе Валуйского уездного исполнительного комитета о работе по украинизации в уезде сообщалось, что украинский язык прививается не совсем хорошо, так как в нем имеются слова, еще непонятные крестьянам: «Понятие же населения о литературном украинском языке слабое, поэтому работники ВКов и сельсоветов в своих обращениях с ним (дача отчетов, докладов, а также разъяснений) применяют местное слобожанское наречие, если же говорить на чисто украинском языке, то он для них бывает не совсем понятным»⁸⁶. Точно так же в мае 1930 г. в докладной записке областной

⁸⁴ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. С. 572.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р.–1235. Оп. 123. Д. 199. Л. 215 об.; Л. 67.

⁸⁶ Там же. Оп. 122. Д. 55. Л. 159 об.

комиссии, проводившей проверку выполнения директив о ходе украинизации в ЦЧО, было указано, что нередко случаи, когда граждане, украинцы по происхождению, выносят постановления против проведения украинизации (село Богдановское Новохоперского района) или относятся к этому вопросу с иронией, считая себя суржиками или перевертнями, ничего общего не имеющих с украинцами⁸⁷.

Инспектор Отдела национальностей З.С. Островский, находившийся в Курской губернии в связи с обследованием украинской работы в декабре 1927 г., отмечал в своем докладе, что здешнее население вполне сохранило свой особый язык (слобожанский говор) и бытовые особенности⁸⁸. В связи с этим важно отметить тот факт, что многие местные руководители, как, например, в Белгородском уездном отделе народного образования, даже самую политику по украинизации школы, особенно на раннем этапе, понимали достаточно упрощенно, исключительно как «введение в обиход школы разговорного местного языка»⁸⁹.

Довольно часто местные руководители не воспринимали национальность населения, говорившего уже на русском языке, как украинскую. 2 июня 1932 г. в областной отдел нацменьшинств ЦЧО из Верхне-Карачанского райисполкома поступило любопытное сообщение по вопросу проживания на территории района украинцев: «Райисполком сообщает, что в нашем районе населенных украинцами пунктов нет, имеется один сельский совет, который населяется полуукраинцами, но говорящих на русском языке»⁹⁰. В ответ из Воронежа было направлено директивное письмо руководства областного отдела нацменьшинств с требованием срочно сообщить название данного сельсовета и установить истинную национальность проживающего там населения. «Областной отдел нацменьшинств, получив от Вас сообщение, что в одном из сельсоветов района проживают “полуукраинцы”, счи-

⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р.-1235. Оп. 123. Д. 199. Л. 67.

⁸⁸ Там же. Л. 30.

⁸⁹ Там же. Д. 215. Л. 23 об.

⁹⁰ ГА ВО. Ф. Р-1439. Оп. 4. Д. 385. Л. 235.

тает необходимым разъяснить Вам, что определение нации “полуукраинцы”, данное Вами, совершенно неверно, как нации, “полуукраинцев” быть не может. Возможно, что население этого сельсовета происхождением украинцы, но плохо владеющие своим родным языком. Просим срочно сообщить название этого сельсовета и установить национальность. Срок исполнения 30/VI-32 года»⁹¹.

Существуют свидетельства, что не только руководители, но и само местное население нередко не воспринимало украинский язык как родной. О том, насколько необратимыми стали процессы языковой ассимиляции, свидетельствуют следующие факты. Когда в 1925 г. делегация селян из Воробьевской волости Новохоперского уезда поехала в Харьков⁹², чтобы высказать руководству ВУЦИК свое желание о присоединении волости к Украине, то на вопрос Петровского⁹³: «З якого вы повіту?»⁹⁴ — «делегация не нашла, что ответить»⁹⁵. О. Сосуля, выступая в марте 1932 г. перед делегатами I областного съезда нацменьшинств ЦЧО, сообщил, что в Ракитянской школе фабрично-заводского ученичества, состоящей на 75 % из учащихся-украинцев, дети называют украинский язык «украинским», а русский язык — «ридной мовой». «Когда учащийся приходит в канцелярию и видит расписание уроков, то, читая все дисциплины, он, доходя до украинского языка, говорит: «Это украинский язык». А дойдя до русского языка, говорит: «Это родной язык». Какие же это дети украинцев, когда они разговаривают по-украински и в то же время украинский язык [считают] украинским, а русский язык [для них] «ридна мова». Разве можно допускать такое положение, что для него русский язык родной, а не украинский...»⁹⁶.

⁹¹ ГА ВО. Ф. Р-1439. Оп. 4. Д. 385. Л. 234.

⁹² До 1934 г. столица Советской Украины.

⁹³ Петровский Г.И. (1878–1958) — советский партийный и государственный деятель, один из руководителей УССР в 1920-е–1930-е гг. С ноября 1918 г. по март 1938 г. (с перерывами) занимал пост председателя ВУЦИК.

⁹⁴ «С какого вы уезда?».

⁹⁵ ГА ВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1620. Л. 33 об.

⁹⁶ Там же. Ф. Р-1439. Оп. 5. Д. 322. Л. 120–121.

Все перечисленные выше примеры являются, на наш взгляд, достаточно убедительным доводом в пользу того, что в ходе развернувшейся политики украинизации в РСФСР в 1920-е гг. большинство малороссийского населения русско-украинского пограничья выступило за сохранение и развитие своих региональных особенностей (например, подчеркивали, что их язык «слободской» или «кубанский»). Как видно, пограничный тип национальной идентичности — «мы — не украинцы и не русские, мы — хохлы, суржики, перевертни» — не только не исчез, а, наоборот, даже начал доминировать среди широких народных масс на Кубани, в Центральном Черноземье и Поволжье, как, своего рода, защитная реакция «полуукраинцев» на украинизацию, проводимую «сверху», под административным нажимом советских властей.

После прекращения политики украинизации (и вплоть до конца XX в.) на русско-украинском пограничье возобновился процесс естественной ассимиляции украинского населения, и под воздействием административной русификации территории РСФСР начался процесс смены национальной идентичности с украинской на русскую. И хотя в это же время произошло упразднение дореволюционного этнонима «малоросс» и закрепился новый — «украинец», это никоим образом не повлияло на процессы естественной ассимиляции, которые продолжались уже среди «украинцев» РСФСР в течение всего двадцатого столетия, что привело в конце концов к почти полному слиянию их с русскими. Так, например, если в середине 1920-х гг. в Воронежской и Курской губерниях насчитывалось около 1,5 млн украинцев, то в 2010 г. численность украинского населения в Центральном Черноземье не достигла даже и 100 тыс. человек: в Воронежской области проживало 43054, в Белгородской — 41 914 и в Курской — 13 643⁹⁷.

⁹⁷ См.: Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010 года. Информационные материалы об окончательных итогах переписи. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

* * *

На наш взгляд, процессы национального и этнокультурного развития среди украинцев России / РСФСР в первой трети XX в. проходили следующим образом. Борьба с украинством (запреты/ограничения украинского языка и т. д.) в дореволюционный период; свободное развитие и даже государственная политика поддержки национального украинского языка, культуры, идентичности и т. д. в ходе осуществления политика украинизации в 1917–1932 гг. (сначала «петлюровской», а затем советской). И наконец, с середины 1930-х гг. — вновь прекращение поддержки украинского языка (культуры, идентичности) на территории РСФСР.

Таким образом, для украинского/малороссийского населения России/РСФСР первая треть XX в. стала временем глобальных перемен, происходивших во всех сферах жизни. Распад Российской империи и образование независимого украинского государства, а затем УССР, признание самостоятельного украинского языка и его статуса в качестве государственного языка наравне с русским — все это самым непосредственным образом повлияло на политическую и национально-культурную жизнь украинцев России/РСФСР.

После революции 1917 г. в рамках решения национального вопроса большевики активизировали процесс формирования украинской нации. В 1917–1918 гг. под влиянием национально-культурного строительства, происходившего на территории независимого украинского государства (сначала Украинской Народной Республики, а затем Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского), в губерниях Центрального Черноземья, на Кубани и на Дальнем Востоке также активизируется украинское движение. Уже весной–летом 1917 г. начинают создаваться украинские культурно-просветительские организации — «Просвиты», «Громады», выходят многочисленные газеты и журналы на украинском языке, поднимается вопрос о необходимости открытия украинских школ.

На русско-украинском пограничье и в «украинских» районах РСФСР украинизация должна была, прежде всего, сформировать украинскую национальную идентичность среди местного малороссийского населения. Наиболее интенсивно этот процесс проходил в 1920-е — начале 1930-х гг., когда на территории РСФСР, где проживало именовавшееся прежде малороссийским население, началась политика «украинизации» государственных органов и партийно-советского аппарата, системы школьного образования и культурно-просветительских учреждений.

Однако языковая и культурно-бытовая ассимиляция («обрусение») украинцев Центрального Черноземья, Кубани, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока стали главным препятствием на пути успешной «украинизации» местного населения и в конечном итоге послужили стимулом/сигналом к смене национальной идентичности с украинской на русскую уже во второй половине 1930-х гг. Толчком к этому послужил отказ советского руководства от политики украинизации на территории РСФСР в декабре 1932 г. Свертывание политики украинизации на Кубани, в Центральном Черноземье, Поволжье происходило в условиях кризиса хлебозаготовок и начавшегося массового голода. Политика украинизации в РСФСР была прекращена и уже никогда не возобновлялась.

Во второй половине XX в. под влиянием интенсивного промышленного развития и урбанизации процессы естественной ассимиляции среди украинцев РСФСР, которые оставались преимущественно сельскими жителями, значительно ускорились. К этому времени для большей части украинцев РСФСР/России родным языком стал русский язык, а не украинский.

Очерк 9

Проблемы взаимоотношений между УССР и союзным центром: от Н.С. Хрущева к Л.И. Брежневу (1953–1972 гг.)

Бурные события 1953 года: смерть «вождя народов» И.В. Сталина, борьба за власть в высшем партийном руководстве, арест и расстрел Л.П. Берии, укрепление позиций Н.С. Хрущева — положили начало новому и весьма знаменательному периоду истории Советской Украины. Благодаря известной записке Л.П. Берии «Вопросы западных областей Украинской ССР» на повестке дня вновь встал вопрос об «украинизации», месте и роли национальной идентичности в советской общесоюзной системе ценностей, соотношении централизаторских и автономистских форм управления страной. Знаковым событием, окончательно решившим вопрос в пользу централизма, стало снятие П.Е. Шелеста с должности главы украинских коммунистов, в книге которого «Україна наша Радянська» были обнаружены проявления «уклона в национальном вопросе».

Попытка «украинизации» Л.П. Берии ||

В первой половине 1953 года «кадровый вопрос» и национальный фактор оказались средством политической борьбы за власть в Советском Союзе. В послевоенные годы для помощи в восстановлении народного хозяйства и, в частности, «советизации» западных областей Украины туда направлялись рабочие, специалисты, партийные функционеры из восточных областей УССР и других республик Со-

ветского Союза. По подсчетам украинских специалистов, к середине в 1946 г. их прибыло 86 тыс. человек, а в начале 1950-х годов почти все руководящие должности в партийных и советских органах западных областей Украины были заняты командированными специалистами. Так, в 1953 г. из 742 секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии лишь 62 человека были местными уроженцами. Среди 599 работников аппарата обкомов партии из этих регионов было 22 человека, из 2776 работников аппарата горкомов и райкомов партии лишь 285 человек представляли местное население. Во Львове из 1718 профессоров и преподавателей двенадцати высших учебных заведений к числу местной интеллигенции принадлежало всего 320 лиц. В составе руководителей этих учебных заведений не было ни одного местного работника. В числе 25 заместителей директоров лишь один, а из 42 деканов высших учебных заведений лишь два были западными украинцами¹.

Одновременно силовые структуры прилагали большие усилия для ликвидации антисоветского вооруженного подполья на Западной Украине. В справке «О результатах борьбы органов и войск МВД–МГБ с бандоуновским подпольем в западных областях Украины», подготовленной 1-м Управлением МВД УССР, говорилось, что с 1944 г. по 1 января 1953 г. на территории западных областей Украины было убито 153 223 бандита, арестовано 103 003 человека, выселено 65 906 семей «участников ОУН, бандитов, активных бандпособников, кулаков, иеговистов и андерсовцев»². Неудивительно, что ситуация на Западной Украине была сложная. О том, насколько болезненным для украинского партийного руководства был «западноукраинский

¹ Соціальні трансформації в Україні: пізній сталінізм і хрущовська доба: Колективна монографія. Київ, 2014. С. 80.

² Из справки и.о. начальника Отдела 1 Управления МВД УССР Пушкина и ст. оперуполномоченного 1 Управления МВД УССР Григорьева «О результатах борьбы с бандитско-оуновским подпольем в западных областях УССР» с 1944 г. по январь 1953 г. 24 апреля 1953 г. // Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В 2-х т. Т. 2: 1944–1945. М., 2012. С. 939, 942.

вопрос», можно судить по стенограмме выступления главы украинских коммунистов Леонида Георгиевича Мельникова на республиканском совещании директоров МТС 16 января 1953 г. Первый секретарь говорил о плохой работе МТС и колхозов в Западной Украине и прямо связывал недостатки с ошибками в политико-воспитательной работе. Лидер украинских большевиков настаивал на том, что ответственные работники Западной Украины занимаются «администрированием, окриками, обвиняют многих колхозников в принадлежности к буржуазно-националистическим бандам, допускают беспшабашную болтовню в этом направлении, без основания упрекают часто людей и тем самым отталкивают их от активного участия в этом деле»³.

Прибытие специалистов из других регионов Советского Союза, при одновременном выселении семей активных националистов после войны, поставило на повестку дня вопрос о местных, западноукраинских, советских кадрах. В этот период повышенный интерес к союзным республикам, которые он решил использовать в борьбе за власть, проявлял Л.П. Берия, после смерти Сталина возглавлявший МВД СССР и одновременно являвшийся первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Прежде всего, Лаврентий Павлович стремился опереться на аппарат МВД и расставить повсюду своих людей. С этой целью в марте 1953 года министром внутренних дел Украины стал П.Я. Мешик, а его заместителем — С.Р. Мильштейн. Сменились и начальники подразделений центрального аппарата (18 из 25 начальников УМВД⁴). Аппаратом МВД Берия решил не ограничиваться, планируя усилить свое влияние и в парторганизациях национальных республик. Как известно, он подготовил несколько записок о положении в союзных республиках, подчеркнув серьезные ошибки как в осуществлении национальной политики в Прибалтике, Белоруссии и Украине, так и в проведении там коллективизации.

³ Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 24. Д. 2907. Л. 23.

⁴ Шаповал Ю.І. Доля як історія. Київ, 2006. С. 80.

16 мая 1953 г. Л.П. Берия внес в Президиум ЦК КПСС докладную записку о положении в западных областях Украины. Лаврентий Павлович настаивал: «Непрекращающаяся активность националистического подполья в западных областях УССР объясняется также и тем, что, несмотря на значительное время, истекшее после воссоединения западных областей с Украинской ССР, все еще в достаточной мере не созданы кадры руководящего партийно-советского актива из числа местного населения. Как известно, в большинстве западных областей и районов партийные и советские организации возглавляются работниками, командированными из восточных областей УССР и других республик Советского Союза»⁵. 20 мая записка Берии обсуждалась на Президиуме ЦК, куда был вызван Л.Г. Мельников. Однако первый секретарь ЦК КПУ, как уже через неделю заключили его товарищи по украинскому ЦК, «неправильно понял ряд вопросов и неправильно выступил»⁶. Сам Мельников так рассказывал о заседании Президиума ЦК КПСС членам Бюро ЦК КПУ. Вначале речь шла о положении в Литве, затем перешли к обсуждению вопроса об Украине. «Тов. Берия правильно охарактеризовал вопрос, — говорил Мельников. — Я попросил слово и сказал, что записка тов. Берия правильно отражает положение в западных областях УССР и что мы примем необходимые меры, чтобы положение исправить... Члены Президиума стали выступать и говорить, что я не понял существа вопроса, что я не понял общего положения, что я зазнался, что не веду борьбы с нарушителями советских законов и т. д. Я снова выступил и признал свои ошибки. Тогда была создана комиссия и из Киева были вызваны члены ЦК КПСС»⁷.

⁵ Записка Л.П. Берии В.М. Молотову об итогах борьбы с украинским националистическим подпольем в западных областях УССР и необходимости изменить работу органов МГБ УССР по этому вопросу. 16 мая 1953 г. // Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. Т. 2. С. 944.

⁶ Так говорилось на заседании бюро ЦК КПУ 28–29 мая 1953 г. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1880. Л. 1.

⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1880. Л. 3.

26 мая Президиум ЦК КПСС принял секретное постановление об экономическом и политическом положении западных областей Украины. Там отмечалась слабая работа местных партийных и советских органов, недостаточное руководство со стороны ЦК КПУ, результатом чего стало недовольство значительной части населения проводимыми на месте хозяйственными, политическими и культурными мероприятиями. Критиковались два момента: организационно-хозяйственное состояние колхозов и искривление ленинско-сталинской национальной политики. На партийном олимпе полагали, что низкие доходы колхозников и неправильная налоговая система (без учета экономического состояния колхозов и сельского населения) вызвали недовольство среди местного населения. «Только за три месяца 1953 года военной цензурой конфисковано около 195 тысяч писем, адресованных за границу из западных областей Украины, в которых содержатся отрицательные высказывания о действиях местных органов власти»⁸.

«Искривление» ленинско-сталинской национальной политики касалось пресловутой кадровой политики: «В руководящем партийно-советском активе кадры работников из западных украинцев составляют незначительную часть, а почти все руководящие посты в партийных и советских органах заняты работниками, командированными из восточных областей УССР и из других республик Советского Союза». В документе отмечалось особенно болезненное восприятие населением Западной Украины положения местной интеллигенции: из 1718 профессоров и преподавателей 12 вузов Львова к числу западноукраинской интеллигенции принадлежало только 320 человек, в составе директоров этих учебных заведений нет ни одного уроженца Западной Украины, а в числе 25 заместителей

⁸ Постанова Президії ЦК КПРС про політичне і господарське становище західних областей Української РСР // Баран В.К. Україна: новітня історія (1945–1991 рр.) Львів, 2003. С. 515. Правда, в книзі ошибочно указано, что постановление принято не 26, а 23 мая.

директоров только один является западным украинцем. В постановлении говорилось также о том, что фактически преподавание в западноукраинских вузах ведется на русском языке, что «используют враждебные элементы, называя это мероприятие политикой русификации».

Из постановления явствует, что ЦК КПСС был озабочен работой «врагов советской власти, особенно буржуазно-националистического подполья». Борьбу с этим подпольем, говорилось в документе, нельзя было вести «только путем массовых репрессий и чекистско-войсковых операций», «бестолковое применение репрессий лишь вызывает недовольство населения и наносит вред делу борьбы с буржуазными националистами»⁹.

В Москве посчитали необходимым покончить с «порочной практикой выдвижения на руководящую партийную и советскую работу в западных областях Украины преимущественно работников из других областей УССР и других республик Советского Союза, а также с недооценкой политического значения преподавания в вузах Западной Украины на украинском языке». В постановлении содержалось также требование к ЦК КПУ и Совету Министров УССР «в ближайшее время добиться ликвидации в западных областях Украины буржуазно-националистического подполья». Мельников снимался с поста первого секретаря ЦК КПУ как не обеспечивший руководства, первым секретарем должен был стать Алексей Илларионович Кириченко¹⁰.

Западноукраинские обкомы партии развернули кампанию по «претворению в жизнь» принятых постановлений. Уже после снятия Берии секретарь Мостисского райкома партии Дрогобычской области Вязовецкий уверял, что «после пленума областная парторганизация шарахнулась в другую сторону. Раз двадцать нам звонили — давайте кадры из местных. На пленуме обкома говорили,

⁹ Постанова Президії ЦК КПРС про політичне і господарське становище західних областей Української РСР // Баран В.К. Україна: новітня історія (1945–1991 рр.) Львів, 2003. С. 516.

¹⁰ Там же. С. 517–519.

что был и остался ленинско-сталинский принцип подбора кадров — по политическим и деловым качествам. А в действительности получается не так...»¹¹. Дошли до того, говорил главный режиссер Львовского театра оперы и балета Харченко, что «открыли» новую национальность — «западные украинцы»¹².

26 июня 1953 г. Берия был арестован (вскоре на Украине были арестованы Мешик и Мильштейн), а 2–7 июля прошел пленум ЦК КПСС, на котором он был объявлен «агентом международного империализма». 9 июля состоялся объединенный пленум Киевского обкома и горкома партии, на котором А.И. Кириченко сообщил «об антипартийной и антигосударственной деятельности» Берии и обратил внимание присутствующих, что перед самым своим разоблачением Берия в течение двух часов заменил на Украине всех начальников областных управлений МВД, и делалось это без ведома обкомов и ЦК партии. Говорилось на пленуме и о записке Берии, посвященной положению в западных областях Украины: оплакивая украинских буржуазных националистов, новоявленный «враг народа» не вспомнил о тысячах вдов и сирот, мужья и отцы которых погибли от рук украинских буржуазных националистов¹³.

Встал вопрос: остаются ли в силе постановления ЦК КПСС от 25 мая и решения июньского пленума ЦК КПУ? Ясность должен был внести пленум ЦК КПУ 29–30 июля 1953 г., обсуждавший вопрос о постановлении июльского пленума ЦК КПСС. На этом форуме Кириченко придерживался той же линии, что и на объединенном пленуме Киевского обкома и горкома партии. Записка Берии была оценена как попытка подорвать дружбу народов СССР: «Украинский советский народ навеки воссоединен в еди-

¹¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 2775. Л. 290.

¹² Там же. Л. 350.

¹³ Из стенограммы выступления первого секретаря ЦК КПУ А.И. Кириченко на пленуме Киевского обкома и горкома КПУ об антипартийной и антигосударственной деятельности Л.П. Берии. 9 июля 1953 г. // Политическое руководство Украины. 1938–1989: сб. док. М., 2006. С. 193, 195.

ную советскую семью, — говорилось на пленуме, — а Берия делил эту семью на “западно-украинцев” и “восточно-украинцев”. Он делал все это для того, чтобы разжечь звериные инстинкты украинских буржуазных националистов, посеять недоверие между людьми, использовать это все против нашего советского народа»¹⁴.

В то же время Кириченко заявил о необходимости бороться против искривлений ленинско-сталинской национальной политики, а Председатель Верховного Совета УССР Гречуха сказал, что на июньском пленуме ЦК КПУ были подвергнуты справедливой критике серьезные недостатки в работе партийных и советских организаций¹⁵. Областные парторганизации восприняли это как руководство к действию и продолжили выполнение решений ЦК КПСС и июньского пленума ЦК КПУ. 8 декабря 1953 г. секретарь Черновицкого областного комитета КП Украины И. Компанец информировал секретаря ЦК КПУ Коротченко о ходе выполнения постановления ЦК КПСС от 26 мая и доложил несколько убедительных цифр: из 668 председателей и секретарей сельских Советов местных жителей насчитывается 662 человека, в Черновицком госуниверситете из 209 преподавателей на украинском языке ведут работу 102 человека (раньше — 59), в медицинском институте дополнительно 15 человек из профессорско-преподавательского состава перешли к чтению лекций на украинском языке. В университет принято местной молодежи 66 %, в медицинский институт — 54,6 %, в учительский институт — 80 %. Более 50 процентов нового набора учащихся техникумов составляет молодежь из местного населения. Из 20 вновь принятых аспирантов в госуниверситет 12 человек являются местными¹⁶.

Подобную же информацию, только на имя Кириченко, представил 15 декабря секретарь Львовского обкома КПУ М. Лазуренко. И тут цифры радовали глаз началь-

¹⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1144. Л. 11.

¹⁵ Там же. Л. 30, 70.

¹⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 2774. Л. 98–99.

ства: на руководящей советской работе теперь числился 221 коммунист из числа уроженцев западных областей, на руководящую хозяйственную работу только по Львову выдвинуто 86 работников из местного населения. Если на 1 мая во Львове не было ни одного директора института из уроженцев западных областей, то теперь их стало 4 (директор политехнического института кандидат наук Максимович, директор лесотехнического института член-корр. Третьяк, директор института общественных наук доктор исторических наук Крипьякевич, директор Львовской государственной консерватории Колесса). На должности заместителей директоров институтов, деканов и заведующих кафедрами выдвинуто 44 уроженца западных областей. Из 296 аспирантов местных стало 109 человек (раньше из 253 — 82). В предыдущем учебном году в ВУЗах Львова училось 8223 студента из местного населения, в 1953 г. на первый курс принято еще 2803 студентов из западных областей Украины. В 30 техникумах Львова в предыдущем учебном году училось 14597 человек, из них 7889 местных уроженцев, а в 1953 г. принято 21509 уроженцев западных областей¹⁷.

Инициативы Л.П. Берии в национальной области, направленные на достижение единоличной власти в после- сталинском СССР, способствовали резкому всплеску межнациональных трений и росту антирусских настроений в западной и других частях страны. Архивные документы свидетельствуют об обострении взаимоотношений между коренными жителями и приехавшими из центральных и восточных областей УССР на работу в западные области украинцами и русскими. Так, на шахтах Иваничевского района (Волынь) националисты выдвинули лозунг: «Вон русских из Украины», «Долой восточных оккупантов!». Председатель Зборовского райисполкома Талейко на районном совещании заготовителей заявил в адрес работника конторы «Заготлен» Вотченко: «Убирайтесь отсюда! Попи-

¹⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 2774. Л. 114–115.

ли нашей крови, наели пузо. Вон, чтобы не воняли»¹⁸. Начальник Тернопольского областного управления Министерства юстиции на совещании работников управления предложил «украинцам восточных областей в течение недели покинуть область»¹⁹. Нередки были заявления: «Хватит руководить вам, восточникам, теперь будем руководить только мы — местные»²⁰. Уже 15 июня 1953 г. секретарь Волинского обкома И. Грушецкий докладывал новому главе КПУ «совершенно секретную» информацию о положении дел в области «в связи с распространявшимися слухами о постановлении ЦК КПСС». Местные жители, писал Грушецкий, выражали удовлетворение принятыми партией решениями. Например, заведующий промышленным отделом редакции газеты «Радянська Волинь» К.Ф. Петрушак заявил: «Это решение правильное, а то местных людей очень медленно выдвигали на руководящие посты. Руководители учреждений и предприятий, которые приехали в область из восточных областей, относились к местным людям с недоверием и этим мешали их культурному росту, хотя среди местных есть хорошие, честные работники»²¹.

«Оттепель» на Украине ||

Бериевская попытка коренизации, а затем приход к власти Хрущева, которого поддерживали украинцы, стали знаковым событием. Произошли изменения в составе украинского республиканского руководства. В августе 1953 года вторым секретарем ЦК КПУ стал Н. Подгорный, исполнявший до этого обязанности первого секретаря Харьковского обкома партии. Ряд перемещений произошел и в местных партийных комитетах. Так, вторым секретарем Львовского обкома стал Б. Дудыкевич, бывший член КПЗУ (хотя на тот момент КПЗУ еще не была

¹⁸ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 2774. Л. 94.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Д. 2775. Л. 296.

²¹ Там же. Д. 2774. Л. 75.

реабилитирована). Сменилось руководство Украинского республиканского совета профсоюзов, главой которого был избран К. Москалец. Министром внутренних дел УССР стал Т. Строкач. За достаточно короткий срок изменился состав работников центрального аппарата и начальников областных управлений МВД УССР. Состав членов ЦК КПУ обновился на 29,7 %, кандидатов в члены ЦК — на 49,2 %, членов ревизионной комиссии — на 61,5 %. Мартовский пленум 1954 г. избрал в состав Президиума ЦК почти одних украинцев, а в состав Секретариата ЦК вошли только украинцы²². Украинцы стали активно продвигаться по общесоюзной карьерной лестнице: А. Кириченко в 1957 г. стал секретарем ЦК КПСС, в 1957–1958 гг. кандидатами в члены Президиума ЦК КПСС были избраны глава Президиума ВС УССР Д. Коротченко и новый первый секретарь ЦК КПУ Подгорный. Среди десяти новых маршалов Советского Союза в 1955 г. половина были выходцами из Украины. Р. Малиновский и А. Гречко впоследствии стали министрами обороны СССР. В. Семичастный был назначен председателем КГБ СССР, а четыре украинца — А. Кириченко, Н. Подгорный, Д. Полянский и П. Шелест — вошли в состав членов Президиума ЦК КПСС. Высокие правительственные должности заняли драматург А. Корнейчук, сын известного западноукраинского писателя С. Стефаник²³. Как подчеркивает В.К. Баран, позиции украинской политической элиты в руководящих органах КПСС были достаточно стабильными²⁴.

В связи с этим начался процесс укрепления украинской советской и партийной национальной элиты. С одной стороны, союзное руководство делало все, чтобы украинская элита «врастала» в общесоюзную, с другой стороны, происходило ее явное укрепление в республике. При Стали-

²² Баран В.К. Україна: новітня історія (1945–1991). Львів, 2003. С. 121–122, 124–125.

²³ Соціальні трансформації в Україні: пізній сталінізм і хрущовська доба: Колективна монографія. С. 53.

²⁴ Баран В.К. Україна: новітня історія. С. 128–131.

не применение карательных мер и бесконечные кадровые перестановки создавали условия для постоянного пополнения «извне» бюрократического аппарата, что препятствовало процессам внутренней консолидации и в значительной степени облегчало верховной власти контроль за протекавшими в элитной среде процессами. Теперь же позиции украинских руководителей в составе общесоюзной элиты усилились, что было особенно заметно на фоне развивавшегося процесса десталинизации и изменений в общественной жизни страны. Доклад Н.С. Хрущева «О культуре личности Сталина и его последствиях» 25 февраля 1956 г. на XX съезде партии стал знаковым событием. Для периода либерализации общественной жизни в стране, получившего, по меткому выражению И. Эренбурга, название «оттепель», были характерны относительная терпимость к плюрализму мнений, освобождение культурной сферы от чрезмерного контроля и регламентации, изменение восприятия прошлого, что приводило к оживлению общественной жизни и активной деятельности гуманитарной интеллигенции.

Были предприняты меры по активизации деятельности Советов, повышению роли профсоюзной организации в общественной жизни, наконец, в Уставе КПСС появились положения о возможности проведения внутрипартийных дискуссий, расширении прав местных партийных органов, о недопустимости подмены партийными организациями государственных органов и общественных объединений. В стране расширялась сеть общественных организаций. Были созданы общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Так, в Киеве с 1960 г. начало свою деятельность общество культурных связей с украинцами за рубежом «Украина»²⁵.

С 1956 г. набирает обороты процесс реабилитации украинских писателей. Были реабилитированы Б. Антоненко-Давыдович, П. Капельгородский, М. Кулиш, В. Пид-

²⁵ Даниленко В. Політичні зміни в СРСР і Україні в період хрущовської «відлиги» // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Київ, 2008. № 14. С. 11.

могильный, Е. Плужник, В. Гжицкий, И. Микитенко, М. Ирчан, Г. Хоткевич, А. Крымский, В. Кузьмич, С. Пилипенко, О. Слисаренко, М. Зеров, П. Рулин, Я. Савченко и другие. Появились новые журналы на украинском языке, в том числе «Мистецтво», «Фізіологічний журнал», «Прикладна механіка», «Колгоспник України», «Прапор», «Український фізичний журнал». В 1957–1958 гг. вышли в свет «Український історичний журнал», «Радянське право», «Народна творчість та етнографія», «Економіка Радянської України», «Радянське літературознавство». По официальной статистике, в 1956–1958 гг. количество журналов, выходящих на Украине, увеличилось с 49 до 64 названий (47 — украиноязычных). Украиноязычные газеты в 1956 г. составляли почти 77 %²⁶.

Были приняты меры по спецпоселенцам. 15 мая 1956 г. вышло Постановление Совета Министров СССР о снятии ограничений по спецпоселению с членов семей украинских и белорусских националистов, освобождаемых из ссылки на поселение. В то же время 9 ноября 1956 г. указом Президиума Верховного Совета УССР бывшим руководителям и активным участникам украинского националистического подполья, которые были осуждены за измену Родине, террористические и диверсионные акты, а также лицам, осужденным за бандитизм и отбывшим наказание, запрещалось возвращаться в Тернопольскую, Львовскую, Дрогобычскую, Станиславскую, Волынскую, Ровенскую, Черновицкую и Закарпатскую области, в противном случае им грозил суд и ссылка до 5 лет²⁷.

²⁶ Соціальні трансформації в Україні: пізній сталінізм і хрущовська доба. С. 120–121.

²⁷ См.: Приказ министра внутренних дел Союза ССР № 0192 о снятии ограничений по спецпоселению с членов семей украинских и белорусских националистов, освобождаемых из ссылки на поселении. 21 мая 1956 г. // Теория и практика западноукраинского национализма в документах ГКВД, МВД и МГБ СССР. М., 2010. С. 326–327; Распоряжение МВД СССР № 351с о запрещении бывшим руководителям и активным участникам украинского националистического подполья, которые были осуждены и отбыли наказание, возвращаться в западные области Украинской ССР. 6 декабря 1956 г. // Там же. С. 328.

Одновременно партийное и советское руководство предпринимало все меры, чтобы нивелировать возможные отрицательные последствия либерализации общественной жизни, и прежде всего устранить возможность возникновения инакомыслия с национальной окраской. Большое значение уделялось борьбе с украинским национализмом. По оценке партийных чиновников, «органы государственной безопасности республики под руководством партийных органов и при помощи населения в начале 1956 г. закончили ликвидацию вооруженных банд и организованного подполья украинских буржуазных националистов»²⁸. Действительно, был проведен ряд успешных операций, и постепенно вооруженное сопротивление украинских националистов пошло на спад. Определенную роль в этом процессе сыграла и гибель командира УПА Р. Шухевича 5 марта 1950 г. во время спецоперации органов госбезопасности. К тому же 15 октября 1959 г. в Мюнхене агентом КГБ Б. Сташинским был убит один из лидеров украинских националистов С. Бандера.

Тем не менее положение в западных областях республики оставалось в центре внимания властей. Так, в июле 1958 г. ЦК КПУ рассмотрел докладную записку КГБ при Совете Министров УССР «О попытке украинских националистов возобновить свою подпольную деятельность». Было принято решение усилить оперативно-чекистскую, агитационно-пропагандистскую и воспитательную работу. В течение 1958 г. предусматривалось опубликовать серию статей в республиканских, областных и районных газетах «О предательской деятельности украинских буржуазных националистов». К борьбе с идеологией «националистов» привлекались лекторы и пропагандисты, радио, телевидения, ученые, писатели. В роли «изменников» выступали, как и раньше, Центральная Рада, Директория, ОУН,

²⁸ Довідна записка відділу адміністративних органів ЦК КПУ «Про стан роботи органів державної безпеки Української РСР». 18 вересня 1959 р. // Літопис УПА. Нова серія. Т. 3. Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: директивні документи ЦК Компартії України. Київ—Торонто, 2001. С. 581.

УПА, украинская эмиграция²⁹. Во время обсуждения на заседании Президиума ЦК КПУ первого тома Украинской советской энциклопедии 3 декабря 1959 г. были отмечены «существенные недостатки, ошибки и недоработки». Было рекомендовано помещать в энциклопедию биографические справки лишь наиболее известных партийных и советских деятелей, корифеев науки, литературы и искусства, советских военачальников, Дважды Героев Советского Союза и Социалистического Труда, деятельность которых непосредственно связана с УССР. Одновременно было предложено избегать нежелательной популяризации деятельности украинских контрреволюционеров, не помещать в энциклопедию биографические справки «об идеологах и руководителях враждебных Советской власти организаций, деятелях науки и культуры, которые занимали открыто буржуазно-националистические позиции», о которых рекомендовалось сообщать в статьях «Украинский буржуазный национализм», «Директория», «Центральная Рада», «Петлюровщина», «ЗУНР», «Уния» и др.³⁰

Подобное внимание было не случайным: активизация общественной жизни после XX съезда КПСС, либерализация и развенчание «культы личности» Сталина было воспринято национально настроенной интеллигенцией как начало обновления. Знаковым событием стало сооружение памятника Т. Шевченко в Киеве и памятника И. Франко во Львове. В начале 1960 г. в Киеве возник Клуб творческой молодежи, формально — под эгидой городского комитета комсомола. Главной идеей клуба было создание для украинской молодой интеллигенции условий для творческих экспериментов и новаций. В марте 1962 г. на одно из заседаний клуба пришла группа художников — А. Горская, Г. Зубченко, Л. Семькина, В. Зарецкий и др., которые поставили вопрос о более выразительной ориентации

²⁹ Соціальні трансформації в Україні: пізній сталінізм і хрущовська доба. С. 81–82.

³⁰ Молчанов А.И. Россия, Украина и Белоруссия от Н. Хрущева до «Беловежской пуши»: в 3-х т. СПб., 2006. Т. 3. С. 11–14.

на национальную культуру. Их инициативу поддержали литераторы, в первую очередь литературоведы (И. Дзюба, Е. Сверстюк, И. Светличный). В итоге клуб превратился, как считают современные украинские историки, «в национально-культурную ячейку, в деятельности которой вопросы сугубо художественные и литературные все больше приобретали общественное и социальное звучание»³¹. Киевский Клуб творческой молодежи проводил литературные и поэтические вечера, выставки украинских художников, организовал студенческий межвузовский фольклорно-этнографический кружок и хор «Жаворонок», проводил Шевченковские чтения у памятника поэту³². Во Львове возник свой клуб творческой молодежи «Пролісок», который стал «своеобразным форпостом шестидесятников в Западной Украине»³³.

Активизировавшаяся украинская интеллигенция была озабочена проблемами сохранения и развития национальной культуры. В феврале 1963 г. состоялась конференция по вопросам украинского языка в Киеве, участники которой требовали «во всех учреждениях и предприятиях, на железной дороге и других видах транспорта, в торговле все дела вести на украинском языке», открыть средние школы с преподаванием на украинском языке во всех республиках СССР, где живут украинцы³⁴. В марте 1965 г. на заседании кружка украинской литературы филологического факультета Киевского университета, которым руководил профессор А.О. Ищук, «клеветнически ставилась под сомнение правильность национальной политики нашей партии», а 20 апреля в одной из аудиторий университета собрались более 150 человек, которые повели разговор о судьбе украинского языка и культуры, о том, что «в вузах нет возможности говорить и преподавать на украинском

³¹ Касьянов Г. Незгодні: українська інтелігенція в русі опору 1960–80-х років. Київ, 1995. С. 19–20.

³² Вдовин А.И. Русские в XX веке. М., 2004. С. 313.

³³ Касьянов Г. Незгодні: українська інтелігенція в русі опору 1960–80-х років. С. 21.

³⁴ Вдовин А.И. Русские в XX веке. С. 313.

языке, поэтому необходимо выступить с требованием о переводе всех высших учебных заведений Украины на преподавание исключительно на украинском языке»³⁵.

Чрезвычайно бурно проходило собрание в Союзе писателей Украины 26 мая 1965 г. «по поводу антисоветской, контрреволюционной деятельности значительной группы молодых украинских писателей». Как указывалось в письме «старых коммунистов-литераторов» в ЦК КПСС от 27 мая 1965 г., присутствовавшие на собрании должностные лица, в том числе заместитель заведующего отделом науки и культуры ЦК КПУ П. Иванов, «ограничились молчаливым созерцанием того, что на собрании писателей говорилось и творилось». «Не впервые на наших собраниях присутствуют работники ЦК КПУ, бывал и секретарь ЦК Андрей Скаба, и зав. отд. науки и культуры Юрий Кондурфор, и разные инструктора, но они всегда почему-то берут на себя роль молчаливых наблюдателей, не понимая, что своим молчанием поощряют националистическую сволочь, которой в Союз писателей Украины за последние годы пролезло весьма много, — говорилось в письме. — Вместо того чтобы дать бой националистической дряни, в последнее время совершенно распоясавшейся и ведущей себя с невиданной наглостью, работники партийного аппарата только наблюдают, слушают и молчат»³⁶. Особенно возмутило «старых коммунистов-литераторов» выступление члена редколлегии комсомольского литературного журнала «Дніпро» Лины Костенко, которая «открыто кричала с трибуны: — Я была и буду националисткой!». «Кричала под дикие аплодисменты задних скамеек, на которых разместились молодые. И что особенно поражает, никто из президиума собрания, никто из руководства Союза не оборвал этот крик националистической сволочи»³⁷, — возмущались авторы письма.

³⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 6003. Л. 17–18.

³⁶ Там же. Д. 6160. Л. 108.

³⁷ Там же. Л. 109.

Одновременно существовали подпольные украинские организации в западных областях республики. После смерти Сталина во Львове был раскрыт Украинский революционный центр (УРЦ), требовавший суверенитета Украины, установления государственных границ по этнографическому принципу, внедрение демократической системы и т. п. На Западной Украине действовали нелегальные националистические группы, прежде всего студенческие, вывешивавшие национальные флаги, распространявшие листовки с антисоветским содержанием. В 1959 г. во Львовской области появился Украинский рабоче-крестьянский союз, который ставил целью добиться независимости Украины конституционным путем. В 1964 г. в западных областях УССР возник Украинский национальный фронт, главной целью которого была агитация за выход Украины из состава СССР³⁸.

Распространяемые «участниками националистических группировок» требования и высказывания были обобщены спецорганами республики в августе 1965 г. Среди этих требований значились следующие: «СССР стал государством авторитетной олигархии (всевластных чиновников) с постоянной тенденцией к постепенному перерастанию в военизированный профашистский режим»; «государственно-партийная каста ликвидировала в стране демократические свободы»; «чиновническое бюрократически-централистское государство ликвидировало не только социальные, но и национальные свободы»; «основные задачи украинского освободительного движения состоят в том, чтобы полностью обобществить средства производства и труда и установить демократический (республиканский) государственно-политический строй»; «Украина, которая возникнет в результате решения задач нынешнего освободительного движения, избавится, наконец, навсегда от вековых колониальных повинностей перед великодержавной шовинистической Россией»; «несмотря на то, что

³⁸ История Украины: научно-популярные очерки / Под ред. В.А. Смолия. М., 2008. С. 819–822; *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. С. 313–314.

русские коммунисты демагогически обещают свободное развитие народам, включенным в СССР, эти народы ясно видят свою смертельную опасность перед тотальным распространением среди них наиболее многочисленной нации СССР — русских. А русские не боятся: чем больше ассимилируются с ними, тем лучше для них. Тем паче, что почти все завоеванные ими народы в культурном отношении стоят выше их»³⁹.

Единство и дружба народов СССР: от идеи к воплощению

Разоблачение националистов соответствовало набиравшей силу пропаганде единства советского народа. В 1959 г. на девятой общегерманской рабочей конференции в Лейпциге Н.С. Хрущев заявил, что по мере реализации планов коммунистического строительства «успешнее будет идти процесс слияния народов в единую коммунистическую семью»⁴⁰. В журнальных статьях стали появляться высказывания о стирании национальных различий. Так, «Коммунист» утверждал, что в СССР «выковывается единая социалистическая нация»⁴¹. В других публикациях говорилось, что «стратегическая линия рабочего класса и его партии направлена на слияние всех наций, на преодоление национальных перегородок и различий»⁴², о том, что в будущем коммунистическом обществе «все население Советского Союза будет представлять единую коммунистическую нацию»⁴³. Наконец, на XXII съезде в 1961 г. Хрущев заявил: «В СССР сложилась новая историческая общность

³⁹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 6160. Л. 121–123.

⁴⁰ Хрущев Н.С. Речь на девятой общегерманской рабочей конференции в Лейпциге 7 марта 1959 г. // Правда. 1959. 27 марта.

⁴¹ Андреев А. Торжество ленинских идей дружбы народов // Коммунист. 1960. № 6. С. 39.

⁴² Аврорин В. Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР // Вопросы языкознания. 1960. № 4. С. 4.

⁴³ Потапов Л.П. Задачи этнографического исследования народов Сибири в свете учения В.И. Ленина по национальному вопросу // Советская этнография. 1960. № 2. С. 30.

людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, — советский народ. Они имеют общую социалистическую Родину — СССР, общую экономическую базу — социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру, общее мировоззрение — марксизм-ленинизм, общую цель — построение коммунизма, много общих черт в духовной облике, в психологии»⁴⁴.

В новой программе партии речь шла о происходящем в условиях социализма расцвете наций и укреплении их суверенитета путем «их сближения, братской взаимопомощи и дружбы». Подчеркивалось, что «границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение, поскольку все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе и в равной мере удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели — коммунизму. У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себя лучшие традиции народов СССР»⁴⁵. Кроме того, развернутое коммунистическое строительство означало «стирание граней между классами», усиление социальной однородности наций⁴⁶. Впрочем, в программе подчеркивалось, что «стирание национальных различий, в особенности языковых различий, — значительно более длительный процесс, чем стирание классовых граней»⁴⁷.

В программе ставилась задача «обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или при-

⁴⁴ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. М., 1962. С. 153.

⁴⁵ Программа КПСС. М., 1961. С. 113.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

нуждений в употреблении тех или иных языков»⁴⁸. Таким образом, речь шла о любых языках, а не только о родном: «Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре»⁴⁹.

Новые тенденции повлияли на политику в области образования. 12 ноября 1958 г. состоялся пленум ЦК КПСС, который обсудил вопрос «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране». Оживленное обсуждение вызвало положение документа о том, что родители должны определять, на каком языке обучаться их детям в школе. Первый секретарь ЦК КПУ Н. Подгорный во время обсуждения тезисов подчеркивал, что с каждым годом все увеличивается стремление к изучению русского языка, расширяется сеть школ с русским языком преподавания, что является естественным, закономерным процессом, который надо всячески поддерживать и развивать. Однако «население, с любовью и уважением относясь к русскому языку, болезненно воспринимает ослабление внимания к изучению национального языка. Особенно на тех территориях, которые лишь недавно освободились от гнета буржуазных государств, где всячески притеснялись национальные языки». В то же время «высшие и средние специальные учебные заведения, особенно готовящие кадры для всей страны, предприятия и учреждения промышленных районов в основном используют русский язык. Родители стремятся после окончания школы определить своих детей именно сюда, где знание русского языка облегчает им приобщение к городской жизни». По мнению Подгорного, это могло вызвать «нездоровые настроения среди части местного населения и отрицательно повлиять на развитие национальной культуры

⁴⁸ Программа КПСС. М., 1961. С. 115.

⁴⁹ Там же.

на данном этапе». Наконец, «там, где национальный язык коренным образом отличается от русского языка, очевидно, будет происходить процесс создания школ, главным образом с национальным языком обучения, и в то же время будет ослабевать внимание к изучению русского языка, чего нельзя допустить».

В итоге Подгорный делал вывод: «Следовало бы при принятии окончательного решения по этому вопросу сохранить оправдавший себя существующий ныне порядок обязательного изучения русского и национального языков в школах, подчеркнув необходимость более глубокого изучения русского языка. Право решать, в школу с каким языком обучения отдавать своих детей, оставить за родителями. Такая постановка вопроса, когда в школах осуществляется обязательное изучение русского и национального языков и родители сами решают, в школе с каким языком обучения будет обучаться их ребенок, безусловно, будет наиболее демократичной и исключает какое-либо администрирование в этом важном деле»⁵⁰.

Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», закрепивший восьмилетнее всеобщее обязательное образование, был принят Верховным Советом СССР 24 декабря 1958 г., а 17 апреля 1959 г. сессия Верховного Совета УССР одобрила закон «Об усилении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Украинской ССР». Статья 9 закона гласила: «Обучение в школах Украинской ССР осуществляется на родном языке учащихся. В школу с каким языком учебы отдавать своих детей, решают родители. Изучение одного из языков народов СССР, на котором не осуществляется преподавание в данной школе, осуществляется по желанию родителей и учеников при наличии соответствующих контингентов»⁵¹.

⁵⁰ Молчанов А.И. Россия, Украина и Белоруссия от Н. Хрущева до «Беловежской пуши». Т. 2. С. 24–25.

⁵¹ Цит. по: Баран В.К., В.М. Даниленко. Україна в умовах системної кризи (1946–1980-і рр.). Київ, 1999. С. 131–132.

Это положение имело важное значение: если в 1920-е гг., в период украинизации, власти придерживались принципа обеспечения украинскому языку места, соответствующего числу и удельному весу украинского народа на территории УССР, а в период унификации и централизации 1930-х гг. реформы, направленные на увеличение объема преподавания русского языка, отнюдь не меняли принципа обучения каждого учащегося на родном языке, то теперь ситуация стала иной. Законодательно было закреплено положение о свободном выборе языка обучения. В результате родители, стремясь избавить детей от перегрузок и обеспечить лучшее знание русского языка для дальнейшего обучения в вузах, стали отдавать предпочтение русскому языку обучения в школах. 8 мая 1960 г. министр образования УССР И. Белодед обратился с докладной запиской «О порядке изучения второго языка в школах Украинской ССР» в Совет Министров. В документе указывалось, что «в некоторых школах с русским языком обучения отдельные родители обнаружили нежелание, чтобы их дети изучали украинский язык», и школы в этом случае удовлетворяли пожелания родителей. Причем происходило это в течение всего учебного года. Белодед обращал внимание, что такая практика «вносит определенное осложнение в учебный процесс, вызывает трудности по делу комплектования классов учениками, назначения и расстановки кадров учителей украинского языка, издания и обеспечения учеников учебниками, по украинскому языку»⁵². Действительно, уже в 1958/1959 учебном году в 25,4 тыс. школ с украинским языком учебы находилось 3,5 млн учеников, а в русскоязычных школах обучалось 1,5 млн учеников. По сравнению с 1955/1956 учебным годом количество учеников в школах с русским языком учебы увеличилось на 182 тыс., а с украинским — уменьшилось на 2,5 тыс. При этом ко-

⁵² Рубльов О.С. [Рецензія] // Український історичний журнал. 2013. № 6. С. 202–206. Рец. на кн.: Парахіна М.Б. Основні засади «теорії боротьби двох культур»: проблеми російсько-українського минулого і сучасність. Черкаси, 2012. 120 с.

личество русскоязычных школ росло главным образом в городах, а в больших промышленных центрах, прежде всего на востоке и юге Украины, они стали преобладать по абсолютному количеству и числу учеников. Например, в Сталино 98 % учеников учились в школах с русским языком преподавания, в Харькове — 87 %, в Одессе — 87 %, в Горловке — 91,3 %. В ряде городов, как, например, в Жданове и Севастополе, не было ни одной украиноязычной школы. В Крымской области были лишь три школы с украинским языком обучения, которые посещало чуть более 600 учеников. В Киеве в 1959/1960 учебном году две трети учеников общеобразовательных школ получали образование на русском языке⁵³.

Этот процесс не всегда проходил безболезненно. 11 сентября 1959 г. отдел науки, вузов и школ ЦК КПСС представил Секретариату ЦК КПСС записку, в которой указал на увеличение жалоб, поступающих из УССР в ЦК КПСС и редакцию газеты «Правда» о том, что просьбы трудящихся об определении их детей в школы с русским языком обучения не удовлетворяются, что в ряде городов сокращается количество таких школ и фактически устанавливается обязательное изучение украинского языка⁵⁴. Российский исследователь А.И. Молчанов приводит примеры возникших спорных ситуаций. Например, в средней школе № 7 Харькова ежегодно набирались по три новых русских класса. Но в 1961 г. заведующий облоно Бойко решил открыть только украинские первые классы, однако учащихся для них не набрал. Когда родители обратились к нему, то Бойко ответил, что не разрешает открыть русские классы, а если не наберет украинских классов, то школа останется вообще без первых классов: «Пока я зав. облоно, школа будет украинской». В итоге родители вынуждены были записывать своих детей в школу № 74, в которой

⁵³ Соціальні трансформації в Україні: пізній сталінізм і хрущовська доба. С. 121–122.

⁵⁴ Молчанов А.И. Россия, Украина и Белоруссия от Н. Хрущева до «Беловежской пуши». Т. 2. С. 27.

оказалось 120 первоклассников, причем школа не была рассчитана на такую нагрузку⁵⁵. В Черкассах, напротив, в 1960 и 1961 гг. был издан приказ горно о переводе украинских классов из средней школы № 17 в другие школы, и в центральной части города оказались сконцентрированы все русские школы, а украинские оказались на окраинах. Письмо родителей было рассмотрено ЦК КПУ, их просьба об отмене приказа горно о переводе украинских классов из школы № 17 была удовлетворена⁵⁶.

Таким образом, уже в конце 1950-х — начале 1960-х гг. наметилась тенденция к повышению роли русского языка в общественной жизни УССР. В период украинизации 1920–1930-х гг. основное внимание уделялось украинскому языку как языку титульной нации республики, а протекционистские меры большевистского руководства были ориентированы на внедрение украинского языка в общественно-политическую жизнь, образование и науку, средства массовой информации. Школьная реформа 1958 г. играла на руку сторонникам русификации и создавала условия для укрепления двуязычия в коммуникативном пространстве Украины.

«Местничество» П.Е. Шелеста ||

В 1963 г. украинскую парторганизацию возглавил П.Е. Шелест, причем буквально через несколько месяцев после своего назначения Петр Ефимович принял довольно активное участие в «деле» Хрущева, обеспечив поддержку Брежнева и Подгорного украинскими коммунистами (верной Хрущеву осталась только О.И. Иващенко) и выступив — первым — 13 октября 1964 г. на заседании Президиума ЦК КПСС. Впрочем, Шелест действовал весьма осторожно и, пока не убедился в неотвратимости грядущих изменений, решительных шагов не предпринимал.

Очевидно, что позиция Шелеста — и вообще всей украинской парторганизации — в октябре 1964 г. обусловила

⁵⁵ Молчанов А.И. Россия, Украина и Белоруссия от Н. Хрущева до «Беловежской пуши». Т. 2. С. 28.

⁵⁶ Там же.

дальнейшие взаимоотношения между Москвой и Киевом. Пришедший к власти Л.И. Брежнев великолепно знал Украину, особенно Днепропетровскую область, уроженцем которой он был. Люди, пришедшие к власти вместе с Брежневым, не были единой командой⁵⁷, и в такой ситуации новый советский лидер начал расстановку на ведущих местах своих сторонников. Из состава Президиума ЦК КПУ вывели О. Иващенко и И. Сенина. В.К. Врублевский вспоминал, что Брежнев был наделен мощным инстинктом власти и руководствовался проверенным правилом — опираться на верных людей, которых знал по прежней работе⁵⁸.

Шелест вел себя осторожно и на мартовском пленуме ЦК КПСС 1965 г., посвященном сельскому хозяйству, встал на сторону Брежнева. В рабочих записях Шелеста сохранился следующий комментарий: «В порядке подготовки к Пленуму между Брежневым и Косыгиным были основательные стычки по вопросам материально-технического обеспечения сельского хозяйства. Косыгин настаивал, что от сельского хозяйства надо больше получать отдачи, что много в него вкладываем, но мало получаем... Брежнев неоднократно апеллировал к нам, секретарям ЦК нацкомпартий и руководителям республик, за помощью в решениях материально-технического обеспечения сельского хозяйства... Мы, конечно, поддерживали Брежнева...»⁵⁹ По-видимому, украинские коммунисты дали понять Брежневу, что желают получить за оказанную поддержку некоторые дивиденды. Так, когда Брежнев прислал свой проект доклада к пленуму, Киев сделал «предложения, критические замечания по некоторым вопросам проекта доклада», что вызвало у Брежнева «настороженность и некоторую нервозность. Впоследствии все наши правильные вопросы, объективное освещение истин-

⁵⁷ См.: Аксютин Ю. «Вы наше знамя!» // Родина. 2006. № 10. С. 26.

⁵⁸ Врублевский В.К. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. Киев, 1993. С. 35.

⁵⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 666. Оп. 1. Д. 19. Л. 39–40.

ного положения дел обернулось против нас, что мы мол-де, Украина претендует на какое-то особое положение — это все было надуманно, натаскано и кроме ущерба общему делу не давало»⁶⁰. В этих условиях Брежнев решил, видимо, подстраховаться и продвинуть на Украину своих сторонников: фигура Шелеста переставала устраивать генерального секретаря.

Шелест попытался прошупать «границы экономической самостоятельности» республик и определить степень влияния Украины и украинского руководства в союзной хозяйственной политике. 2 апреля 1965 г. глава украинских коммунистов ходатайствовал перед ЦК КПСС о расширении прав республик по использованию сверхплановой продукции для местных нужд. В специальном письме секретарь ЦК КПУ просил разрешить республикам устанавливать дополнительные задания или организовывать производство сырья, материалов, машин, оборудования и использовать их для собственных нужд, если потребность в них не обеспечивалась за счет централизованного распределения. Кроме того, он просил оставлять в распоряжении республик вырабатываемую и заготавливаемую сверх государственных квартальных планов продукцию⁶¹.

9 июня 1965 г. П.Е. Шелест вместе с Председателем Совета Министров УССР И.П. Казанцом направили письмо в ЦК КПСС и Совет Министров СССР о планах народного хозяйства Украины на 1966–1970 гг. Украинское руководство ходатайствовало о внесении поправок в разработанные союзным Госпланом контрольные цифры экономического развития. По мнению республиканского руководства, недостаточно внимания уделялось топливной промышленности, черной металлургии, тяжелому машиностроению; указывалось на несоответствие между объемами капиталъ-

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 19. Л. 40–41.

⁶¹ Лист до ЦК КПРС про розширення прав республіки використовувати продукцію для місцевих потреб, яка випускається поза/понад план. 2 квітня 1965 р. // Петро Шелест: «Справжній суд історії ще попереду». Спогади. Щоденники. Документи. Матеріали. Київ, 2003. С. 457–459.

ных вложений и объемами производства продукции ряда отраслей. В письме говорилось, что «все изложенные вопросы республики были поставлены перед Госпланом СССР при разработке проекта контрольных цифр на 1966–1970 годы, однако ни один из них не был принят во внимание и не получил положительного решения»⁶².

2 августа 1965 г. Шелест написал еще одно письмо в ЦК КПСС, в котором речь шла о внешней торговле УССР. Украинский руководитель ходатайствовал об организации непосредственных внешнеэкономических связей Украины с зарубежными странами. «За последние годы неизмеримо возрос международный авторитет Советской Украины как суверенной державы, являющейся членом-учредителем ООН и участником многочисленных международных организаций», — говорилось в записке. Советская Украина занимает видное место в мировом промышленном производстве и является одним из крупнейших поставщиков экспортируемых СССР товаров, писал Шелест, однако «возможности республики для развития внешней торговли страны используются не полностью»⁶³. Секретарь ЦК КПУ просил компетентные организации изучить этот вопрос и внести соответствующее предложение.

Реакция последовала практически незамедлительно. 2 сентября 1965 г. состоялось заседание Президиума ЦК, в конце которого, в неофициальном порядке, ставился вопрос о записке Шелеста по внешнеполитическим вопросам. Шелест вспоминал: «В речах начали проскальзывать вопросы, связанные с тем, что на Украине якобы слабо ведется борьба с проявлениями буржуазного национализма, что идеологическая работа, особенно среди молодежи, ослаблена, а пропаганда дружбы народов и интернациональное

⁶² Лист до ЦК КПРС, Ради Міністрів СРСР щодо розвитку народного господарства України на 1966–1970 рр. 9 червня 1966 р. // Петро Шелест: «Справжній суд історії ще попереду». С. 469.

⁶³ Письмо первого секретаря ЦК КПУ П.Е. Шелеста в ЦК КПСС о внешней торговле УССР. 2 августа 1965 г. // Политическое руководство Украины. 1938–1989. С. 331.

воспитание поставлены плохо...»⁶⁴. По мнению украинского лидера, было наговорено «много глупостей и оскорблений, необоснованных обвинений» в адрес руководителей республики: «Утверждалось, что, мол, Украина претендует на особое положение, проявляет местничество. Говорили и о том, что нарушается государственная и плановая дисциплина»⁶⁵. Судя по всему, заседание перешло в обычную перепалку. Шелест признавал, что многое было сказано «в горячке». «Договорились даже до того, — писал Шелест, — что на Украине слишком много говорят на украинском языке и что даже вывески на магазинах и названия улиц написаны на украинском языке»⁶⁶. Письмо Шелеста в ЦК было признано политически неправильным, о чем было принято спустя два месяца соответствующее решение⁶⁷.

Если в опубликованных воспоминаниях Шелест весьма откровенно негодовал против резкой позиции московских товарищей, то в ежедневных рабочих записях, сохранившихся в архиве, он менее категоричен. «Выступили все товарищи с острой критикой в мой адрес, — записал Шелест. — Говорили о неосмотрительности, политическом притуплении и зрелости в этом вопросе. Правильная оценка, тем более что этот документ мог дать повод классовым врагам использовать его для разжигания национальной розни, расшатывания единства народов. ... Было тяжело все это перенести. Чувствовал себя убийственно. Нельзя себе простить, что я мог это допустить... Не продумал этого вопроса. Не посоветовался с большим кругом товарищей членов президиума, секретарями ЦК КПУ. Этой грубой политической ошибкой можно было избежать»⁶⁸. В записях, сделанных Шелестом «по горячим следам» и, возможно, «напоказ», большая часть высказанных замечаний при-

⁶⁴ Шелест П.Е. «...Да не судимы будете». Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС». М., 1995. С. 250.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 251.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 10. Л. 146–146 об.

знана правильной: «Много было высказано правильных замечаний, в частности: 1. о слабой борьбе с проявлениями национализма — буржуазного; 2. об усилении идеологической работы особенно среди молодежи; 3. о повышении политической бдительности; 4. о неправильном ... (неразборчиво. — *Е. Б.*) в переименовании улиц (Киев); 5. о письмах во все концы (неразборчиво. — *Е. Б.*) Сов[етского] Союза националистического пошиба... 6. о демонстрациях молодежи у памятников Шевченко и другие вопросы»⁶⁹.

Очевидно, что взаимоотношения с союзным руководством у Шелеста складывались сложно: он старательно выполнял поставленные перед ним задания, хотя не упускал случая — по возможности — представить украинские интересы. Докладные записки украинского руководства в ЦК КПСС касались в основном выделения капиталовложений в украинскую экономику и протестов против ликвидации республиканских министерств (энергетики и электрификации, химической промышленности, геологии), проводимых в целях совершенствования системы управления отраслями промышленности⁷⁰. Следует подчеркнуть, что все указанные письма и записки укладывались в принятую в те годы борьбу за интересы хозяйствующих субъектов. Шелест мог вести борьбу за улучшение материально-технического обеспечения отдельных отраслей промышленности или за увеличение доли представительства Украины в союзных организациях (например, о выделении вакансий для ученых Украины на выборах в АН СССР⁷¹). Однако деятельность Шелеста на посту первого секретаря ЦК КПУ не только не шла вразрез существующей экономической и политической системе, но была направлена, в конечном счете, на ее укрепление. Весьма характерно в

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 10. Л. 147 об.

⁷⁰ См.: Политическое руководство Украины. 1938–1989. М., 2006. С. 340, 352; Петро Шелест: «Справжній суд історії ще попереду». С. 542, 545, 550, 551, 560, 567, 570, 571.

⁷¹ Письмо первого секретаря УЦК КПУ П.Е. Шелеста в ЦК КПСС о выделении вакансий для ученых Украины на выборах в Академию наук СССР 3 сентября 1967 г. // Политическое руководство Украины. 1938–1989. С. 334.

данном плане отношение украинского партийного руководства к проявлениям так называемой «националистической буржуазной пропаганды».

Очевидно, что для Шелеста и украинского руководства вообще борьба за экономические интересы республики, касающиеся планов поставок, выделения финансирования, полномочий республиканских министерств и ведомств, считалась вполне уместной. Когда же речь шла об основах советской идеологической системы, украинское руководство жестко следовало установленному центром курсу. Иногда даже особенно жестко. В.Л. Мусатов отмечает, что Шелест — вместе с Подгорным — придерживались наиболее жесткого подхода в отношении чехословацких событий 1968 года⁷². Шелест расценивал происходившие в ЧССР события как нарастание реакции и усиление правооппортунистических элементов. Касаясь ввода войск Варшавского Договора в Прагу в августе 1968 г., Шелест подчеркивал, что чехословацкие руководители совсем не владели ситуацией в стране и в партии. Поэтому, чтобы избежать гражданской войны в Чехословакии, необходимо было пойти на жесткие меры: «Не так легко было решиться пойти на крайние меры, но все уже упущено, и другого решения и выхода нет»⁷³.

30 августа 1963 г. (т. е. приблизительно через месяц после назначения Шелеста) состоялась встреча и беседа с начальниками областных управлений КГБ и членами коллегии ГК КГБ Украины. Шелест, судя по его воспоминаниям, говорил «об активизации работы органов КГБ, о том, что в республике, и не только в нашей республике, идет некоторое оживление националистических элементов. Имеют место проявление антисоветизма, открытые антиобщественные проявления, распространение листовок. Необходима борьба за молодежь, ибо чувствуется большое на нее влияние Запада»⁷⁴.

⁷² Мусатов В.Л. Советский Союз и Пражская весна 1968 г. // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 2. М., 2005. С. 200.

⁷³ Шелест П.Е. «...Да не судимы будете». С. 390.

⁷⁴ Там же. С. 178.

П.Е. Шелест и борьба с «националистической буржуазной пропагандой»

Шелест очень внимательно следил за проявлениями «украинского национализма». В сентябре 1963 г. глава КПУ провел с ответственными работниками КГБ, МВД, суда, прокуратуры и другими административными органами республики совещание, на котором обсуждались вопросы работы с общественностью. Шелест подчеркнул: «За последние месяцы на 10 % увеличилось распространение листовок разного рода, и в первую очередь политического характера. Участились угрозы физической расправы в адрес партийного и советского актива, поднимают голову идеологически враждебные элементы. Дал указание “затянуть гайки”, и всем административным органам работать дружно, совместно и оперативно решать все возникающие вопросы. Сократить сроки расследования, своевременно обо всех важных вопросах информировать ЦК КПУ. Одним словом, ужесточаем административный напор — другого выхода нет»⁷⁵.

Борьба с националистическими настроениями велась украинским руководством упорно и последовательно. В августе–сентябре 1965 года в Киеве, Львове, Тернопольской, Волынской и Ивано-Франковской областях были проведены аресты. В служебной записке по этому поводу, направленной в ЦК КПУ председателем Верховного суда УССР В. Зайчуком, прокурором УССР Ф. Глухом и председателем комитета госбезопасности В. Никитченко, указывалось, что в антисоветской пропаганде и агитации обвинялось 24 человека, которым грозил срок от 8 месяцев до 6 лет. На скамье подсудимых оказались Е.Ф. Кузнецова, А.И. Мартыненко, И.И. Русин, Я.Б. Иврич, Н.Е. Гринь, М.С. Масютка, И.А. Гель, Я.М. Менкуш, М.М. Горынь, Б.М. Горынь, М.Г. Осадчий, М.В. Зваричевская, И.П. Гере-

⁷⁵ Шелест П.Е. «...Да не судимы будете». С. 179.

та, М.В. Чубатый, Д.П. Иващенко, В.Я. Мороз, М.Д. Озерный, А.И. Заливаха, П.С. Моргун, И.А. Светличный, С.Ф. Бутурин, М.В. Косев, Г.В. Садовская, В.М. Иванушкин. Как указывается в записке, «они распространяли документы антисоветского содержания, составленные и изготовленные как отдельными лицами в республике, так и напечатанные зарубежными националистическими центрами. Кое-кто из осужденных пытался наладить связи с зарубежными антисоветскими организациями, передавать клеветническую информацию для публикации в зарубежной прессе, а также для внесения дезинформации в братские коммунистические партии и прогрессивные организации через граждан, которые приезжали в республику из капиталистических и социалистических стран»⁷⁶. По месту работы, учебы или проживания осужденных была проведена «идейно-воспитательная работа с сотрудниками и населением, т. е. теми, кто мог попасть под влияние пропаганды, — собрания, вечера дружбы и т. п.»⁷⁷. Собрания были проведены в институтах АН УССР, в Союзе писателей Украины⁷⁸, в Союзе художников Украины⁷⁹, в Союзе композиторов⁸⁰, Союзе журналистов⁸¹ и др. организациях.

Подобные мероприятия были предприняты неслучайно. Примечательное событие произошло осенью 1965 года в Киеве. Тогда в кинотеатре «Украина» состоялась премьера фильма С. Параджанова «Тени забытых предков». Перед началом сеанса выступил режиссер картины и несколько кинокритиков. Неожиданно на сцену поднялся И. Дзюба и, присоединившись к высоким оценкам фильма Параджанова, сказал: жаль, что впечатление от фильма портится арестами среди украинской интеллигенции во Львове и других городах Украины. И актеры, и зал оцепенели. Кто-то

⁷⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 6160. Л. 25.

⁷⁷ Там же. Л. 46–55.

⁷⁸ Там же. Л. 56–62.

⁷⁹ Там же. Л. 65–68.

⁸⁰ Там же. Л. 99–101.

⁸¹ Там же. Л. 103.

из администрации пытался забрать у Дзюбы микрофон, но он продолжал говорить. Дзюбу поддержал В. Стус, предложивший зрителям в знак протеста против арестов подняться со своих мест. Зрители начали несмело вставать. Тут через микрофон была отдана команда начать демонстрацию фильма, свет в зале погас, и сеанс начался⁸².

В 1966 г. была проведена проверка деятельности киевской студии художественных фильмов им. Довженко. Резкой критике подверглись кинофильмы «Родник для жаждущих» Ю. Ильенко, «Сверьте свои часы» В. Ильяшенко и «Киевские фрески» С. Параджанова. Съёмочные группы обвинялись в «тенденциозном извращении правды нашей жизни», «идейной нечеткости сценария», а творчество Параджанова было квалифицировано как «незрелое»⁸³.

В 1969 г. была проведена проверка издательства «Молодь» и журнала «Дніпро». Внимание органов привлекла книга И. Чендея «Березневий сніг», автор которой «искажает советскую действительность, в искривленном виде показывает роль коммунистов, идеализирует патриархальные обычаи и религиозную мораль»⁸⁴. Была раскритикована работа «Дніпро», отдельные публикации которого «тенденциозно изображают некоторые негативные явления и факты, не типичные для советской действительности» (повесть В. Маняка «Впаду в голубу тінь», Г. Колисника «Полечко-поле», рассказ Б. Антоненко-Давидовича «Спокуса», повесть В. Лигостова «Подорож до Ельдорадо» и др.)⁸⁵. Журналу «Прапор» было не рекомендовано печатать третью часть романа Р. Андрияшика «Полтава» (первые части вышли в 8-м и 9-м номерах за 1969 г.), поскольку у автора отсутствовали необходимые знания «по истории революционно-освободительной борьбы трудящихся Галичины», а в романе делался акцент «на особенности Галичины, ее обособленности от Украины», популяризировалась

⁸² Баран В.К. Україна: новітня історія (1945–1991). С. 294.

⁸³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 6143. Лл. 8–13.

⁸⁴ Там же. Оп. 25. Д. 183. Л. 41.

⁸⁵ Там же. Л. 37–38.

«буржуазная теория о Галичине как так называемом Пьемонте культуры и демократии»⁸⁶.

Писатели УССР оказались под пристальным вниманием партийных и государственных органов. Так, 12 декабря 1968 г. во время встречи членов Союза писателей УССР со студентами Нежинского пединститута А. Шевченко «с гневом говорил, что будто бы в республике общественные гонения на людей, которые разговаривают на украинском языке и любят украинскую культуру». Г. Тютюнник прочитал неопубликованную новеллу «Медаль», которая «прозвучала как поклеп на нашу советскую действительность»: в новелле речь шла о колхознике, который живет бедно, ходит в порванной одежде, ест плохо, ноги опухли от работы, ему вручили медаль в клубе, он пришел домой, положил медаль рядом с наградами, полученными во время войны, и стал думать, как он хорошо жил раньше⁸⁷. А писатели В. Диденко и Е. Куртыка, встречаясь с трудящимися Полтавщины летом 1969 г., «допускали в своих выступлениях политические ошибки, в частности, позитивно характеризовали деятельность Махно и бендеровцев (так в тексте. — *Е. Б.*)»⁸⁸. Не удивительно, что в 1971 г. от руководства Союзом писателей Украины был отстранен Олесь Гончар, место которого занял Ю. Смолич.

На имя прокурора УССР Ф. Глуха и главы КГБ УССР В. Никитченко пришло письмо с 78 подписями (Шелест пишет о 77). Против нарушения гражданских прав на Украине протестовали З. Франко, М. Коцюбинская, Г. Кочур, И. Драч, И. Дзюба и другие. После протестов против произведенных арестов Дзюба был уволен с работы в издательстве «Молодь», В. Черновол — из газеты «Молодая гвардия», В. Стус был исключен из аспирантуры Института литературы АН УССР, Р. Кудлик был уволен из редакции журнала «Жовтень», М. Коцюбинская и Ю. Бадзьо ис-

⁸⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 25. Д. 363. Лл. 51–53.

⁸⁷ Там же. Д. 183. Лл. 62–63

⁸⁸ Там же. Л. 78.

ключены из партии. Последовали санкции и в отношении других активистов⁸⁹.

Во второй половине 1965 года И. Дзюба написал работу «Интернационализм или русификация?», которая считается главным документом нового национально-демократического движения на Украине. Дзюба адресовал свою работу руководству УССР и ССРС и доказывал, что республиканское и союзное руководство проводят пагубную национальную политику, отошли от ленинских принципов, не считаются с национально-культурными интересами украинского народа, ущемляя его не только в языковой, но и в экономической, политической, культурной и других сферах. В декабре 1965 года Дзюба послал письмо на имя Шелеста и предсовмина Щербицкого, в котором говорилось о том, что фактическое национально-политическое положение Украины не соответствует ее формально-конституционному государственному положению, что положение украинской культуры и языка вызывает глубокую тревогу⁹⁰.

Реакция украинского ЦК была весьма острой. Шелест в своих дневниковых записях за 3 января 1966 г. писал: «Рассматривал почту. Отдельно мне доложили о “Письме 77” и о письме И. Дзюбы на 214 страницах. Надо было принимать срочные и решительные меры. Было поручено Скабе и Кондифору подготовить предложения... О наших мероприятиях по этим вопросам было доложено в ЦК КПСС Суслову, Капитонову, Пигалеву. Явно было видно, что кое-где поднимают голову националистические элементы»⁹¹. 11 января состоялось заседание Президиума ЦК КПУ об усилении идеологической работы.

13 января в ЦК КПУ Шелест провел совещание с участием украинских писателей, преподавателей Университета и ВПШ. Речь шла о работе Дзюбы «Интернационализм или русификация?» и о «Письме 77». «Было договорено, что

⁸⁹ Баран В.К. Україна: новітня історія. С. 296.

⁹⁰ Там же. С. 297–298.

⁹¹ Шелест П.Е. «...Да не судимы будете». С. 257.

эта группа товарищей к 25 января даст в ЦК обстоятельный и обоснованный документ, разоблачающий “Письмо 77” и “Интернационализм или русификация?”, написанный Дзюбой»⁹².

Шелест отмечал, что «обстановка довольно сложная, в особенности среди молодежи, студенчества, творческой интеллигенции, интеллектуалов. Немало молодых ученых, в том числе и по специальным наукам, почти открыто высказывают свое несогласие по проведению нашей политики в вопросах истории, национальной политики»⁹³. Глава украинских коммунистов отмечал, что «в Москве многие из руководства всей сложности обстановки не понимают по причине оторванности от жизни и, больше того, убеждены, что все идет хорошо», и предлагал «работать с молодежью»⁹⁴.

О том, как велась разъяснительная работа об облике украинских националистов, можно судить по информации из Ивано-Франковской области, отправленной в августе 1969 г. в ЦК КПУ. Секретарь обкома КПУ В. Добрик отмечал, что в область «вернулась после отбытия наказания значительная часть бывших активных участников оуновского подполья» и партийные организации проводят работу по «идейному разоружению националистических элементов, отрыву из-под их влияния отдельных политически нестойких лиц, вскрытию антинародной сути идеологии украинского буржуазного национализма»⁹⁵. При горкомах и райкомах партии из числа внештатных лекторских групп были созданы секции контрпропаганды, формой массовой работы стали тематические вечера «Об этом нельзя забывать», на которых «выступали те, кто пострадал от ОУН»⁹⁶ и т. п. В 1968–1969 гг. такие тематические вечера были проведены в 115 населенных пунк-

⁹² Шелест П.Е. «...Да не судимы будете». С. 258.

⁹³ Там же. С. 420.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 25. Д. 180. Л. 11.

⁹⁶ Там же. Л. 12.

тах области⁹⁷. Были созданы общественно-политические клубы «Лениниана», «Дорогами отцов», «Искра», которые проводили лекции и беседы, читательские конференции в библиотеках, книжные выставки «Торжество ленинской национальной политики на Прикарпатье», «Украинские буржуазные националисты — наизлейшие враги украинского народа», показывались кинофильмы, проводились лекции в ВУЗах и школах и т. п.⁹⁸

6 апреля 1972 г. Шелест направил информацию в ЦК КПСС о работе украинской парторганизации по борьбе с «отдельными проявлениями националистических взглядов». Как указывалось в документе, «основными каналами, используемыми для распространения чуждых нам взглядов, являются зарубежное радиовещание, засылка антисоветской литературы, туристские обмены. Ежедневно 7 буржуазных радиостанций в течение 20 часов ведут передачи на УССР на украинском языке. Только в минувшем году у иностранцев, приезжавших в республику, было изъято около 200 тыс. экземпляров различных изданий враждебного характера»⁹⁹. Шелест подчеркивал, что «отдельные туристы из капиталистических стран пытаются собирать тенденциозную информацию, направленную на компрометацию советской действительности, распространять националистическую литературу, вести антисоветскую пропаганду», причем «за эти действия в прошлом году 36 иностранных туристов были выдворены из пределов СССР»¹⁰⁰. «Идеологические диверсанты» клеветали на КПСС и КПУ, фальсифицировали ленинскую национальную политику, спекулировали по поводу экономического развития УССР, «русификации» и неблагоприятном состоянии украинской культуры¹⁰¹.

⁹⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 25. Д. 180. Л. 13.

⁹⁸ Там же. Л. 14.

⁹⁹ Там же. Д. 651. Л. 6.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. Л. 6–7.

Поскольку работа Дзюбы «Интернационализм или русификация?» использовалась «врагами в идеологической борьбе», в 1969 г. была подготовлена и распространена за рубежом на украинском и английском языках книга «Що і як обстоє І. Дзюба»¹⁰². В газете «Радянська Україна» было опубликовано открытое письмо Зиновии Франко, «в котором она признала и осудила свои связи с враждебными элементами». Были выпущены книги и брошюры, а в республиканских и областных газетах и журналах опубликованы многочисленные статьи, в которых «развенчивается идеология украинского буржуазного национализма, международного сионизма, маоизма. По республиканскому телевидению и радио организованы специальные циклы передач по вопросам идеологической борьбы на современном этапе»¹⁰³.

Кроме того, были опубликованы «с научными современными комментариями» сочинения М. Зерова, И. Днепровского, Г. Косынки, Д. Загула, Г. Хоткевича, появилась статья о М. Драгоманове и М. Грушевском. «Эти и другие материалы действительно способствуют нашей борьбе с национализмом»¹⁰⁴, — указывали заведующий отделом науки и культуры ЦК КПУ Кондуфор и заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Головка.

Одновременно была развернута патриотическая работа и популяризация культуры других народов СССР. Организовывались музеи и комнаты боевой и трудовой славы. В 1965 г. было создано 12 000 музеев, комнат и уголков боевой славы, в 1966 г. — 11 559 музеев, комнат, уголков революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Был проведен Всесоюзный поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы; на его первом этапе, в 1965 г., участвовали 1750 тыс. юношей и девушек, на втором, в 1966 г., — 2700 тыс. юно-

¹⁰² ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 25. Д. 651. Л. 7.

¹⁰³ Там же. Л. 8.

¹⁰⁴ Там же. Оп. 24. Д. 6160. Л. 119.

шей и девушек, пионеров и школьников¹⁰⁵. Регулярно проводились декады, недели и дни литературы и искусства народов СССР: в 1951 г. — Декада украинской литературы и искусства в Москве, в 1954 г. — Декада русской литературы и искусства на Украине, в 1960 г. — Декада украинской литературы и искусства в Москве, в 1967 г. — Декада русской литературы и искусства на Украине, в 1969 г. — Декада украинской литературы и искусства в РСФСР, в 1970 г. — праздник искусств народов СССР на Украине, в 1974 г. — Фестиваль украинской культуры в Алтайском крае РСФСР¹⁰⁶.

Снятие П.Е. Шелеста ||

В.К. Врублевский вспоминал, что в начале 1970-х гг. в стране заметно усилился внешне хоть и незаметный, но действенный процесс консолидации сил вокруг нового лидера. «Л.И. Брежнев укреплял свои “тылы”. Разумеется, среди тех, кто был приближен, находились в первую очередь те, кто в какой-то мере пострадал от его предшественника. Люди, которых Леонид Ильич хорошо знал и которые, будучи преданными ему лично, не обладали опасными политическими амбициями. Шелест же из упомянутой обоймы явно выпадал»¹⁰⁷, — свидетельствовал помощник В. Щербицкого. Шелест почувствовал перемены настроения в Москве к себе в марте–апреле 1971 г.: «В кулуарах много было разговоров якобы о моем переходе после съезда работать в Москву, ... вокруг меня происходит какая-то возня»¹⁰⁸. В апреле 1971 года Щербицкого избрали в Политбюро ЦК КПСС. С этого момента, как вспоминал Врублевский, стало ясно, что дни Шелеста сочтены¹⁰⁹. Окончательную ясность внесло празднование 65-летия Брежнева.

¹⁰⁵ Молчанов А.И. Россия, Украина и Белоруссия от Н. Хрущева до «Беловежской пуши». Т. 2. С. 217–218.

¹⁰⁶ Там же. Т. 3. С. 150–152.

¹⁰⁷ Врублевский В.К. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. С. 26.

¹⁰⁸ Шелест П.Е. «...Да не судимы будете». С. 478.

¹⁰⁹ Врублевский В.К. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. С. 26–27.

Накануне Шелест вместе с Щербицким получили приглашение от Брежнева. Были приготовлены подарки — картина «Золотая осень», хрустальный рог и набор напитков. Но, оказавшись в Москве, украинские деятели выяснили, что без жен на приеме оказались они одни — всех остальных предупредили. Шелест утверждал, что Брежневу не понравилась поздравительная телеграмма, в которой обыгрывался подарок — «Золотая осень». «Ваши годы — это ранняя золотая осень, которая приносит огромные плоды для нашего народа»¹¹⁰, — значилось в телеграмме.

Окончательно судьба Шелеста решилась через пять месяцев. 19 мая 1972 г. открылся пленум ЦК КПСС. Брежнев вызвал Шелеста в комнату президиума. Шелест писал: «За последние месяцы между мной и Брежневым появилась какая-то холодность, натянутость, и причина мне еще не была совсем ясной». Брежнев предложил Шелесту «сменить обстановку» и перейти на работу в Москву, «для общей пользы дела». Шелест ответил: «Ну что ж, если по-другому нельзя поступить, делайте как хотите»¹¹¹.

Шелеста перевели на пост заместителя председателя Совета Министров СССР. Однако простым «перемещением» дело не кончилось. Вскоре была развернута критика книги Шелеста «Украина наша советская», которая вышла в начале 1971 года. 12 сентября 1972 г. в Политбюро ЦК КПСС поступило письмо академиков АН УССР Н.З. Шамоты, В.М. Бабия и члена-корреспондента АН УССР А.Г. Шевелева «о серьезных методологических, идейных ошибках» книги Шелеста. При обсуждении члены Политбюро согласились, что ряд положений книги «теоретически несостоятельны и политически вредны», что Шелест отходит от партийных, классовых позиций и наносит ущерб делу интернационального воспитания трудящихся¹¹².

¹¹⁰ Шелест П.Е. «...Да не судимы будете». С. 493.

¹¹¹ Там же. С. 517–519.

¹¹² Лист до ЦК КПРС щодо методологічних та ідейних помилок книги П. Шелеста «Україна наша Радянська». 12 вересня 1972 р. // Петро Шелест: «Справжній суд історії ще попереду». С. 614.

В постановлении ЦК КПУ говорилось, что книга «по ряду важнейших принципиальных вопросов отходит от партийных, классовых позиций. В ней не дается четкого классового анализа и оценки отдельных исторических явлений, идеализируется украинское казачество и Запорожская Сечь, не показаны острота и сложность классовой борьбы на Украине в послеоктябрьский период, борьба партии за чистоту и боеспособность своих рядов, против уклонов от ленинской генеральной линии, в том числе и против уклонов в национальном вопросе»¹¹³.

Оценивая деятельность П.Е. Шелеста на посту первого секретаря ЦК КПУ, современные украинские историки обычно говорят о маневрировании между двумя политическими дискурсами — централизаторским и антицентрализаторским — и о линии Шелеста как линии своеобразной двойственной лояльности (общесоюзной и республиканской)¹¹⁴. Между тем Шелест был не просто лоялен существующей системе, но был ее продуктом: он был воспитан советской властью и, делая политическую карьеру, был убежден в справедливости существовавшего строя. Следует согласиться с выводом В.Л. Савельева, что патерналистская атмосфера, господствовавшая в республиканской номенклатуре, порождала не политического лидера в современном значении этого слова, а исполнителя воли центра, которому были присущи конформизм и приспособленчество¹¹⁵. В данной связи искать причины устранения Шелеста с поста главы украинской парторганизации следует не в его «украинстве», а в существовавшей расстановке сил в Москве. Шелест был «неудобной фигурой» для Л.И. Брежнева и как участник «антихрущевского дела», и как верный человек Н.В. Подгорного. Не удивительно,

¹¹³ Постановление ЦК КПУ «О книге П.Е. Шелеста “Україна наша Радянська”». 20 февраля 1973 г. // Политическое руководство Украины. 1938–1989. С. 375.

¹¹⁴ Шаповал Ю.І. Петро Шелест у контексті політичної історії України ХХ століття // Петро Шелест: «Справжній суд історії ще попереду». С. 11.

¹¹⁵ Савельев В.Л. Чи був П.Ю. Шелест виразником «українського автономізму»? // Український історичний журнал. 1991. № 4. С. 99.

что Брежнев, укрепив свои позиции, сделал все для того, чтобы Шелест разделил участь Семичастного. Скорее всего, Шелест не устраивал не Кремль, а лично Брежнева. Желая усилить свои позиции на Украине, Брежнев заметил Шелеста «своим человеком» — Щербицким. Между тем сам Шелест отнюдь не был выразителем своеобразной формы украинского партийно-советского национал-автомизма¹¹⁶; нельзя согласиться и с тем, что он был более украинцем, нежели коммунистом¹¹⁷. Напротив, он был ярким приверженцем «системы», активным ее защитником. 5 января 1971 г., ознакомившись с воспоминаниями Хрущева, Шелест сделал следующую дневниковую запись: «Зарубежная пропаганда всячески пытается этот материал использовать против нас. Авторитет руководителей страны и вся наша система будут подвергнуты аналитической критике. А действительно, у нас немало пороков, и это при нашей неплохой системе. Вся беда в том, что мы часто отступаем от этой хорошей системы. Если бы мы ее строго придерживались, ох насколько было бы лучше и как бы укреплялась вера народа в то, что мы делаем»¹¹⁸.

* * *

Середина 1950-х — начало 1970-х гг. были важным периодом в истории Украины, во многом определившим дальнейшую судьбу республики. Курс центральных партийных властей был направлен на создание общесоветской идентичности, призванной консолидировать население Страны Советов в единую общность. Положение о якобы сформировавшейся в СССР новой исторической общности звучали и на XXIV (1971) и XXV (1976) съездах КПСС. Окончательная же ее формулировка относится к 1977 г., когда в новой Конституции было зафиксировано появление в СССР «на

¹¹⁶ Гришко В. Українська національна ситуація в СРСР на тлі горбачовської «перебудови» // Сучасність. 1988. Ч. 2. С. 82.

¹¹⁷ Земцов І. Андропов і неросійські нації — ставлення та політика // Сучасність. 1988. Ч. 3. С. 72.

¹¹⁸ Шелест П.Е. «...Да не судимы будете». С. 468.

основе сближения всех социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей» новой «исторической общности людей — советского народа».

В середине 1950-х — начале 1970-х гг. усилия центральных властей к консолидации общества в идеологической сфере сопровождались борьбой с националистическими проявлениями в общественной жизни. Украинское партийное руководство, отстаивая экономические интересы республики, одновременно жестко следовало заданному идеологическому курсу. Позиция П.Е. Шелеста и в отношении «пражской весны», и в отношении местных — украинских — диссидентов свидетельствует о том, что украинский руководитель готов был пойти на самые жесткие меры в отношении «политически вредных проявлений».

В культурной сфере очевидным выражением консолидационных тенденций стало расширение возможности обучения на русском языке за счет предоставления родителям учащихся выбора языка преподавания в школах, что неизбежно должно было привести к расширению коммуникативной сферы русского языка. В.В. Щербицкий, возглавивший украинскую парторганизацию после П.Е. Шелеста, стал проводником унификаторских усилий центра и интернациональных лозунгов, ориентированных на превращение наций и народностей СССР в единый «советский народ».

В то же время уже при Шелесте со всей очевидностью проявилась тенденция к укреплению этнопартократии в республике. Последняя стремилась расширить свои полномочия в едином союзном государстве и использовала для этого любые возможности. Одновременно в период «оттепели» активизировалась украинская советская интеллигенция, заинтересованная в отстаивании интересов украинского компонента в культурно-языковом и социально-политическом пространстве УССР, что имело важное значение для дальнейшего развития украинской нации. В период перестройки партийная советская элита и национально ориентированные силы сумели воспользоваться ситуацией, и в итоге СССР распался, а Украина провозгласила свою независимость.

Очерк 10

Развитие украинского языка и история его научного исследования в советский период

Настоящий очерк посвящен описанию основных тенденций в развитии украинского языка советского времени и этапов становления украинистики как составной части славянского языкознания. Украинская лингвистика советского периода развивалась как одно из направлений советской лингвистики, и конкретно — славистики, и существовала в составе общего отечественного научного пространства в тесной связи со славистическими и лингвистическими центрами в других частях страны, и прежде всего — в Москве, Ленинграде, Казани и др. Соответственно история становления украинского языка данного времени и украинских языковедов, занимавшихся его реформированием, рассматривается нами в общих рамках истории отечественной славистики. Разумеется, степень интеграции как украинистики в целом, так и конкретных ученых в общую сферу советской науки была различной в разные периоды — существуя сравнительно обособленно в 1920-е гг. (что было обусловлено решением внутренних проблем становления украинского языка), в 1930-е — 1940-е гг. украинистика разделяет общую судьбу советской науки и культуры, став жертвой сталинских репрессий.

В послевоенные десятилетия украинистика интегрируется в общее научное пространство страны — укрепляются контакты между славистическими группами в Моск-

ве, Киеве, Минске и других городах, развивается работа над общими проектами в области истории славянских языков, этимологии, диалектологии, этнолингвистики, что позволяло решать совместными усилиями обширные научные задачи (одним из примеров может служить совместное диалектологическое и этнолингвистическое обследование территории Полесья в 1960-е — 1980-е гг. учеными из Москвы, Киева, Житомира и Минска). Отдельную проблему представляет собой развитие взглядов на судьбу украинского языка в диаспоре украинских научных и культурных деятелей, эмигрировавших из страны в 1920-е гг., поскольку взгляды, сформировавшиеся в диаспоре, значительно повлияли на реформаторскую деятельность в языковой сфере позднего советского и постсоветского времени.

Согласно принятой в лингвистике классификации истории украинского языка, советский период является составной частью третьего этапа его развития — так наз. *новоукраинского языка* (XIX–XXI вв.), который может быть признан самым сложным с точки зрения реформирования и установления языковых норм. В истории украинского языка советского периода принято выделять четыре этапа: 1) с 1917 по начало 1930-х гг. — активный процесс выработки норм литературного украинского языка на всех его уровнях (от графики и орфографии до лексики) в связи с установлением его статуса как государственного языка, расширением сферы его употребления и политикой коренизации (украинизации), проводившейся в Советском Союзе; 2) 1930-е — 1940-е годы — резкое изменение вектора развития языка, установленного в предыдущий период, в связи с прекращением политики украинизации и курсом на формирование единого языкового пространства на территории всей страны с помощью русификации; 3) 1950-е — 1960-е гг. — оживление в разных сферах исследования украинского языка, появление работ в области сравнительно-исторического языкознания, возобновление интереса к памятникам украинского языка, возобновление активной

работы в области лексикологии; 4) 1970-е — 1980-е гг. — развитие сравнительно-исторического языкознания, и особенно лексикологии, появление работ в области структурно-прикладной лингвистики.

В современной украинистике история украинского языка этого времени рассматривается в работах Ю. Шевелева¹, Р. Смаль-Стоцкого², В.В. Нимчука, Т.А. Фудерер³, М.А. Жовтобрюха⁴, С.П. Безвезенко⁵, О.А. Остапчук⁶ и др. Важный корпус лингвистических текстов, касающихся проблем становления украинской орфографической нормы, содержится в посвященной этому вопросу хрестоматии, вышедшей в свет в 2004 г.⁷ с предисловием В.В. Нимчука, представляющим собой краткий очерк истории развития украинской графики и орфографии.

Изменения социополитических условий существования любого языкового сообщества (а особенно это касается изменений в области его государственного состояния) неизбежно приводят к переосмыслению функционирования языка, который оно использует, к пересмотру и установлению его нового *статуса* в рамках произошедших трансформаций, а также к работе по его реформирова-

¹ Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941): Стан і статус. Чернівці, 1998; Шевельов Ю. Українська мова в себе вдома сьогодні й завтра // Сучасність. 1986. Ч. 10 (306). С. 28–46.

² Смаль-Стоцький Р. Українська мова в Советській Україні // Енциклопедія українознавства. Київ, 1995. С. 356–369.

³ Фудерер Т.А. Попытка реформирования украинского правописания конца XX в.: социолингвистический аспект. [Электронный ресурс]. URL: http://bib.irb.hr/datoteka/614810.POPYTKA_REFORMIROVANIIJA_UKR_PRAVOPISANIIJA_KONCA_XX_V.pdf.

⁴ Желтобрюх М.А. Очерки истории украинского советского языкознания (1918–1941). Киев, 1991.

⁵ Безвезенко С.П. История украинского языкознания. Киев, 1991.

⁶ Остапчук О.А. Планирование корпуса как часть украинского языкового строительства в 1920–1930-е гг. // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 315–333; Остапчук О.А. Украинский литературный язык в свете социолингвистической типологии славянских языков // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 633–655.

⁷ Історія українського правопису: XVI–XX століття. Хрестоматія / Упорядники: В.В. Німчук, Н.В. Пуряєва. Київ, 2004.

нию — выработке новой *стандартизации* (включающей нормирование и кодификацию языка) и *модернизации* языка, подразумевающей повышение его функциональности во всех сферах общественной коммуникации, в том числе за счет реформ в области графики, орфографии, частично — и грамматики, а также пересмотра лексического состава языка. Сам процесс инвентаризации базового корпуса языка, вызванный изменением его статуса и переосмыслением языкового стандарта, принято называть *рестандартизацией*⁸. Вся совокупность сложных и разнонаправленных языковых процессов, происходивших под влиянием различных геополитических изменений в украинской коммуникативной сфере в течение всего XX в., а особенно в первые и последние его десятилетия (и активизировавшихся в постсоветский период), может быть описана в рамках указанных выше процессов и представлена как история ряда рестандартизаций украинского языка, сменявших друг друга под влиянием изменявшихся внешних исторических факторов и внутренних особенностей развития языка.

В настоящем очерке будут рассмотрены, с одной стороны, аспекты, касающиеся официального статуса украинского языка с точки зрения изменения языковой и национальной политики Советского Союза в разные периоды (коренизация / украинизация — русификация), с другой стороны, будут проанализированы собственно лингвистические проблемы истории украинского языка интересующего нас времени. К числу последних относятся: наличие к началу XX в. нескольких вариантов литературного украинского языка, параллельно развивавшихся на разных украинских территориях, и связанная с этим политика вытеснения галицкого варианта украинского литературного языка (по принципу «одна нация — один язык»); состояние

⁸ *Peti-Stantić A. Restandardizacija (hrvatskoga) standardnoga jezika // Jezični varijeteti i nacionalni identiteti: prilozi proučavanju standardnih jezika utemeljenih na štokavštini / Badurina L.; Pranjković, I.; Silić, J. (ur.). Zagreb, 2009. S. 71–82.*

нормативной базы литературного языка к началу XX в. (сосуществование разных норм кодификации орфографии, грамматики, лексики); комплекс мер, направленных на создание нормированного, полифункционального украинского литературного языка, способного обслуживать все сферы общественной коммуникации (создание нормативных словарей, грамматик, учебников, диалектных атласов). Наконец, отдельная тема, которая в значительной степени определила вектор развития украинского языка советского периода, касается процессов русско-украинской языковой дивергенции и конвергенции, происходивших в разные периоды XX в., т. е. взаимного влияния украинского и русского языков, в том числе в области орфографии (частично — и грамматики), лексики и фразеологии. Эта тема представляется важной потому, что вектор развития украинского языка и литературы в течение всего XX в. во многом определялся самими носителями украинского языка и его реформаторами в зависимости от того, какими ценностно-оценочными коннотациями они наделяли взаимоотношения украинского и русского языков — для одних дивергенция в этой области была естественной нормой в развитии всей украинской гуманитарной сферы, для других — негативным явлением, сдерживающим развитие украинского языка, и избавление от которого было целью ряда языковых реформ, имевших цель дистанцирования украинского языка от русского.

Развитие украинского языка к началу XX в.

К первым десятилетиям XX в. состояние украинского языка определялось рядом специфических проблем, отчасти связанных с особенностями его внутреннего развития (в том числе с ограниченностью языковой базы — в отличие от русского языка украинский литературный язык базируется в основном на диалектной основе, что определяет стилистическую узость его лексического корпуса), отчасти с экстралингвистическими обстоятельствами, а именно: по-

литической и государственной разъединенностью украинской языковой территории и параллельным развитием двух разных орфографических традиций — в Киеве и Львове.

Как уже было сказано, важной особенностью, значительно повлиявшей на историю новоукраинского языка, в том числе в советский период, была языковая ситуация, сложившаяся к первым десятилетиям XX в., при которой на разных украинских территориях, входивших в состав разных государств (Российской империи, Австро-Венгерской империи, Румынии), стали возникать самостоятельные варианты литературного языка, достаточно сильно отличавшиеся как по уровню развития, так и по принципам кодификации. Обобщенно можно выделить следующие варианты литературных языков, развивавшихся на основе украинских диалектов: **среднеподнепровский**, положенный в основу современного официального украинского литературного языка (начальные сроки формирования — XVIII — начало XIX вв.), **галицкий** литературный язык (начальный период формирования — первая треть XIX в.), **буковинский** вариант (связан с публикацией произведений Ю. Федьковича в 1860-х гг.), **закарпатский** вариант (попытки создания литературных произведений относятся к 1860-м гг. на территории восточной Словакии, в частности Пряшевщины), **русинский** (бачванско-сремский, возник на основе южнолемковских диалектов в сербско-хорватском окружении в начале XX в.). Таким образом, можно констатировать, что для украинской этноязыковой ситуации первой трети XX в., когда велось активное языковое строительство, «типичным является состояние возникновения новых литературных языков в опоре на сельские диалекты как основную базу с использованием в большинстве случаев (кроме русинского литературного языка) языкового опыта старой книжности»⁹. В то время, когда эти некогда оторванные друг от друга территории благодаря

⁹ Гриценко П.Е. Некоторые замечания о диалектной основе украинского литературного языка // *Filologia Slavica*. К 70-летию академика Н.И. Толстого. М., 1993. С. 284–294.

действиям советской власти оказались в рамках одного государственного образования (УССР), наличие нескольких литературных языков стало представлять серьезную лингвистическую и культурную проблему, в том числе с точки зрения формирования единой национальной идентичности, а на языковом уровне приводила к дивергенции. Если буковинский и закарпатский варианты были слишком слабы и локально ограничены, чтобы оказать какое-либо существенное воздействие на общеукраинскую языковую ситуацию, а русинский вариант был слишком территориально удален от украинских земель, то галицкая литературная норма начиная с XIX в. серьезно конкурировала со среднеподнепровской, а к началу XX в. конкуренция этих двух норм стала осознаваться как значительное препятствие для формирования общеукраинской нормы литературного языка. Борьба этих двух вариантов буквально пронизывает все языковые реформы первой трети XX в. и заканчивается лишь в тридцатых годах насильственным уничтожением галицкого варианта, о чем подробнее будет сказано ниже.

На территории Российской империи положение украинского языка к рубежу XIX–XX вв. определялось указами — Валуевским (1863) и Эмским (1876), налагавшими сильные ограничения на его использование во всех сферах (в том числе в образовании и науке), кроме художественной литературы, и значительно сдерживавшими развитие его литературной формы и полифункциональное распространение¹⁰. Кроме того, с точки зрения официальной терминологии до 1905 г. украинский не имел статуса самостоятельного *языка*, а рассматривался исключительно как *малороссийское наречие* общерусского языка, т. е. как диалектный вариант последнего. Однако в 1905 г. Российская академия наук признала украинский самостоятельным

¹⁰ Подробнее об этом см.: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 96–116, 173–187; Фабрикант Ник. Краткий очерк из истории отношений русских цензурных законов к украинской литературе // Русская мысль. 1905. Кн. 3. С. 127–146.

языком, что открыло возможность его институционального научного исследования и описания (в частности, составления словарей разных типов, грамматик, описания диалектологической базы и пр.), которое до этого времени было спорадическим и не носило системного характера¹¹. После первой русской революции 1905 г. были сняты ограничения на публикацию текстов, написанных в соответствии с украинской орфографией, что увеличило выпуск изданий на украинском языке, в том числе периодики. Важным событием первого десятилетия XX в. стал выход в свет в 1907–1909 гг. четырехтомного «Словаря украинского языка» под редакцией Б.Д. Гринченко — орфографические нормы (так наз. «гринченківка»), использованные в этом словаре и ориентированные на киевские стандарты правописания, стали распространяться в качестве образца для публикации украинских изданий. Словарь Б.Д. Гринченко в целом ориентировался на правописание, рекомендованное Вторым отделением имп. Академии наук для украинских параллелей в «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением имп. Академии наук», однако не во всех позициях. Предложенная Академией наук орфографическая норма включала в себя следующие рекомендации:

- ▶ не использовать букву *i* для обозначения мягкости согласных перед *i*;
- ▶ не обозначать мягким знаком согласные *з, с, ц* перед мягкими губными согласными в позиции перед *i* — *звір, сміх, звізда*;
- ▶ использовать букву *ë* для обозначения йотации *о* и мягкости согласных перед ним;
- ▶ использовать мягкий знак, а не апостроф в разделительной позиции для обозначения твердости согласных: *п'ять, з'їсти*;

---

¹¹ См., в частности: Лавровский П.А. Обзор замечательных особенностей наречия малороссийского сравнительно с великорусским и другими славянскими наречиями // Журнал Министерства народного просвещения. 1859. Июнь. С. 225–256.

- ▶ в отглагольных существительных использовать двойной согласный *-nn* и окончание *-я*: *знання*, а не *знане*;
- ▶ аффрикаты обозначать сочетаниями *дж*, *дз*;
- ▶ не отражать ассимилятивных изменений в глагольных формах перед *-ся*: *даєшся*, *дається*;
- ▶ передавать взрывной заднеязычный согласный буквой *г*¹².

Приняв большинство этих рекомендаций, Б.Д. Гринченко настаивал на использовании сочетаний *ьо*, *йо* вместо предлагавшегося *ё* и апострофа, а не мягкого знака (апостроф использовался и после губных согласных перед *е*, *і*, *я*, *ю*) — элементов галицкой орфографической нормы, и именно их он использовал в своем словаре¹³. Вариант орфографии Б.Д. Гринченко был весьма близок к тому, что предлагал другой украинский лингвист Евгений Тимченко¹⁴.

Что касается формирования орфографических и графических норм украинского языка на территории Галиции, то с конца XIX в. по 1922 г. они определялись правописанием, предложенным Е. Желеховским (так наз. «желехівка»), получившим в Галиции и на Буковине весьма широкое распространение благодаря учебнику украинского языка С. Смаль-Стоцкого¹⁵. Важной институцией, в рамках которой формировалась большая часть деятельности в области украинской культуры и науки (в том числе и лингвистики), стало Научное товарищество им. Тараса Шевченко (Наукове товариство ім. Шевченка, сокращенно — НТШ), основанное в 1873 г. во Львове и по сути выполнявшее заместительные функции отсутствовавшей до 1917 г. Академии наук. В 1900 г. в НТШ была организована так наз. «Языковая комиссия», поставившая своей задачей выработку общих норм украинского языка. Среди членов «Языковой комис-

¹² Известия Императорской Академии Наук. Сер. 6. 1907. № 9. С. 10, 233–241.

¹³ Дзєндєлївський Й.О. Заходи Петербурзької академії наук щодо впорядкування українського правопису // Мовознавство. 1971. № 1. С. 69.

¹⁴ Тимченко Є. Українська граматика. Ч. 1. Київ, 1907.

¹⁵ Подробнее об орфографической системе Е. Желеховского см.: Історія українського правопису. С. 5.

сии» были такие известные галицкие ученые и писатели, как: Александр Колесса (первый председатель), Владимир Гнатюк, Степан Смаль-Стоцкий, Иван Франко, Михаил Грушевский, Агафангел Крымский, Владимир Дорошенко, Евгений Тимченко. Результатом деятельности этой комиссии стала «Руска правопись зі словарцем» («Русское правописание со словарем»), одобренная Филологической секцией НТШ и опубликованная во Львове в 1904 г.¹⁶ Укажем наиболее важные положения данной орфографической нормы:

- ▶ употребление буквы *ї* для обозначения мягкости согласных перед *і*, происходящего из этимологического *ѣ*: *дїд*, *цїп*; написание *і* в начале слова, в том числе в словах *індик*, *інколи*, *іноді*;
- ▶ использование *ь* для обозначения мягкости согласных в позиции перед губными согласными, после которых следует *і* — *свїт*, *свїх*, *звїр*;
- ▶ использование *ь* для обозначения мягкости согласных перед *о* — *тьохкати*, *верхнього*;
- ▶ написание глагольного суффикса *-ува-ти* и суффикса причастий *-ува-н-ий* (а также суффиксов в соответствующих отглагольных существительных) — *купувати* (не: *купувати*), *розкидуваний*, *розкидуване*;
- ▶ написание приставки *с-* перед *п*, *т*, *к*, *х*, *ф* (*ц* и *ч*): *скинути*;
- ▶ в заимствованных словах написание *и* после *д*, *т*, *з*, *с*, *ц*, *р*: *дидактичний*;
- ▶ в заимствованных словах написание сочетаний *аї*, *еї*, *ої*, *уї*, *юї* (а не *аі*, *еі*, *оі*, *уі*, *юі*): *архаїзм*, *героїчний*, *руїна*;
- ▶ написание *ль* (а не *л*) перед *о* — *біольоїя*;
- ▶ отсутствие способов обозначения твердости согласных перед *я*, *ю*, *є*, *ї* — не только *мяти*, но и *зісти* (в правописании Е. Желеховского твердость согласного обозначалась апострофом: *зі'сти*);

¹⁶ Гузар О. Правописна комісія НТШ і питання уніфікації єдиного українського правопису на зламі ХІХ–ХХ століть // Український правопис та реалії сьогодення: Матеріали засідань Мовознавчої комісії та Комісії всесвітньої літератури НТШ у Львові 1994–1995 рр. Львів, 1996. С. 13.

- ▶ использование *g* и *g'* с ориентацией на западноевропейскую практику употребления *h* и *g* в словах греческого происхождения: *гіякінт*, *гігієна*, *гієрогліф*, но: *географія*, *генеальогія*.

Как видно из сравнения двух приведенных орфографических норм, они отличались друг от друга по целому ряду параметров — способам обозначения мягкости и твердости согласных, принципам написания заимствованных слов, а также использованию ряда букв, прежде всего — *g* (обозначающего фрикативный заднеязычный) и *g'* (обозначающего взрывной заднеязычный).

Таким образом, в первое десятилетие XX в., накануне Октябрьской революции 1917 г., развитие украинского языка определялось рядом как внешних, так и внутренних проблем. Во-первых, он лишь недавно получил статус языка с точки зрения академической лингвистики (однако это не значит, что он был признан языком с точки зрения общественного сознания). Во-вторых, основная проблема, затруднявшая его развитие, была связана с неразвитостью литературной нормы: кодификация украинского литературного языка в этот период была далека от завершения: отсутствовала единая орфографическая норма (ср., в частности, наличие одновременно нескольких вариантов алфавита и систем правописания: *ярижку*, *максимовичівку*, *кулішівку*, *драгоманівку*, *желехівку*, *грінченківку*, правописание И. Огиенко, а также правописание галицкого извода украинского языка, представленное в «Русалке Днестровой»); наблюдалась слабая кодификация как в области лексики, так и в области грамматики. Вариативность литературных норм на всех уровнях языка поддерживалась, как было указано выше, в том числе и наличием нескольких вариантов литературного языка, параллельно развивавшихся на разных территориях. В-третьих, на украинских землях, входивших в состав Российской империи, функциональное распространение украинского языка ограничивалось в основном диалектными формами устной речи, а в письменной форме — почти исключительно

художественными текстами, а с начала XX в. — частично публицистикой и некоторым количеством школьной литературы (несколько лучше обстояло дело с галицким изводом украинского литературного языка, в рамках которого, кроме художественного, активно совершенствовался также и научный стиль, чему немало способствовала просветительская и издательская деятельность Научного товарищества им. Тараса Шевченко).

Первое планирование статуса украинского языка

Важные события, придавшие развитию украинского языка новый импульс, произошли в краткий период существования так наз. Украинской Народной Республики (УНР), Гетманата и Директории (1917–1920 гг.). Правительство Центрального Совета, Гетманата и Директории УНР языковую политику считали одной из наиболее важных составляющих внутривластной деятельности. В 1917–1920 гг. в нормативных документах статус украинского языка эволюционировал от официального и официально-правительственного к государственному. В это время состоялось первое *планирование статуса* украинского языка как государственного языка, что предполагало необходимость окончательного выбора того идиома, который должен лечь в основу этого языка, а также выработку литературной нормы на всех уровнях языка — в области графики, орфографии, грамматики, лексики и синтаксиса. «*Планирование статуса* языка — такой сегмент языковой политики, с помощью которого устанавливаются общественно релевантные соотношения между идиомами (языками), которыми пользуется определенное общество, и выбор тех идиомов, которые появляются в различных видах общественной коммуникации. Оно является важным этапом в момент приобретения независимости. Планирование статуса украинского языка в XX в. состоялось несколько раз: первый — в период борьбы за украинскую государственность (1917–1920 гг.) в рамках деятельности

правительств Центрального Совета, Гетманата и Директории УНР, второй — на волне активизации в СССР национальных движений, когда в 1989 г. был принят закон «О языках в УССР», и третий — с принятием в 1996 г. Конституции в независимой Украине»¹⁷.

В период 1917–1920 гг. начался активный процесс по выработке, с одной стороны, литературных норм, а с другой — попыток создания учебных пособий для формирующейся в этот период украиноязычной школы¹⁸. Заметную роль в этом процессе сыграл профессор Киевского университета И. Огиенко, которому было поручено создать краткие правила украинской орфографии и написать учебник грамматики украинского языка для средних школ. При Министерстве народного просвещения была сформирована Орфографическая комиссия («Правописна комісія»), которая должна была исследовать спорные вопросы украинского правописания, а также те случаи, в которых киевская орфографическая норма отличалась от галицкой. Членами комиссии стали И. Огиенко (председатель), А. Лобода, М. Грунский, Г. Голоскевич, А. Курило, Д. Якимович, Е. Тимченко, С. Смаль-Стоцкий. В 1918 г. этой комиссии были представлены «Правила українського правописання», декларировавшие И. Огиенко как первая научная система украинской орфографии¹⁹. После ряда дискуссий и доработок эти правила, получившие название «Найголовніші правила українського правопису» и в своей основе повторявшие нормы 1905 г., были рекомендованы для использования на территории всей Украины. Правила были опубликованы в журнале «Українська школа» (1918. № 10)²⁰.

¹⁷ Фудерер Т.А. Попытка реформирования украинского правописания.

¹⁸ Подробнее о языковом строительстве в указанный период см.: Данилевська О.М. Мова в революції та революція в мові: мовна політика Центральної Ради, Гетьманату, Директорії УНР. Київ, 2009.

¹⁹ Огієнко І. (Митрополит Іларіон). Історія української літературної мови. Київ, 1995. С. 238.

²⁰ Шумлянський Ф. Найголовніші правила українського правопису Української академії наук видання 1921: Отгиск из: «Записок Херсонського інституту народньої освіти ім. Н.К. Крупської». Ч. 2. Херсон, 1926. С. 8–11.

В 1920 г. А. Крымский, возглавивший Орфографическую комиссию, внес в это правописание ряд изменений, после чего Всеукраинская академия наук подтвердила использование этих норм для всеобщего употребления. В 1922 г. Научное товарищество им. Тараса Шевченко во Львове выпустило «Правописні правила», в которых была сделана попытка приблизить нормы галицкого варианта литературного языка к киевскому, что было важным шагом к объединению восточного и западного изводов украинского литературного языка.

В области реформирования украинского языка период 1917–1920 гг. стал первым этапом русско-украинской языковой дивергенции. Сознательная политика максимального дистанцирования от норм русского языка не только в области орфографии, но в области лексики буквально пронизывает языковые реформы этого времени. Примером этому служат попытки вытеснения из употребления общей для восточных славян системы терминов и создания собственно украинских аналогов. Для этих целей 1918 г. при Киевском научном товариществе была образована так наз. «Терминологическая комиссия», ставившая своей целью создание системы украинской терминологии, отличной от русской. Например, вместо русского слова *центр* рекомендовалась лексема *осередок*, вместо *перпендикуляр* — *простопад* или *простоспадина*, вместо *параллельный* — *рівнобіжний* и пр.²¹ Таким образом, украинские реформаторы пытались не только сформировать представление об украинском языке как о самостоятельном языке, отличном и как можно более далеком от русского, но и избавить его лексический состав от каких-либо свидетельств об эпохе активной конвергенции обоих языков.

Необходимо заметить, что развитие украинского языка в период 1910-х — 1920-х гг. становится заботой не только профессиональных лингвистов и специально для этого создаваемых институций, но и непрофессионалов, кому

²¹ Огієнко І. (Митрополит Іларіон). Історія. С. 190.

была близка идея возрождения украинского языка. Так, в 1917 г. художник Г.И. Нарбут, принимавший в 1913 г. участие в создании гербовника гетманов Малороссии (1915 г.), создает четырнадцать графических рисунков, изображающих украинскую азбуку, — работа была издана в 1921 г. в Петрограде незначительным числом экземпляров под названием «Українська абетка» и стала библиографическим раритетом.

Развитие украинского языка в 1920-е гг.

Начало советского периода было ознаменовано несколькими принципиально важными событиями, определившими судьбу украинского языка в XX в.: во-первых, на государственном уровне был подтвержден статус украинского языка, во-вторых, в русском языке произошла полная смена терминологии по отношению к украинской этнической сфере: термины *Малороссия*, *малоросс*, *малороссийский* были заменены на: *Украина*, *украинец*, *украинский*; в-третьих, в начале 1920-х гг. была провозглашена политика *коренизации* (для Украины — *украинизации*), которая позволила за короткий срок резко расширить область применения украинского языка, распространив его практически на все сферы общественной коммуникации, в том числе в области начального, среднего и высшего образования, науки, периодической печати, административного делопроизводства²².

Политика советской власти по отношению к украинскому языку в разные периоды и официальный статус украинского языка в советское время определялся рядом нормативных документов республиканского и союзного уровней. Так, 3 декабря 1919 г. по представлению В.И. Ленина

²² Об «украинизации» и ее некоторых итогах см.: *Борисенко Е.Ю.* Феномен советской украинизации. 1920-е — 1930-е гг. М., 2006; *Борисенко Е.Ю.* Из малороссов — в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности // *Славянский альманах*. 2014. № 1–2. С. 171–186.

была принята резолюция ЦК РКП(б) и VIII конференции РКП (б) «О советской власти на Украине». В основу этого постановления легли «Тезисы по украинскому вопросу» Х.Г. Раковского, где обосновывался статус УССР как формально независимого государственного образования, но при условии объединения в одном центре оборонного и хозяйственного аппарата. Это постановление содержало пункт, послуживший основой для дальнейшей политики коренизации²³: члены РКП (б) на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и говорить во всех советских учреждениях на родном языке.

Период коренизации (украинизации) как новый этап рестандартизации украинского языка. В 1920-е гг. большевицкое правительство УССР стало активно осуществлять политику украинизации, продолжая реализовывать в языковых вопросах реформаторскую стратегию, начатую в предыдущий период 1917–1920 гг. XII съезд РКП (б), состоявшийся 17–25 апреля 1923 г., принял резолюцию по национальному вопросу, согласно которому в нерусских республиках должна проводиться политика коренизации партийно-государственного аппарата. Конкретно на Украине эта политика приняла форму «украинизации». Украинская делегация во время работы пленума ЦК КП (б) потребовала признать украинский язык государственным языком на Украине. На заседании Предварительной комиссии это предложение было принято, но на общей сессии ее отвергли и термин «государственный язык» заменили на выражение «два общеупотребительные языка» (имелись в виду украинский и русский). В 1926 г. в книге декретов и директив «Украинизация советских учреждений» (Декреты, инструкции и материалы. Ч. 2), изданном Совнаркомом УССР, содержался текст «Положения об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры». Согласно этому докумен-

²³ Подробнее о политике коренизации на Украине см.: *Борисенко Е.Ю.* «А что мы знаем о лице Украины?»: Украинизация как модель государственной политики в 1918–1941 гг. М., 2017.

ту, государственные служащие должны были полностью перейти на украинский язык или уйти с должностей.

Украинский язык в области науки, образования и просвещения. В рамках политики коренизации 1920-х — начала 1930-х гг. преподавание на разных образовательных уровнях переводилось на украинский язык. Так, 9 марта 1919 г. III Съезд Советов принял постановление о преподавании в школах украинского языка, а также истории и географии Украины. В постановлении Наркомата образования УССР от 4 мая 1920 г. декларировалось преподавание на украинском языке дисциплин в учительских семинариях и на учительских курсах. 22 ноября 1922 г. ВУЦИК утвердил «Кодекс законов о народном образовании» в УССР, где подчеркивалось: «Украинский язык как язык большинства населения Украины, особенно на селе, и русский язык как язык большинства населения в городах и общесоюзная речь, имеют в УССР общегосударственное значение и должны излагаться во всех учебно-воспитательных заведениях Украинской Социалистической Советской Республики».

Важно подчеркнуть, что одной из основных тенденций 1920-х — начала 1930-х гг. стала борьба за развитие полифункциональности украинского языка, т. е. за его распространение на все сферы общественной коммуникации, в том числе на те уровни государственной и общественной деятельности, которые исторически обслуживались русским языком. 27 июля 1923 г. вышел декрет СНК УССР «О мерах по украинизации учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждений», который предусматривал перечень мероприятий по переходу на украинский язык большинства учреждений системы просвещения. Поступавшие на государственную службу должны были изучать украинский язык в течение полугода, а уже находившиеся на госслужбе — в течение года.

1 августа 1923 г. было опубликовано постановление ВУЦИК и СНК УССР «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка», в кото-

ром декларировалось распространение украинского языка на сферу административного делопроизводства: «Языки всех национальностей, находящиеся на территории Украины, объявляются равноправными. [...] Согласно подавляющего числа населения, говорящего на украинском языке, выбрать, как преобладающий для официальных сношений, украинский язык. Делопроизводство в губернском и окружных органах осуществляется преимущественно на украинском языке, за исключением тех местностей, где абсолютное или относительное большинство населения принадлежит к другой национальности»²⁴. 13 марта 1922 г. вступил в силу «Уголовно-процессуальный кодекс», где статьей 22 устанавливалось, что легальные процессы в области юриспруденции осуществляются «на одном из двух государственных языков — украинском или русском».

Важной основой для формирования и закрепления языковых норм в 1910-е — 1920-е гг. стало расширение текстологической базы — создание и публикация текстов разных жанров на украинском языке способствовали распространению разработанных стандартов литературного языка в различные сферы коммуникации. Значительную роль в этом процессе играла художественная литература. Появление в 1910-х — 1930-х гг. корпуса прозаических и поэтических текстов на украинском языке явилось стимулом для развития литературного языка. В области художественной литературы, как и в области кодификации языка, явной была политика дивергенции с русской не только языковой, но и в целом литературной и культурной традицией. В 1920-е годы появляется ряд писателей, которые стремились порвать с русской литературой, уйти от ее влияния, считая его «гибельным» для украинской литературы. Такую позицию, в частности, занимал писатель Н.Г. Хвильевой (Микола Хвильовий), выступивший с лозунгами «Прочь от Москвы» и «Избавиться от позорного влияния русовщины» (т. е. русскости. — *Е. Л.*). В своем

²⁴ Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. Київ, 1997. С. 42.

памфлете «Апологеты писаризму» (1926) он писал: «Перед нами стоит вопрос: на какую из мировых литератур взять курс? Во всяком случае не на русскую. От русской литературы, от ее стихии украинская литература должна бежать как можно быстрее <...> Дело в том, что русская литература тяготеет за нами веками как хозяин положения, приучивший психику к рабскому подражанию»²⁵. Таким образом, уже в первое десятилетие после революции 1917 г. процесс создания украинского литературного языка и развития украинской литературы рассматривался участниками этого процесса как отторжение от русского языка и русской культуры, которые признавались не просто другими, отличными от украинских языка и литературы, а чуждыми и даже враждебными (ср. начальные строки указанной статьи Хвильевого: «Украинский народ должен понять раз и навсегда, что русский народ — это его исконный, наибольший враг»), от влияния которых нужно избавляться.

Переход системы образования и делопроизводства на украинский язык потребовал создания учебников украинского языка для средних и высших учебных заведений, а также разного рода обучающих пособий, предназначенных для разных аудиторий. Ср., в частности, вышедшие в этот период учебники: О. Курило «Уваги до сучасної української літературної мови» (Киев, 1925); А. Синявского «Порядник української мови» (Берлин, 1922) и его же: «Норми української літературної мови» (Киев, 1931); С. Смеречинского «Нариси з української синтакси у зв'язку з фразеологією та стилістикою» (Київ, 1932) и др.

С начала 1920-х гг. продолжилось **создание специальных институций**, занимавшихся научным изучением и формированием норм (в том числе в области лексики) украинского языка в связи с расширением сферы его употребления. В частности, 30 мая 1921 г. на совместном собрании Все-

²⁵ Хвильовий М. Апологети писаризму (До проблем культурної революції) // Хвильовий М. Україна чи Малоросія? Памфлети. Київ, 1993. С. 215.

украинской академии наук было утверждено создание «Института украинского научного языка» (ИУНЯ) на базе правописательно-терминологической комиссии историко-филологического отделения ВУАН и терминологической комиссии Украинского научного общества в Киеве и его филиала в Харькове. Возглавил институт академик А.Е. Крымский. В Институте было создано шесть отделов (естественный, сельскохозяйственный, социально-исторический, художественный, правовой, технический), собиравшие и упорядочивавшие терминологию в соответствующих сферах. За время своего существования Институт выпустил тридцать четыре терминологических словаря. В 1930 г. ИУНЯ был преобразован в Институт языкознания АН УССР.

Формирование литературной нормы, кодификация украинского языка в области орфографии, лексики, грамматики в 1920-е гг.

1920-е — начало 1930-х гг. стали временем активных дискуссий о путях развития украинского языка, а также о выработке научных методов его изучения, его историческом развитии и современном состоянии. Конкретными результатами этой работы в довоенный период явились три реформы правописания: академическая система правописания 1920–1921 гг., так наз. «Харьківський правопис» 1928 г. и система правописания 1933 г., ознаменовавшая собой конец периода коренизации /украинизации и начало курса на сближение с русским языком.

Во второй половине 1920-х гг. появляется ряд исследований по этимологии и истории украинского языка. В частности, следует упомянуть работы П.А. Бузука по исторической фонетике и морфологии, диалектологии, а также взаимоотношениям между украинским и белорусским языками²⁶. Что касается вопроса о происхождении

²⁶ Бузук П.А. Очерк истории украинского языка. Введение, фонетика и морфология с приложением исторической хрестоматии // Записки историко-филологического отдела УАН. Кн. 48. 1927.

украинского языка, то наиболее острой проблемой, бурно дискутировавшейся в указанный период, стала проблема существования древнерусского языка, т. е. праязыка-основы, общего для всех трех восточнославянских языков, наличие которого никогда не вызывало сомнений в русской лингвистике и отрицалось рядом украинских филологов. Вопрос о происхождении украинского языка (времени его возникновения и праязыке-источнике) с самого начала являлся (и является) политизированным, а взгляд на эту проблему нередко зависел от идеологических воззрений автора. Поэтому важным событием в области научного исследования украинского языка стала работа А. Шахматова и А. Крымского «Очерки по истории украинского языка», опубликованная в Киеве в 1922 г. и утверждавшая тезис о происхождении украинского языка из древнерусского языка (общерусского — по терминологии Шахматова). Противоположную точку зрения, отвергавшую существование общего для всех восточных славян языка-основы и утверждавшую происхождение украинского языка непосредственно из праславянского, исповедовал лингвист и эмигрантский политический деятель И. Огиенко, придерживавшийся крайне русофобских взглядов²⁷. Развернувшаяся в 1920-е — 1930-е гг. дискуссия о существовании общерусского праязыка, общего для всех трех восточнославянских языков, параллельно происходила также в эмигрантской среде. Здесь уместно вспомнить работу Н.С. Трубецкого «О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства», в которой, в противовес украинским эмигрантским деятелям типа С. Смаль-Стоцкого, утверждался тезис общего для восточных славян языка-основы: «То, что общерусский или общевосточнославянский праязык когда-то существовал, можно считать твердо установленным. Противоположная точка зрения, которую пытались отстаивать С. Смаль-Стоцкий и Ф. Гартнер, отвергается и оспаривается всеми авторитет-

²⁷ Ср., в частности: *Огієнко І. (Митрополит Іларіон). Історія. С. 62–64.*

ными славистами со столь редким единодушием, что в существовании единого общерусского праязыка в настоящее время, пожалуй, никто не сомневается²⁸.

В 1927 г. под редакцией известного украинского филолога Е.К. Тимченко был издан «Курс історії українського язика. Вступ і фонетика» (второе дополненное издание вышло в 1930 г.). Тимченко, как и ряд других националистически ориентированных лингвистов, выступал против теории об общем для восточных славян праязыке²⁹.

Академическая система правописания 1920–1921 гг.

С начала 1920-х гг. была продолжена работа над стандартизацией украинского правописания. Общее собрание Академии наук от 29 ноября 1920 г. одобрило «Найголовніші правила українського правопису» (Главнейшие правила украинского правописания), дополненные и упорядоченные А.Е. Крымским. Основой для этой орфографической нормы послужил свод правил правописания И. Огиенко. Правила утвердил народный комиссар просвещения УССР Г. Гринько. «Правопис» был опубликован в Киеве отдельным изданием в 1921 г. Следует также обратить внимание на «Украинское правописание» 1925 г. под редакцией УАН, содержащее главные правила правописания с приложениями М. Грунского и Г. Сабалдырь.

Академическая система правописания 1928 г. В середине 1920-х гг. Украинской Академией наук была возвращена подготовка новой системы украинского правописания, призванной создать упорядоченную и нормативную орфографическую систему для украинского языка на всей территории его распространения (в том числе на западно-украинских землях). В 1925 г. Совнаркомом УССР была учреждена Орфографическая комиссия для упорядочивания украинского правописания. Ее членами стали: А. Крым-

²⁸ Трубецкой Н.С. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 143.

²⁹ Ср. его работу на эту тему: Тимченко Є.К. Слов'янська одність і становище української мови в слов'янській родині // Україна. 1924. № 3. С. 3–9.

ский, А. Курило, Е. Тимченко, Г. Голоскевич, М. Йогансен, М. Грунский, В. Ганцов, М. Сулима, М. Хвылевой, С. Ефремов, О. Скрипник, а также представители западно-украинской лингвистики — В. Гнатюк, С. Смаль-Стоцкий, В. Симович. В постановлении об образовании комиссии подчеркивалось, что она «должна основываться на современном литературном языке, который является синтезом диалектов, приняв за основу “Найголовніші правила українського правопису Всеукраїнської Академії наук”, утвержденные НКО УССР 1921 г.»³⁰ Комиссия должна была разработать: 1) правописание неизменяемой части слова, 2) флексии изменяемых частей слова, 3) правописание слов иноязычного происхождения, 4) правописание имен собственных, 5) пунктуацию, 6) грамматическую терминологию, 7) упорядочить украинский алфавит, 8) составить орфографический словарь трудностей правописания. Комиссия декларировала, что базой для выработки и упрощения норм служила традиция и природа украинского языка, поэтому она стремилась не разрушать без крайней потребности установленной традиции и принятой нормы, оглядываясь на живой язык и диалекты³¹.

Принятию новой системы правописания предшествовало широкое обсуждение проекта правил орфографии, которое в 1926 г. было опубликовано Орфографической комиссией (было издано 5 выпусков специального дополнения к газете «Вісті ВУЦВК» под названием «Український правопис: дискусійний бюлетень», содержащих критические замечания и дополнения всех, желавших принять участие в дискуссии).

Характерной особенностью подготовки системы правописания 1928 г. следует считать дискуссию, разгоревшуюся в рамках Харьковской конференции 1927 г., организованной по инициативе Орфографической комиссии, созданной с участием Львовского научного товарищества им. Т. Шевченко. Основной проблемой дискуссии стала разница во

³⁰ Український правопис (Проект). Харків, 1926. С. 3.

³¹ Там же. С. 6.

взглядах на правописание и произношение заимствованных слов, декларированная сторонниками восточноукраинской и галицкой систем орфографических норм, в результате которой был принят компромиссный вариант, отчасти учитывающий западноукраинский вариант нормы. В частности, конференция по требованию львовской стороны приняла достаточно сложные и противоречивые правила написания букв «г» и «ґ», а также «л» и «ль», тогда как согласно норме, подготовленной академической Орфографической комиссией, устанавливались только буквы «г» и «л». Эта дискуссия и последовавшее за ней компромиссное решение отчетливо показали отсутствие единого подхода к орфографической норме и наличие двух вариантов — восточноукраинского и галицкого литературных изводов языка³². 6 сентября 1928 г. нарком образования Украины Н. Скрыпник утвердил «Украинское правописание», то есть предоставил ему статус обязательного для школьного образования и всех издательств. Ради единства украинского литературного языка собрание Научного товарищества им. Т. Шевченко во Львове постановило соблюдать нормы нового правописания в западноукраинских землях, несмотря на несогласие и протесты многих галицких языковедов и писателей. Ожидаемый синтез двух традиций правописания так и не состоялся при ситуации «своеобразного искусственно созданного компромисса»³³.

Против принятой в 1928 г. системы правописания выступили учителя украинского языка, которым приходилось принятые правила правописания (часто сложные и запутанные) объяснять детям. В результате протестов в 1931 г. лингвист О.П. Изюмов выпустил для преподавания в средней школе свою редакцию системы правописания, опирающуюся на среднеподнепровскую орфографическую норму.

³² Подр. см.: *Кримський А.Є.* Про правописну конференцію // Записки ВУАН. 1927. Т. XII. С. 357–364; *Кримський А.Є.* Нарис історії українського правопису // Записки ВУАН. 1929. Т. XXV. С. 175–186.

³³ *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині. С. 161.

В целом можно заключить, что работа над орфографическими нормами 1928 г. стала важным этапом выработки общеукраинских литературных норм. По мнению некоторых исследователей, процесс стандартизации украинского языка в основном завершился к концу 1920-х гг., а именно после принятия «харьковского» правописания³⁴.

Развитие лексического корпуса украинского языка и создание словарей. Стратегическим направлением в украинской лингвистике 1920-х — 1930-х гг., способствовавшим упорядочиванию и развитию лексического состава украинского языка, стала подготовка ряда толковых, исторических словарей, двуязычных и трехязычных словарей (украинско-русских, русско-украинских, украинско-немецких, русско-украинско-немецких, украинско-латинских). В 1920 г. в Екатеринославле опубликован «Словарь украинского языка» Д. Яворницкого (т. I, А–К, около 8200 слов) как дополнение к «Словарю украинского языка» Б.Д. Гринченко 1908 г., содержащий лишь те слова, которые отсутствовали в словаре Гринченко или имели другие значения. Важным событием в области лексикологии стала работа над «Русско-украинским словарем» под эгидой Украинской Академии наук («Російсько-Український словник», главный редактор — А.Е. Крымский), первый том которого вышел в свет в 1924 г. Словарь преследовал две цели: 1) дать соответствующий потребностям времени реестр русских слов; 2) выбрать как можно глубже богатые и мало исследованные лексические богатства украинского языка.

Заметным событием в области украинской лексикологии стала публикация первых двух томов «Историчного словника українського языка» под ред. Е. Тимченко (Київ, 1930–1931), однако выход последующих томов был запрещен и уничтожен в типографии в связи со сменой идеологических позиций в центральном руководстве, сворачиванием украинизации и началом периода русификации.

³⁴ Яворська Г.М. Прескриптивна лінгвістика як дискурс: Мова, культура, влада. Київ, 2000. С. 156–157.

Важное значение для формирования и развития лексического состава украинского языка имели публикации специализированных русско-украинских словарей, которые способствовали выработке корпусов собственно украинской **научной терминологии** в разных научных дисциплинах и прикладных областях знания. Уже в 1918 г. в Киеве публикуется «Російско-український словничок медичних термінів» под редакцией Олены Курило. В 1920 г. в Киеве выходит в свет «Русско-украинский медицинский словарь. Материалы к украинской медицинской терминологии» под редакцией М. Галина (словарь переиздан в Киеве в 1994 г.). Ср. также ряд словарей, опубликованных в 1920-х — начале 1930-х гг. Институтом научного языка при УАН: Тутовський П. «Словник геологічної термінології» (Київ, 1923); Калинович Ф. «Словник математичної термінології» (Київ, 1925); Курило О. «Словник хімічної термінології» (Київ, 1923); Шарлемань М., Татарко К. «Словник зоологічної номенклатури, назви хребетних тварин» (Київ, 1927); Туркало Т., Фаворський В. «Словник технічної термінології» (Київ, 1928); Полонський Х. «Словник природничої термінології» (Київ, 1928) и ряд других. Нужно подчеркнуть, что терминологические словари по разным областям знания публиковались не только на самой Украине, но и в среде украинской эмиграции на Западе. Ср., например, «Систематичний словник української математичної термінології», изданный в 1924 г. в Берлине М. Чайковским.

В эти же годы создается ряд библиографических изданий, содержащих корпус источников по изучению украинского языка, в частности «Бібліографія української мовознавчої бібліографії» под редакцией Е. Пеленского (Київ, «Рідна мова», 1934).

Важным источником для развития и расширения лексического корпуса становилась практика переводов на украинский язык художественных произведений европейской литературы. В 1920-х — начале 1930-х гг. на украинский были сделаны переводы У. Шекспира, Дж. Г. Байро-

на, Дж. Лондона, Г.У. Лонгфелло, Ф. Шиллера, И.В. Гете, Г. Гауптмана, О. де Бальзака, Э. Золя, Г. Ибсена, К. Гамсуна. Одновременно складывается практика переводов на украинский классической русской литературы — произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В.Г. Короленко, М. Горького.

Рестандартизация украинского языка 1930-х гг.: завершение периода украинизации и начало русификации

Орфографическая реформа 1933 г. была началом периода русско-украинской языковой конвергенции, обусловленного советской политикой языкового унитаризма. В начале 1930-х гг. произошло принципиальное и достаточно резкое изменение вектора в языковой и национальной политике центральных органов власти: политика коренизации стала сменяться противоположной тенденцией, направленной на централизацию, выражавшуюся в языковой сфере в приближении норм украинского языка к русским. Одновременно развернулась кампания, направленная против национально (и националистически) ориентированной украинской интеллектуальной элиты. Кампания «против вредительства на языковом фронте» началась в 1930 г. статьей Наума Кагановича «Против народничества в языкознании (Куда идет украинский литературный язык?)», опубликованной в первом номере журнала «Знамя марксизма». Наиболее активно кампанию поддержали политики П. Постышев, В. Затонский, а также Андрей Хвыля. В марте 1930 г. президиум ВУАН принял постановление о реформе языковых учреждений. При этом были ликвидированы: Институт украинского научного языка, а также комиссии по составлению словаря живого украинского языка, исторического словаря украинского языка, этимологического словаря, нормативной грамматики украинского языка, диалектологического словаря украинского языка. На их остатках создан Науч-

но-исследовательский институт языкознания, к которому были также прикреплены кафедры языкознания Киевского и Харьковского университетов и днепропетровская языковедческая секция. В институте осталась лишь половина старого состава. Телеграмма Сталина 1933 г. о прекращении украинизации положила начало репрессиям против ряда украинских писателей и ученых.

В этом же году по приказу нового руководства Наркомпроса УССР была создана комиссия для проверки работы на языковом фронте, задачей которой являлась коррекция норм правописания, которые отдаляли украинский язык от русского и которые ориентировали украинский язык на польскую и чешскую «буржуазные» культуры. Таким образом, изменение языковой политики центрального руководства страны касалось изменения коммуникативных сфер употребления украинского и русского языков, в том числе в области образования. Например, после реорганизации системы педобразования в начале 1935–1936 учебного года из пяти институтов, в которых обучение проводилось на русском языке, осталось два, причем в Луганске продолжали функционировать только исторический и географический русский секторы, а в Николаевском — полностью на русском языке. В том же учебном году было 59 педагогических техникумов, среди них 5 русских³⁵. В 1938 г. в постановлении «Об обязательном изучении русского языка в нерусских школах Украины» речь шла о необходимости расширения подготовки в институтах учителей русского языка. Теперь во всех вузах должны были учить русский язык: если раньше абитуриенты педвузов должны были сдавать экзамен по украинскому языку, то с 1938–1939 учебного года он был заменен экзаменом по русскому языку, а там, где язык обучения был украинским, к обязательному экзамену по русскому прибавлялся экзамен по украинскому³⁶.

³⁵ Єфіменко Г.Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо Радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 188.

³⁶ Там же. С. 194.

Отдельная проблема связана с конвергенцией / дивергенцией русского и украинского языков. Эта проблема (при обычных обстоятельствах имеющая исключительно научный интерес) была включена в сферу борьбы национальных идей еще в XIX в. (вспомним официальную уваровскую теорию «большой русской нации» и статус украинского языка как «наречия»); она значительно обострилась в годы существования так наз. Украинской Народной Республики 1918–1921 гг. и в первой половине 1920-х гг., когда любой тезис о родственных связях между русским и украинским языками значительной частью украинской интеллигенции отвергался и почти что приравнялся к национальному предательству. Об этом, в частности, свидетельствовала продолжительная дискуссия о наличии/отсутствии у восточнославянских языков общего праязыка-основы, о которой говорилось выше. Тридцатые годы стали периодом движения в противоположном направлении: официальная доктрина предписывала искусственно подчеркивать преимущественно факты, свидетельствующие о близости и родстве украинского и русского языков, — это касалось как области лексики, так и орфографии. Обоюдная идеологизация русско-украинской языковой сферы нанесла огромный ущерб лингвистической мысли и крайне мешала объективному изучению восточнославянских языков.

Политика русско-украинской языковой конвергенции последовательно проводилась во всех сферах языкового пространства Украины — русский язык вновь возвращался в стены высшей школы, в театрах увеличивалось число постановок на русском языке, возрастала численность русскоязычных газет и журналов. Особенно наглядной представляется тенденция ретуширования всего, что указывало бы на дистанцию между русским и украинским языками, — ярче всего это прослеживается в отборе лексического состава русско-украинских словарей, выходявших в 1930-е — 1940-е гг. При составлении словарных статей в них последовательно убирались или перемещались на

вторые позиции собственно украинские лексемы, а на первое место выдвигались русизмы. Например, выпущенный в 1937 г. «Російсько-український словник» подвергся резкой критике как «очень неполный, недостаточно точный и недостаточно критический по отношению к националистическим перегибам предыдущих словарей»³⁷. Взамен него в 1948 г. выходит новый русско-украинский словарь, в гораздо большей степени отражающий уровень влияния русского языка на украинский. Ср., например, некоторые лексические соответствия, взятые из этого словаря: «болт — болт, прогонич»; «верховный — верховний, найвищий»; «глиба — брила, глиба»; «сахар — цукор, сахар» и т. д.

Политика сворачивания украинизации велась одновременно с репрессиями против национально ориентированной украинской интеллигенции. Об этом свидетельствует ряд официальных документов 1930-х гг. Ср., в частности, резолюцию указанной выше комиссии Наркомпроса для проверки работы на языковом фронте в вопросах терминологии, в которой отмечалось, что методология создания словарей украинской терминологии, изданных в предыдущий период, «по своей сути буржуазно-националистическая... эта методология выглядит как линия на полное отмежевание украинского языка от других языков, прежде всего, от русского»³⁸.

Ср. также передовую статью заместителя Наркомпроса А. Хвыли «Искоренить, уничтожить националистические корни на языковом фронте» в журнале «Большевик Украины» за 1933 г., изданную впоследствии отдельной брошюрой и содержащую следующие выводы:

1. На языковом фронте мы имеем проведенную националистическими украинскими элементами вредительскую работу.
2. Эта работа шла по линии отгораживания украинского языка от русского языка, отгораживания тер-

³⁷ Цит. по: *Огієнко І. (Митрополит Іларіон). Історія. С. 215.*

³⁸ Цит. по: *Українська мова у ХХ сторіччі: історія лінгвоциду. Документи і матеріали. Київ, 2005. С. 144.*

минологии, направления украинской терминологии на буржуазно-националистические пути.

3. В украинском правописании, особенно 3-й раздел, это отгораживание украинского языка, терминологии от русского языка продолжены уже в орфографических формах и при заимствовании иностранных слов»³⁹.

В этой статье также излагались меры, которые, по мысли А. Хвыли, должны были исправить существующее положение дел: «прекратить немедленно издание всех словарей, просмотреть словари и всю терминологию, провести унификацию технической терминологии с той терминологией, которая существует в Советском Союзе и применяется в том числе на Украине, просмотреть кадры на языковом фронте и выгнать с этого фронта буржуазно-националистические элементы, пересмотреть украинское правописание, изменить установку относительно оформления УСЭ (Украинской советской энциклопедии. — *Е. Л.*), издать специальный документ, который бы все эти вопросы всесторонне охватил и обеспечил дальнейшее развитие украинской советской культуры на языковом фронте действительно большевистскими путями»⁴⁰.

Во второй половине 1933 г. в Харькове была опубликована работа А. Хвили «Удалить корни украинского национализма» с требованиями провести чистку среди языковедов и в языковедческих учреждениях; изъять из употребления все труды буржуазных языковедов в области терминологии, лексикографии и синтаксиса; пересмотреть правописание; подготовить новые словари, общие и терминологические. Главный недостаток предыдущей работы А. Хвиля видел в том, что «особенно большую вредительскую работу провели украинские националисты на языковом фронте, пытаясь оторвать развитие украинского языка от языка русского»⁴¹.

³⁹ Хвиля А. Викорінити, знищити націоналістичне коріння на мовному фронті // Більшовик України. 1933. № 7–8. С. 42–56.

⁴⁰ Там же. С. 54–55.

⁴¹ Цит по: Українська мова у ХХ сторіччі. С. 142–143.

О накале идеологической борьбы свидетельствует ряд статей, появившихся в журнале «Языкознание», например, статьи П. Горещкого и И. Кириченко «Национальное вредительство в синтаксисе современного украинского литературного языка», А. Финкеля «Терминологическое вредительство и его теоретические корни», Н. Липеровской «Национализм в этимологии». В 1934 г. появилась брошюра К. Нимчинова «Против националистического вредительства в синтаксисе украинского литературного языка».

Результатом этой кампании стало уничтожение набора первых трех подготовленных томов Украинской Советской энциклопедии под редакцией Николая Скрыпника, признанной националистической, а сам Скрыпник покончил жизнь самоубийством. В 1934 г. редакция УСЭ была распущена.

Академическая система правописания 1933 г. и начало периода конвергенции украинского и русского языков

Результатом работы Орфографической комиссии, созданной для внесения поправок в систему украинского правописания, принятую в 1928 г., стал «Український правопис» 1933 г. — комиссия переработала ряд правил орфографии, утвержденных ранее, внесла изменения в орфографию иностранных слов, исключила из украинского алфавита букву «ґ» и частично изменила другие параграфы. 3 мая 1933 г. коллегия НКО приняла и утвердила решение Орфографической комиссии «Об изменении отдельных пунктов официального Украинского правописания» (пункты 54–55, иноязычные h, g). Новое правописание было принято без всеобщего обсуждения. В правила правописания было внесено 126 поправок, а раздел о заимствованных лексемах переписан полностью — их написание в украинском языке было приближено к русской орфографической норме. Буква «ґ» была исключена из украинского алфавита. Правила написания «л/ль» были приближены к нормам русского правописания (*Исландия*, но *Финлян-*

дия и др.). Сближение с нормами русского правописания в том числе коснулось слов, которые до реформы правописания 1928 г. имели форму, отличавшуюся от русской, например, *магнет* стал писаться как *магнит*. Было приближено к русской орфографии написание прилагательных с суффиксами -ск-, -зьк-, -цьк. Газеты и периодические издания были переведены на новую орфографическую систему в мае 1933 г., еще до утверждения новой орфографии. Эта редакция системы украинского правописания была утверждена наркомом просвещения П. Затонским в сентябре 1933 г. В предисловии к правописанию 1933 года было указано, что язык «очищен от националистических извращений, которые ставили препятствие овладению грамотностью широкими массами и направляли украинский язык на отрыв от русского... ориентировали украинский язык на польскую и чешскую буржуазную культуру, ставили барьер между украинским и русским языками»⁴².

Всю систему внесенных орфографических изменений по сравнению с нормами «Харьківського правописа» можно представить в виде следующей таблицы, которая показывает, по каким позициям произошел отход от орфографических норм 1928 г. и сближение украинского языка с русским:

«Харьковская» орфографическая норма	Орфографическая норма 1933 г. и 1946 г.
I. Принцип передачи иноязычных слов в соответствии с нормами языков, к которым они принадлежат	I. Фонетическая ассимиляция иноязычных слов
1. Буква “г” в собственных и нарицательных украинских и заимствованных словах: ганок, Гюго. Передача иноязычных “h”, “ch” с помощью буквы “г”: нем. <i>Heidegger</i> — укр. <i>Гайдеггер</i> — рус. <i>Хайдеггер</i> ; англ. <i>Halloween</i> — укр. <i>геловін</i> — рус. <i>хелловин</i>	1. Исключение из украинского алфавита буквы «г» в Правописании 1933 и 1946 г. (возвращена в алфавит в Правописании 1990 г.): <i>ганок, Гюго, Хайдеггер, хеловин</i>

⁴² Український правопис. С. 4–5.

<p>2. Написание заимствованных греческих слов с этимологическим “θ” (фита) через “т”: <i>катедра, Атени, скити, Марта</i> (а не: <i>Марфа</i>)</p>	<p>2. Передача этимологического греческого “θ” буквой “ф”: <i>кафедра, Афіни, скіфи, Марфа</i></p>
<p>3. Передача сочетаний гласных в заимствованных словах: лат. <i>ia</i> — <i>ія</i>: <i>соціальный</i>; лат. <i>iu</i> — <i>ію</i>: <i>тріумф, Юда</i>; лат. <i>io</i> (в начале слова) — <i>йо</i>: <i>йон</i> (по аналогии с: <i>йогурт, Йосип</i>); лат. <i>oje</i> — <i>оє</i>: <i>просект</i>; лат. <i>au</i> — <i>ав</i>: <i>авдиторія</i> (по аналогии с: <i>автобус</i>)</p>	<p>3. Передача сочетаний гласных в заимствованных словах: лат. <i>ia</i> — <i>іа</i> — <i>соціальний</i>; лат. <i>iu</i> — <i>іу</i> — <i>тріумф, Іуда</i>; лат. <i>io</i> (в начале слова) — <i>іо</i> — <i>іон</i>; лат. <i>oje</i> — <i>оє</i> — <i>проект</i>; лат. <i>au</i> — <i>ау</i> — <i>аудиторія</i></p>
<p>4. Лат. “e” в начале слова — “e”: <i>Европа</i></p>	<p>4. Лат. “e” в начале слова — “e”: <i>Європа</i></p>
<p>5. Передача немецкого дифтонга “ei” через “ай” (после л — как “яй”): <i>Айнштайн, Ляйтциг</i></p>	<p>5. Передача немецких дифтонгов “ei”, “eu” через “ей”: <i>Ейнштейн, Лейтциг, Ферсбах</i></p>
<p>6. Английская буква “w” перед гласными передается как “в”: <i>Вайлд</i> (а не: <i>Уайльд</i>), <i>Гемингвей</i> (а не: <i>Хемингуей</i>)</p>	<p>6. Английская буква “w” перед гласными обычно передается как “в”: <i>Вільсон, вікенд</i>, но в соответствии с традицией: <i>Уайльд, Хемінгуей</i></p>
<p>II. Собственно украинские морфологические формы</p>	<p>II. Морфологическая ассимиляция</p>
<p>1. Окончание <i>-и</i> Род. п. существительных 3 склонения: <i>любови</i></p>	<p>1. Окончание <i>-і</i> Род. п. существительных 3 склонения: <i>любові</i></p>
<p>2. Окончание <i>-и</i> Род. п. существительных 3 склонения: <i>імени, племени</i></p>	<p>2. Окончание <i>-і</i> Род. п. существительных 3 склонения: <i>імені, племені</i></p>
<p>3. Склонение по падежам заимствованных существительных среднего рода на <i>-о</i>: <i>на таблі, у кіні</i> (по аналогии с: <i>на селі, на блюді</i>)</p>	<p>3. Несклоняемость заимствованных существительных среднего рода по аналогии с нормами русского языка: <i>на табло, у кіно</i></p>

4. Женский род заимствованных существительных:

бензина, візита, генеза, девіза, діагноза, зала, етикета, класа, кооператива, метода, оркестра, синтакса

4. Мужской род заимствованных существительных:

бензин, візит, генезис, девіз, діагноз, зал, етикет, клас, кооператив, метод, оркестр, синтаксис

В результате языковой политики к 1930-м гг. доминирование литературного украинского языка на средне-поднепровской основе сопровождалось процессом насильственного вытеснения галицкого варианта украинского литературного языка (так наз. *розгаличанення*) — очищением формировавшегося общеукраинского литературного языка от «галичанизмов»⁴³. Несмотря на то что в течение всего советского периода происходил процесс замещения локальных вариантов литературного языка единым общеукраинским литературным языком, можно говорить о сохранении его локальной вариативности, в меньшей степени проявляющейся в письменной форме и в большей степени — на уровне разговорного литературного языка⁴⁴.

При этом следует подчеркнуть, что на официальном уровне поливариативность украинского литературного языка, считавшаяся серьезным недостатком, тормозившим установление общеукраинской языковой нормы, декларировалась преодоленной к 1960-м — 1970-м гг. на всей территории Украины, что подчеркивалось в различного рода установочных документах: «Достижение монолитности украинской литературной речи в ее письменной и устной разновидности на всех этнических территориях — большое историческое завоевание в развитии культуры украинского народа»⁴⁵.

⁴³ Шерех (Шевельов) Ю. Галичина в формуванні нової української літературної мови. Мюнхен, 1949. С. 71.

⁴⁴ Гриценко П.Е. Некоторые замечания. С. 289.

⁴⁵ Белодед И.К. Развитие языков социалистических наций СССР. Киев, 1969. С. 222–223.

Развитие украинского языка в послевоенный период

Развитие украинского языка в послевоенные десятилетия связано с общим освобождением советской лингвистики от идеологии «нового учения о языке» Н.Я. Марра, объявленного в 1930-е — 1940-е гг. единственным политически правильным («марксистским») методом в языкознании, и оживлением исследований в разных областях языкознания. Что касается лингвистических работ в области украинистики, то в 1950-е гг. в этой сфере заметно вырос интерес к историческому языкознанию. В частности, можно упомянуть работы Л.А. Булаховского «Возникновение украинского языка и его положение среди других славянских» (1948) и «Вопрос происхождения украинского языка» (1956); «Историческую грамматику украинского языка», опубликованную в 1957 г. (авторы: А. Безпалько, М. Бойчук, М. Жовтобрюх, С. Самойленко и И. Тараненко), а также двухтомный «Курс истории украинского литературного языка» (1958–1961). В числе работ по современному языку следует назвать «Курс современного украинского языка» в двух томах под редакцией Л.А. Булаховского (1951–1952).

В 1950-е — 1960-е гг. заметно активизировалась работа в области лексикологии, результатом чего стал выход в свет сразу нескольких значимых словарей. В 1948 г. Украинская академия наук выпустила «Російсько-український словник» под ред. М.Я. Калиновича. Несколькими годами позже были опубликованы «Украинско-русский словарь» в шести томах (1953–1963), трехтомный «Русско-украинский словарь» (1968) и «Словарь языка Т.Г. Шевченко» в двух томах (1964).

В 1960-е — 1970-е годы оживился интерес к изучению истории украинского языка, в частности, к грамматикам и словарям XVII–XIX вв. и их новому введению в научный оборот, что связано с общим вниманием советской лингвистики этого периода к проблемам диахронии и истории славянских языков. В рамках этой тенденции в

серии «Пам'ятки української мови» был издан ряд значимых для славистики работ украинских лексикографов раннего периода: «Грамматика слов'янська» Ивана Ужевича (1970), «Лексикон словенороський» Памвы Берынды со вступительной статьей В.В. Нимчука (1961), «Лексис» Лаврентия Зизания, лексикографические труды Епифания Славинецкого, «Лексикон словено-латинський» Епифания Славинецкого и Арсения Корецкого-Сатановского (1973), «Словарь украинского языка» Павла Белецкого-Носенко (1966) и другие.

Послевоенные десятилетия — период активного развития диалектологии в советской славистике. Среди украинских лингвистов работы в этой области, прежде всего, связаны с именем выдающегося лингвиста Ф.Т. Жилко — он был не только автором серии значимых работ в области изучения украинских диалектов⁴⁶, одного из первых учебников по украинской диалектологии⁴⁷, но и создателем концепции, а также редактором «Атласа украинского языка», о котором будет сказано ниже. Для изучения диалектологии Карпатского региона много сделал профессор Ужгородского университета И.А. Дзедзелевский⁴⁸, автор трехтомного регионального атласа закарпатских говоров⁴⁹.

Академическая система правописания 1945 г.

Новая система правописания разрабатывалась под руководством академика Л.А. Булаховского во время войны в Уфе, куда была эвакуирована Украинская академия наук. В основе работы Орфографической комиссии (куда, в частности, входили писатели П. Тычина, М. Рыльский и др.) явно присутствовали две интенции: 1) без серьезных оснований не изменять правил, которые уже установились в языке, чтобы не заставлять народ переучиваться; 2) со-

⁴⁶ Жилко Ф.Т. Говори української мови. Київ, 1958.

⁴⁷ Жилко Ф.Т. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

⁴⁸ Дзедзелівський Й.О. Засади укладання регіональних атласів слов'янських мов. Київ, 1963.

⁴⁹ Дзедзелівський Й.О. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області України. Т. 1–3. Ужгород, 1958–1993.

хранить народные основы правописания — его близость к произношению народных масс, но, в то же время, ориентироваться на специфику языка в том виде, в каком она проявляется в языке лучших украинских писателей. В частности, это касалось правил написания заимствованных слов, в которых в качестве единственной нормы устанавливался среднеподнепровский вариант написания букв «г» и мягкого «л», тогда как галицкий вариант букв «г̃» и «ль» окончательно отвергался.

В 1956 г. после появления «Правил русской орфографии и пунктуации» было решено внести изменения и в украинское правописание, соответствующие тем, что были приняты для русского языка — в написании строчной и прописной букв, случаев слитного и отдельного написания ряда слов, а также некоторых правил пунктуации. Обновленная редакция «Українського правопису» вышла в свет в 1960 г. и просуществовала до 1990 г.

Подготовка Украинской Советской энциклопедии. После XX съезда КПСС была возобновлена работа в рамках АН УССР над созданием УСЭ, семнадцать томов которой были изданы в 1959–1965 гг. Как следовало из Предисловия, энциклопедия должна была «показать братское единство украинского народа с великим русским и всеми другими народами Советской Отчизны». В основу статей по литературе был положен языковой принцип, для статей по истории и культуре — территориальный. Второе издание УСЭ вышло в свет в 1974–1985 гг. — это издание должно было показать «характерные черты ... советского народа — новой исторической общности людей».

Украинский язык в период 1970-х — 1980-х гг.

В украинском, как и во всем советском, языкознании эти десятилетия стали временем развития целого ряда направлений в разных областях лингвистики — в лексикологии, диалектологии, этимологии. Были подготовлены и

выпущены в свет несколько значимых словарей: «Словарь украинского языка» в одиннадцати томах (1970–1980), «Этимологічний словник української мови» в семи томах (вышло четыре тома: Т. 1 (1982), Т. 2 (1985), Т. 3 (1989), Т. 4 (2003)), в котором давалась этимология всех слов украинского литературного языка и диалектов, зафиксированных в XIX и XX вв.

Важнейшее значение для развития украинского языкознания имела подготовка первого общеукраинского диалектологического атласа — «Атласа украинского языка» в трех томах («Атлас української мови». Київ. Т. 1. 1984, Т. 2. 1988, Т. 3. 2001), представляющего собой собрание лингвистических карт, на которых отражено распространение особенностей и диалектов украинского языка на всей территории его бытования. Материал для Атласа собирался по единой программе-вопроснику («Програма для збирання матеріалів до Діалектологічного атласу української мови», Київ, 1949), а методы картографирования языковых явлений, выработанные в предыдущий период⁵⁰, давали возможность проследить особенности диалектного членения украинского языка, территориальное распространение языковых явлений (по большей части лексических и фонетических, в меньшей степени — грамматических) и установить границы диалектов.

Также в этот период вышел в свет пятитомный курс «Современный украинский язык» (1969–1973), в котором обобщены достижения исследований в то время всех структурных уровней украинского языка.

Русско-украинская языковая интерференция.

В послевоенные десятилетия актуализируется развитие уникального языкового феномена, который можно назвать русско-украинской языковой интерференцией. Это явление, которое формировалось в течение XIX–XX вв., оказало значительное воздействие на развитие двух родственных языков. Русско-украинское языковое взаимодействие как

⁵⁰ Жилко Ф.Т. Діалектний атлас української мови. Проспект. Київ, 1952.

лингвистическая, культурная и идеологическая проблема подразумевает развитие таких форм интерференции двух языков и культурно-исторического развития, при которых образуется общее коммуникативное и информационное пространство, общий узус и общий «фонд памяти», обеспечивающие обоим народам успешное взаимное общение без необходимости перевода. Развитие русско-украинской интерференции приходится на XIX–XX вв. под влиянием сначала идеологической модели «большой русской нации», а позже — «создания новой советской общности». Проблема русско-украинского двуязычия является частью более обширной, однако во многом идеологически ангажированной проблемы родства и взаимного общения русского и украинского языков на разных этапах их развития. В области русского языка этот феномен проявляется обычно в художественных текстах разных жанров, а также в кинофильмах, которые отражают тот очевидный факт, что украинский являлся единственным языком среди всех употреблявшихся в российском / советском коммуникативном пространстве, который воспринимается русским языковым сознанием как не нуждающийся в переводе. Он осознавался как часть собственной, русской языковой сферы, как разновидность собственной языковой компетенции, усвоенной с детства и пополняемой в течение жизни разными путями. Процесс становления русско-украинской языковой интерференции был прерван в начале 1990-х гг. и сменился обратным процессом — резкой языковой и культурной дивергенцией в русско-украинской коммуникативной сфере.

Закон «О языках в УССР» 1989 г. В законе указывалось, что государственным языком Украинской ССР устанавливается украинский язык, однако государство должно создать необходимые условия для развития и использования языков других национальностей, проживающих на Украине. Так как закон «О языках в УССР» был принят в условиях пребывания Украины в составе многонационального государства, языком официального общения в

котором был русский язык, украинский язык *de jure* получил статус государственного языка (статья 2), но *de facto* официальными языками в УССР были и украинский, и русский. В законе закреплялось официальное использование русского языка на Украине как языка межнационального общения СССР. В частности, должностные лица были обязаны владеть как украинским, так и русским языком, акты высших органов должны были публиковаться на двух языках⁵¹.

Редакция правописания 1990 г. В 1988 г. Орфографическая комиссия при Отделении языка, литературы и искусствознания АН УРСР начала готовить новое редактирование орфографической нормы (пятую редакцию орфографии 1933 г.) при поддержке вновь организованного Научного товарищества им. Тараса Шевченко. Эта редакция была утверждена в 1989 г. и была опубликована в 1990 г. Ее отличительной особенностью стало возвращение в украинский алфавит буквы «ґ», а в состав терминологии — термина «звательный падеж» вместо «звательная форма».

Проект редакции «Украинского правописания»: аргументы «за» и «против» реформирования правописания

Рубеж 1980-х — 1990-х гг., на который пришелся конец советского периода, обозначил начало нового этапа резкой дивергенции украинского и русского языков, декларативного разрыва украинского языка и культуры с русской культурной традицией. Этот этап можно считать новым планированием статуса украинского языка, который в очередной раз был провозглашен государственным языком Украины, распространившим свои функции на все общест-

⁵¹ Закон Української Радянської Соціалістичної Республіки «Про мови в Українській РСР» // Відомості Верховної Ради УРСР (ВВР). 1989. Додаток до № 45, ст. 631.

венные и государственные сферы коммуникации. Новый статус означал очередную рестандартизацию языка как в области лексики (отказ от русизмов), так и в области подготовки очередной орфографической реформы. Проблеме развития украинского языка постсоветского времени и реформирования орфографических норм конца XX — начала XXI в. в современной украинистике посвящен ряд работ: статьи, исследования и монографии В. Нимчука, В. Русановского, И. Выхованца, А. Пономарива, Л. Масенко, В. Радчука, А. Тараненко, С. Ермоленко.

На I Международном конгрессе украинистов в 1993 г. было заявлено о необходимости создания единого для всех украинцев кодекса украинского правописания, который в течение 1990-х гг. готовился вновь созданной Орфографической комиссией под руководством В.В. Нимчука. Одной из основных целей готовившихся реформ было: последовательное применение фонемного и морфологического принципов правописания; приближение орфографических норм к живой речи; возвращение норм украинского правописания к стандартам «Харьківського правописа» 1928 г., а также стремление обозначить разрыв с русским языком и русской культурой: «Так как подготовка проекта редакции “Украинского правописания” под руководством В. Нимчука была продиктована желанием объективно отразить процессы, происходившие и происходящие в украинском языке, и таким образом учесть дивергентные процессы по отношению к русскому языку, а также желанием сделать символический шаг к консолидации с украинской диаспорой, отвергавшей все орфографические изменения советского периода, ее можно расценивать как попытку рестандартизации»⁵².

Как считает Т.А. Фудерер, необходимость реформирования украинского правописания, кроме чисто лингвистических причин, была продиктована и рядом идеологических обстоятельств, к которым можно отнести:

⁵² Фудерер Т.А. Попытка реформирования украинского правописания.

1) необходимость повышения социального статуса украинского языка; 2) консолидацию с украинской диаспорой, которая, отвергнув все орфографические изменения советского периода, до сих пор пользуется правописанием 1928 г.; 3) признание роли лингвистического возрождения 1920-х гг. в процессе украинизации; 4) желание отдать должное украинским лингвистам, участвовавшим в разработке «харьковского» правописания. Орфографическая реформа, начатая в 1990-х гг., еще не получила своего завершения, поэтому работу над окончательным установлением стандартов украинского литературного языка можно считать все еще продолжающимся процессом.

* * *

Подводя некоторые итоги развитию украинского языка и лингвистической мысли в течение почти всего XX в., можно указать на несколько наиболее важных тенденций, характеризующих его состояние к концу советской эпохи. Во-первых, в области кодификации и становления единых общеукраинских литературных норм украинский язык, пройдя через целый ряд орфографических реформ, выработал основной корпус графических, орфографических и грамматических норм, преодолев многовариантность литературных идиом, характерную для его состояния в начале XX в. Во-вторых, в области статуса и сферы употребления украинский язык, начав движение от наречия русского языка, приобрел статус государственного языка, а сфера его использования, первоначально ограниченная в основном художественной литературой и бытовым употреблением, была значительно расширена на большинство коммуникативных областей социума: в области науки, образования (на территории Украины украинский язык был обязательным предметом программы средней школы), средств массовой информации, искусства и культуры (значительно развился украинский театр, появился кинематограф). В области высшего образования, юриспруденции и государственного делопроизводства основным

на территории Украины являлся русский язык как государственный язык Советского Союза. В-третьих, за годы советской власти значительно возросла текстологическая база украинского языка как в области художественной литературы (прозы, поэзии, драматургии), так и в других областях, где текстологический опыт на украинском языке до революции или отсутствовал вовсе, или был незначительным (в области публицистики, юриспруденции, педагогики, науки). При этом была создана с нуля мощная переводческая школа, благодаря которой на украинский язык был переведен огромный пласт текстов с разных языков мира, — переводческий опыт служил одним из важных инструментов совершенствования литературного языка, особенно в области лексики и стилистики. В-четвертых, в течение советского периода в рамках славистики была создана и активно развивалась украинистика как самостоятельная отрасль славистики, успехи которой в диалектологии (создание «Атласа украинского языка»), лексикологии (создание десятков словарей разных направлений), истории языка были несомненными и способствовали совершенствованию славистических исследований.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**Малороссы vs украинцы:
украинский вопрос в науке,
в государственной и культурной политике
Российской империи и СССР**

ОЧЕРКИ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН*

Компьютерная верстка:

П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»

Адрес электронной почты:

inslav@inslav.ru

Подписано в печать 04.12.2018. Формат 60×90¹/₁₆
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная
Печать цифровая. Объем 33,0 печ. л.

Заказ № 92.

Тираж 500 экз.